ВЫМПЕЛ 3.1997

Илья Старинов

ЗАПИСКИ ДИВЕРСАНТА

ВЫМПЕЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Военную историю XX века невозможно представить без тайных войн, состоящих из подрывных операций, разведки, диверсий, а также партизанской борьбы. Один из представителей этой тайной войны — Илья Григорьевич Старинов — легендарный диверсант, разведчик, партизан. Участник Гражданской войны, революционных событий в Испании, Финской и Великой Отечественной войн. Теоретик и практик партизанской борьбы. В 30-40-е годы прошлого века лично разработал и осуществил ряд спецопераций, впоследствии вошедших в анналы учебных пособий мировых спецслужб.

- Илья Старинов.
- ЧАСТЬ I. МИНЫ ЖДУТ СВОЕГО ЧАСА
  - Глава 1. Накануне революции
  - Глава 2. 1919 год
  - Глава 3. 1921 год
  - Глава 4. 1922 год
  - Глава 5. Учения
  - Глава 6. 1930 год. Партизанская школа
  - Глава 7. Стратегия партизанской войны
  - Глава 8. 1934 год. Учеба в Академии
  - Глава 9. Ленинградская железнодорожная комендатура
  - Глава 10. Партийная чистка
- ЧАСТЬ II. МЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ
  - Глава 1. 1936 год. По вызову "Старика".
  - Глава 2. Через шесть границ
  - Глава 3. Испания
  - Глава 4. Первые ученики в Испании
  - Глава 5. Первые вылазки в тыл врага
  - Глава 6. 1937 год
  - Глава 7. Под Гранадой
  - Глава 8. Признаны!
  - Глава 9. Новые успехи
  - Глава 10. Под Мадридом и Сарагосой. Анархо-троцкистский путч в Барселоне
- ЧАСТЬ III. ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА…
  - Глава 1. Возвращение
  - Глава 2. 1938 год. "Враги народа".
  - Глава 3. На Карельском перешейке
  - Глава 4. В Главном военно-инженерном управлении.

- Глава 5. Встречи на учениях. Конструктор танков Котин

- ЧАСТЬ IV. ПРОЙДИ НЕЗРИМЫМ
  - Глава 1. Июнь 1941 года
  - Глава 2. На московском стратегическом
  - Глава 3. "Разрубить гадину! "
  - Глава 4. Первые ученики
  - Глава 5. Новые школы
  - Глава 6. «Операция Альберих. Помните?»
  - Глава 7. Ждать. Найти выход. Успеть.
  - Глава 8. Саперы отходят последними
  - Глава 9. За нами — Москва
  - Глава 10. Две встречи. В приемной Сталина
  - Глава 11. На Южном фронте. Минируйте "ночками!"
  - Глава 12. Решения приняты. Командующий фронтом генерал Малиновский
  - Глава 13. Через льды и торосы
  - Глава 14. Время надежд. Инженер Гриднев «химичит» ОЗМ
  - Глава 15. Одной лишь думы власть. Нахлобучка от нового начальника
  - Глава 16. "Рота — не та единица!". Командующий фронтом Конев
  - Глава 17. В должности комбрига у Конева
  - Глава 18. Встречи в Москве. Бои за Ржевский выступ
  - Глава 19. Ухожу в партизаны
  - Глава 20. В новой должности
  - Глава 21. Перемены
  - Глава 22. На Кавказе
  - Глава 23. "Пасаремос!"
  - Глава 24. Тверской бульвар, 18. В Украинском штабе партизанского движения
  - Глава 25. Рельсовая война
  - Глава 26. Через линию фронта. Строкач отказывается от рельсовой войны!
  - Глава 27. Встречи в Полесье. У Сабурова
  - Глава 28. Начало битвы на Курской дуге. Партизанские удары по врагу
  - Глава 29. Правда о легенде
  - Глава 30. Днепр
  - Глава 31. "Дайте взрывчатку!"
  - Глава 32. Снова в тылу врага. "Овручский коридор"
  - Глава 33. В отрядах
  - . Глава 34. Весна 1944 года

Илья Старинов. Записки диверсанта

Илья Григорьевич Стариков и редакция альманаха «Вымпел» благодарят ветеранов подразделения специального назначения КГБ СССР «Вымпел» за помощь в издании альманаха.

… Уже много лет, по возвращении с боевых, я забегаю к Илье Григорьевичу обсудить детали некоторых проведенных специальных операций и выслушать его советы. Так и в конце января 1995 года, совершенно взвинченный увиденным в Грозном, я пришел к «Деду». Внимательно выслушав мой горестный рассказ, Илья Григорьевич заметил:

— Если бы чеченцы владели стратегией и тактикой партизанской войны, результаты оказались гораздо плачевней. Беда в том, что похоже, наши самодовольные генералы также не имеют об этом ни малейшего понятия! Тогда и зародилась у Ильи Григорьевича идея написать эту книгу. Понятно, что пока шла война в Чечне, книга не могла увидеть свет. Рукопись составила около 800 страниц. Поэтому решили разбить ее на две части. Первую книгу постараемся выпустить ко Дню Победы, а вторую ко 2-му августа, когда Илье Григорьевичу исполнится 97 лет. Эркебек Абдулаев

Особую благодарность хочу выразить Анаре Абдулаевой и Ирине Бородычевой, оказавшим помощь в работе над рукописью.

ЧАСТЬ I. МИНЫ ЖДУТ СВОЕГО ЧАСА

Глава 1. Накануне революции

В 1916 году в стране назревало недовольство войной. Начались перебои с продовольствием. Росли цены, хоть на копейки, но росли. Да и та копейка не чета нынешнему рублю. В тот год я провалился по закону божьему на экзамене за седьмой класс Народ был по большей части неграмотным. Семь классов образования было очень много. Да и где было учиться? До ближайшей школы было 30 верст ходу. Меня один знакомый рекомендовал в Губернское правление. Туда я поступил, выдержав конкурс на замещение вакантной должности писаря-регистратора. В мои обязанности входило регистрировать входящую-исходящую документацию и уметь кратко излагать содержание писем. Потом другой благодетель способствовал моему переводу на должность делопроизводителя при Тверском губернском правлении по снабжению армии обувью. Руководил, этой работой предводитель дворянства Панафидин — удивительно дельный и образованный человек. Так я работал до Октябрьской революции. Я жил на улице Грабиловке. Но несмотря на то, что прожил здесь три года, на нашей улице никого не ограбили. Февральская революция вспыхнула для меня внезапно. Началось восстание рабочих крупных предприятий. Народ вышел на улицы. Восставшие убили вице-губернатора, нескольких жандармов и, главное, сожгли охранное отделение — здание, где сосредоточивались все документы контрразведки. Вместе с любопытствующей публикой довелось побывать на экскурсии в местной тюрьме и даже отобедать там. Кормили заключенных в ту пору, надо сказать, неплохо. После Октябрьской революции Панафидин уехал. Все руководство разбежалось. Я остался вместе с пятью-шестью писарями заведовать делопроизводством. К 1918 году я стал заведующим производства. Шла национализация. Проводилось это, надо сказать, довольно вежливо. Старым хозяевам предлагались должности технических руководителей. Директорами назначались рабочие. Эти фабриканты, как я видел, жили довольно скромно. В большинстве случаев они смирились со своим положением. Те, кто не смирился, уходили или участвовали в саботаже, но таких случаев я видел мало. Работа у меня шла неплохо. В июне положение с продовольствием не улучшилось, но зато вместо двенадцати часового рабочего дня ввели восьмичасовой, ввели отпуска. Тут началась гражданская война и меня призвали в армию. В течение месяца нас обучали

незаметно проникать и оставаться незримым в тылу противника.

Глава 2. 1919 год

Август. Жаркий день. На холмистой равнине южнее города Корочи Курской губернии то и дело вспыхивают черные столбы артиллерийских разрывов. Торопливо стучат пулеметы. Я лежу в окопе и вижу, как слева, на фланге роты, поднимаются и бегут вперед бойцы. Пора и нашему взводу! Опираюсь на левую руку, подтягиваюсь, вскакиваю и вместе с товарищами тоже бегу вперед. Глаза заливает пот. Ладони срастаются с винтовкой.

— Урр… А-а-а-а! — несется над полем. Повизгивают пули. Словно споткнувшись или натолкнувшись на невидимую стену, падает сосед. Скорее на землю! Прижаться на миг к теплой запыленной траве, где как ни в чем не бывало ползают по стебелькам букашки с полированными крылышками! Передохнуть, переждать, чтобы через минуту, обманув смерть, снова броситься навстречу взрывам и пулеметам! Наш 20-й стрелковый полк атакует деникинцев. Перед фронтом полка — хотя и отборные, но уже обессиленные части марковской дивизии. Неделю назад марковцы били нас, а теперь господам офицерам приходится туго. Обстрелянные, исполненные ненависти, мы рвемся вперед. Сваливаемся в оставленные врагом окопы.

— Занять оборону!.. Занять оборону!.. — передают по цепи приказ. Только теперь я чувствую боль в ноге. Нагнулся — по обмотке расползается пятно крови. Ниже колена жжет огнем: в голень впился осколок снаряда. К вечеру нас сменяют. Прихрамывая, бреду вместе-с другими бойцами к домикам на окраине Корочи. Тут, на полу одной из хат, мы вповалку спим до утра. Только сон у меня беспокойный. В раненой ноге что-то сверлит и дергает. На рассвете, с трудом задрав штанину, вижу, что голень распухла и воспалилась. Пробую встать. Куда там! От боли чуть не грохаюсь на пол. Голова кружится. Перед глазами разноцветные пятна.

— Н-да… Вон как тебя… — озабоченно говорит отделенный. — Надо в лазарет. Везут в лазарет. В вагоне военно-санитарного поезда запах йодоформа, гнойных ран, запекшейся крови. Стоны, бред. Еле ползем от станции к станции. Под Ельцом едванепопадаемв лапы прорвавшихся через фронт казаков Мамонтова. Кто может ходить — выбираются в тамбуры, проталкиваются к окнам, костерят врачей и санитаров, требуют, чтобы дали оружие. Но поезд благополучно проскакивает опасный перегон. Еще день — и мы в Туле. Тут хороший госпиталь, тут мне помогут! Однако лица врачей, осматривающих

ногу, хмуры, непроницаемы. Они переглядываются, перебрасываются латинскими словами, а один с беспощадной ласковостью треплет по плечу:

— Нужна ампутация, дорогой. Выше колена. Согласны? Ампутация? Это значит, ногу отрежут? В девятнадцать лет не смогу ходить, как все люди? Стану калекой? Одним из тех, кто по-птичьи прыгает на костылях, елозит по мостовым? Нет! Резать не дам!

— А нельзя вылечить, доктор? — с отчаянием спрашиваю я. Хирург пожимает плечами:

— Начнется общее заражение крови — умрете.. — Ну и пусть! Пусть!.. Да ведь, может, еще и выживу?.. В палате лежу ничком, подавленный и растерянный. Как же так? Махонький осколочек, — и вдруг отрезать всю ногу. Неужели придется соглашаться?

— А ну покажись! Возле койки стоит пожилой военный фельдшер Иван Сергеевич. Откинув тоненькое серое одеяло, он внимательно осматривает мою правую, уже распухшую, как бревно, ногу. Сейчас выругает, назовет дикарем за то, что не послушал врача.

— Молодец, что не дал ампутировать! — говорит Иван Сергеевич. — Разве это гангрена? Вылечим! Не верю своим ушам. А Иван Сергеевич уже приказывает санитарке принести чистые бинты.

— Чтобы жар уменьшить, обложу твою ногу подорожником, вояка! — утешает фельдшер. — Хотя наука и не жалует это бабкино средство, оно верно действует. Не горюй! И Иван Сергеевич лечит меня по-своему, часто меняя повязку с компрессом из подорожника. Впрочем, ничего другого, более радикального, в госпитале, похоже, и нет. Молодой хирург на обходах недоверчиво хмыкает, но не ругает фельдшера, доверяя его большому опыту. И чудо свершается. Температура начинает падать, жжение в голени постепенно слабеет. По ночам в заснувшей палате, слушая далекие гудки паровозов, я вижу всю свою короткую жизнь. Гудки напоминают о будке, где год тому назад жила наша большая, в восемь человек, семья, перебивающаяся из кулька в рогожу. Разве на шестнадцать отцовских рублей в месяц прокормишь такую ораву? Работают в доме все. Мы, ребятишки, помогаем матери по хозяйству, пасем корову, старшие сезон-ничают на торфоразработках. И даже походы на реку Шошу, петляющую в лугах позади будки, даже прогулки в лес преследуют вполне определенные цели: наловить рыбы, набрать грибов и ягод, надрать коренья. Приходить с пустыми руками не положено, и совестно. Зато дороже любых

подарков и развлечений — уважение старших, идущая из глубины сердца теплая родительская ласка… Часами сидел я у насыпи, глядя как завороженный на проносящиеся мимо нашей будки поезда. Казалось, нет на свете силы, способной сдержать их бешеный бег. Однако мы, ребятишки, знали: отцу поезда подчиняются. Если он выйдет к полотну с красным флажком или фонарем, покорно заскрипит тормозами самый неукротимый курьерский… Однажды вьюжной ночью я проснулся от грохота взрывов. Оказалось, отец обнаружил лопнувший рельс и, не надеясь, что машинист заметит красный сигнал, положил на рельсы петарды. Они и задержали состав. Этот случай так поразил мальчишеское воображение, что отец долго-долго представлялся мне человеком сказочной силы. Впрочем, в отрочестве я понял еще другое: и отец, и я, и мои братья, и тысячи таких же простых людей оттеснены на задворки жизни, обречены на изнурительный труд, на безграмотность… Мне повезло. Моя юность совпала с очистительной революционной бурей. В октябре 1917 года я вместе со своими фабричными дружками, Мишей Ягодкиным и Копей Медведевым, вступил в боевую группу, созданную городским Советом рабочих и солдатских депутатов. Этой группе поручалось задерживать контрреволюционные войска, направлявшиеся к Петрограду по железной дороге. Командовал группой прибывший с фронта артиллерист, зять стрелочника Василия Григорьевича Лошкарева. "По знакомству" и я попал в эту группу вместе с сыном Лошкарева Иваном — очень сильным и скромным рабочим парнем. Группа была малочисленной, оружия мы не имели, но все же смогли задержать несколько составов с солдатами, заваливая пути бревнами, выводя из строя семафоры. Я считал себя счастливым человеком, когда попал в действующую Красную Армию и получил оружие. Даже суровое боевое крещение не охладило мой пыл. Случилось так, что в одном из первых боев полк понес тяжелые потери. К нашему удивлению утром началась стрельба не со стороны врага, а в нашем тылу и на нашу роту сзади, из высокого подсолнуха, выскочили белогвардейцы. Оказалось, что нас обошли. Из-за измены одного бывшего царского офицера, наша рота почти полностью попала в плен к Деникинцам. Нас построили в колонну и повели в тыл деникинцев. По дороге встретился эскадрон кавалерии. Они требовали, чтобы У нас на спине вырезали красные звезды. Конвоиры не дали. Многим достались удары плеток. Когда уже было жарко, нас привели в какую-то деревню и поместили во дворе школы. Хотелось пить. Местные крестьяне принесли нам воды, хлеба, огурцов и даже несколько мелко нарезанных кусков сала. С нами должен

поговорить священник, чтобы после беседы решить кого в расход, кого на шахты, а кого в армию. Мне и некоторым другим, у кого не было на груди крестиков, встреча с священнослужителем не улыбалась. К счастью он не пришел. На ночь нас поместили в один из классов сельской школы. Был конец июля, ночь наступила поздно, луны на небе не было и стало совершенно темно. Нас было около пятидесяти человек. Из командного состава остался наш взводный Семен Иванович Родин. Он был коммунистом, но его не выдали. Охраняло нас всего семь солдат. Они были усталыми, легли на пол и вскоре уснули, кроме того, который прохаживался снаружи и много курил, и другого, севшего у двери. Нам дали ведро, его скоро наполнили, и от него шел запах. Родин, вместе с Андросовым попросили разрешения вынести ведро в уборную, которая была во дворе. Часовой разбудил одного из спавших солдат, и тот, взяв винтовку, вывел Андросова с ведром. Они благополучно возвратились. Солдат плюхнулся на пол и вскоре уснул. Часа через два ведро было опять полно. Часовой на этот раз не стал никого будить, а подозвал своего напарника и тот повел нас в уборную. Когда мы вернулись в класс, охранявшие нас белогвардейцы уже стояли без оружия. Они умоляли их не убивать и соглашались вместе с нами прорываться к красным, которые, судя по грохоту артиллерии, не отошли. Как потом оказалось. Родин и Андросов привлекли еще нескольких своих красноармейцев и во время выноса ведра улучили момент ч обезоружили часового, а когда мы возвратились обратно, наш конвоир — даже не пикнул, когда Андросов выхватил у него винтовку. Решили уходить разбившись для надежности на три группы. Я оставался в своем отделении, которым командовал смелый воин. На день расположились в овраге. Мучила жажда, ломали и жевали траву. Недалеко шел бой и в следующую ночь мы вышли в расположение своих войск, приведя двух конвоиров. Вышли к своим и две другие группы, и снова на передовую. Согласились воевать против белых и наши бывшие конвоиры. Опять бои, и опять окружение в занятой врагом Короче. Мне удалось нырнуть в один подвал, в котором я просидел до ночи. Ночью я вышел. Один в занятом врагами городе. Куда идти и как? В первую ночь я не смог выбраться из города и спрятался в заброшенном саду. Второй день пролежал в крапиве. К крапиве подошла лошадь. Она могла привлечь людей к моему укрытию. Взяв шомпол, я ткнул ей в морду. Она ушла. Так я скрывался до вечера. Пробродив всю ночь, днем вышел к сараю, в котором и решил скоротать еще один день. Сарай был набит хорошим душистым сеном и овсяной соломой. Яуснул. Наступила еще одна ночь. Пора было уходить, но сарай оказался

заперт. Удалось вылезти через крышу. Постучал в окно к хозяину. Он накормил и помог выбраться из города. Только через пять суток через реку Коро-чу вышел к своим. Уже тогда, во время скитаний по деникинским тылам, я твердо усвоил три истины: первая — ив тылу врага нужно оставаться человеком; вторая-никогда не выпускай из рук оружия; третья — лучшим союзником за линией фронта является ночь… Я лежал на койке и улыбался, а на меня косился забинтованный сосед, личность чрезвычайно флегматичная, крайне немногословная, но острая на язык — сапер Петр Пчелкин, прозванный ранеными за полноту и медлительность Шмелем. Как ни молчалив был Шмель, а лежать бок о бок добрых три недели и не разговаривать о своей армейской жизни невозможно. И Пчелкин рассказал мне о людях сильных, смелых и смекалистых, несущих на своих плечах большую тяжесть боев, о людях, которые созидают в кромешном аду войны, а если нужно — разрушают созданное, чтобы, после победы созидать вновь. Я услышал о бесстрашных и отчаянных подрывниках, пробирающихся в тыл белых, чтобы разрушать их железные дороги и мосты. Может, и не очень складно рассказывал Шмель, но в корявых словах бывшего крестьянина было что-то взволновавшее меня. Теперь я понимаю — рядовой Петр Пчелкин был поэтом своего нелегкого дела. В его душе жила суровая романтика своей специальности. А тут еще появился в палате мой земляк Архип Царьков, первый плясун на все Войново, весельчак и балагур. Он тоже оказался сапером и безоговорочно решил, что расставаться нам, коли уж встретились, не след. Волнующие рассказы Шмеля, задорная убежденность Архипа и естественное нежелание разлучаться с хорошими товарищами — все это сыграло свою роль. Друзей выписывали. Попросился на выписку и я. В части 9-й стрелковой дивизии как раз набирали саперов. Хотя рана еще не зажила, я отказался от отпуска. Царькова, Пчелкина и меня зачислили в 27-ю отдельную саперную роту. Так началась моя служба в инженерных войсках Красной армии. Служба, которая определила всю мою дальнейшую жизнь.

Глава 3. 1921 год

Прошло почти два года. Мы наступали. Бои шли с переменным успехом. Свирепые ветры продували Арбатскую стрелку. Слева — Азовское, справа — Гнилое море. Ни построек, ни топлива. Сто двадцать километров мы прошли, разводя костры из выброшенных на берег водорослей и обломков деревьев. Рассчитывали каждый глоток воды. И наконец схватились с врагом… Участь врангелевцев известна. Нас бросили в Керчь очищать катакомбы от последних белых банд. А из Керчи по льду пролива в стылом январе — на Кубань. А с Кубани — в Махачкалу. А оттуда — через Баку в Грузию… Там, как говорили политработники, народ и часть армии восстали против реакционного буржуазного правительства, продавшегося империалистам. Однако в Тифлисе развернулись упорные бои, в которых погиб командир дивизии Курышко. В дальнейшем грузинская армия не оказывала серьезного сопротивления. Ранней весной 1921 года наша 9-ая дивизия вышла к Черному морю в Батум. Менялись участки фронтов, менялась погода, менялись люди вокруг нас, но одно не менялось — родная дивизия, родная рота. Я ни разу не пожалел, что послушал друзей 14 пошел в инженерные части. Приходилось трудно, круто, горько. Но ведь что бы там ни случилось, мы шли вперед. Мы побеждали!.. В июне 1921 года мы все еще стояли в Батуме. Армия сокращалась. Мне представлялся выбор — демобилизация или учеба в военном училище. Я не раздумывал. Жизни вне армии я уже не представлял. Что может быть почетнее и важнее, чем служба народу в Вооруженных Силах Советской Отчизны? Попросился направить на учебу. Получил рекомендации, характеристики и вскоре выехал в "Москву, в ГУВУЗ — Главное управление военно-учебных заведений. Москва Много довелось впоследствии читать о Москве двадцать первого года. Какими только эпитетами не награждали ее наши недруги! И темная, и оголтелая, и одичавшая! Москва и впрямь была грязновата. Некоторые бульвары днем походили на толкучку, а ночью — на пустырь. Вместо магазинов всюду были распределители, где неизвестно что и когда распределяли… В городе горели лишь немногие керосиновые фонари. По скверам бродили в отрепье беспризорники. На Сухаревке шла меновая торговля, то и дело слышался вопль: "Держи вора! " Иным москвичам, выбитым из уютного быта многокомнатных квартир и особнячков, такие картины наверняка представлялись неким преддверием

страшного суда. Но другое, совсем другое впечатление произвел город на меня и моих товарищей. В наших сердцах жили самые светлые надежды, и все вокруг вовсе не казалось тогда мрачным. Рано утром мы видели спешивших на заводы и в учреждения людей, переполненные трамваи. Мы не только верили, а знали: всякие напасти — явление временное. Порукою тому древние стены Кремля, за которыми работает Владимир Ильич Ленин! И конечно, прежде чем пойти в ГУВУЗ, мы постояли на Красной площади, послушали бой курантов, недавно начавших играть «Интернационал». Разговор в ГУВУЗе оказался коротким. Взяли наши командировочные, рекомендации, аттестаты, выдали паек и отправили в Одессу держать экзамены в военно-инженерное училище. В училище попали прямо к вступительным экзаменам. Желающих учиться было немало, но я не волновался. В высшем начальном училище меня считали одним из первых учеников. Не любил только зубрить закон божий. Но ведь здесь закона божьего, слава богу, нет. Однако по конкурсу не прошел. Во время нахождения в Одессе туда прибыл Лев Троцкий. Весь Одесский гарнизон был собран на плацу недалеко от инженерного училища. Все красноармейцы были в белых нательных рубахах и подштанниках, подпоясанных ремнями, в ботинках с обмотками и в буденовках. Это было впечатляющее зрелище! Для Троцкого и его окружения была сооружена небольшая трибуна. Никаких усилителей не было. Была тишина, а Троцкий говорил очень громко и часто жестикулировал. Его речь закончилась громким "Ур-ра-а!". Невесело тянулся обратный путь в Москву. Принимавший меня командир, покачав головой, углубился в анкету, словно мог в ней вычитать, как поступить. И что-то вычитал! Его озабоченное лицо смягчилось.

— Послушайте! Почему бы вам не пойти в школу военно-железнодорожных техников? Ведь вы с детства, можно сказать, железнодорожник! Профессия отца продолжала определять мою судьбу. Я, сапер — согласился. Школа железнодорожных техников помещалась в Воронеже. Наученный горьким опытом, я засел за алгебру и геометрию Киселева, повторил весь курс и вступительные экзамены сдал на «отлично». В сентябре зачислили в курсанты.

— Поздравляю, товарищи! — сказал начальник 4-й Воронежской военно-инженерной школы выстроенным на плацу курсантам. — С завтрашнего дня — за дело!.. Первым делом оказалась заготовка дров. С топливом по всей стране было туго. Воронеж исключения не составлял. Наша школа помещалась в кирпичном здании. Стекол в окнах почти не было, и оконные проемы забивали досками, утепляли сухими листьями и

опилками. Не заготовь дров — замерзли бы зимой, как мухи. Долги зимние ночи, но усталым курсантам они кажутся очень короткими. Паек скудноват, а мы еще добровольно отчисляем часть продуктов в пользу голодающих Поволжья, Плохо с освещением. В те годы существовало повальное увлечение коммунами. Возникли коммуны и в воронежской школе военно-железнодорожных техников. Члены коммун вместе занимались, делились всем, что имели. В нашу коммуну кроме меня входили Федор Панкратов и Александр Азбукин, ребята толковые, энергичные. Мы поставили себе цель: сдать экстерном в январе 1922 года за второй семестр первого курса и за первый семестр второго. Закончить двухгодичную школу за год. Одни преподаватели сомневались в успехе такого предприятия, другие — поддерживали нас. Дней отдыха не стало. С неимоверным трудом мы догнали второй курс и тогда приняли еще одно решение: закончить учебу на «отлично». И мы получили по всем предметам высшие оценки. Всех троих наградили в день выпуска именными часами. Незадолго до перехода на второй курс меня, как фронтовика и отличника, приняли кандидатом в члены Коммунистической партии. Надо ли говорить, какую я испытывал радость и гордость!

Глава 4. 1922 год

Осень. Школа военно-железнодорожных техников окончена. Наша коммуна получила назначение в Киев, " в 4-й Коростенский Краснознаменный железнодорожный полк. Мне не забыть своего нового командира роты Александра Евдокимовича Крюкова, участника первой мировой и гражданской войн. Александр Евдокимович принял меня и моих товарищей, будто родных сыновей. Он заботился о нашем жилье, обмундировании. И, что самое важное, ничем не подчеркивал своего старшинства. Ротный был требователен, но держался доверительно, и это подкупало, усиливало наше к нему уважение. Все мы трое, члены воронежской коммуны, командных навыков не имели. Случалось поэтому, что на занятиях с красноармейцами допускали ошибки. Александр Евдокимович подмечал каждую из них, но ни разу не поправил нас при бойцах. Лишь после занятий он в самой тактичной форме указывал на оплошности. И как же мы были благодарны за это! Не жалел времени Крюков и на инструктаж молодых командиров. Вдобавок он как-то сразу разобрался в склонностях каждого. Заметив, в частности, что мне по душе подрывное дело, тут же постарался назначить меня начальником подрывной команды. Учеба подрывников сочеталась с практикой. Вблизи городов и сел находили большое количествозарывшихся-вземлю, неразорвавшихся снарядов. Моей подрывной команде дел хватает: осторожно откапываем губительные находки, отвозим в безлюдные места и уничтожаем. Я пользуюсь каждым случаем, чтобы исследовать устройство взрывателей. Делаю первые опыты по выплавлению взрывчатки из снарядов и бомб и убеждаюсь, что это вполне безопасное и выгодное мероприятие. А нужда в тринитротолуоле очень велика. Особенно весной, когда нужно подрывать ледяные заторы, угрожающие железнодорожным мостам. Уже в ту пору я впервые задумался над созданием портативных мин для подрыва вражеских эшелонов. Всякое может случиться в будущем. Наши мины должны быть простыми, удобными, надежными, а взрыватели к ним — безотказными… Еще в годы гражданской войны мне довелось познакомиться с устройством громоздких, сложных противопоездных мин замедленного действия, которые называли тогда "адскими машинами". В 9-м инженерном батальоне было несколько таких мин. Саперы поставили только одну из них на участке Батайск-Ростов. Остальные впустую провозили всю гражданскую войну в обозе. Нет, не такие неуклюжие махины

нужны Красной Армии! Я начинаю регулярно читать военные журналы, изучать минноподрывное дело, жадно пополняю знания и опыт, полученные на войне и в школе. С таким же упорством грызут гранит науки мои товарищи. Учится вся Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Подрывная команда, помимо обучения устройству заграждений при отходе, обучалась и диверсиям в тылу противника: на тот случай, если войска окажутся на занятой врагом территории. Необходимость такой подготовки исходила из установки М. В. Фрунзе, который считал, что войска должны быть приспособлены и к действиям в тылу противника тоже. Это резко повышает их боеспособность. Быстро улучшается жизнь в стране. Успешно возрождается разрушенное двумя войнами хозяйство. Начался новый, 1924 год. Политика большевиков торжествует. И вдруг тяжелое горе обрушивается на партию, на народ. Морозным январским днем приходит весть, в которую страшно поверить; не стало Владимира Ильича Ленина. Безутешно рыдают гудки всех паровозов и заводов. Люди застывают на улицах там, где застигло их горе. Что будет с партией, страной, народом? — этот вопрос в глазах у каждого. И как бы в ответ на него — ленинский призыв в партию. Ты хочешь, чтобы дело Ленина не умерло, чтобы оно жило, чтобы идеи ленинизма преобразили мир? Стань в ряды коммунистов! Всем, чем можешь, послужи партии, отдай ей свои силы. Пусть они невелики, но таких, как ты, — миллионы, и, значит, ваша воля и сила неодолимы!.. Я все еще был кандидатом в члены РКП(б). И так же, как тысячи других, подал в те дни заявление о приеме в члены партии. Я и сегодня не забыл волнения, пережитого в те минуты, когда стоял под строгими, оценивающими взглядами коммунистов полка… Какначальникуподрывной команды, мне пришлось также заниматься борьбой с диверсантами. Они пускали под откос поезда и подрывали железнодорожные мосты, закладывая в минные камеры и минные колодцы мостов самодельные взрывчатые вещества на основе бертолетовой соли, аммиачной селитры и порохов. Надо было найти эффективный способ противодействия, так как мы были не с состоянии охранять все маленькие мосты, а противник в основном минировал именно их. Что нужно сделать для того, чтобы отучить врага ставить мины? — Мы начали делать мины-ловушки. Они устанавливались на неохраняемых объектах и взрывались при входе на сооружения. Одной ловушки было достаточно, чтобы оглушить человека, но не убить его. Несколько подобных ловушек отучили бандитов минировать наши объекты. За это мы получили благодарность от самого Якира. Вскоре после этого меня направили в командировку. Место назначения и

характер задания не были определены. Еще одна командировка В служебном вагоне все выясняется. Комиссия под председательством Е. К. Афонько, в которую я включен, будет работать под непосредственным руководством командующего войсками Украинского военного округа товарища Якира. Работа связана с укреплением приграничной полосы. Нам предстоит обследовать железнодорожные участки на границах с Польшей и Румынией, подготовить их к разрушению и минированию в случае внезапного вражеского вторжения. Я в комиссии единственный командир-подрывник. От меня ждут предложений по созданию заблаговременных минных устройств. Все это весьма лестно, но очень смущает. В конце концов, кто я такой? Командир роты, всего лишь командир роты, да и то без году неделя! Вдруг не справлюсь? Надо справиться! Обстановка этому способствует. Председатель комиссии на редкость организованный человек. Бритоголовый, могучего сложения, Е. К. Афонько даже в дороге не забывает о ежедневной зарядке. А ведь у него дел не счесть,. Комиссия объезжает приграничные участки на глубину до 250 километров. Мы осматриваем железнодорожные мосты, большие трубы, депо, водокачки, водонапорные башни, высокие. насыпи и глубокие выемки. С утра до поздней ночи в любую погоду вышагиваем по шпалам, по сырому балласту. Прикидываем, измеряем. А возвратясь в салон-вагон, начинаем скрупулезные подсчеты и выкладки. Горьковатый запах паровозного дыма уже прочно въелся в одежду. Серые шинели не высыхают за ночь. Прошел месяц, кончился второй, а наш вагон все кочует. Как-то в октябре подползаем к станции Мозырь. С утра морозит. Ветер сечет лицо. Ух, невесело будет лазить по опорам и фермам горбящегося над Припятью моста! Но, кроме нас, лазить некому, так уж лучше не откладывать дело в долгий ящик. Меня сопровождает начальник военизированной охраны моста, молодой, но склонный к полноте парень. Он щеголяет выправкой, поминутно поправляет кобуру нагана и вообще хочет показать, что они здесь не лыком шиты. Осматриваю фермы. Доходит очередь до глубоких минных труб. Начальник охраны остается на мосту, а я спускаю в трубу электрический фонарь. Всматриваюсь. И застываю на месте. В трубе лежит заряд динамита, покрытый густым маслянистым налетом…

— Придется закрыть движение по мосту! — говорю я начальнику охраны. Тот белеет. Нижняя толстая губа его беспомощно отвисает. Но мне не до начальника охраны. Тороплюсь к членам комиссии, чтобы доложить о страшной находке. Студенистый динамит, покрывшийся маслянистым налетом, крайне опасен. Он чрезвычайно чувствителен к

механическим воздействиям. Достаточно небольшого удара, даже трения, чтобы динамит взорвался. Инструкции требуют уничтожать это вещество, избегая переноски… Комиссия встревожена. И пока я обследую другие минные трубы, уже летят донесения в штаб округа и в Народный комиссариат путей сообщения. Движение по дороге прерывается. Надолго ли? Очевидно, надолго: я обнаруживаю заряды динамита с выпотевшим нитроглицерином и в других опорах. Чистая случайность, что мост до сих пор цел. На обмякшего начальника охраны тошно смотреть. Он забыл о выправке, суетится, пытается всем объяснить, что он здесь недавно. Улучив минуту, спрашивает меня:

— Ведь заряды давнишние? Правда давнишние? Он ни в чем не виноват, бедняга. Заряды действительно старые. Но я отвечаю очень сухо. Неприятен не умеющий владеть собой человек. Впрочем, начальнику охраны мой тон неважен. Ему важно услышать, что он тут ни при чем. И толстое лицо парня расползается в неуверенной улыбке.

— Что надо предпринять? — спрашивает меня председатель комиссии. — Учтите, задерживать движение на большой срок нельзя.

— Сейчас, Евсевий Карпович, движение невозможно! Прошу вызвать команду подрывников. Желательно — команду моего полка. Никто не спорит. Вызов команде посылают немедленно. А я стараюсь держаться в стороне, чтобы избежать вопросов: ведь сам не знаю, как поступить. Ни один из известных мне способов разминирования не кажется пригодным. Начни вынимать динамит, кто поручится, что не погубим бойцов и не подорвем мост? Я лично не поручусь. Мне на занятиях достаточно много твердили, что динамит с маслянистым налетом особенно чувствителен к механическим воздействиям. Его надо просто взрывать. А как? Вместе с мостом, что ли?

— Думай! Думай, черт тебя возьми! — говорю я сам себе. — Думай! Не хочется ни есть ни пить. Усталый и мрачный, прихожу в служебный вагон. Никак не могу отмыть грязные руки. Прошу горячей воды. Горячая мыльная вода смывает жирные пятна мазута. И вдруг меня словно током ударило: вот он выход! Найден! Надо налить в минные трубы мазута, насыпать опилки, а потом вымывать динамит теплой щелочной водой. Я еле дождался прибытия своих бойцов. Объяснил им в чем загвоздка, и мы приступили к работе. Какое счастье! Мазут, сухие опилки и горячая вода действовали безотказно. Теперь я мог доложить:

— Мост будет разминирован в ближайшее время! Целыми днями находился я на мосту. Схватил жесткую простуду, а уйти

нельзя. Так и держался, пока не миновала опасность. Да и тут отдыхать не пришлось. Пока возились с мостом, я запустил оформление документации. Пришлось наверстывать упущенное… Несмотря на непредвиденную задержку, специальная комиссия выполнила работу в срок и заслужила благодарность командующего округом. В конце ноября я вернулся в полк. Поездка специальной комиссии на обследование границы была только началом огромной работы, в которую включались все больше людей и целые подразделения. Перед нами ставилась задача — сделать все, чтобы противник не мог воспользоваться при вторжении нашими дорогами. Приходилось теперь часто бывать в Харькове и изучать в штабе округа различные документы. За нами внимательно наблюдали начальник штаба округа П. П. Лебедев и сам командующий Иона Эммануилович Якир. В конце 1929 года подготовка к устройству заграждений на границе была завершена. В округе подготовили более 60 специальных подрывных команд общей численностью 1400 человек. Заложили десятки складов с минновзрывными средствами. На всех значительных мостах приграничной полосы отремонтировали минные трубы, колодцы, ниши и камеры. Припасли 1640 готовых сложных зарядов и десятки тысяч зажигательных трубок, которые можно было ввести в действие буквально мгновенно. Помимо взрывных заграждений создавались и иные. Вся их система увязывалась с системой укрепленных районов. Теперь можно было относительно малыми силами и в сравнительно короткие сроки сделать на длительное время невозможным для противника движение по нашим дорогам. В те годы была уже поставлена и другая важная задача: захваченные врагом пути сообщения выводить из строя так, чтобы при освобождении их нашими войсками быстро восстанавливалось движение. Руководство инженерных войск и военных сообщений Красной Армии отчетливо представляло, что этого можно достигнуть, только умело сочетая эвакуацию и разрушение с применением управляемых мин и мин замедленного действия (МЗД). Последние должны были играть главную роль. Несколько слов об МЗД В 1928 — 1929 годах армия уже имела ряд противо-поездных мин замедленного и мгновенного действия. Некоторыми из них можно было подорвать любой указанный поезд, даже определенный вагон этого поезда. Но имелся. у этих мин один очень существенный недостаток: они срабатывали только при установке под шпалы или вплотную под рельсы. Оставляла желать лучшего и герметичность. Однако минноподрывное дело неуклонно прогрессировало. Совершенствовались, в частности, и способы расположения

зарядов, увеличивалась надежность их одновременного взрыва на больших объектах и в любую погоду. Надеялись, что в недалеком будущем получим достаточное количество отличных по качеству мин самых различных конструкций, в том числе и противопоездных, допускающих установку вне связи с рельсами и шпалами. Увы! Их мы так и не получили! В годы сталинского произвола необходимые для армии мины не только не попали в серийное производство, но даже чертежи их погибли вместе с конструкторами. Никто, конечно, не предполагал этого. Осенью двадцать девятого года, готовясь к маневрам, мы были полны уверенности в лучшем будущем…

Глава 5. Учения

Ночь. Ветер. На одном из участков дороги западнее Коростеня необычное оживление. И. Э. Якир приехал проверять готовность заграждений. Вместе с командующим — начальник военных сообщений, представители Управления юго-западной железной дороги, командиры железнодорожных частей. Якир и его спутники уверенно шагали в темноте по железнодорожному полотну. Мы, командиры-подрывники, нервничая, шли сзади. Раздалась команда:

— Приступить к минированию! Вот теперь будет видно, хорошо мы работали или плохо. Время тянется невыносимо медленно. Начальник военных сообщений округа Ф. К. Дмитриев то и дело освещает фонариком циферблат хронометра. А донесений о готовности к взрыву нет и нет… Я напряженно вглядываюсь в темноту и, кажется, вижу, как неповоротливо движутся на объектах люди, как медленно вставляют в заряды электродетонаторы. Ах, если бы можно было самому броситься в темень и помочь бойцам! Но надо стоять и ждать. Стоять и ждать. Якир не произносит ни слова. Он тоже ждет. Наконец приходит сообщение:

— Все готовы! Минуту спустя острые вспышки учебных взрывпакетов вырвали из темноты пролеты моста, стрелки, участки полотна. Эхо подхватило гул. Путь «разрушен»! И все же результаты учения не удовлетворили нас. Во время последних тренировок подрывники действовали гораздо быстрее. Удрученные, поднялись мы в вагон командующего округом для разбора занятий, Якир не спешил с выводами.

— Прежде всего подкрепиться и согреться! — распорядился он. Присели к столу. Взяли стаканы с горячим чаем. Нам было не до чаепития… И вдруг услышали веселый голос командующего:

— Не падайте духом минеры. Я же понимаю, в чем беда, и делаю скидку на присутствие высокого начальства… Раньше-то действовали быстрей?

— Быстрей, Иона Эммануилович, — отозвался кто-то.

— Могу вас утешить, — засмеялся Якир, — во время войны большое начальство не будет стоять над душой. Вас это устраивает? На наших лицах появились ответные улыбки.

— Ну вот и отлично, — одобрил командующий-А теперь займемся разбором учений и выясним, в чем причина недостаточной четкости ваших действий. Прошу внимания! Иона Эммануилович был замечательным оратором. Говорил он ясно,

образно. Умел обнажить подмеченные ошибки и посоветовать, как от них избавиться. И никакого разноса! Только забота о том, чтобы дело пошло на лад. Якира не считали добрячком. Он знал цену требовательности. Но когда требовал, каждый чувствовал, что имеет дело не просто с "большим начальником", что перед ним старший, умудренный жизнью товарищ… Примерно через год, присланная из центра комиссия снова проверяла готовность к устройству заграждений и разрушений на приграничных участках. На этот раз результаты получились иными… Бойцы, охранявшие мосты (они же и подрывники), действовали слаженно и уверенно. Шестидесятиметровый мост через реку Уборть под Олевском был, например, полностью подготовлен к разрушению при дублированной системе взрывания за две с половиной минуты. Не знаю, как это конкретно делалось, но мне известно, что заблаговременная подготовка к устройству заграждений (разрушений) на железных дорогах в приграничной полосе проводилась и в других приграничных военных округах. Для этой цели были изданы специальное Наставление {"Красная книга") и Положение ("Зеленая книга"). В Наставлении впервые подробно описывалось, как производить порчу железнодорожного пути, мостов и других объектов на железных дорогах. Оно сыграло большую роль в совершенствовании миннoподрывных работ. "Зеленая книга" — Положение — четко определяла варианты разрушения и порчи железнодорожных объектов в зависимости от того, на какой срок желательно вывести их из строя. Все расчеты сил и средств производились для полного и частичного разрушения. Необходимые запасы миннoподрывных средств создавались для полного разрушения дорог в полосе до 60 — 100 километров от границы, и располагались они вблизи охраняемых объектов. На занятиях с командным составом подрывных команд особо подчеркивалось, что при решении вопроса о характере и объеме заграждений (разрушений) необходимо тщательно взвешивать последствия, к которым они приведут. Стремиться нужно к тому, чтобы исключить всякую возможность использования разрушенного объекта противником и вместе с тем не создать непреодолимых трудностей для восстановления движения при возвращении наших войск. Смерть отца На квартире меня ждало письмо. По адресу узнал руку сестры. Бесшабашно вскрыл конверт и окаменел. Сестра писала, что умер отец. Его уже похоронили, не чая дождаться разъехавшихся по стране сыновей…

… Мы находимся в вечном долгу перед теми, кто дал нам жизнь и помог встать на ноги. Почему же мы остро вспоминаем об этом лишь после их смерти?

… Я долго не зажигал огня… Одиннадцать лет назад, когда я был в Твери, мне сообщили о смерти матери. Она умерла совсем молодой. Непосильная работа на железной дороге и дома, забота о шестерых детях и муже, вечные хлопоты, систематическое недосыпание состарили ее и до времени свели в могилу. Обстоятельства сложились тогда так, что я не смог поехать на похороны. А теперь вот умер отец. И меня снова не было рядом…

Глава 6. 1930 год. Партизанская школа

В январе 1930 года меня вызвали в Харьков, в штаб Украинского военного округа. Над городом-стояла морозная дымка. Голые ветви лип опушил иней. Но, несмотря на холод, у продовольственных магазинов с бутафорскими витринами выстроились длинные очереди. В штабе меня принял начальник одного из отделов Август Иванович Баар. Это был высокий угловатый человек. Про таких обычно говорят: широкая кость. Я знал, что Баар — латыш, но он походил на лесоруба из дремучей тайги, прожившего долгие годы среди молчаливых распадков и кедровника. На красных петлицах Баара красовалось по два ромба. Протянутая мне рука тоже была рукой лесоруба — большая, жесткая, словно загрубевшая от добротного топорища. Говорил Баар густым голосом, явно сдерживая бас, и фразы у него получались отрывистые, клочковатые. Я решил, что передо мной угрюмый и замкнутый человек. Насторожился. На вопросы отвечал так же односложно, как они задавались. Беседа наша явно не клеилась. Но вот Баар перешел к делу. сообщил, что мне предстоит обучать партизан.

— Это труднее и сложнее, чем учить молодых красноармейцев. Яснее вам расскажет обо всем товарищ Якир. Пройдемте к нему. Командующий разбирал бумаги. Поднял лицо, заулыбался. Баар представил меня.

— Со старыми знакомыми разговаривать легче, — сказал Якир. Он с увлечением рассказал о целях подготовки партизан и методах их обучения. Якир сказал также, что минновзрывные заграждения не могут на длительный срок вывести дороги из строя. Противник, обладая хорошей техникой, в состоянии восстановить их быстро. Поэтому мы будем готовить партизан для минирования восстанавливаемых противником дорог и других коммуникаций. Наша задача состоит в том, чтобы подготовить диверсантов, незаметных для противника, глубоко законспирированных. Когда противник окажется на нашей территории, партизаны должны превратить восстанавливаемые участки в ловушки.

— Ясно?

— Все ясно, товарищ командующий.

— Очень хорошо. Только здесь существует одно «но»… Товарищ Баар, видимо, предупредил вас, что предстоит обучать людей опытных и заслуженных. Очень опытных! Стало быть, нужно преподавать так, чтобы они не разочаровались. Азы им

твердить не надо. Давайте побольше нового. Как можно больше нового! И учтите — в тактике самой партизанской борьбы они пока разбираются лучше вас. Так что не задевайте самолюбие людей и сами учитесь у них всему, что может понадобиться. Ясно?

— Ясно, товарищ командующий.

— Вам поручается важное партийное дело, товарищ Старинов, — уже без улыбки предупредил Якир. — Вы обязаны с ним справиться. Какое-то мгновение он пристально смотрел на меня, словно впервые увидев или заново оценивая, и вдруг без всякого перехода строго спросил:

— Кстати, как ваше здоровье? Не мучают последствия ревматизма? Я несколько растерялся: не ждал подобного вопроса и не мог сообразить, откуда Якиру известно о моем недомогании. Глубокой осенью 1926 года, работая вместе с бойцами в ледяной воде, я действительно заболел ревматизмом, и это дало осложнение на сердце. Но кажется, никому не жаловался на свое здоровье…

— Сейчас чувствую себя неплохо, — поспешил заверить я командующего.

— Ну и очень рад!.. Итак, характер будущей работы вам понятен. Задания будете получать от товарища Баара или его заместителя… Я знаю вас как подрывкика. Как подрывника мы и берем вас в отдел товарища Баара. Там, надеюсь, вас сделают еще разведчиком и партизаном. Повернув голову в сторону Баара, он ждал ответа. Баар густо пробасил:

— Постараемся, Иона Эммануилович. Товарищ Захаров умеет воспитывать себе помощников… Якир пружинисто встал из-за стола:

— Желаю успеха! На педагогическом поприще Новое дело увлекло и захватило меня. Вначале я обучал будущих партизан только миннoподрывному делу, зато сам учился многому и помногу. Вникал в историю партизанских войн, в тактику партизанской борьбы с противником, в тонкости и премудрости разведки. Невольно приходилось задумываться над созданием таких инженерных мин, которые можно применять именно в тылу врага. В одной из бесед с будущими партизанами Иона Эммануилович Якир привел слова Ленина о том, что большевики могут и должны воспользоваться усовершенствованиями техники, должны научить массы готовить бомбы, помочь боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами, автоматическими ружьями.

— Эти слова вождя пролетарской революции, — подчеркивал Якир, — не потеряли значения и в наше время. Они имеют

прямое отношение к тем, кому предстоит организовать и возглавить битву с врагом в его тылу, то есть к партизанам. Партизанские выступления не месть, а военные действия! По личному указанию И. Э. Якира я организовал мастерскую-лабораторию, где разрабатывал с товарищами образцы мин, наиболее удобных для применения в партизанской войне. В этой лаборатории родились так называемые «угольные» мины, с успехом применявшиеся в годы Великой Отечественной войны нашими замечательными партизанами Константином Заслоновым, Анатолием Андреевым и многими другими героями борьбы с гитлеровцами. Здесь же родилась и обрела плоть идея создания некоторых, теперь широко известных автоматических мин. Мы сконструировали так называемый "колесный замыкатель", впоследствии окрещенный в Испании миной «рапида» (быстрый). Придумали и отработали способы подрыва автомашин и поездов минами, управляемыми по проводам и с помощью бечевки. Будущие партизаны не только знакомились с устройством этих мин. В случае необходимости они могли теперь изготовить каждую из них. Большое внимание уделялось также самостоятельному изготовлению запалов и гранат, умению рассчитывать и закладывать заряды взрывчатки. В партизанские отряды подбирались по указанию И. Э. Якира различные специалисты. Помимо совершенствования в основной специальности они глубоко изучали и смежные военные профессии. Каждый минер был и мастером маскировки. Товарищ Якир заботился о сколачивании крепкого, боеспособного костяка будущих партизанских отрядов и бригад. Он требовал формировать эти соединения так, чтобы в их состав входили и опытные, привыкшие к походам по тылам противника партизаны и молодые кадровые командиры. Перед нами командующий ставил задачу совершенствовать уже известные методы партизанской войны, отыскивать новые возможности, добиваться высокой маневренности партизанских групп и уметь обеспечивать их материально. В молодости мнение о людях нередко составляешь с ходу, по первым впечатлениям, и не удивительно, что часто ошибаешься. Иногда испытываешь при этом горечь, иногда — стыд. Я проводил с партизанами занятия по изучению пулемета «люис». Должен заметить, что изучению оружия иностранных образцов наше командование уделяло самое серьезное внимание: ведь будущим партизанам обязательно пришлось бы пользоваться трофейным оружием. Итак, мы колдовали над пулеметом «люис». Кое-какая практика у меня уже была, и я не очень смущался, хотя в классе находился Г. И. Баар. Рассказав о тактико-технических данных пулемета, я довольно

бойко разобрал его. Но всякое малоизученное оружие обладает весьма неприятным свойством: его легко разобрать, да трудно собрать. В тот раз мне пришлось убедиться в правоте этой невеселой истины. Проклятый «люис» не желал обретать первоначальный вид. Одну деталь я долго вертел в руках, не зная, куда поставить. Ученики терпеливо ждали, чем закончатся потуги преподавателя. Из деликатности ничем не выдавали своего отношения к происходящему, И тут раздался густой бас Баара:

— Разрешите мне, товарищ Старинов? Руки чешутся…

— Пожалуйста… Густав Иванович неторопливо взял в руки пулемет, кинул суровый взгляд в сторону засмеявшегося было товарища и, хмуря брови, однако ловко и очень быстро собрал "люис".

— Вот так мы собирали когда-то трофейные пулеметы, — сказал Баар, поглаживая своей большой рукой вороненый ствол. — Больше тренируйтесь, тогда будете быстро собирать. Эту работу, товарищи, надо уметь делать механически. А придется — и на ощупь… Он помедлил какое-то мгновение, потом извинился передо мной за то, что помешал, и опять передал мне пулемет. Как я был благодарен за выручку! Баар вовремя спас меня от позора, да еще повернул дело так, будто вся моя вина только в медлительности! Поборов смущение, я довел занятие до конца. А как только учащиеся разошлись, Баар, прервав мои оправдания, добродушно посоветовал:

— Не жалейте времени на знакомство с подобными «машинками». Пригодится в жизни, поверьте слову! Знать иностранные-образцы нам очень нужно. Партизан должен уметь сразу использовать трофейное оружие! Приятно было почувствовать на плече тяжесть бааровской ладони. А в правоте его слов мне пришлось убедиться и в Испании, и во время партизанской борьбы в тылу гитлеровцев. Да еще как убедиться! Со дня конфуза с «люисом» я уже не считал Баара ни замкнутым, ни угрюмым: понял, сколько тепла таится за внешней грубоватостью и кажущейся нелюдимостью этого человека… 1931 год. Трудно в учении Шел 1931 год. Г. И. Баар и М. Э. Якир часто бывали у нас на практических занятиях. Помню их приезд на занятия, посвященные действиям партизанской засады на автомобильной дороге. Темной ночью Якир обошел колонну новеньких грузовиков отечественного производства.

— Какова техника у нас нынче! — радовался командующий. — Это вам не времена гражданской войны! Не по дням, а по часам набираем силу! Запомнилось и то, как Якир вместе с Бааром стояли на летном поле аэродрома под Харьковом, наблюдая за приземлением партизан-парашютистов.

Якир восхищался новыми самолетами, радовался успешной выброске десанта. В моей памяти сохранилось выступление Ионы Эммануиловича на выпуске группы командиров, комиссаров, начальников штабов и специалистов, намечавшихся на роль организаторов будущих партизанских соединений. Всего собралось человек сорок, из них больше половины — участники партизанской войны против интервентов на юге. Якир говорил ярко и убедительно.

— Советский Союз — миролюбивая страна, — говорил он, — и никому не угрожает. Наше миролюбие, настоящее, подлинное, знают все честные люди мира. Но если империалисты на нас нападут, мы дадим им сокрушительный отпор, используя всю свою мощь, в том числе и партизанскую войну в тылу врага. К этому вы, дорогие товарищи, и готовьтесь. Дальше в своей речи командующий разъяснил, что вести партизанскую войну — наше законное права Ссылаясь на высказывания Владимира Ильича Ленина и Михаила Васильевича Фрунзе, на опыт партизан 1812 года, Якир подчеркивал, что в связи с военно-техническим прогрессом роль и значение партизанских методов борьбы неизмеримо возрастают. И тут он сказал, что Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет уделяют большое внимание заблаговременной подготовке к партизанской борьбе на случай вражеского нападения. По указанию ЦК для этой цели выделяются все необходимые материальные средства и подбираются проверенные кадры. Вышли мы из помещения школы, находящейся на окраине Киева, за полночь. Мигали редкие фонари. Транспорт уже не работал.

— Ну теперь потопаем на своих двоих! — с досадой бросил кто-то. — Ни в коем случае! — быстро обернулся на голос Якир. — На моей машине всех развезут по домам. Кстати, у меня есть тут еще дела… Ночной прыжок с парашютом Оглушающе ревут моторы транспортного самолета. Дрожит и вибрирует фюзеляж. Машина набирает высоту. Где-то внизу, под тонким днищем воздушного корабля, далекая, погруженная в ночную темень ленинградская земля. Как всегда перед прыжком, я начинаю ощущать сердце. Оно ширится и норовит вырваться из груди. Врачи категорически запретили мне прыжки с парашютом. Однако я не обращаю внимания на этот запрет: мне, начальнику команды, нельзя не прыгать. Как я буду обучать технике своих партизан, если не смогу видеть учеников в деле? И я прыгаю. Но сегодня прыжок необычный — ночной. Может быть, поэтому сердце ведет себя особенно плохо? Исподтишка в душу закрадывается трезвая, разумная мысль: с моей болезнью лучше поберечься… Нет ничего опаснее подобных трезвых мыслей. Но я

уже приучил себя не поддаваться слабости. И когда пилот поднимает руку и оборачивается, давая знак, что пора выбрасываться, я встаю, словно только этого и ждал. Люк распахнут. Бойцы наверняка не отрывают глаз от моей фигуры, застывшей над черным бездонным провалом… Вперед! Холод, темнота, стремительное падение. Дергаю кольцо. Кажется парашют никогда не раскроется… Но это обман чувств: при выбрасывании доли секунд превращаются в секунды, а секунды — в минуты. Меня встряхивает. Наконец-то! Теперь все в порядке. Сердце бьется уже спокойно, и, как обычно, хочется почему-то петь. Земли, правда, не видно. Но если рассуждать здраво, кроме как на землю, мне опускаться некуда. Разве что угожу в реку или спланирую на лес? Пытаюсь угадать расстояние до земли. Подтягиваю ноги. Готовлюсь вовремя погасить парашют. И все же точно рассчитать приземление не удается. Опускаюсь грузно. Хорошо, что под ногами луг. Поднимаюсь, невольно отряхиваюсь, оглядываюсь. Смутно темнеет недалекий лес. Слева веет сыростью. Наверное, там водоем. А вверху, блуждая среди звезд, рокочет наш самолет. Там мои ученики ждут сигнала с земли, моего сигнала о том, что все хорошо, место для приземления найдено. Развожу огонь. Рокот самолета, ушедшего было в сторону, становится все слышнее. И вот машина над моей головой. Значит товарищи уже прыгнули. Жду их, радуясь хорошему началу. Последние дни пришлось поволноваться. Ведь как-никак, а мы приехали в Ленинградский военный округ не в гости, а на маневры. Приехали демонстрировать опыт по разрушению тыла «противника». Нам нельзя ударить в грязь лицом. Нельзя, хотя это наш первый ночной прыжок! Количество прыжков никого не интересует. От нас ждут успешных дел, а не ссылок на непривычные условия. Впрочем, похоже, что ссылаться на условия не придется. Все идет как надо… Кое-кому из бойцов не повезло: приземляясь, не сумели погасить парашют, получили растяжение связок, вывихи, ушибы, однако из игры никто не вышел. Пострадавших перевязали, и они продолжали действовать. 1932 год Маневры в Ленинградском округе 1932 год памятен мне многими удачами. На маневрах в ЛВО осенью 1932 года перед нами, партизанами, ставились в качестве главной задачи захват штабов и разрушение транспортных средств «врага». Я, конечно, не упустил случая и добился разрешения устроить «крушения» поездов с применением замыкателей и взрывателей. Участок, отведенный для наших операций, тщательно охранялся. Охрана «противника» успешно срывала нападения на железнодорожные станции и крупные мосты, но обеспечить безопасность движения поездов она все же не смогла.

На десятикилометровом отрезке железнодорожного пути партизаны-минеры установили десять мин. Девять из них сработали очень эффектно под учебными составами. А вот с десятой получился конфуз. Мы не успели снять ее до начала нормального пассажирского движения, и она грохнула под пригородным поездом. Услышав взрыв и заметив вспышку под колесами, машинист решил, что это петарда, предупреждающая о неисправности пути. Он резко затормозил. На полотно высыпали пассажиры. Никто ничего не мог понять. Грешен. Я не донес об этом происшествии.

Глава 7. Стратегия партизанской войны

Я включился в подготовку партизанских кадров в 1929, но в 1932 только понял, что подготовка к партизанской войне началась не в 1929. На самом деле она не прекращалась с гражданской войны. При этом подготовка велась как по линии ОГПУ, так и по линии ГРУ. ОГПУ готовило в основном диверсантов-подпольщиков, сильно законспирированных. По линии Народного комиссариата обороны готовили командиров, которые, попав с подразделением в тыл противника, могли перейти к сопротивлению. С этой целью в Западной Украине и Молдавии создавались скрытые партизанские базы с большими запасами минно-подрывных средств. Склады на побережье Дуная создавались даже в подводных резервуарах в непортящейся упаковке. В 1932 году наша оборона на Западных границах зиждилась на использовании формирований партизан. Войска противника, перейдя государственную границу и углубившись на нашу территорию на сотню километров, должны были напороться на укрепрайо-ны и увязнуть в позиционной войне. В это время на оккупированной территории партизаны начинают организованное сопротивление и перерезают противнику коммуникации. Через некоторое время, лишившись свежего пополнения, подвоза боеприпасов и продовольствия, войска неприятеля вынуждены будут отступать. Партизаны начинают отходить вместе с противником, все время оставаясь в его тылу и продолжая диверсии. Могут даже перейти государственную границу. Это была очень хорошо продуманная система не только на случай оккупации части нашей территории. Базы закладывались и вне СССР. Очень важно было то, что готовились маневренные партизанские формирования, способные действовать как на своей, так и на чужой территории. О размахе подготовки этих приготовлений можно судить по следующему факту — работали три партизанские школы. Две — в ГРУ и одна в ОГПУ. Большая школа на Холодной горе в Харькове находилась в ведении ОГПУ. Школа в Куперске готовила людей, пришедших на нашу сторону из районов Западной Украины и Белоруссии. В каждой школе одновременно обучалось 10–12 человек, хорошо законспирированных. Они готовились около 6 месяцев. Большая школа была в Киеве. Она готовила офицеров, которые уже имели опыт партизанской войны. Школа подчинялась непосредственно командующему киевским военным округом и находилась в местечки Грушки. Курсантов там даже обучали летать на

самолетах! Благодаря тому, что Вооруженные Силы были хорошо подготовлены со времен гражданской войны, мы могли иметь сравнительно малочисленную армию — 600 000 человек на весь Советский Союз в окружении врагов. (Сегодня это — около 1 500 000 на одну Россию, окруженную вроде бы друзьями). Голод Станислав Викентьевич Косиор проводил совещание, на котором довелось присутствовать и мне. На Украине вследствие насильственной коллективизации разразился голод. Наших партизан надо было спасать от голодной смерти. Были созданы списки. Это мешало конспирации, но их надо было устраивать работать на таких местах как сахарозаводы, мельницы, где они бы не пропали. Этим пришлось заниматься и мне. Основные кадры нам удалось сохранить. Девчата Были хорошо отработаны три способа ночного десантирования: выброс на намеченную на карте точку, выброс на маяк, спускаемый с самолета; и выброс на заметный ночью ориентир. Этим вполне обеспечивались точность приземления и быстрота сбора парашютистов. Жизнь научила нас предварительно изучать по карте предполагаемый район выброса. Мы знакомились не только с ближайшей к точке приземления местностью, но и с районом, весьма далеким от нее. Назначали два пункта сбора: основной и запасной. Это была целая наука. Тогда же удалось разработать надежный способ сбрасывания имущества партизан без парашютов в специальной довольно простой упаковке. Было испробовано и новое средство для крушения поездов на мостах. Мы сконструировали мину, которая подхватывалась с железнодорожного полотна проходящим поездом. Взрывалась она в точно рассчитанное время на мосту. Потом я успешно опробовал эту мину в боевой практике в Испании. Боевая выучка партизан шла полным ходом, их искусство совершенствовалось. А мужества и выдержки им не занимать. Как-то летом одна из девушек, прыгая с парашютом так сильно повредила ноги, что не могла встать. И все же приползла на сборный пункт вовремя.

— Юлька! — всполошились ее подруги, — Что с тобой? А маленькая курносенькая Юлька, с полными слез голубыми глазами, пыталась еще улыбаться:

— Чепуха… Обойдется… Ей было восемнадцать лет, этой тоненькой, изящной Юльке, готовившейся стать партизанской радисткой. Но в хрупком девичьем теле билось отважное сердце. После трагической гибели одного из парашютистов, когда иные приуныли, Юля первой вызвалась прыгать со следующего самолета.

— Ах, девочки-мальчики! — с отлично разыгранной беззаботностью восклицала она. — Я легкая! Бросайте меня для

пробы, не разобьюсь!.. На всех занятиях рядом со мной в те дни была партизанка Рита. Настойчивая, уверенная в себе, стремящаяся сделать все как можно лучше, она, казалось, не знала усталости. Вернувшись с задания, затевала игры, заводила песню. Мы любили слушать ее. И вдруг однажды под Купянском, во время установки мин на сильно охраняемом участке железной дороги, в руках Риты взорвался капсюль в макете. Взрыв ослепил ее. Мельчайшие осколки поранили лицо и глаза. Окровавленная, она молчала. Без единого стона дошла со мною до школы. Там ее перебинтовали, и я с первым поездом повез девушку в Харьков. На операционном столе Рита тоже не проронила ни звука.

— Характер… — почтительно сказал профессор-окулист, оперировавший Риту. — Сколько ей лет?

— Девятнадцать, профессор, — отрывисто ответил я, не сводя глаз с осунувшегося девичьего лица. Все дни до выздоровления я навещал Риту, ухаживал за ней и наконец высказал ей то, что до тех пор не говорил ни одной девушке. Зрение у Риты полностью восстановилось. Мы были счастливы. Нам казалось, ничто и ни когда не разлучит нас. Ничто и никогда… 1933 год. В отделе Мирры Сахновской В этот период я работал в Москве в отделе Мирры Сахновской. Это была опытная, энергичная, мужественная женщина, награжденная в числе первых орденом Красного Знамени. За тот сравнительно небольшой промежуток времени мне удалось подготовить две группы китайцев и ознакомить партийное руководство некоторых зарубежных стран — Пальмиро Тольятти, Вильгельма Пика, Александра Завадского и других с применением минной техники. Именно в столице я вдруг обнаружил, что подготовка к будущей партизанской борьбе не расширяется, а постепенно консервируется. Попытки говорить на эту тему с Сахновской ни к чему не приводили. Она осаживала меня, заявляя, что суть дела теперь не в подготовке партизанских кадров, что их уже достаточно, а в организационном закреплении проделанной работы (позже я узнал, что она острее меня переживала недостатки в нашей работе. Все ее предложения отвергались где-то наверху). Нерешенных организационных вопросов действительно накопилось множество. Но решали их не в нашем управлении. Будущий легендарный герой республиканской Испании Кароль Сверчевский успокаивал: сверху, мол, виднее. Я тоже верил в это. Но все труднее становилось примирять с этой верой растущий внутренний протест. Состояние было подавленное. Встретившиеся в Москве друзья по 4-му Коростенскому Краснознаменному полку горячо советовали " поступать в академию., Я внял их доводам. Сам начал чувствовать, что мне недостает очень многих знаний.

Правда, я и сам дважды уже делал попытки поступить в Военно-транспортную академию. И меня дважды отставили из-за болезни сердца. Но теперь мне стало казаться, что тогда я просто не проявил должной настойчивости, напористости. Ознакомившись с программой отделения инженеров узкой специальности, где учились старые товарищи, убедился, что смогу, пожалуй, сразу поступить на второй курс. И дерзнул… Я доложил Мирре Сахновской о своем намерении. Она одобрила, написала аттестацию и благословила на учебу. Остальное зависело от начальника нашего управления Я. К. Берзина. Ян Карлович поддержал меня. Полученные от него рекомендации пересилили заключение медицинской комиссии. Резолюцию о зачислении меня в Военно-транспортную академию наложил тогдашний ее начальник С. А. Пугачев. Семена Андреевича Пугачева тоже безгранично уважали в армии. На его груди красовались орден Красного Знамени, ордена Бухарской и Хорезмской республик. Еще во время гражданской войны я не раз слышал о С. А. Пугачеве. Высокообразованный офицер генерального штаба царской армии, он активно участвовал в вооруженной защите октябрьских завоеваний. В 1934 году по рекомендации Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова ЦК ВКП(б) приняла его в партию… Итак, сам Пугачев наложил резолюцию на мое заявление. Но… старший писарь отказался внести в списки мою фамилию: не спущен лимит.

Спорить с писарем, если за его спиной стоит грозный лимит, — дело бесполезное! Пришлось потратить около двух недель, чтобы попасть на прием к начальнику военных сообщений Красной Армии товарищу Э. Ф. Аппоге.

— Видите, как все просто, — расцвел старший писарь строевой части Военно-транспортной академии, получив оформленную по всем правилам бумажку. Я предпочел промолчать… Предстояло взять последний рубеж: поступить прямо на второй курс. Пугачев пытался отговорить меня от этой затеи.

— Вам будет слишком трудно. На выручку пришел начальник железнодорожного факультета Дмитриев — «Кузьмич», как ласково называли его за глаза слушатели.

— Да ведь Старинов и так много лет упустил. А время такое, что медлить обидно… Пусть попробует! — деликатно возразил он начальнику академии, поглаживая пышные усы. И Пугачев согласился.

Глава 8. 1934 год. Учеба в Академии

Жизнь постепенно входила в колею. Решил, что уже можно вызвать Риту. Написал в Киев. Все сроки истекли, а ответа нет и нет. Послал телеграмму, другую… Наконец получил открытку. Почерк Риты, но содержание непонятно: точно открытка предназначалась не мне, да и подпись показалась необычной. Я не мог оставаться в неведении. Подал рапорт и получил разрешение на отъезд. В дорогу накупил газет и, чтобы отвлечься от невеселых мыслей, пытался читать. Но газеты того времени не подходили для успокоения нервов. Тревожные вести шли из Германии. Там хоронили демократию и культуру… Расправы над известными писателями и учеными. Травля евреев. Пытки в гестаповских застенках. Кошмар концентрационных лагерей. Костры из книг на улицах Лейпцига. Рост вермахта. Бредовые вопли Гитлера о необходимости покончить с коммунизмом… Да, газеты заставляли волноваться еще больше. Но тем сильнее, наперекор всему хотелось простого человеческого счастья, близости любимого человека. Прямо с поезда я отправился по адресу, указанному на открытке. Ничем не приметный дом на тихой улице. Грязноватая лестница со щербатыми ступенями. Обитая темной клеенкой дверь. На стук открыла незнакомая женщина. Я назвал себя. Женщина помедлила, провела рукой по волосам. Я услышал не слова, а скорее, вздох:

— Здесь ее больше нет.

— Как нет? Где же она? Женщина подняла лицо. Оно было сочувственно и растеряно:

— Не знаю… Поверьте… Просто она уехала… Я попрощался и вышел. Захлопнулась дверь с темной клеенкой. Остались позади лестница со щербатыми ступенями, неприметный дом, неприметная улица… до весны 1943 года (всех, кто работал с рукописью Ильи Григорьевича, заинтересовала судьба Риты. Однако наши попытки выяснить что же с ней произошло не увенчались успехом. Илья Григорьевич уходил от ответа. Прим. ред. Э. А.) 1935 год. Окончание академии. Прошло два года напряженной учебы. На пороге стоял май 1935-го. Весна была ранняя, дружная. Снег сошел еще в начале апреля, и деревья уже опушились молодой листвой. На перекрестки, как грибы после дождя, высыпали продавщицы газировки. В пестрых ларьках снова появились исчезавшие кудато на зиму мороженицы. Влюбленные парочки маячили у ворот подъездов чуть ли не до рассвета. Накануне майских торжеств столица похорошела: через улицы перекинулись транспаранты, дома выбросили флаги.

Страна подводила итог предмайского соревнования. Газеты и радио сообщали о трудовых победах строителей Магнитки и Кузбасса, о сверхплановых тоннах угля, руды, стали, нефти, об успехах колхозного строительства. Москва радовалась. Радовались и мы, выпускники военных академий. Радовались, может быть, больше других. Ведь мы получили высшее военное образование! Ранним утром 1 Мая мы застыли в четких шеренгах на Красной площади, с нетерпением вслушиваясь в мелодичный перезвон курантов, На трибуну Мавзолея вышли руководители партии и правительства. Командующий парадом А. И. Корк встретил на гнедом скакуне Наркома обороны К. Е. Ворошилова. Прозвучало громкое многократное "ура!"… Печатая шаг, мы прошли перед Мавзолеем… А 4 мая 1935 года нас пригласили в Кремль… После парада выпускников академий мы, затаив дыхание, слушали речь Сталина. Я впервые видел его так близко. Чем больше смотрел, тем меньше был похож этот невысокий человек с пушистыми усами и низким лбом на того Сталина, которого мы обычно видели на фотографиях и плакатах. Сталин говорил о том, что волновало каждого: о людях, о кадрах. И как убедительно говорил! Здесь я впервые услышал: "Кадры решают все". В память на всю жизнь врезались слова о том, как важно заботиться о людях, беречь их… Как сейчас, вижу возбужденные, счастливые лица начальника нашей академии Пугачева и моего соседа, бывшего машиниста, выпускника академии Вани Кирьянова… Не прошло и трех лет, как они, да и не только они, а пожалуй, большинство тех, кто присутствовал на приеме и восторженно слушал Сталина, были арестованы и погибли в результате репрессий. Я окончил академию с отличием и был награжден именными часами. Вместе с другими отличниками меня рекомендовали на работу в аппарат Народного комиссариата путей сообщения. Выпускники нашей академии шли в НКПС с большой охотой: им предлагали там высокие посты. Но я отказался. Прослужив около 16 лет в Красной Армии, я не захотел расставаться с ней.

Глава 9. Ленинградская железнодорожная комендатура

Вскоре меня вызвали в отдел военных сообщений РККА и объявили о назначении на должность заместителя военного коменданта железнодорожного участка (ЗКУ), управление которого помещалось в здании вокзала станции Ленинград-Московский. Выражение моего лица видимо говорило ярче слов, как я воспринял эту новость. Товарищ, сообщивший о моем назначении, нахмурился и счел необходимым прочитать нотацию:

— Вам оказывают большую честь… не говоря о том, что вы должны будете обеспечивать работу вашего направления с военной точки зрения… — В голосе его неожиданно зазвучали торжественные ноты, послышался неподдельный пафос:

— Вам выпадает честь встречать и сопровождать высших военачальников! Он даже грудь выпятил и теперь мерил меня победоносным взглядом. Я понял, что лучшего назначения здесь не получить, и смирился. Единственным утешением оставалось то, что впереди был целый месяц отпуска. Но в Бердянске, куда дали путевку на отдых, меня ждала телеграмма о смерти самого близкого из братьев — тридцатилетнего Алеши. Алеша отличался удивительными способностями. Окончив всего-навсего четырехлетнюю начальную школу, он уже в юности мастерил сложнейшие лам-. повые приемники, увлекался автоматикой, электроникой. Опытные инженеры пророчили ему блестящее будущее.,:. И вот Алеши не стало. У него были слабые легкие, и жестокая простуда оборвала жизнь веселого пытливого человека… Южное солнце померкло для меня. Выбитый из колеи, я вскоре уехал из Бердянска…. В то лето там жили слишком весело… На бойком месте Новый мой начальник, Борис Иванович Филиппов, дело знал и любил. Он не имел высшего образования, но обладал большим опытом и пользовался уважением. Впрочем, практические советы Бориса Ивановича порой и смущали. Однажды почти одновременно обратились с просьбой о выдачи брони на билет в мягкий вагон до Москвы комбриг и капитан — адъютант командующего войсками округа. Недолго раздумывая, я дал комбригу место в мягком вагоне, а капитану предложил в жестком. Борис Иванович пришел в ужас.

— Что же вы наделали, голуба моя? — с отчаянием восклицал он, ероша волосы. — Чему вас учили в академии?! Разве можно сравнивать комбрига с адъютантом командующего?!

Комбриг он и есть комбриг, а адъютант… Ведь он, окаянный, командующего каждый день и час видит!.. Такого может про нас напеть!.. Комендант перестал бегать по кабинету, остановился, перевел дыхание и плюхнулся в кресло.

— Вот что, голуба моя… Лирику бросьте. Я серьезно говорю: адъютантов впредь не обижайте… Неожиданно он опять разгорячился:

— Да что — адъютантов!.. Если к вам одновременно обратятся за билетом проводник из вагона командующего округом — слышите? проводник! — и какой-нибудь комбриг из линейных войск — слышите? комбриг! — то вы, голуба моя, все дела бросайте — и кровь из носу, — но чтобы у проводника билет был! Вот! А комбригом пусть Чернюгов займется, писарь!

— Борис Иванович…

— Я потому только и Борис Иванович, что это правило свято соблюдаю! Наивны вы еще, вот что! Ну что может комбриг? Жалобу написать? Пусть пишет! А проводник, понимаете, затаит обиду да при случае командарму или маршалу, чай подавая, возьмет и подпустит шпильку, сукин сын! Вот, скажет, товарищ маршал, и с водой-то у нас нынче плохо, и прохладно, и углишка мало… А все ленинградский комендант — Филиппов. Уж я обращался к нему, а он никакого внимания. Только одни обещания… Борис Иванович даже покраснел во время этого монолога, представив очевидно, как "сукин сын" проводник «подпускает» подобную шпильку и какие могут получиться последствия.

— Если вы думаете, что проводники вагонов высоких начальников, а тем более их адъютанты — обычные люди, то ошибаетесь. Много им доверяется, многое с них и спрашивается. А потому мы должны в меру возможностей облегчать их трудную работу! Надо поддерживать авторитет нашей комендатуры! А вы своим академическим подходом режете меня без но-жа… Волнение Бориса Ивановича усугублялось тем, что осенью 1935 года началось присвоение новых воинских званий. Появились лейтенанты, капитаны, майо-ры, полковники, комбриги, комдивы, комкоры, командармы и маршалы. Каждый волновался, не зная, какое звание получит при переаттестации. Еще бы! Некоторым приходилось снимать с петлиц ромбы и На-" девать три, а то и две шпалы, то есть, говоря по нынешнему, лишаться генеральских званий и возвращаться в полковники или майоры. Борису Ивановичу повезло — он остался при своих двух шпалах и ликовал. Ленинградская комендатура находилась на бойком месте. В Ленинград часто прибывали руководители партии и правительства, ведущие работники Наркомата обороны,

Генерального штаба, командующие округами. В наши обязанности входило встречать и сопровождать их от Ленинграда до Москвы, обеспечивая техническую безопасность поездок. Это льстило самолюбию Бориса Ивановича. Он сиял во время церемоний, как большой ребенок. Сердиться на него или иронизировать было невозможно: искренность его просто обезоруживала. Мне приходилось неоднократно сопровождать в Москву Блюхера, Тухачевского, Ворошилова, тогдашнего командующего Ленинградским военным округом Шапошникова. Нас нередко приглашали на чай или ужин к Шапошникову, Тухачевскому…

Глава 10. Партийная чистка

Друзья познаются в беде Осенью 1935 года на мою голову внезапно свалилась беда. Проводилась проверка партийных документов. Меня вызвали в политотдел спецвойск Ленинградского гарнизона. Начальник политотдела, предложив сесть, долго изучал мой партийный билет. Я знал начальника политотдела не один день. Но тогда его словно подменили.

— Значит, вы Старинов? — наконец прервал он молчание.

— Да, Старинов. Надеюсь, мой партийный билет в порядке?

— А вы погодите задавать вопросы… Лучше ответьте: за резолюцию оппозиции не голосовали?

— Нет! Он на минуту задумался и спросил:

— Вы были в плену у белых?

— Да, был. Об этом написано во всех моих анкетах, в автобиографии. В первую же ночь я бежал из плена и вернулся в свой двадцатый стрелковый полк!

— Так вы сами говорите и пишете! А кто знает, как вы попали в плен и как оттуда освободились? Где доказательства того, что вы бежали?

— Есть документы в архивах… Есть живые однополчане!

— Документы, однополчане… Начальник политотдела снова задумался и на короткое время показался таким внимательным, душевным, каким я его знал. Потом опять посмотрел в мой партбилет, который не выпускал из рук, и вдруг спросил:

— А может, вы не Старинов, а Стариков?

— У нас в деревне четверть дворов — Стариновых и ни одного Старикова, — с трудом сдерживаясь, ответил я. Мой собеседник первый отвел глаза. Поджав губы, он помолчал, видимо принимая какое-то решение, и наконец заявил:

— Все ваши слова надо проверить и доказать. Собирайте справки. А партбилет пока останется у нас. Я, наверное, выглядел вконец растерянным, потому что начальник политотдела скороговоркой посоветовал:

— Не теряйте голову. Собирайте нужные документы. Мы запросим архивы… Во взгляде его не было враждебности. Мне даже показалось, что он сам чем-то смущен. Не помню, как добрался до комендатуры. У добрейшего Бориса Ивановича Филиппова, узнавшего о том, что случилось, вытянулось лицо.

— Как же так, голуба моя?.. Я не мог рассказать подробности. С тоской подумалось, что Борис Иванович при всей своей доброте ничем не поможет. Разве я не знаю, какой он осторожный? А тут

— политотдел… Меня подозревают в умышленном изменении фамилии, в обмане партии, чуть ли не в измене…

— Вот что, голуба моя… Пойдем-ка ко мне домой. Да. На рыбу. Вчера с рыбалки привез, — услышал я взволнованный голос Бориса Ивановича. — Выхлопочем вам отпуск, отправитесь куда надо и привезете нужные бумажки… Не расстраивайтесь. Идем на рыбу! Дорого было товарищеское сочувствие, но я отказался от приглашения. Пошел домой, бросился на кровать. Что будет? Как жить, если тебя подозревают в таких преступлениях? Зазвонил телефон. Борис Иванович, оказывается, уже успел побывать и в Управлении дороги и в штабе военного округа.

— Все в порядке, голуба моя! Отпуск вам разрешили. Поезжайте за документами. И не тревожьтесь! Все образуется! Мне стало стыдно. Как я мог усомниться в Борисе Ивановиче? Настоящим человеком в трудную минуту оказался именно он, а не я…

— Ну, ну, голуба моя… — прервал меня в комендатуре Филиппов, когда я принялся сбивчиво толковать о том, что стыжусь самого себя. — Нашли о чем… Получайте билет и с богом. Желаю удачи! В тот же вечер я выехал собирать справки о том, что я Старинов, а не Стариков и что действительно бежал из плена и честно воевал за Советскую власть. Тревога и боль не проходили, но становилось легче при мысли, что Борис Иванович Филиппов — не один хороший человек на свете, что живут на земле тысячи прекрасных людей и что товарищи меня не оставят… Первым делом направился в свою академию.

— Черт знает что! — воскликнул, выслушав мою историю, начальник факультета Дмитриев. — А ну подожди минутку… Он достал бумагу и тут же от руки написал нужную: справку.

— Все уладится, Илья Григорьевич! — уверенно говорил Дмитриев. — Вы же сами слышали товарища Сталина, помните, как он призывал беречь и ценить кадры… Просто какое-то недоразумение, а может быть, и клевета. Теперь предстояло ехать в родную деревню. В Орле я сошел с большим рюкзаком: зная, что в сельмагах многого не купишь, запасся сахаром, селедкой и даже белым хлебом. В 1935 году из Орла в деревни автобусы не ходили. Пришлось шагать по обочине. Болховская дорога длинна и грязна после дождей. Дует осенний знобкий ветерок. Невесело… Вот и обоз. Посадят или нет? На передней подводе сидел мужичок. Что-то удивительно знакомое было в худощавом небритом лице с неповторимо хитрой улыбкой. Если бы снять с мужичка залатанный зипунишко и лапти да обрядить в красноармейскую гимнастерку, в ботинки с обмотками…

— Алеша! — не помня себя от радости, закричал я, — Алеша?

Ты?! Постаревший, поседевший Алеша Бакаев, мой сослуживец по 20-му стрелковому полку, не соскочил, а прямо-таки скатился с телеги. Мы крепко обнялись, оторвались друг от друга, обнялись еще раз.

— Сколько ж это годков, Григорьевич? — бормотал Алеша. — Никак, десять? Каким тебя ветром к нам? Набежали другие подводчики. Кто-то хлопнул меня по плечу. Оглянулся и — глазам не поверил. Передо мной стоял, протягивая заскорузлые руки, Архип Денисович Царьков. Тот самый Архип Царьков, с чьей легкой руки я стал когда-то сапером!

— Архип!

— Илюшка!

— Тебя и не узнать, Архип….

— Да и ты изменился. Ишь в больших чинах ходишь…

— Какие там чины! Как я рад, ребята, родные…

— Негоже на дороге толчись, — трезво рассудил один из возчиков. — Поехали, что ли? Дома наговоритесь! Обоз тронулся. Сидя на телеге рядом с Архипом Царьковым и Алексеем Бакаевым, я рассказал, что привело меня в деревню. Однополчане и удивились и опечалились:

— И тебе не верят, выходит? Н-да… Ты же до конца воевал! Тебя, как заслуженного бойца, в военную школу посылали! Что же деется? Остановился я у Архипа Царькова: семья у него поменьше бакаевской, а изба — попросторнее. Сели за стол. Хозяйка подала картошку в чугуне. Я вытащил хлеб и сельди.

— Хлеб ты хороший привез, — прожевывая ломоть, сказал Архип. — А завтра и мы испечем настоящего ржаного. Со встречей!.. По праздникам мы, брат, уже чистый печем, без мякинки… Ты скажи, как армия наша? Сильна?

— Сильна, Архип.

— Ну, и мне легче, когда знаю — не зря терпим. Спать легли, едва смеркалось: керосину у Архипа было мало. А на следующий день мы с Царьковым отправились по соседним деревням искать однополчан, которые меня хорошо помнили. Таких нашлось немало, и я собрал целую груду справок. Заверять справки поехали в город Волхов. Там все обошлось без волокиты. Радость моя была бы полной, не замечай я забитых хат, поросших бурьяном полей и огородов, темных окон, — Чуешь? Ни гармони не играют, ни девки не поют, — сказал как-то Архип. — Молодежь-то в город норовит податься, а кого выслали попусту… Эх! Если бы коллективизацию проводили, как нам объясняли на политзанятиях! И колхозы бы иначе выглядели, и скот бы мы сохранили… Я полагаю, самое трудное уже позади. В этом году, к примеру, и посеяли больше, и работа пошла веселей… Наладит

партия дело в колхозах! Оживем!.. * * * Борис Иванович Филиппов встретил меня радостно. Просмотрел пачку привезенных справок и одобрил потраченные усилия:

— Бумажка, она, голуба, теперь в силе!.. Я отвез справки в политотдел. Мне сказали, что все проверят, а пока подождать. Ждал долго. Меня временно отстранили от работы с секретными документами, не посылали сопровождать начальство. Борис Иванович переживал происходящее не меньше меня, но твердо верил в благополучный исход:

— Главное, голуба, бумажки у тебя в порядке! И по-прежнему приглашал то на чаек, то на рыбку. Наконец вызов в политотдел спецвойск гарнизона.

— Ну вот, все и проверили, — встретил меня начальник политотдела. — Теперь вас никто беспокоить не будет. Понимаю, нелегко вам все досталось, но… Когда были закончены формальности, начальник политотдела вручил мне новый партбилет и, крепко пожимая руку, посмотрел на меня смущенно, по-дружески. Тяжело мне стало от его смущения. Но вот позади кабинет, коридор, лестница… На улице я потрогал левый нагрудный карман. Партийный билет был со мной! Помчался в комендатуру.

— Борис Иванович!.. Он понял все без слов. Заставил сесть. Потер ладони:

— Вот так, голуба! Бог правду видит! И, довольно улыбаясь, вдруг свел брови:

— Готовьтесь, товарищ Старинов, сопровождать командарма первого ранга Шапошникова. Сегодня же! Насладясь произведенным эффектом, Филиппов подмигнул и засмеялся:

— Хороша все-таки жизнь, голуба моя! То-то!

ЧАСТЬ II. МЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

Глава 1. 1936 год. По вызову "Старика".

Лето 1936 года начиналось жаркими безоблачными днями, светлыми ночами и тревожными сообщениями телеграфных агентств: в Испании, где на февральских выборах победил Народный фронт [В 1931 году в Испании была свергнута монархия и установлена республика. Однако реакционные силы в основным сохранили свое экономическое могущество и политическое влияние. Правительство Лерруса (1933–1935 годы) пытались уничтожить все демократические завоевания. На защиту республики поднялись трудящиеся. В 1934 году в Астурии, Каталонии, Мадриде и других районах произошло вооруженное, восстание. В начале 1936 года антифашистские силы, в авангарде которых шла компартия, объединились в народном фронте. После победы Народного фронта на выборах в кортесы (февраль 1936 года)было образовано лево-республиканское правительство. Страна встала на путь демократического развития. (Прим. авт.)], открыто выступили против законного правительства фашистские генералы.

— Сукины дети! — коротко выругался мой начальник Борис Иванович. — Морду им набить… Никто и не сомневался, что Франко и его приспешникам "набьют морду". Мятежники, обманувшие часть армии, никогда бы не выстояли против народа. Но на помощь им пришли фашистские Германия и Италия. Гитлер и Муссолини послали мятежникам авиацию, танки, регулярные части. По всей нашей стране забурлили митинги, прошли демонстрации солидарности с республиканской Испанией. Советские люди решили оказать борющимся испанским братьям не только моральную поддержку, но и материальную помощь. Начался сбор средств. Трудовые копейки быстро складывались в миллионы. Испания превращалась в передний край международной борьбы за демократию. Немецкие и итальянские антифашисты, англичане и американцы, чехи, поляки и венгры ехали в Испанию, чтобы с оружием в руках бороться против фашистов. Я не находил себе места в спокойном кабинете военного коменданта.

— Ну, чего вы, голуба моя? — досадовал Борис Иванович. — Тоже в Испанию рветесь? Так вы не маленький, сами знаете: если понадобитесь — позовут. А коли не зовут… Конечно, Испания могла обойтись и без меня. Но я все равно мечтал о ней. Мне казалось, что партизан". екая подготовка и несколько военных специальностей, которыми я владел, могут пригодиться республиканской армии. Тем более я знал: в Испанию едут

добровольцы и из нашей страны! После долгих раздумий написал рапорт Народному комиссару обороны с просьбой направить в Испанию и подробно изложил выношенные мною планы обучения республиканских войск действиям в тылу врага. Рапорт дошел до адресата быстро. Меня стали вызывать в различные инстанции. Но дальше распроссов о том, откуда мне известно, что в Испанию едут добровольцы из СССР, дело не шло. Неожиданно я встретил на вокзале бывшего начальника учебной части железнодорожного факультета Военно-транспортной академии РККА М.В.Обыдена. Чуть ли не с первой минуты заговорили конечно же об Испании. Михаил Васильевич — участник первой мировой и гражданской войн, старый член партии. Он хорошо знал меня по академии. Естественно, я рассказал ему о своем заветном желании попасть за Пиренеи, — Надо подумать, — не сразу отозвался Обыден.

— Подумать?

— Видишь ли… Только это должно оставаться между нами!.. Я имею некоторое отношение к отправке добровольцев. Я не поверил своим ушам. Не сразу опомнился.

— Михаил Васильевич!

— Ладно, постараюсь… Обыден уехал в Москву. А через три дня в нашу комендатуру поступило телеграфное сообщение: "Немедленно командируйте зам. ЗКУ Старинова в Москву".

— Все-таки добился своего. А я-то гадал, что даст эта встреча случайная? — развел руками Борис Иванович. — Ну что ж, молодец! Завидую!.. Желаю тебе успеха, Илья Григорьевич.

— Спасибо. Не поминайте лихом.

Глава 2. Через шесть границ

В Москве я узнал, что я направляюсь в Испанию по личному вызову «Старика», моего бывшего начальника Якова Берзина. Быстро пролетели дни, до предела забитые необходимыми в таких случаях процедурами и собеседованиями, бумажной волокитой. Наконец все позади, и вот однажды:

— Знакомьтесь, товарищ Старинов. Ваша переводчица. Тоже из добровольцев, — сказал торжественно начальник 4-го Управления Генштаба Гай Лазаревич Туманян. Девушка тряхнула коротко остриженными русыми волосами и протянула мне прохладную ладошку.

— Анна Обручева, — сказала она глубоким контральто, сделав, как все северяне, особое ударение на «о». Я в замешательстве поглядел на Туманяна и неуверенно улыбнулся Обручевой, избегая взгляда ее больших голубых глаз. Вечером того же дня мы с Анной Обручевой стояли на перроне Белорусского вокзала возле готового к отправке поезда Москва-Столбцы. Провожавшие нас товарищи держались как чуткие, заботливые родственники. Одно было неприятно: нас слишком энергично уговаривали не беспокоиться об остающихся семьях, намекали, что в случае чего наших близких не забудут… Меня эти заверения ничуть не трогали — я был холостяком. Но Анна Обручева оставляла в Москве восьмилетнюю дочурку! И все же держалась моя попутчица молодцом.

… Мягкие диваны, зеркала, полированное красное дерево, надраенные до солнечного блеска ручки дверей, мягкий свет настольной лампы — все в купе международного вагона свидетельствовало о комфорте и призывало к покою. Но покоя я не испытывал. Нам с Обручевой предстояло через день пересечь Польшу, а это сулило мне мало приятного. В польской разведке могли знать о некоем Стари-нове, занимавшемся в приграничной полосе подготовкой к ведению партизанской борьбы. Может быть, у пилсудчиков имелись в секретном досье и некоторые фотографии? Правда, небольшие усики несколько изменили мой облик, и я старательно сутулился, скрывая военную выправку. Но кто знает, выручит ли эта маскировка? Мое настроение совсем испортилось, когда поезд пересек границу и в вагоне появились польские жандармы, а польские таможенники тщательнейшим образом стали проверять багаж. Я пережил довольно неприятные минуты, пока жандарм рассматривал мой паспорт, но продолжал сидеть со скучающим видом.

— Прошу! — сказал наконец жандарм, прищелкнув "каблуками. У Анны Обручевой никаких волнений на этот счет не было: она ехала под своим настоящим именем. В Столбцах мы сделали пересадку на Варшаву, откуда должны были ехать в Вену. В венском экспрессе я просмотрел вечерние газеты. Кричащие крупные заголовки сообщали об успехах Франко. Фотографии изображали кварталы Мадрида, занятые фалангистами. Судя по фотографиям, в столице Испании уже развевались знамена Каудильо, а население радостно встречало фашистских солдат и офицер, Мне и раньше приходилось по долгу службы читать польские газеты. Цену их «объективной» информации я хорошо знал. Продажным писакам ничего не стоило сообщить нынче крупнейшими буквами то, что будет ими же петитом опровергнуто завтра. Но те небылицы об Испании, которыми они попотчевали меня в тот раз, показались просто несносными.

— Подождем до Чехословакии, — сказал я своей спутнице. — Может быть, в пражских газетах есть что-нибудь более толковое… Мои надежды в какой-то мере оправдались. Чехи писали об испанских событиях довольно сдержанно, Здесь даже прожженные журналисты не пытались предрешать падение республики. Более того, из парижских газет я узнал, что войска Франко уже остановлено под Мадридом… Покинув Австрию и миновав Швейцарию, мы оказались во Франции. С нетерпением ждали встречи с Парижем, где творили Бальзак и Золя, где в землю навеки впиталась кровь коммунаров! Увы! Я горько разочаровался! Передо мной был суетливый город, подавлявший непрерывным мельканием автомобилей и оглушительной рекламой, обилием иностранцев и монахинь. Белоснежные чепцы и темные одеяния божьих невест исчезали с парижских улиц только к вечеру, уступая место проституткам… В Париже мне предстояло приобрести много вещей, которые могли понадобиться на войне. В поездках по городу меня обычно сопровождал один из наших добровольцев, танкист Павел. Однажды, выйдя со свертками из магазина, мы. взяли такси. За рулем машины сидел полный, немного обрюзгший человек в помятом кепи. Я назвал нужную улицу и заговорил с Павлом. Шофер сейчас же сбавил скорость. Обернулся. Расплылся в заискивающей улыбке:

— Вы из России? Чистая русская речь и возраст шофера не оставляли сомнений: перед нами был белоэмигрант. Я незаметно подтолкнул Павла.

— Да, мы русские.

— Как радостно встретить соотечественников! Бежали от большевиков? Давно? В наши намерения не входило

представляться первому встречному "русскому парижанину".

— Нет… Мы прибыли недавно.

— Как же вы там выжили?!

— Это — длинная история… А вы здесь, кажется, давно? Успели уже освоиться в столице? Стали даже лихим шофером. Глаза таксиста наполнились обидой?

— Извините, но даже горько… Я — курский помещик, офицер марковского полка! Да-с! Надеюсь, название полка вам кое о чем говорит? Еще бы! Мне это название говорило о многом! В 1919 году я дрался именно с марковцами, попал к ним в плен, бежал, потом участвовал в их разгроме.

— Как же! — скромно ответил я. — О марковцах и нам известно… Такси покатило к центру Парижа.

— Если господа не обедали, я могу рекомендовать отличный ресторан…

— Что за ресторан?

— О, прекрасная кухня, замечательное обслуживание! А главное — его посещают немецкие офицеры, едущие в Испанию. Они живут в гостинице поблизости… Вот на кого стоит посмотреть, господа! Вот кто не миндальничает с «товарищами»! Мы с Павлом переглянулись. Что ж? Любопытно понаблюдать за фашистами, с которым мы скоро, возможно, столкнемся в Испании, — Везите! У подъезда ресторана — вереница автомобилей. Пристроив машину, шофер пожелал сопровождать нас. Столик он выбрал вблизи большой компании молодых людей в штатском. Эта публика сразу обращала на себя внимание: широкие плечи, холеные физиономии, громкие, самоуверенные голоса, надменные взгляды. На лацканах их пиджаков вызывающе чернели значки со свастикой.

— Немецкие летчики! — почтительно пояснил шофер. Они и не думали скрывать цель своего приезда во Францию; во всеуслышание делились соображениями о том, когда смогут совершить первые боевые вылеты, как будут жить и гулять в Мадриде. Посторонних для них не существовало. Заурядные хамы, не больше. Однако наш марковец придерживался иного мнения. Он смотрел на теплую компанию влюбленными глазами. Потом подобострастно заговорил с одним из немецких летчиков, рискнул отпустить какой-то комплимент и, видимо, тоже пришелся по вкусу фашис-. там. Вскоре они уже пожимали ему руку. Начались взаимные похлопывания по плечу, чоканье… Бывший курский помещик вернулся к нашему столу сияющий.

— Вот кому я завидую! — воскликнул он. — Если бы не возраст, я тоже не остался б в стороне! И вдруг его осенило.

— Послушайте! — завопил он. — А почему бы и вам не

поехать в Испанию? Ведь вы-то молоды!

— А мы уже и так об этом думаем, — серьезно ответил Павел. — Может быть, и поедем. Кто знает?

— Это же замечательно! — обрадовался шофер.

— Бесспорно… Перед отъездом из Парижа мы с Анной и Павлом обедали в другом ресторане, неподалеку от нашего Посольства. И надо же было так случиться — возле нас заняли столик трое немцев из давешней компании. Они сразу узнали нас. Один из молодчиков обратился ко мне с вопросом. Говорил он быстро, на незнакомом диалекте, и я не понял смысла произнесенных слов. Тогда в разговор вступил второй гитлеровец. На ломаном русском языке он нагло осведомился, не советские ли мы летчики.

— Ваших здесь много бывает, — насмешливо добавил он.

— Вам это, наверное, не безразлично, — сдержанно ответил я. — Волнуетесь?

— Хо-Хо! Конечно! Нам надо торопиться, чтобы потренироваться. Вот вашим волноваться нечего. Они все равно не успеют приехать до освобождения Мадрида к своим испанским коммунистам… А если и вы летчики, послушайтесь совета — возвращайтесь обратно. Анна неприметно нажала кончиком туфли на мой ботинок.

— Вы ошибаетесь, — спокойно ответил Павел. — Мы не летчики, а строители. Приехали на Всемирную выставку. Немец захохотал, перевел слова Павла своим дружкам, и те подхватили его ржание.

— А не желаете ли посмотреть другой выставка? — ухмылялся гитлеровец.

— Мы откроем выставка в Мадрид. Там будет оружие Москвы. Русские самолеты. Гут?

— Говорят, что республиканцы вас опередили, — опять спокойно откликнулся Павел. — В Мадриде всем показывают обломки «юнкерсов» и «капрони». Ходят слухи, что экспонатов вполне достаточно… Мы принялись за обед. Наше спокойствие бесило хорохорившихся нацистов. Но они не рискнули затевать скандал. Тем более что симпатии посетителей, занимавших соседние столики, были явно не на стороне наглецов со свастикой.

… Нет, не понравился мне в те дни Париж. Не нашел я в нем очарования, какое находили, скажем, герои романов Оренбурга. Тяжело впечатление оставляли окраины, где в лачугах ютились полуголые и вечно голодные алжирские и мароканские рабочие. Удручали даже прилично одетые нищие в центре.

Глава 3. Испания

Мы не опоздали! В Барселоне и Валенсии людей, знамен и речей было много. Но бурную, искреннюю встречу в пригра яичном Порт-Бу я запомнил лучше. Кажется, что могу описать каждое увиденное тогда лицо, а в ушах и по сей день звучат радостные возгласы испанцев… Мы не опоздали! И Порт-Бу от имени всей Испании встречал новых добровольцев. В тот же день мы направились в Барселону. Железнодорожные станции пестрили множеством флагов. Государственные флаги Испании, федеральные стяги Каталонии, алые полотнища коммунистов и социалистов, черно-красные знамена анархистов создавали причудливое переплетение цветов и красок. Барселону называют жемчужиной Средиземного моря. Она действительно прекрасна. Величественны и красивы ее здания, набережные, бульвары, стоящие на рейде корабли. Красивы и люди, живущие в Барселоне. Правительство республиканской Испании размещалось в Валенсии. В Валенсии я без труда разыскал советских добровольцев, прибывших раньше нас. Одним из первых, кого я увидел, был мой прежний начальник Ян Карлович Берзин. По договору с Испанской республикой правительство СССР, выполняя свой интернациональный долг, направило сюда группу военных советников. Берзин являлся старшим военным советником. «Старик», как ласково мы звали Берзина, хотя ему было всего 40 лет, сразу меня узнал и, несмотря на огромную занятость уделил несколько минут.

— Что задержало Вас в Париже? — спросил он.

— Это зависело не от нас, а от Посольства.

— Для вас важно и то, что сплошной линии фронта здесь не существует, — устало улыбнулся Ян Калович. Берзин не развивал свою мысль, но я его прекрасно понял: ходить в тыл фашистов будет относительно несложно. Как и других наших советников Берзина очень беспокоило состояние испанской армии. Она не имела ни четкой структуры, ни единого командования. В армию входили отдельные отряды, подчинявшиеся различным партиям и комитетам. В беседе со мной Ян Карлович не скрывал своей тревоги.

— Что вы поручите мне?

— Будете обучать людей технике диверсии и тактике партизанских действий. Нашу беседу прервал телефонный звонок. Слушая невидимого собеседника, Берзин заметно мрачнел. Я не видел Яна Карловича около трех лет. При встрече

он сразу показался мне постаревшим. Сейчас явно нервничал. Это как-то не вязалось с его образом и даже огорчало. В былые годы выдержка никогда не изменяла моему начальнику. Видно, очень уж плохие вести принес телефон, если и Берзин не в силах сдержать свои чувства. Положив трубку, Ян Карлович извинился, что не может продолжать разговор.

— Еще не раз увидимся! — попытался по-прежнему спокойно улыбнуться он.

— А сейчас, товарищ Стари-нов, вас проводят к генералу Ивону. С ним все договорено. В тот же день мне поручили заниматься с группой товарищей.

Глава 4. Первые ученики в Испании

В группе, с которой я занимался, собрались пожилые семейные люди. Они горячо стремились в тыл врага, но рассчитывали, что их тайно забросят туда для сугубо конспиративной, подпольной работы. Никто из них не предполагал, что в тыл фашистов придется ходить систематически и, выполнив боевое задание, возвращаться на базу. Подобная перспектива моих учеников не радовала, да и я видел, что со старичками далеко не уедешь. Где же им делать вылазки в тыл врага!? Они и ходить-то быстро не могут, задыхаются… В штабе отношение к нашей группе было прохладным, Средств мне не отпускали, покупать необходимые нам приборы и детали приходилось на собственную зарплату. У нас не было даже машины для транспортировки оборудования и людей к месту занятий… Генерал Ивон выслушал меня очень внимательно, Я напористо доказывал, что надо посоветовать руководству республиканской армии повнимательнее отнестись к комплектации и материальному обеспечению групп подрывников.

— Мины не оборонительное, а сугубо наступательное оружие! — убеждал я генерала. — Попадет ли в цель артиллерийский снаряд? Это еще не известно. А заложенная в нужном месте надежная мина бьет без промаха, и эффекта от ее взрыва гораздо больше. Одним снарядом батальон противника не уничтожишь, а мина, пустившая под откос железнодорожный состав, уничтожит и батальон, и его технику. Разве можно пренебрегать таким оружием? Генерал Ивон согласился со мной.

— Давайте организуем курсы по подготовке проверенных бойцов к действиям в тылу фашистов, — предложил я генералу. — Дело это для меня лично не. новое. Можно создать и лабораторию, которая обеспечивала бы нас спецтехникой, и сформировать хотя бы один специальный батальон для действий на путях сообщения врага.

— Предложения полезные, — ответил генерал. — " Но республиканская армия, увы, пока только рождается. И рождается в тяжелых муках… Вам придется для начала поработать, как говорится, кустарным; способом. Надо доказать на деле возможности ваших подрывников… Однако вскоре после этого разговора нас пригласили в Валенсийский провинциальный комитет Коммунистической партии Испании к товарищу Урибесу, который объявил нам о предстоящей встрече с Хосе Диасом и Долорес Ибаррури. Долорес Ибаррури Генеральный секретарь

Коммунистической партии Испании встретился с нами на следующий день. Здание ЦК охранялось: в городе действовали остатки "пятой колонны", бесчинствовали анархисты. Но нас пропустили без особых формальностей. Хосе Диас — молодой человек с тонким умным лицом, крепкими руками, быстрыми движениями попросил меня изложить суть моих замыслов. Слушал Он внимательно. В знак одобрения кивал головой. Отворилась дверь. Вошла женщина в черном платье. Я сразу узнал легендарную Пассионарию и встал, прервав на полуслове изложение своих планов. Долорес Ибаррури пожала мне руку, обняла за плечи Обручеву, называвшуюся теперь Луизой. Потом присела с Хосе Диасом, и они горячо заговорили между собой. Как я завидовал Анне, понимавшей по-испански! Наконец Хосе Диас объявил через переводчицу; — В ближайшие дни вы получите все возможное, но впереди много трудностей. Их нелегко преодолеть в наших условиях… Однако все уладилось очень быстро. Для школы подрывников отвели прекрасное помещение — вместительный особняк на окраине Валенсии. Отпустили нам и необходимые средства. А главное — прибыла первая группа молодых бойцов. Их было двенадцать. Возглавлял ее тридцативосьмилетний капитан Домин-го Унгрия. Он не просто пришел. Он приехал к зданию школы. На двенадцать человек у группы Доминго было пять легковых машин и грузовик.

— Думаю, на первое время хватит? — спросил он. Так было положено начало будущему 14-му партизанскому корпусу.

Глава 5. Первые вылазки в тыл врага

Капитан Доминго «Испано-сюиза» подкатывает к дому в Бениамете[Пригород Валенсии], где размещена школа. Первым навстречу вылетает Антонио — восьмилетний сынишка капитана Доминго.

— Сейчас же вернись, негодник! — кричит жена капитана, полная, добродушная женщина. Раньше у нее была одна забота: следить, чтобы сын не свалился с лошади или не попал под копыта (Доминго по профессии кавалерист). Но с тех пор как муж стал командовать подрывниками, в карманах у сына находят патроны динамита и запалы. По сравнению с ними упражнения мальчика на андалузском скакуне кажутся матери безобидным занятием.

— Оставь в покое парня! У него макеты и использованные запалы! Это отдает приказ жене сам Доминго. Он вышел из парадной двери особняка и приветствует нас традиционным жестом республиканцев. Доминго черноволос, худощав и чем-то смахивает на узбека. Для своих тридцати восьми лет он очень подвижен и кажется неуравновешенным. Однако то, что принимают за неуравновешенность, просто присущая ему экспансивность. У Доминго ее несколько больше нормы, только и всего. По рассказам товарищей, Доминго очень храбр. Я верю этим рассказам: бывалые фронтовики относятся к капитану с подчеркнутым уважением. Наконец все бойцы в сборе. Я начинаю занятия. Стараюсь меньше говорить и больше показывать. Учу делать и устанавливать мины. Как внимательно слушают мои ученики переводчицу! Чудесные ребята! Каждый понимает, затишье на фронтах — дело временное. Они рвутся в бой. А пока используют каждую минуту, чтобы научиться делать и применять новую для них — мирных людей — технику.

… Вскоре нам предложили участвовать в Теруэльской операции. Командование республиканской армии совершенно справедливо считало, что захват мятежниками Теруэля и образование так называемого теруэльского выступа таят в себе большую опасность. От Теруэля до Валенсии, где располагалось республиканское правительство, немногим более ста километров по прямой. Если мятежникам и интервентам удастся развить успешное наступление, они прорвутся к морю, отрежут Каталонию от остальной Испании и выйдут в тыл защитникам Мадрида. Ликвидация же теруэльского выступа позволяла республиканским войскам обезопасить Валенсию, сократить линию фронта и лишить противника выгодного плацдарма.

Данные разведки казались утешительными: по последним сведениям, противник не располагал на теруэльском выступе большими силами и не ждал решительных действий республиканцев. Из войск, готовившихся к Теруэльской операции, наиболее боеспособным соединением являлась 13-я интернациональная бригада. Рассчитывать в случае тяжелого боя на особую стойкость анархистских колонн не приходилось. Во второй половине декабря 1936 года вместе с группой капитана Доминго, состоявшей из восемнадцати человек, я выехал в село Альфамбру. Мы погрузили с собой в машину динамит, тол, простые ампульные мины и колесные замыкатели. Наш динамит обладал крайне неприятным свойством: он безотказно взрывался при попадании первой же пули. В этом нам пришлось убедиться на своем импровизированном полигоне под Валенсией. Я пробовал делать динамит безопасным. В результате флегматизированный динамит моего изготовления действительно получился совершенно безопасным: не хотел взрываться ни от капсюля-детонатора ни даже от инициирующего заряда. Поневоле приходилось пользоваться тем, что дали. Альфамбра, как и Теруэль, расположена на высоте девятисот метров над уровнем моря. Нам предстояло проехать более двухсот километров, причем сто пятьдесят из них по горным дорогам. День выдался солнечным, и домики села, сложенные из камня, казались только что выбеленными. По улочкам сновали бойцы. Местные жители, особенно дети, с любопытством рассматривали прибывающие сюда республиканские войска. На следующее утро тревожно завыла сирена: воздушная тревога! Скопившиеся в селе машины стали разъезжаться. Не растерялся и наш водитель Пеле: он быстро завел свой форд и вывел его в поле. Бомбежка велась с большой высоты и не нанесла войскам существенного урона. Из-за тесноты в Альфамбре Доминго пустился на поиски удобного для нас помещения в соседние деревни. В конце концов мы устроились в Ориосе и уже оттуда поехали к командующему участком. Командующий теруэльским участком — увешанный оружием анархист — принял нас очень недоброжелательно. Он был весьма самонадеян. Громовым голосом объявил, что подготовленное им наступление станет историческим! Когда командующий умолк, Доминго попросил разрешения изложить наш план действий. Капитан предлагал услуги группы подрывников для разрушения железной и шоссейной дорог на участке Теруэль — Каламоча и организации крушения поездов с войсками противника. Командующий безнадежно махнул рукой. Нет, он не верит в возможность успешного крушения вражеских эшелонов… Группы подрывников

должны быть готовы к разрушению связи противника, к захвату «языков», а останется время — что ж, пусть попробуют взорвать железную дорогу… Подобрав двух проводников, мы возвратились в Ориос и застали у себя в подразделении весьма живописную картину: кто грелся у камина, кто курил. сидя на ящике со взрывчатыми веществами, а Рубио тут же мастерил взрыватель. Люди явно пренебрегали мерами безопасности по обращению с минноподрывными средствами. Кто же, как не я, виноват в этом?.. Первая диверсия Операция началась позднее, чем намечалось. Командующий вторично вызвал к себе Доминго и приказал разрушить все линии связи в пятнадцати — двадцати километрах севернее Теруэля, а также взорвать автомобильную и железную дороги, соединяющие Теруэль с Калатаюдом.

— Ты тоже пойдешь с подрывниками? — спросила меня Обручева.

— Да. Надо.

— Разве люди плохо подготовлены?

— Дело не в этом. Какое впечатление может создаться у бойцов, если я останусь?..

— А я должна ждать здесь, в Ориосе?

— Ну не обязательно в Ориосе…

— Прости, но я не согласна. Я твоя переводчица и буду находиться рядом. Заявление было сделано таким категорическим тоном, что пришлось согласиться. Услышав, что Луиза идет с нами, капитан Доминго в отчаянии поднял руки:

— Женщины в тыл не ходят!

— Ходят, Доминго. Готовь людей. Возьмем двенадцать человек. Шестеро останутся в резерве… Нагрузившись взрывчаткой, мы отправились к позициям роты, из расположения которой предстояло проникнуть в тыл мятежников. Подрывники сменили кожаную обувь на — веревочные сандалии — альпаргатас. В ботинках по горам далеко не уйдешь. Вооружены все пистолетами и ножами. Кроме того, Рубио тащит на всякий случай ручной пулемет. Выступили засветло. Впереди проводники, за ними — капитан Доминго, я и Луиза, дальше — остальные. На спинах у каждого — белые лоскуты с привязанными к ним гнилушками, чтобы не потерять друг друга в темноте. У меня и Доминго — бинокли. Мы тщательно осматриваем местность. На ночное время уточняем сигналы «Внимание» и «Остановка». Ночь в горах наступает стремительно. Рядом с проводниками теперь шагают Антонио и Рубио. Посты противника где-то рядом. Надо двигаться совершенно бесшумно. Но наши люди недостаточно подготовлены к ночным переходам. Удивительное чувство возникает при переходе линии фронта

ночью. Кажется, что идешь по узкому мостику над пропастью. Оступись и — конец… Но вот линия фронта уже позади. Мы шагаем бодрее и к трем часам утра выходим на автомобильную дорогу Теруэль — Каламоча. Залегли метрах в ста от ее полотна. Отдышались, перекусили. Разделились на две группы. Бойцы, возглавляемые Антонио Буйнтраго, будут минировать железную дорогу. Группа Доминго должна поставить заряды для подрыва двадцати телеграфных столбов на шоссе и взорвать мост. Автомобильная дорога оказалась широкой и была заасфальтирована. Железобетонный мостик на редкость прочен. Нашей взрывчатки явно не хватит, чтобы сильно разрушить его. До железной дороги около пятисот метров. Вокруг ни души. Но у нас очень мало времени: скоро начнутся взрывы. К счастью, здешний мост оказался легко доступным для диверсии. Работали, стоя на дне высохшего ручейка. Заряды отлично устанавливались сбоку на металлических балках. Заминировав мост, торопливо принялись за телеграфные столбы. Как всегда, в спешке что-то не выходит сразу. А времени уже в обрез. Подожгли фитили зарядов на мосту и начали отходить. Первые взрывы прогремели, когда мы достигли шоссе. Ночную тьму прорезали яркие вспышки света. Прибавили шагу. И хорошо, что не замешкались! На автомобильной дороге тоже начались взрывы. Там, где находился железобетонный мост, пламя вымахнуло в полнеба. От взрыва вздрогнула земля… На пункте сбора царило ликование, но радоваться было еще рано. Я опасался, что противник подбросит к месту взрыва солдат и начнет преследование. Мы видели огни машин, спешивших к поврежденному участку! Следовало немедленно уходить. В обратный путь отправились налегке. Довольные удачей, люди не чувствовали усталости. Уже с солнышком мы вышли в расположение республиканских войск. Доминго отправил подрывников на отдых, а сам вместе со мной поспешил на доклад к командующему. Только после полудня мы были приняты. Командующий, размахивая руками, стал упрекать нас за то, что сделали мало, "только нашумели".

— Противник получает подкрепление! Связь у него работает! — надрывался командующий. Доминго резко ответил, что задание выполнено точно и в срок. Присутствовавший при этом разговоре наш артиллерийский советник Н. Н. Воронов, улучив момент, сказал:

— Поймите состояние командующего. Наступление развивается не по плану, войска несут большие потери.

— Но при чем тут мы?! Разве малочисленная группа подрывников могла обеспечить успех наступления?

— Конечно нет. Однако командующий все наседал на

Доминго:

— Вы, видимо, ничего не взорвали и вовсе не уничтожили связь!.. На наше счастье, один из проводников оказался анархистом. Он принялся орать на командующего, доказывая, что мосты были взорваны. Отчаянно жестикулируя, проводник показывал, как летели обломки. Не знаю, убедил ли он командующего, или тому просто надоели пререкания, но нас наконец отпустили, приказав готовиться к новой вылазке, Я был сильно удручен. Конечно, судьба наступления не зависела от действий нашей группы, но мы могли сделать больше. Могли, если бы проявили на свой страх и риск больше самостоятельности. В самом деле, зачем было подрывать столбы проводной связи, когда всем известно, что у мятежников есть полевые рации? Да и восстановить эти повреждения на линии фашистам было совсем нетрудно. Когда я вернулся к своим ученикам, первоначальное возбуждение у них прошло. Бойцы выглядели усталыми. Почти у всех были потерты ноги.

— Тодос еста бьен[3], - храбро солгал Доминго, глядя на вопрошающие лица боевых товарищей. — Однако от нас ждут большего. А сейчас — спать! Капитан не хотел обескуражить подрывников. Но вряд ли от них укрылась его хмурость.

— А в чем все-таки дело? — спросил за всех Рубио.

— В чем?! — взорвался Доминго. — Теруэль не заняли, вот в чем! З Все в порядке. Бойцы переглянулись. Причина была достаточно веской, чтобы объяснить плохое настроение командира. На машинах по тылам фашистов Несмотря на первоначальные неудачи, командование продолжало попытки захватить Теруэль. Интербригада прорвалась к самому городу, за ней продвинулись другие республиканские части. Противник пока не контратаковал. Это позволяло надеяться на успех. На второй день наступления подрывники получили приказ вновь идти в тыл мятежников. Капитан Доминго задумался. У людей потерты ноги, а им шагать более сорока километров! Пеле невозмутимо предложил использовать для вылазки машины. Первым отозвался на это Рубио:

— Ты, наверное, не в своем уме… Но Пепе не удостоил его ответом. Он спокойно убеждал переводчицу и Доминго, что поездка на машинах совсем не опасна… А в случае чего — на машинах легко и удрать! Перспектива такой вылазки понравилась и другому шоферу — Хуану. Он горячо поддержал Пепе. Доминго тоже загорелся новой идеей, и мы решили рискнуть. В полдень три машины въехали в лесок на ничейной территории и направились к автомобильной дороге Теруэль — Каламоча. Сначала тряслись по суходолу, поросшему на склонах

кустарником, а в четырех километрах от своих позиций выскочили на полевую дорогу и прибавили скорости. Безмолвны холмы вокруг. Желтеет под солнцем чахлая трава. Темнеют вдали одинокие валуны. Ни зверька, ни овечьей отары. Только высоко в небе парят редкие облака. Приземистая пастушья хижина (кортихо), сложенная из камней, видна на ровном месте за целый километр. Останавливаемся в укрытии, посылаем разведку. Получаем сигнал: можно ехать! У хижины — ни души. Оседланная лошадь пощипывает невдалеке траву. Настороженно подняв голову, она с испуганно шарахается от бойцов. На седле видна запекшаяся кровь, Заглядываем в хижину — пусто. Тут по-видимому разыгралась какая-то трагедия. Какая? И чем это может угрожать нам? Загнав машины в тень растущих возле кортихо деревьев, мы внимательно рассматриваем в бинокль местность. Кругом все спокойно. Можно двигаться дальше. Но не проехали и двух километров, как заметили на склоне ближайшей горы группу вооруженных людей. Попытка проскочить и скрыться за поворотом дороги не удалась. Захлопали выстрелы, засвистели пули. Бойцы четко выполняют команду. Высыпав из машин, они залегли'и открыли ответный огонь. Хуан бьет короткими очередями из ручного пулемета. Кажется, что пулемет в его руках дрожит от ненависти, Наш огонь очень плотен и, видимо, не безрезультатен. Противник умолкает. Люди на склоне горы начинают делать перебежки и отступать. Но отступают они почему-то… на восток, в сторону республиканских позиций. Доминго кричит, чтобы наши прекратили стрельбу. Что за черт?! Может быть мы столкнулись со своими разведчиками? Почему никто не предупредил нас о возможности такой встречи? В штабе утверждали, что за линией фронта нет ни одного республиканского подразделения… Поднимаем красный шарф. Группа на склоне горы отвечает нам тем же. Хуан просит, чтобы его послали для переговоров, Мы соглашаемся и с замиранием сердца ждем, вышлют ли неизвестные своего представителя навстречу Хуану. Не прогремит ли роковой одиночный выстрел. Хуан все идет… Из кустов появляется человек и начинает осторожно спускаться навстречу нашему представителю. Вот они сходятся. Через минуту Хуан оборачивается и весело машет рукой. Мы поднимаемся с земли, выбирается из кустов и «противник». Все прояснилось очень быстро: мы столкнулись с разведывательной группой одной из анархистских колонн. Браниться? Ссориться? В нелепой стычке не виноваты ни они, ни мы. Выяснив у разведчиков, что впереди до самой автомобильной дороги нет фашистских отрядов, мы снова пускаемся в путь. И уже через полчаса, замаскировав машины в кустарнике,

наблюдаем за движением вражеского транспорта по шоссе Теруэль — Каламоча. Видна нам и безжизненная железная дорога. Похоже, поезда ходят крайне редко. На автомагистрали охраны нет. Идут по ней главным образом одиночные машины. Редко появляются колонны из десяти — пятнадцати грузовиков, порой с солдатами, порой с поклажей. Шоферам фашистов и в голову не приходило, что у дороги легковушки республиканцев. Выждав, пока приблизится очередная колонна машин, груженных какими-то ящиками, открываем дружный огонь. Некоторые грузовики с ходу сползли на обочину. Шоферы попрыгали в канавы. Одна машина загорелась. Остальные дали газ и поспешили скрыться. Чтобы задержать возможную погоню, мы, отъехав от шоссе, поставили в колею замыкатель из спичечной коробки (точно такой, какой я показывал Тухачевскому год назад), а в придорожных кустах заложили солидный заряд тола. Такая предосторожность оказалась не лишней. Вскоре до нас долетел звук глухого взрыва. Видимо, фашисты наскочили на фугас и воздержались от преследования… Нашу вылазку считали успешной, но я вернулся в невеселом настроении. Ведь собственными глазами убедился, что мятежники быстро исправили повреждения от наших мин и фугасов не только на шоссе, но и на железной дороге. Выходит прав был командующий участком? Подрывники действительно не приносят пока войскам, ведущим тяжелые бои под Теруэлем, той пользы, на которую мы рассчитывали… На следующий день капитан Доминго и Антонио снова повели в тыл врага две группы минеров.

Глава 6. 1937 год

Первая потеря Наступил новый, 1937 год. В новогоднюю ночь мы перебирались из Ориос в Альфамбра. На середине пути нас задержала колонна анархистов и потребовала отдать машины. Доминго вылетел из кабины, как разъяренный лев. Щелкнув затвором, он закричал, чтобы анархисты освободили дорогу. Хуан и Рубио встали по бокам командира, держа оружие наизготовку. Пеле выхватил гранату. Анархисты отступили. Вслед нам неслась брань и угрозы. В Альфамбре, как всегда, прием был не из теплых. Теруэль продолжал оставаться в руках фашистов. Анархисты изворачивались, искали виновных. Посыпались упреки и на наши головы.

— Мятежники подвозят по железной дороге резервы, а вы ничего не предпринимаете! — рычал командующий. Он был не прав. Но оправдываться не имело смысла… Доминго знал, что наши люди не в состоянии ходить: после пятидесятикилометрового перехода ноги у большинства были сбиты до крови. Не рискуя еще раз углубляться в тыл мятежников на автомобилях, он все же попытался пробиться к железной дороге с двадцатью бойцами на лошадях. Но, так и не достигнув цели, его "группа в ту же ночь вернулась обратно. А тут приказ: сняться с фронта и убыть в Валенсию. Жена капитана пригласила всех к столу.

— Дождемся Хуана, — попросил я. — Он закроет машину и сейчас поднимется За окнами ударили выстрелы. У подъезда, возле лакированного форда, мы увидели нашего Хуана. По асфальту вокруг него расползалось темное густое пятно. Правая рука как бы защищала пробитое сердце… Убийц уже преследовали. Мы тоже бросились вслед за бегущей толпой. Задержанные отбивались, кричали. Доминго выбил пистолет у одного из них, второго обезоружили подоспевшие бойцы. В штабе ближайшей части выяснилось: оба налетчика принадлежат к анархистской колонне.

— Нам нужна была машина, а ваш шофер сопротивлялся… Эти подонки даже не считали себя виноватыми! Хуана похоронили на другой день. Близкие вложили его гроб в нишу каменной стены, и кладбищенский рабочий зацементировал отверстие.

— С тобой хотят поговорить, — шепнула Обручева.

— Я брат погибшего, Висенте, — крепко сжимая мою руку, представился юноша. — Возьмите меня к себе! Попытаюсь

заменить Хуана… Коррида Сегодня бой быков — коррида. Головорезы Франко стоят под самым Мадридом, захватив часть Университетского городка в ноябре 1936. Под Теруэлем потеряны сотни солдат. Но… сегодня — коррида! В Потерне, на окраине города, на пустыре за особняком, где помещается наша школа, по ночам слышны выстрелы. Это расправляются со своими жертвами анархисты. Они заявляют, что расстреливают контрреволюционеров. На самом же деле анархисты убивают и ограбленных ими людей. Но… сегодня — коррида! Авиация противника все чаще бомбит Валенсию. На улицах — голодные, измученные беженцы. Кое-где туго с продовольствием. Противник готовит наступление на южном фронте. Но… сегодня — коррида! Сегодня коррида, и капитан Доминго с семьей, Антонио с юной женой и братом, огневолосый Рубио, малютка Пеле, даже неутешный брат Хуана — Висенте, сделавшийся постоянным шофером в нашей группе, — все спешат в центр, куда уже давно течет пестрая толпа валенсийцев: они не в силах отказаться от удовольствия посмотреть на любимых тореадоров. Я, несмотря на все уговоры, остаюсь дома. Хватит с меня одной корриды. Больше не хочу быть свидетелем красиво обставленного убийства ни в чем не повинных животных. По-прежнему беспокоит одно — исключительная беспечность некоторых подрывников в обращении со взрывчаткой. Динамит, взрывающийся от трения или сильного удара, им хоть в руки не давай. Выкроив время, я успел за эти дни съездить в Картахену на военно-морскую базу. Передав Н. Г. Кузнецову записку от Берзина, заполучил у моряков пять глубинных бомб с тринитротолуолом. Моряки — молодцы! Мятежникам никак не удается блокировать побережье республиканской Испании. Военные корабли республики самоотверженно несут патрульную службу. Несмотря на пиратские действия итальянского флота, они проводят в Картахену и другие порты многочисленные грузовые суда. Картахена, основанная еще до нашей эры (в те времена называлась Карфагеном), гордо хранит свою боевую славу. Н. Г. Кузнецов посетовал, что мы разоружаем его: глубинные бомбы нужны для борьбы с подводными лодками. Но, узнав, что тол будет использован для действий в тылу врага, сам уладил с командованием необходимые формальности. Он просил только об одном: не забывать при вылазках в тыл мятежников об их аэродромах. Бомбы я привез в Валенсию, и мы выплавили из них более двух тонн тола. Занятие кропотливое, опасное, но необходимое. Теперь мы обеспечены взрывчаткой куда более надежной, чем динамит. А позавчера я получил жалованье и купил несколько пар дешевых карманных часов. Теперь мастерю

часовые замыкатели. Пока подрывники развлекаются на корриде, я, пожалуй, покончу и с этой работой. Сильно все же подмочил нашу репутацию Теруэль… Группа Доминго все еще на положении пасынка. Командиру приходится беспокоиться и о продовольствии и о бензине. Отряд пополняется Данные о приготовлении противника на южном фронте подтвердились. Мятежники начали наступление. Группе Доминго приказано срочно отбыть на южный фронт. Занятия с новичками будут вести шестеро «старичков». Все остальные собираются в дорогу. Берем с собой около тонны тола, полтонны динамита, все наши новые мины, колючки для прокола автомобильных шин. До отказа забиваем этим имуществом старый грузовичок и добытые правдами и неправдами пять легковых автомашин. Машину с динамитом, как всегда, ведет малютка Пеле. Моя переводчица глазами показывает мне на новую повариху группы — Розалину. Девушка у нас недавно. По профессии она портниха, но отлично освоила минную технику. Заметив, что бойцы пытаются как попало, порой всухомятку, она принесла в жертву товарищам свою романтическую мечту и согласилась стряпать.

— С одним условием, Доминго! — заявила она. — Вы все-таки будете пускать меня на задания. Сейчас Розалина усаживается в машину Рубио. Рядом с ним устраивается коренастый с плутовскими глазами андалузец Мигель. Похоже, скоро у нас появится еще одна чета молодоженов. Синьора Розалина машет нам вслед, высоко подняв строгое, сразу потемневшее лицо. Наша колонна машин вырывается из Валенсии. Место назначения — Хаен. Не знаю, сколько времени добирались бы мы до Альбасете — первого большого города на нашем маршруте, если бы не отличная асфальтовая дорога. В Испании много хороших шоссе. Густота их раза, четыре превосходит густоту железнодорожных путей Сейчас автомагистраль просто спасает нас: начались затяжные январские дожди; небо словно прогнулось под тяжестью туч; трава, прибитая ливнем, влипает в размокшие обочины. Темные безлюдные поля разбухли от влаги. Как не похожа эта поездка на путешествие в Картахену! Тогда светило солнце, в Аликанте я даже купался, а здесь невольно запахиваю куртку и поглубже натягиваю берет. Там на ветвях и под деревьями пламенели цитрусы. Тут плоды лишь тускло светят через темную от дождя листву, и, может быть, поэтому кажется, что их меньше. Да и безлюдные поля настраивают на печальный лад. А может быть, все кругом кажется таким мрачным потому, что я нервничаю? Хаен должен стать Тулоном подрывников! Если и здесь мы не оправдаем надежд командования, значит, и я, и все наши бойцы

даром едим хлеб республики… Вот и Альбасете. Здесь короткая остановка. Бойцы разминаются, осматривают машины. На улице я столкнулся лицом к лицу со старым знакомым — Я Н.Смушкевичем. Мы не виделись больше года и, конечно, не предполагали, что встретимся не в Москве, не в Ленинграде, не в Белоруссии, не на одном из черноморских курортов, в конце концов, а за тысячи километров от родины, в небольшом, но теперь уже знаменитом городе Испании.

— Никуда я вас нынче не отпущу! — решительно сказал Смушкевич.

— А как быть с подрывниками? Обычно нас ставят на довольствие те части, на чьем участке мы действуем…

— Устроим, — успокоил меня Смушкевич. — Думаю, испанское командование не откажет в маленькой просьбе своему авиационному советнику. Поехали ко мне! Смушкевичу не отказали в его просьбе. Мы разместили людей, пообедали, отправили отдыхать Луизу и Розалину и присели со Смушкевичем у высокого дотлевающего камина.

— Вот так и воюем, — вздохнул он. — Мало, чертовски мало самолетов. Соколы наши дерутся сам знаешь как. Да мало их… А как у вас? Я рассказал о теруэльских переживаниях, о своих планах, а потом признался, что трудно в нашем деле работать с переводчицей.

— Слушай. У нас тут пополняется интербригада. Среди ребят много поляков и чехов. Наверняка кто-нибудь знает испанский, а? Сегодня же выясним это дело и найдем добровольцев для команды подрывников. Узнав, что для работы в тылу противника нужны люди, знающие русский, первыми явились к нам два югослава — Иван Хариш и Иван Карбованц. Иван Хариш был приземист и плотен, Иван Карбованц — худощав и высок. Товарищи по интербригаде в шутку называли друзей Патом и Паташоном. Впоследствии в отряде Доминго Харишу и Карбованцу дали прозвища Хуан Пекеньо (маленький) и Хуан Гранде (большой). Оба приятеля — в прошлом моряки. Оба знали английский, французский, испанский и русский, а Иван Гранде вдобавок владел еще и итальянским. Следом за югославами к нам пришел красивый насмешливый чех Ян Тихий. Затем появились американский еврей Алекс, болгары Павел и Вастлин. А потом мы просто растерялись: от интербригадовцев, желающих бить врага в его тылу, буквально не стало отбоя. Немцы, австрийцы, французы, финны, итальянцы, венгры — все шли к нам.

— Надо брать! — лихорадочно нашептывал мне капитан Доминго, поблескивая возбужденно горящими глазами. — Посмотри, какой народ! Где еще найдешь таких ребят? Да и когда

нам дадут пополнение?! Мне тоже не хотелось отказываться от этого подарка судьбы. Переговорив в штабе с товарищами, занимавшимися комплектованием интербригад, я получил в Альбасете не двух переводчиков, а более двадцати отличный бойцов.

Глава 7. Под Гранадой

Город Уаен Хаен прилепился к подножию горы и, казалось, утопал в зелени. Но первое впечатление оказалось обманчивым. Сады и рощи лишь окружали город. Уже на окраине нас встретил суровый камень. В узких ущельях средневековых улочек ни кустика, ни травинки. Только кое-где в центре робко зеленела трава на скверах, и там же стройными рядами высились вечнозеленые деревья, за которыми заботливо ухаживали люди. Странен был этот окаменевший город, имевший почти шестидесятитысячное население. С исступлением монаха-фанатика он отталкивал протянутые к нему нежные ветви апельсиновых и мандариновых садов, упорно не желал слушать волнующий шелест оливковых деревьев. Но жители Хаена отнюдь не напоминали монахов. Линия фронта проходила всего в двадцати пяти — тридцати километрах, а они шумно наслаждались всеми доступными благами жизни. Думаю, что чудесная испанская музыка проникала по вечерам даже за высокие стены огромного женского монастыря… В Хаене мы с Доминго и с переводчицей сразу направились в провинциальный комитет Испанской коммунистической партии, секретарем которого был член ЦК КПИ товарищ Немесио Пасуэло. Он тепло встретил нас, познакомил с находившимся тут же другим секретарем — товарищем Кристовалем Валенсуела. Быстро были решены все вопросы, связанные с пребыванием группы минеров: размещение, связь с командирами частей, материальное обеспечение. Товарищи из провинциального комитета КПИ приготовили для нас помещение как раз возле женской обители. Глядя на монастырь, широко раскинувшийся почти в самом центре города, Висенте рассудительно заметил:

— Такое соседство нам не помешает. Фашистская авиация не будет сбрасывать сюда бомбы! Но он ошибся. При первом же налете бомба угодила в соседний с нами дом… В тот же, кажется, день мы получили очень важную для нас информацию о существовании в тылу франкистов на территории провинций Кордова и Гранада нескольких партизанских отрядов. Большой партизанский отряд обосновался, как нам сказали, в районе шахт Минас де Рио-Тинто. Его бойцы изо дня в день совершали дерзкие налеты на противника. Однако постоянной связи ни с этим отрядом, ни с другими не имелось. Организованного подполья в тылу мятежников создать здесь не успели. Население некоторых городов и деревень полностью ушло на территорию республики.

И все же мы верили, что маши подразделения смогут действовать успешно. В самом деле, сплошного фронта нет. В горах — масса естественных укрытий, где маленькие группы минеров легко могут скрываться днем. Больше того, многие важные для противника пути сообщения находятся так близко от передовых его позиций, что вылазки можно спокойно совершать в течение ночи. Об этом я и сказал военному советнику Кольману, у которого побывал в первый же день приезда в Хаен. Прекрасный товарищ, спокойный и рассудительный, как почти все латыши, Кольман полностью согласился со мной.

— Группе Доминго предстоит действовать в районах Гранады, Кордовы и Пеньярроя, — склонившись над картой и обводя карандашом называемые пункты, говорил он. — Командование фронта требует, чтобы вы лишили противника возможности планомерно подвозить резервы. Нужно также отвлечь как можно больше фашистских частей на охрану путей сообщения. Одновременно подрывникам поручается ведение разведки и захват «языков». Сможете?

— Нашим легче подорвать несколько автомашин или пустить под откос воинский эшелон, чем захватить "языка".

— А организовать взрывы на складах и аэродромах?

— Это можем! — горячо воскликнул Доминго.

— Тогда уточним, чем вы располагаете и что надо предпринять в первую очередь… Военный советник отбросил карандаш, сел и сильно потер высокий с залысинами лоб:

— Признаться, устаю, — виновато улыбнулся он. — Очень много забот и хлопот, Морское братство Время, проведенное в Хаене не пропало даром. Теперь мы располагали внушительной, по сравнению с Теруэльской операцией, силой и могли действовать в составе многих групп. Доминго доложил командованию фронта, что бойцы готовы к боевой работе. Перед подрывниками сразу поставили несколько задач. Подрывники направлялись и под Кордову, и под Гранаду, и в район севернее Кордовы. Предстояло взрывать железнодорожные и шоссейные мосты, организовывать крушения воинских эшелонов, подрывать вражеские автомашины, выводить из строя самолеты на аэродромах и промышленные предприятия, работающие на фалангистов. Отдельным группам поручалось нащупать в тылу противника людей, сочувственно относящихся к республике и готовых помочь в уничтожении важных военных объектов. Позиции республиканских войск с севера подходили к Гранаде на восемь-десять километров. Они охватывали город полукольцом. В распоряжении мятежников в то время была одна железная дорога, связывающая гарнизон Гранады с Севильей, Кадиксом и другими

крупными центрами, занятыми фашистами на юге Испании. В их руках находилась также автомагистраль, идущая на запад. По указанию командования специальные подразделения должны были в одну из ближайших ночей взорвать мост на железной дороге примерно в десяти километрах северо-западнее Гранады и лишить военную промышленность города электроэнергии. Мы прибыли к месту назначения в середине дня. Машины пришлось оставить в нескольких километрах. И вовсе не потому, что опасались налета или артобстрела. Из-за долгих дождей стали совершенно непроезжими немощеные дороги. Взрывчатку мы пока не выгружали из автомобилей. Возле них дежурила надежная охрана, а остальных бойцов я повел на КП батальона, оборонявшего указанный нам участок. Увязая в грязи, мы наконец отыскали этот КП в четырех километрах от шоссе. Командир батальона — тучный сорокапятилетний человек, в прошлом моряк — знал о приезде подрывников и ждал нас. Его не смутили осторожные намеки на то, что у нас туго с продовольствием.

— И накормлю, и обогрею! Вот виллы для отдыха не подготовил… Заночуете без каминов и без матрацев! — пошутил он и, в упор посмотрев на Хуана Гранде, спросил: — Моряк? Комбат бурно радовался, что угадал профессию Хуана. Они хлопали друг друга по плечу, без околичности перешли на «ты», пустились вспоминать знакомые корабли, порты, каких-то неведомых владельцев таверн и кабаков от Лондона до Лимы. И я понял: тут мы не пропадем. Моряк моряка не подведет, расшибется в лепешку, а сделает, что нужно! Так впоследствии и получилось. Командир батальона обеспечил нас довольствием, подобрал отличных проводников и даже выделил бойцов для участия в вылазках группы. Правда, поначалу он нас и огорчил: оказалось, что батальон не ведет поисков.

— Почему, командир? Моряк пожал плечами:

— Но ай орден! Это проклятое "нет приказа" мы слышали в Испании не в первый раз. Разведку противника придется вести, как и под Теруэлем, самостоятельно, и мы мирились с этим. Вечером командир батальона провел меня и еще нескольких подрывников в передовую линию окопов. Окопы отрыты неважно, крутости, где грунт был неустойчив, не укреплены и во многих местах оползли, обвалились. Под сапогами хлюпала вода. Мы вылезли из хода сообщения и пошли верхом. Небо было непроницаемо черным, зато внизу, в котловине, сияли бриллиантовой россыпью сотни ярких огней. Командир батальона остановился, кивнул в сторону светящихся точек и, подтягивая поясной ремень, сказал:

— Гранада… Держатся, сволочи!.. Диверсия на мосту. Смерть

Мигеля С наступлением следующей ночи наша группа, нагрузившись взрывчаткой, тихо миновала боевое охранение батальона. Антонио ушел еще засветло. Командир батальона проводил подрывников до передовых постов, взволнованно пожелал удачи. Темнота. Тишина. На обувь с каждым шагом налипает все больше грязи. Под ногами канавы, какие-то борозды, камни. А впереди, внизу под нами, все та же сияющая огнями Гранада. Гранада! Ни один город Испании не воспет русскими поэтами с такой любовью, как ты! Бессмертный Пушкин грезил твоими красавицами. В наши дни замечательные стихи посвятил тебе Михаил Светлов. Для русского человека Гранада стала символом страстной любви и великого мужества… Люди устали. Надо передохнуть. Прошу Яна Тихого еще раз напомнить бойцам, что делать в случае нападения противника во время работы на мосту. Вероятная опасность нам угрожает со стороны автомобильной дороги. В десяти километрах от моста сильный гарнизон мятежников, оттуда может быстро подоспеть подкрепление. Действовать надо быстро и абсолютно бесшумно… Никем не замеченные, мы достигли моста через реку Хениль. Разведчики донесли: мост не охраняется. Вечерний пассажирский поезд из Гранады уже прошел. Следующий ожидался утром. Это нас устраивало; исключалась возможность его крушения на минах. Кольман предупреждал: подрывать пассажирские поезда нельзя… В десять тридцать подрывники проникли на мост. Несколько человек с Хуаном Гранде устремились к нижним поясам фермы, другие стали привязывать заряды тола на верхний пояс. Санчес с группой бойцов ушел устанавливать мины под рельсы. Работаем молча: разговоры запрещены. Один заряд, второй, третий… Ну, вот, еще один, и все! И тут тишину прорезал выстрел со стороны шоссе. Мгновение — и еще один винтовочный выстрел. К небу взвилась ракета. Белесый свет залил железнодорожную насыпь, мост, и я увидел, как бегут, бросая заряды взрывчатки, бойцы Хуана Гранде. Ракета погасла. Тьма сразу сгустилась. Надо взрывать мост! Но поздно. Нас осветила вторая ракета. Невидимые стрелки открыли сильный ружейный огонь. Подрывники бросились за насыпь — там их не достигнут пули. Мост опустел, а минирование не окончено. Хорошо, что в зарядах тол, а не динамит: случайная пуля могла бы отправить всех на тот свет. Висенте воспламеняет зажигательные трубки. Вдвоем вставляем их в заряды и лишь после этого тоже отползаем за насыпь. Там уже все подразделение. Фельдшер перевязывает троих раненых. Противник продолжает освещать местность ракетами и изредка стреляет по мосту. Надо уходить подальше! Мы должны пересечь шоссе раньше, чем мятежники получат

подкрепление. Быстро отбегаем вдоль насыпи, рывком перескакиваем через железнодорожное полотно, а спустя еще три минуты пересекаем и автомобильную дорогу. Надо заставить врага отказаться от преследования, отвлечь его от нашей группы! Оставляем по пути гранаты замедленного действия. На мосту взметывается яркое пламя, воздух потрясает сильный взрыв. Мост, к сожалению, получил незначительные повреждения. Он даже не провис. Но взрыв приободрил бойцов — не даром ходили! Фашисты, преследовавшие нас на машинах, как видно, достигли моста. Шум моторов оборвался, и через две-три минуты с насыпи бешено заработали станковые пулеметы. Бойцы, как один, скатились в канаву. Я махнул рукой в северном направлении:

— Ползите туда! Переводя дыхание, успел оглянуться. По полю и по дороге, стреляя в нашу сторону, бежали солдаты мятежников. Из-за насыпи показалась новая цепь фашистов. Откуда только они брались?.. Метрах в двухстах от канавы мы опять поставили гранаты замедленного действия и стали отходить к одиночному домику с садом. В это время взорвались гранаты, брошенные еще в кустах у самой дороги. Огонь противника в нашу сторону ослабел. Мы обрадовались, но преждевременно. До сих пор нас скрывали от света ракет оливковые деревья, а теперь предстояло пересечь голое поле… В саду у пустого домика установили две мины и еще пять гранат замедленного действия. Выбрались в поле. То ли оно было покрыто стерней, то ли земля здесь была каменистой, но идти стало легче. А в садике уже загрохотали взрывы гранат, началась пальба. Фашисты, видимо, окружили дом. "— Не отвечать на огонь!.. Вскоре противник потерял нас. Я решил проверить, все ли отошли. Выяснилось, что нет Яна Тихого и жениха Розалины — Мигеля. На поиски отставших отправился Рубио. Ожидать его пришлось не долго. В темноте замелькали, как светлячки, привязанные к одежде гнилушки. Рубио и Тихий принесли Мигеля на руках. К раненому бросился фельдшер, но Мигель уже не нуждался в услугах медицины. Огни Гранады, служившие нам ориентиром, внезапно пропали. Город словно провалился сквозь землю. До нас докатился глухой звук взрыва. Это сработала группа Антонио!.. Подоспели бойцы из батальона, недавно провожавшие нас. Они бережно приняли отяжелевшее тело Мигеля. Комбат сунул мне в руки фляжку с вином.

— Мы думали, вам не выбраться! Диверсия на ГЭС в Гранаде Антонио вернулся через час. Его группа не понесла потерь. Прикладываясь к неиссякаемой фляге командира батальона, сияющий Антонио возбужденно рассказывал, как удалось

потушить свет в Гранаде. Сквозь позиции противника подрывники просочились незаметно. К электростанции вышли в точно назначенное время. Оба здания станции — верхнее, у плотины, и нижнее, у окончания водонапорных труб, — были ярко освещены. Неподалеку темнели силуэты вооруженных людей. Но возле водонапорных труб охраны не было. Взяв с собой Педро и распорядившись, чтобы остальные бойцы в случае необходимости прикрыли их огнем, Антонио пополз к водонапорным трубам. Заминировав обе трубы и подложив к каждой пятикилограммовые заряды тола, Антонио и Педро поползли к своим; зажигательные трубки должны были взорвать заряды через пять-шесть минут. Два взрыва грохнули почти одновременно. Свет в Гранаде погас. Преследования не было.

— Вот за вас мы волновались здорово, — закончил Антонио. — Слышали — возле моста разыгралось целое сражение… Что там произошло?

— Нас обнаружили. Мигель убит. Трое ранены.

— Мигель?.. Антонио не донес до рта поднятую было флягу. В нашем домике в Хаене все дышало тишиной и покоем. Обрадованная Анна Обручева громко позвала:

— Роза! Роза!.. Они вернулись! | — Подожди! — попытался я остановить переводчицу. Но сияющая Роза уже стояла в дверях.

— Салуд, Рудольфе! Как вы быстро! Я даже не успела дошить Мигелю его рубашку! Посмотрев на меня, Роза все поняла без слов. Скомкав недошитую рубашку, она спрятала в ней залитое слезами лицо.

Глава 8. Признаны!

Я сижу над пожелтевшими газетными листами и вспоминаю… Вот сообщения особенно памятного мне марта: "Одиннадцатого марта республиканские бойцы на южном фронте взорвали железнодорожные мосты в Альколеа. и Лас Педрочес, парализовав движение воинских эшелонов противника… " "Двенадцатого марта республиканские войска успешно отразили атаки противника под Пособланко… " "Разгром мятежников и интервентов под Гвадалахарой. Замечательная победа республиканских войск! Большое количество пленных и трофеев… " "Двадцать пятого марта республиканскими бойцами взорван поезд с боеприпасами под Монторо. Уничтожены мосты под Бельмес и Эспиэль… " Из дальней дали возникает передо мной залитая весенним солнцем дорога из Хаена через Андухар к монастырю ла Вирхен де ла Кабеса [Монастырь Главы святой Богородицы.] на командный пункт батальона. Висенте разгоняет машину, мы проносимся мимо "святого места" на четвертой скорости. С монастырских стен гремят запоздалые выстрелы. Вскоре я встретился с командующим южным фронтов полковником Пересом Соласом. Я вижу точно слившиеся в единое целое старинные здания маленького городка Андухар. Вижу комнату с камином, где нас принимает командующий южным фронтом полковник Перес Салас. Он высок, подтянут, по-старомодному галантен. В прошлом это кадровый офицер испанской армии. Один из тех немногих офицеров, которые сохранили верность республике. И теперь Перес Салас облечен большими полномочиями. Вежливо склонив седеющую голову, полковник слушает Обручеву, переводящую мою речь. Он очень приветлив с переводчицей (она — дама, а он — испанец!) и весьма сух со мной. Ну что ж! Если бы дело, о котором шла речь, было личным, я не стал бы доказывать этому самоуверенному человеку, что небольшая группа подрывников может спокойно пустить под откос эшелон с батальоном пехоты или танками противника. Полковник курит, явно нервничает. Уже в самом начале беседы Перес Салас позаботился, чтобы у меня не осталось никаких сомнений в его отрицательном отношении к военным советникам и добровольцам, из каких бы стран они ни прибыли. Он, командующий южным фронтом, считает, что республике нужны не добровольцы и не советники. Нужно только оружие. Будь оружие и техника, республиканская армия одержала бы победу над Франко без помощи добровольцев. Все это было

высказано весьма категорично и без обиняков. Но я преднамеренно оставил суждения полковника без внимания и вот доказываю ему то, что, кажется совсем не нуждается в доказательствах. Нам подают кофе. Полковник начинает расспрашивать о Советском Союзе. Пользуясь случаем, я опять завожу речь о своем, ссылаюсь на опыт под Теруэлем. Стараюсь объяснить, что нарушение линий связи, налеты на мосты менее целесообразны, чем крушение воинских эшелонов:

— Мне известно, что командование рассчитывает использовать подрывников в основном для налетов на мосты, станции, вражеские склады боеприпасов и аэродромы. Конечно, если прикажут, мы будем выполнять все это. Но потери в людях окажутся значительными, а эффективность таких действий сомнительна. Во всяком случае, это совсем не то, что уничтожать технику и солдат противника во время транспортировки. Устраивая крушения воинских эшелонов с помощью мин, действуешь наверняка… Перес Салас решительно отстраняет чашечку с кофе:

— Производить крушения на участках, где есть пассажирское движение, я категорически запрещаю. Возможны ошибки, и тогда общественное мнение обернется против нас. Фашистская пропаганда не упустит случая изобразить партизанские действия как бандитизм.

— О каком общественном мнении вы говорите, полковник? Неужели найдется в мире хоть один порядочный человек, который посмеет в чем-нибудь упрекнуть республику? Надеюсь, вы не забыли, что фашистская сволочь уничтожила тысячи мирных жителей Мадрида и других городов?!

— Мы не фашисты! Мы не имеем права подвергать риску мирное население!

— Простите, но мне не ясно, о ком вы печетесь? Все мирные жители ушли из прифронтовой полосы на территорию республики. Кто сейчас ездит в пассажирских поездах? Я убежден, что мятежники используют железнодорожный транспорт в прифронтовой полосе отнюдь не для того, чтобы вывозить мирных людей на пикники.

— Тем не менее…

— Когда авиация бомбит склады, станции, даже эшелоны противника, это тоже сопряжено с опасностью для населения. В конце концов, идет война!

— Одно дело — авиация, другое — подрывники… Короче говоря, я категорически запрещаю организовывать крушения на участках, где есть пассажирское движение. Ваши мины не отличают поезда с мирными жителями от воинских эшелонов.

Пусть подрывники лучше взрывают мосты, станции и обстреливают воинские эшелоны… Доминго только усмехнулся, узнав о результатах беседы с командующим.

— Посмотрим! — загадочно говорит он. — Действовать придется в тылу врага А там другие законы…

После сцены встречи с Пересом Саласом я вижу другую картину. Вновь залитая солнцем дорога. Мы еще пробиваемся на своем «мерседесе» через встречный поток беженцев. Противник наступает на Пособланко, и жители бегут от фашистских извергов. Скрипя, ползут высококолесные, похожие на арбы повозки. В них — плачущие, растрепанные дети и измученные женщины. Мулы тревожно прядают ушами, глаза этих кротких животных налиты испугом. Похоже, даже животные в Испании стали понимать, какие опасности таит в себе хорошая погода. Потемневший от гнева Висенте привез нас в Андухар. Городок, затянутый тонкой пеленой кирпичной пыли, неузнаваем. Дома, где мы разговаривали с полковником Пересом Саласом, больше не существует… Только что закончился налет. Отчаянно кричат женщины, разыскивая детей. Одна из них стоит на коленях посреди улицы и шлет проклятия небу. Мы сгружаем динамит и отдаем машины для перевозки раненых. Около полуразрушенного дома небольшая группа людей орудует ломами, самодельными вагами и лопатами. Ею командует секретарь Андухарского комитета партии Хименес. Из-под развалин доносится плач ребенка, слышны стоны.

— Хватит! — кричит Хименес и лезет в образовавшееся отверстие. Проходит несколько томительных минут. Хименес подает в щель между камнями рыдающего мальчика трех-четырех лет. Ребенка спасли, а мать была уже мертва… Пеле находит нас только час спустя. Он перевез в госпиталь восемь тяжелораненых детей и женщин. Двое детей скончалось в дороге.

— Я еще посчитаюсь с Франко! — кричит Пеле, и мне понятно: он кричит потому, что боится заплакать. — Я еще сведу счеты с его грязными свиньями! Я заставлю убийц жрать собственный навоз!… И все же во время следующей встречи полковник Перес Салас подтверждает свое запрещение. Выходит, вражеские батальоны, танки, орудия будут спокойно следовать к линии фронта, чтобы потом уничтожать республиканских бойцов и мирных жителей? Диверсия в туннеле Весной 1937 года республиканские войсковые партизаны совершили на южном фронте немало вылазок в тыл начавшего наступление противника. Им удалось даже создать на территории мятежников несколько скрытых баз. Дороги и военные объекты фалангистов находились довольно далеко от линии фронта. Подрывникам

приходилось затрачивать много времени на подход к ним и нередко проводить там по двое-трое суток. Тщательно замаскированные базы в самом тылу врага позволяли нашим людям не только укрываться в дневное время, но и выполнять сразу несколько операций, не возвращаясь каждый раз через линию фронта. Базу под Адамусом мы организовали в помещениях заброшенного маслодельного и сыроваренного завода, окруженного густыми оливковыми рощами. Наличие этой базы позволяло небольшим группам за одну ночь добираться до железных дорог Пеньярроя — Кордова или Монторо — Кордова, минировать их и бесследно исчезать от преследователей. Жителей поблизости от завода не было: все крестьяне ушли на территорию республики. Заводик выглядел белюдным. Мы отлично видели шоссе, ведущее от Кордовы к расположенной в трех километрах от нас гидроэлектростанции. По шоссе внизу спокойно проходили автомашины противника. На плотине разгуливали военные, и никто из них даже не подозревал о близком соседстве с нами. А мы наблюдали… Конечно, существовала опасность обнаружения. Но мы были очень осторожны. Надежное боевое охранение стерегло все возможные подходы к заводику, На самых опасных тропах, ведущих к базе, были установлены управляемые фугасы-камнеметы, которые на ночь усиливались автоматическими минами. Движение по территории базы свели к минимуму: заводик выглядел безлюдным… Именно с этого заброшенного заводика выходили группы, пустившие под откос восточное Монторо состав с боеприпасами, взорвавшие поезд в туннеле на участке Пеньярроя — Кордова, а затем несколько мостов в том же районе… Туннель был выведен из строя с помощью подхватываемой мины, испытанной еще под Киевом в 1932 году. Между рельсами положили автомобильную шину, начиненную взрывчаткой. К шине привязали отрезок стального троса в виде петли. Паровоз, выскочив на приличной скорости из-за поворота, зацепил петлю своим сцепным устройством, и уволок автошину с собой. Сработали два терочных воспламенителя. Одновременно диверсанты из кустов начали забрасывать вагоны бутылками с горючей смесью. Горящий эшелон скрылся в туннели. Через несколько секунд раздался приглушенный хлопок взрыва… Эшелон с боеприпасами горел и взрывался несколько суток. Путь оказался сильно поврежденным, а туннель — завален. Рельсы, вплавленные в камень, противнику пришлось вырезать автогенами и рвать динамитом. Фашисты наступавшие на Пособланко, очень нуждались в этой дороге. Диверсия для них явилась тем более неожиданной, что после нашей первой

неудачной попытки совершить налет на туннель, мятежники поставили на его охрану почти целый батальон. Могли ли они предполагать, что роковую мину втащит сюда их же паровоз?! Следует сказать, что полковник Перес Салас, приказавший разрушить туннель, щедро предложил капитану Доминго роту бойцов и тонну динамита. А в действительности для этого понадобилось только девять подрывников и всего пятьдесят килограммов взрывчатки!

— Командующий фронтом хорошо знает наставления, но совершенно незнаком с партизанской техник кой, — говорил потом Доминго. — Иначе бы он не раскошелился. А вот мы-то найдем, как распорядиться тонной динамита.

— Не пробовал ли ты говорить с полковником об устройстве крушения поездов? — не утерпел я.

— Будь я проклят, если еще раз стану объяснять этой глухой стене, этому монархисту, что нужно взрывать вражеские поезда! С большим успехом я мог бы растолковать это своей лошади!

— Ну положим, Перес Салас не монархист…

— Все равно!.. Как это у вас говорится по-русски… Попутчик? Да, да! Он попутчик! И, помяни мое слово, — ненадежный [К чести полковника Саласа надо сказать, что он остался до конца верен республике и в 1939 году был расстрелян, фашистами. — Прим.]. Доминго раскипятился так, что останавливать его я считал бесполезным. Но капитан явно перегибал палку. После взрыва в туннеле Перес Салас стал относиться к подрывникам лучше, хотя по-прежнему все еще запрещал организовывать крушения поездов там, где продолжается пассажирское движение. Что ж, приказ есть приказ! Но однажды минеры все же нарушили его… Уничтожение эшелона со штабом итальянской авиадивизии В лунную ночь тремя группами покинули мы базу под Адамусом и направились к железнодорожному узлу Кордова. В нескольких километрах от города, вдали от дорог, одна из этих групп натолкнулась на покинутое кортихо. — сложенный из камней пастушеский домик с невысокой глиняной оградой. Под утро прошел сильный дождь, бойцы промокли, устали и решили передохнуть. На посту оставался испанец Маркес. Возле двери, не выпуская из рук карабина, растянулся Хуан Гранде. На лавке под окном пристроился Рубио. Остальные улеглись на пол. Сон мгновенно сморил людей. Бодрствовали только Анто-нио, нянчившийся со своим неразлучным маузером, да два новичка — итальянцы Альдо и Эмилио из батальона имени Гарибальди, тихонько переговаривавшиеся о чем-то. Задремал и я, но вскоре меня разбудили.

— К кортихо идет пастух. Гонит коз и овец, — склонившись

ко мне, прошептал командир группы Маркес. Притаившись за окном, мы стали следить за хозяином кортихо. Пастух был, видимо смелый человек. Он заметил наши следы и все же неторопливо продолжал свой путь. Знакомство состоялось быстро. Мы открылись пастуху и попросили его рассказать, что он знает о фашистах Кордовы. Пастух уселся на пороге, как садятся у нас в Твери или Рязани, сунул в угол посох.

— Много их в "Кордове, — не спеша начал он. — Очень много… И все идут, окаянные. Все идут… Продвиньтесь километра полтора на восток. Сами убедитесь, что говорю правду… Большая у них сила: что людей, что машин — хоть отбавляй. Тут неподалеку и аэродром устроили… А вот вас мало, сынки. Поверьте старому Мануэлю — мало. Не справитесь с итальянцами, что хозяйничают на аэродроме…

— Кажется подвернулся случай "послать привет" Муссолини, — возбужденно сказал Альдо своему другу Эмилио. Сидевший на пороге Мануель растерянно посмотрел на говорившего:

— Итальянец… Простите, синьоры… Я стар…

— Наши итальянцы не из тех, что сидят в Кордове, — поспешил успокоить пастуха Рубио. — Они гарибальдийцы, а значит, друзья народа и враги Франко! Старик поднялся, с трудом распрямив спину, и протянул Альдо и Эмилио свои большие, темные от загара руки:

— Счастлив приветствовать в своем доме честных итальянцев! Спасибо, сыночки, что приехали к нам! Спасибо… Снаружи донесся тихий свист: стоявший на посту Санчес предупреждал об опасности. К кортихо, пересмеиваясь с двумя солдатами, приближалась стройная девушка.

— Это моя младшая дочка Эсперанса, — пробормотал Мануель. — Простите грешницу, но, право, она не виновата… За девушками всегда ухаживают парни… Солдаты, вошедшие вслед за Эсперансой, не успели даже опомниться, как их обезоружили и обыскали. Они оказались простыми деревенскими парнями — совсем недавно были мобилизованы мятежниками. Пленные рассказали, что служат в запасном полку в Кордове, что время от времени им поручают охрану мостов и переправ, что муштруют их сильно, а кормят плохо. Пока Маркес допрашивал солдат, нашим бойцам удалось успокоить комплиментами дочь Мануеля. Эта чертовка уже кокетничала налево и направо. Вновь начался дождь. Теперь он хлестал как из ведра. Козы и овцы Мануеля сбились под огромным деревом, на котором росли стручки. Старик с тревогой поглядывал на стадо.

— Ничего твоим овцам не сделается. Потом займешься ими…

А пока мы не можем отпустить ни тебя, ни дочь. Сам понимаешь — война, — виновато объяснял старику Антонио. Пленные растеряно глядели то друг на друга, то на подрывников. Один из солдат наконец не выдержал и, ни к кому не обращаясь, спросил охрипшим от волнения голосом:

— А что будет с нами? В доме наступила тишина. В самом деле, как быть с пленными? Скоро стемнеет, и мы уйдем на задание. Не тащить же их с собой? Но и отпускать парней нельзя? Оставить под охраной в кортихо? Тоже не годится. Мы не вернемся сюда… После долгих споров было решено взять солдат с собой.

— Хоть вы и служили фашистам, — обратился Маркес к солдатам, — мы подарим вам жизнь. Докажите, что делается это не зря. Мы разведчики. Нам надо незаметно выйти к железной дороге. В десять вечера пройдет пассажирский. Потом появятся военные поезда. К десяти мы должны быть на месте… Маркес и Антонио связали повеселевших пленных. Мы извинились перед Мануэлем и его дочерью за причиненное беспокойство и тронулись в путь. До железной дороги добрались вовремя. Пленные действительно удачно провели группу к участку у поворота, где путь проходил по обрыву. Теперь оставалось выполнить задание. Точно соблюдая запреты полковника Переса Саласа, мы должны были пропустить пассажирский поезд, дождаться воинского эшелона и взорвать его. Вначале предполагалось разделиться при выполнении операции и поставить мины в трех далеко удаленных друг от друга точках. Но еще в кортихо в связи с плохой погодой этот план изменился. Решено действовать всем вместе. Вдали беззаботно сияла огнями Кордова, С аэродрома, находившегося возле города, слышался гул прогреваемых моторов. Один за другим в небо с тяжелым ревом поднимались самолеты. Это итальянские бомбардировщики шли на бомбежку мирных испанских городов… Пассажирский поезд появился точно по расписанию. Прогудел, просверкал окнами и благополучно направился к Кордове.

— Ждите эшелонов, — прошептал один из пленных. Мы тоже знали: теперь наверняка пойдут воинские составы. Выждав несколько минут и убедившись, что охраны по-прежнему нет, подрывники двинулись к дороге. Работали спокойно: многому научили прежние вылазки. А если подрывник спокоен, у него все ладится. Под наружный рельс железнодорожного полотна на повороте пути мы установили две мины и заложили все имеющиеся у нас запасы взрывчатки.

— Готово, — негромко сказал Маркес. — Пошли. А рельсы уже гудели: с каждой секундой приближался вражеский поезд.

Мы не видели его. Не было видно даже огней паровоза. Они показались, когда наши бойцы отошли от дороги на несколько сот метров. И вдруг я услышал громкий, вопреки запретам, возглас Хуана Гранде:

— Смотрите!!! В голосе Хуана — досада, отчаяние, ужас. Я обернулся и оцепенел. К заминированному участку мчался весело играющий огнями классных вагонов пассажирский поезд. Что делать?! Перед мысленным взором на миг мелькнуло упрямое, жесткое лицо полковника Переса Саласа. Выходит, полковник был прав, запрещая нам действовать на участках с пассажирским движением!? Мне представились вдруг люди, собирающие чемоданы перед Кордовой, поглядывающие в окна на приближающиеся огни города. И почему-то на миг показалось, что в вагонах нет мужчин. Только женщины… Но зачем они едут в занятый фашистами город?.. И все же, если бы можно было остановить состав, я не раздумывая сделал бы это! Но меня отделяло от железнодорожного полотна почти километровое расстояние. Сигналя красным фонариком, к дороге бросился Хуан Гранде. Однако машинист не заметил фонарика. Под колесами паровоза взметнулось пламя, до нас докатился взрыв. В Кордове мгновенно погасли огни… Трудной была для меня та ночь. Я не ждал от будущего ничего хорошего. Знал: оправдания не помогут. Хорошо еще, если снимут с этого фронта. А что, если вообще отстранят… Опасность нависла над всем нашим делом, налаженным с таким трудом. * * * — Рудольфе! Скорей! Пеле так тряс меня за плечо, что проснулся бы даже мертвый. Пеле сиял, захлебываясь от восторга, его невозможно было понять.

— Скорей! Я вышел из сыроварни. Дождь прекратился. Под Оливками сидели капитан Доминго и какой-то тучный старик с бегающими глазками. Окружавшие их бойцы радостно улыбались мне. Хуан Пекеньо дотронулся до моего плеча. Капитан Доминго взъерошил волосы. В его взгляде светилось смущение и счастье.

— Вот, послушайте сами… Тучный старик оказался алькальдом одной из деревень под Кордовой. Полчаса назад его задержало наше боевое охранение. Алькальд заявил, что хотел перейти линию фронта.

— Что же вынудило вас покинуть мятежников, синьор?

— Недалеко от нашей деревни кто-то пустил под откос поезд. Фашисты хотели меня арестовать, да спасибо люди предупредили…

— Почему пришли именно за вами?

— Разве я сказал, что только за мной? Хватают всек1 Идут аресты по всей округе.

— И все из-за пассажирского поезда?

— Святая дева! В этом поезде в Кордову переезжали итальянские солдаты и офицеры, авиационные специалисты. И ни один не остался в живых! Рубио тряхнул по спине Хуана Гранде и оглушительно захохотал. Сияющий Доминго протянул мне руку:

— А ты боялся Переса Саласа! Горевал! Алькад испуганно мигал глазами. Он не понимал, что происходит.

… Несколько дней подряд шли через линию фронта к республиканским войскам перебежчики, мирные жители, солдаты частей охраны.

— Крушение поезда с итальянскими фашистами взбесило и потрясло мятежников, — твердили они. — Виновники катастрофы не найдены. Бандиты вымещают звериную злобу на каждом, кто попадет под руку. Полковник Перес Салас узнал о крушении поезда с итальянскими фашистами в тот день, когда мы вышли в расположение республиканских войск. Он выслушал это сообщение равнодушно, не придав ему значения. Однако вскоре проняло даже Саласа. Приезд Хемингуэя. Создание первого диверсионного батальона Началось с того, что сведения о крушении проникли в иностранную печать. На базу партизан-подрывников в Вильянуэва де Кордова стали прибывать корреспонденты прогрессивных газет. Застрочили самопишущие ручки, защелкали затворы фотокамер. С особой радостью встретили минеры Михаила Кольцова и Илью Эренбурга. Михаил Кольцов долго беседовал с капитаном Доминго, Рубио, Хуаном Гранде, Пеле и другими бойцами. Надо сказать, что к нам несколько раз приезжал и Эрнест Хемингуэй. Мы его даже брали с собой в тыл противника. Однако, встреч с ним я избегал по понятным причинам. Среди нас был Алекс — еврей по национальности — вояка исключительный. Однажды он остался в тылу противника и заблудился. Мы думали, что он попал в плен, но Алекс вышел. Прошел через линию фронта и вернулся к нам. Мы его очень уважали. Именно к нему приезжал Хемингуэй, который был его другом. Алекс был выведен Хемингуэем в книге "По ком звонит колокол". Внимание журналистов и писателей, естественно, льстило подрывникам. Они чувствовали наконец, что перестали быть в глазах окружающих сомнительным привеском к армии. Меня же, кроме того, радовало, что мы выполнили просьбу республиканских пехотинцев и моряков не забывать именно об авиации противника. А вдобавок все мы понимали; теперь, после потока статей и очерков, про минеров вспомнят и в Валенсии и в Мадриде. Так и вышло. Сначала нам прислали жалованье за три прошедших месяца, и мы расплатились с долгами. Затем руководителей группы подрывников вызвали в генеральный штаб республиканской

армии. Выслушав доклад капитана Доминго, там решили сформировать специальный батальон для действий в тылу противника. Бойцам батальона устанавливался полуторный армейский оклад и авиационный паек. Интендантство получило указание отпускать нам обмундирование по мере износа и бензин по потребности. Мы торжествовали. Наконец-то можно перейти к самым активным и широким действиям в тылу мятежников и интервентов! Пересу Саласу пришлось молчаливо признать свою неправоту. Создание батальона специального назначения поставило вопрос — кто же мы? Прежде нас называли и минерами, и подрывниками, и партизанами. Подрывники и минеры подрывают или ставят мины обычно на своей территории, например при отходе, а партизаны должны действовать в тылу противника. Мы не вписывались ни в одну из этих категорий. Поэтому нас стали называть диверсантами. Диверсант должен не только уметь подрывать и минировать, но должен Проникать незаметно в тыл противника, незаметно ставить мину, незаметно уходить, а если нужно оставаться на территории противника незамеченным столько сколько нужно. Так родился первый диверсионный батальон.

Глава 9. Новые успехи

В середине февраля 1937 года фашисты форсировали реку Хараму и захватили выгодный плацдарм. В марте ринулись на Гвадалахару. Однако благодаря мужеству испанского народа фалангисты и интервенты получили сокрушительные удары на всех фронтах. Гвадалахара стала в те дни синонимом слова «разгром». Тысячи итальянских головорезов полегли там. Эхо победы на Гвадалахаре резко подняло боевой дух борющегося народа. Почти каждый день на автоматических минах взлетали воинские эшелоны и автомашины. На перегоне Кордова — Пеньярроя люди из батальона капитана Доминго мастерски взорвали железнодорожный мост. Успехи наших диверсантов в районе Пособланко перекликались с боевыми действиями других подразделений и партизанских отрядов. На южном фронте мне пришлось встретить старого знакомого — М. К. Кочегарова, с которым мы вместе обучали в 1930 — 1932 годах будущих партизан в Киеве. Как выяснилось, он тоже использовал наши мины. Воевали в тылу врага и другие советские добровольцы, которых я знал раньше. Немало смелых налетов на военные объекты мятежников и интервентов удалось организовать другим советникам, в том числе Н. А. Прокопюку и А. К. Спрогису. Пришла пора лунных ночей. Луна поднималась все выше и все дольше оставалась на безоблачном небосводе. Ночное светило «помогало» противнику. Диверсанты яростно проклинали ее. Вскоре, однако, мы научились работать и в этой обстановке, хотя одна из таких ночей здорово подвела меня. Я разбирал при лунном свете сумку с миннопод-рывным имуществом тяжело раненного минера и сделал неосторожное движение. Все обошлось сравнительно благополучно: взорвался только электродетонатор. Но я чуть не лишился кисти правой руки. Несколько осколков впилось в лицо. Другие бойцы не пострадали. Этот несчастный случай свел меня еще с одним членом Хаенского провинциального комитета партии, товарищем Фредерико дель Кастильо — начальником военно-санитарной службы южного фронта.

— А говорят, подрывники ошибаются только раз! — заметил Фредерико, удаляя очередной осколок из моей окровавленной руки. Это был замечательный врач и обаятельный человек. Так же как Валенсуела, Арока, Мартинес, Фредерико дель Кастильо мечтал после победы над фашизмом приехать в СССР. Все эти славные сыны Испании, за исключением Мартинеса, погибли от

рук мятежников и интервентов… Крушения на дорогах противника продолжались. Диверсанты пустили под откос эшелон с марокканской кавалерией. Из тридцати вагонов не уцелело ни одного. Мятежники были взбешены. На охрану железной дороги они поставили несколько батальонов и непрерывно вели поиски инженерных мин. Наши бойцы были начеку. У нас уже имелись мины, которые взрывались при первой попытке снять их с полотна дороги. Изменили минеры и тактику действий: стали часто менять районы нападения, перешли главным образом на колесные замыкатели. Пропустив «бдительный» патруль, диверсанты выходили к дороге за одну-две минуты до подхода поезда, устанавливали колесный замыкатель, и составы валились как по расписанию. Так, например, был взорван поезд с боеприпасами для франкистов под Монторо в конце марта 1937. Наши люди осуществили этот взрыв в очень сложных условиях. Подойти к дороге с юга было не возможно: открытая местность. Осуществить вылазку за одну ночь нельзя: далеко от линии фронта. С севера железную дорогу прикрывала не только охрана, но и быстрая река Гвадалквивир; помимо мин и оружия надо было нести с собой две складные брезентовые лодки. На подобных лодках в 1930 — 1932 годах я переплывал через Днепр, но то были учебные занятия. Возглавил эту вылазку моряк Руис. К западу от Монторо река не охранялась, и диверсанты спокойно преодолели ее. Они успели поставить две мины и даже увидели, как упал под откос поезд. Днем мятежники попытались на машинах вывозить боеприпасы из покореженного эшелона. Но и это им не удалось. Самолеты под командой К. М. Гусева внезапно налетели на скопление вражеских машин. Многие из них сгорели или взорвались тут же у разбитых вагонов. Эту картину хорошо можно было наблюдать с гор из расположения республиканцев. И прибывший из Хаена товарищ Пасуэло оказался очевидцем незабываемого зрелища. Ловкие, смелые, дерзкие диверсанты капитана Доминго к концу марта основательно нарушили железнодорожное движение на участке Кордова — Пеньярроя. Тогда франкисты стали осуществлять перевозки по шоссе. Но тут же вышли на автомобильную дорогу и бойцы Доминго. Движение вражеских колонн по автомагистрали резко сократилось. Особенно в ночное время. Несколько батальонов фашистской пехоты так и не добрались до фронта; их поставили на охрану дорожных сооружений и самой дороги. Большую кропотливую и временами опасную работу проводил маленький коллектив, где старшим был Састре. В переводе на русский язык — састре — портной. Но наш Састре был хорошим электротехником, а потом стал еще пиротехником. На полном

круглом лице его мгновенно отражались все чувства. Даже при незаурядной полноте Састре был очень подвижен. Этот на первый взгляд «нервный» человек работал всегда очень спокойно и уверено. Састре не только изучил процесс изготовления всех мин и гранат, применявшихся красными партизанами в годы войны против иностранных интервентов и белогвардейцев и изобретенных нами в период подготовки партизан, но и сам начал совершенствовать технику. Освоив наши «картофельные» и «яблочные» замедлители, Састре предложил свой «апельсиновый» замедлитель (принцип действия «овощных» и «фруктовых» замедлителей, основан на использовании их свойства усыхать или гнить, либо наоборот — разбухать или прорастать семенами во влажной среде. Если немного подумать, кроме сельхозпродуктов, для самодельных замедлителей можно использовать практически любые предметы, явления, живые организмы: снег, лед, воду, песок, соль, сахар, засуху, грозу, день, ночь, наступление зимы, постельных клопов и т. п. Мною был изобретен оригинальный «мышиный» замедлитель. Таким образом, используя подручные предметы, можно установить мину с любым сроком замедления: от нескольких минут до года и более. Прим ред. А. Э.) И надо признать, это изобретение оказалось более точным. Наши минеры получили противопоездные и другие мины замедленного действия, которые можно было устанавливать в безлунные темные ночи с расчетом, что они взорвутся в полнолуние. Састре участвовал и в создании первых малых магнитных мин, впоследствии усовершенствованных англичанами. Эти наши мины хорошо удерживались на металле и взрывались в зависимости от длины фитиля через пять — тридцать минут после установки, надежно выбивая рваное отверстие в цистернах. А самым широким спросом пользовались все же испытанные лас бомбас де мано (ручные гранаты) и взрыватели к ним. Их можно было изготовлять не только на республиканской территории, но и на скрытых базах в тылу противника. Мы несли и везли с собой лишь взрыватели и взрывчатое вещество, а металл для гранатных корпусов находили на месте. Для этого годились и куски водопроводных труб, и консервные банки, начиненные проволокой или гвоздями, да и просто проволока. Взрыватели и мины, сделанные в Хаене, применялись на нескольких фронтах… Кто бы мог тогда подумать, что через четыре года мы снова займемся этим, но уже на советской земле?! Троянский мул Специальный батальон полностью укомплектовали. Теперь он базировался в трех местах — Хаене, Вильянуэва де Кордова и Валенсии, где продолжали работать мастерская и велась

подготовка все новых групп. Приступил к работе и штаб батальона. Его возглавил интербригадовец, югослав капитан Илич. Аккуратный, подтянутый, Илич делал то, к чему никак не мог приучиться Доминго: тщательно вел документацию, педантично собирал сведения о действиях групп, составлял сводки для командования. Он же регулярно занимался и вопросами снабжения. Во второй половине апреля я пережил большую радость: в Хаен прибыл Гай Лазаревич Туманян и с ним неуловимый Ксанти. Приезду Ксанти радовался и Доминго, хорошо на-слышанный о его дерзких вылазках в тыл мятежников.

— Какой рослый, как здорово сидит на коне! восхищался он. — Врожденный кавалерист! Я сказал Доминго, что Ксанти не просто кавалерист, а настоящий джигит-горец, и наш капитан решил непременно показать гостю кавалерийский взвод минеров, сформированный в Вильянуэва де Кордова. Ксанти и Туманян познакомились с минерами, много беседовали с ними, делились опытом. Мы вместе объехали базы в Хаене, Вильянуэва де Кордова и даже побывали на скрытой базе в тылу врага западнее Адамуса. И Туманян и Ксанти остались довольны результатами поездок. На прощание мне намекнули, что в ближайшее время несколько групп, возможно, перебросят на другие фронты… Вспоминая те дни, не могу не рассказать об одном из боевых эпизодов, связанных с жарким апрелем 1937 года, о монастыре ла Вирхен де ла Кабеса, где засели мятежники. Несколько попыток республиканцев очистить монастырь не увенчались успехом. Ни артиллерийский обстрел, ни даже бомбежка не причинили существенного вреда гарнизону монастыря: толстые стены и крепкие своды подвалов обеспечили врагу надежную защиту. Мятежный гарнизон в монастыре вонзился в республиканскую территорию, как болезненная заноза. С ним следовало покончить. Но как? Вот и пришло кому-то в голову использовать для захвата монастыря диверсантов. Они должны были ночью проникнуть к обители и взорвать каменную стену. Доминго возражал против этой нелепой затеи:

— Во-первых, наших бойцов уничтожат при малейшей попытке подойти к стене. Во-вторых, небольшая группа просто не в состоянии подтащить к монастырю нужное количество взрывчатки.

— Значит, подрывники тоже бессильны?

— Почему бессильны? Дайте подумать. Минеры еще понаблюдали за монастырем, подумали и предложили свой план захвата обители.

— И на что вы рассчитываете? — скептически спросили их.

— Исключительно на полное невежество мятежников в

вопросах классической литературы, — спокойно ответил заведующий лабораторией минной мастерской Састре. И вот через неделю на дороге из Андухара в штаб батальона, осаждавшего гнездо мятежников, появился всадник. Пугливо поглядывая на монастырь, он грубо понукал своего мула, нагруженного двумя ящиками с патронами. Несколько выстрелов с монастырских стен заставили всадника скатиться с седла и спрятаться в канаве. Еще несколько выстрелов — и всадник, бросив мула, стал отползать прочь. Животное, потерявшее седока, принялось пощипывать травку. Но на обочинах каменного шоссе она была чахлой, а у монастыря виднелся сплошной зеленый ковер. Мул тут же устремился на пастбище.

— Дело было к вечеру. Утром, к нашему большому удовольствию, мула уже не было. Видимо, мятежники увели его к себе, — рассказывал Доминго. Выждали два дня. На третий батальон, блокировавший монастырь, изготовился к атаке. А на дороге из Хаена в Адамус опять появился всадник. Он тоже ехал на муле и тоже вез два ящика. Только мула на этот раз мы подобрали особенного. Около месяца назад его отбили у мятежников. От крестьян было известно, что это животное выросло в монастыре. В одном из ящиков, навьюченных на мула, находилась взрывчатка: двадцать килограммов динамита, обложенного гвоздями и кусками железа. Этот ящик был снабжен замыкателем. Другой набили негодными патронами. Всадник бодро погонял животного, но выстрелы заставили скатиться с седла и этого «неудачника». Предоставленный самому себе, мул не спеша побрел к монастырским стенам. Диверсанты не видели, как впустили мула в монастырский двор, но поняли, что это случилось, когда загремел взрыв. Батальон немедленно поднялся в атаку и подошел почти вплотную к монастырю, потеряв лишь несколько раненых: растерявшиеся мятежники не успели вовремя открыть огонь. Через два дня над монастырем взвилось белое полотнище. Мятежники сдавались…

— Честно говоря, — сказал один из республиканских начальников, — мы не очень-то верили в успех вашей затеи, но она нам помогла.

— Вы, видно, не. думали, что андалузский мул может стать троянским конем? — осклабился Доминго. — А чем он хуже гомеровского жеребца, черт побери?!

Глава 10. Под Мадридом и Сарагосой. Анархо-троцкистский путч в Барселоне

2 мая мы с Ксанти проводили на родину Гая Лазаревича Туманяна. Вернувшись, в барселонскую гостиницу, я почувствовал, что заболеваю. Термометр показывал около сорока. Приказав мне лежать, Ксанти запер номер и ушел за лекарствами. Как только он вернулся, в городе поднялась стрельба. Это были не одиночные выстрелы, к которым мы привыкли, — били очередями и залпами. Заработали станковые пулеметы. Где-то у гостиницы грохнула граната, другая… Ксанти выключил свет:

— Что-то случилось?

— Может быть, выступили анархисты, — спокойно сказал он, вглядываясь в синеву ночи. — Надо позвонить… Но дозвониться никуда не удалось. Вместо телефонисток отвечали какие-то мужчины. Узнав, кто говорит, они тут же выключали аппарат. А пальба все усиливалась. Лишь через час в гостиницу, забаррикадированную администрацией и постояльцами, каким-то образом просочилось известие: начался вооруженный путч анархистов и поумовцев-троцкистов. Они требовали отставки каталонского правительства, немедленного роспуска вооруженных сил и передачи всей власти анархо-троцкистам. Им удалось захватить казарму горнострелкового батальона и телеграф, взять под контроль вокзалы и весь городской транспорт. Особенно сильному обстрелу подвергся район, где находилось здание Объединенной социалистической партии Каталонии. Видимо, бандиты пытались овладеть и этим зданием. Выходить из гостиницы было бессмысленно. Вдобавок я еле держался на ногах. Мы верили, что наглая вылазка анархо-троцкистских подонков будет немедленно подавлена. Но правительство Каталонии проявило чудовищную растерянность. Анархисты сняли свои батальоны с арагонского фронта и безнаказанно хозяйничали в городе. Центральное правительство послало на подавление мятежников авиационную эскадрилью и танки. Это известие наконец привело в чувство наглецов и провокаторов. В ночь на 6 мая анархо-троцкистский путч был ликвидирован. Но Барселона пережила три трагических дня. В уличных боях погибли сотни патриотов. Среди убитых было множество женщин и детей. Барселонский путч показал подлинное лицо анархистов и поумовцев — прямых помощников фашизма. Правительство доктора Негрина Невыносимо трудно

бездействовать в такие дни. Едва мне стало легче, я, Ксанти и его переводчица рискнули вырваться к своим. Висенте вел машину, избегая улиц, перегороженных баррикадами, и кварталов, где еще продолжалась стрельба. Нам повезло. Мы благополучно выбрались из Барселоны. События свершались с головокружительной быстротой. После отказа Ларго Кабальеро обсудить на заседании совета министров военную и политическую обстановку в стране, коммунисты вышли из состава правительства. Ларго Кабальеро полагал, что дождался своего часа. Но большинство влиятельных министров-социалистов заявило, что без коммунистов правительства быть не может. После нескольких судорожных и неумных попыток создать так называемое "профсоюзное правительство" Кабальеро вынужден был подать в отставку. Возникло новое правительство — правительство доктора Негрина. В него вошли трое социалистов, два коммуниста, два левых республиканца, по одному представителю от каталонских и баскских националистов. В знак поддержки своего друга по борьбе с коммунистами Ларго Кабальеро анархисты отказались участвовать в новом правительстве. Однако бравировали они недолго. Убедившись, что правительство существует и активно действует без их поддержки" анархисты пришли на поклон. Но и после этого им не удалось восстановить свое былое влияние. Их авторитет резко упал. Правительство Негрина приняло разработанный министром коммунистом Висенте Урибе декрет об аграрной реформе. Защитив крестьян от так называемых "бесконтрольных элементов" и распустив насильственно созданные анархистами коллективные хозяйства, оно быстро завоевало популярность в народе. Коммунистическая партия Испании приобрела еще больший вес. Ее готовность вести борьбу до победы вызвала в массах новый прилив энтузиазма. И хотя гражданская война вступила в период, отличавшийся неизмеримо более тяжкими условиями, чем первоначальный (было утрачено территориальное превосходство над мятежниками, не хватало продовольствия и вооружения), республиканцы больше чем когда-либо надеялись на победу. Ряд блестяще проведенных операций доказал, что эти надежды были построены отнюдь не на песке. Но мало было сместить некоторых генералов и отстранить от руководства отдельных политических банкротов. Надо было вытравить до конца оставшийся кое-где дух предательства, преодолеть пассивность и рутину штабов. Этого, увы, не случилось… Брунете наш! Пытаясь облегчить положение северных провинций Испании, республиканцы организовали летом 1937 года наступление в районе Брунете. На этом направлении действовали лучшие части армии, и прежде всего

части легендарного Пятого полка. Командовали операцией народные герои Испании Листер и Модесто. Надо было сорвать подвоз подкреплений противника по железной дороге, соединявшей мадридскую группировку мятежников с занятыми ими юго-западными провинциями Испании. Командование поручило Ксанти вывести из строя железнодорожный участок Талавера — Навальмораль де ля Мата. Удар по этой важной для противника коммуникации приурочивали к началу наступательной операции республиканских войск под Мадридом. Движение по магистрали следовало нарушить не менее чем на пять суток. К этому привлекли w часть диверсантов из батальона капитана Доминго. В конце июня мы очутились юго-восточнее Талаверы, в пятнадцати километрах южнее Тахо. Тахо — спокойная река, шириной сто пятьдесят — двести метров, с пологими берегами. Южный ее берег занимали республиканцы, на северном засели фашисты. Решено было в первую же ночь незаметно переправить через реку пять-шесть мелких групп диверсантов с инженерными минами, а затем в течение недели перебрасывать еще по две-три группы в сутки. Тщательно велась подготовка людей, техники, переправочных средств. Наконец настало время действовать. Бесшумно спускаются на воду легкие лодки, бесшумно садятся люди. Скоро лодки скрываются из виду. Секунды, минуты… На северном берегу взвивается осветительная ракета. Мы лихорадочно оглядываем реку… Лодок не видно… Во второй половине ночи справа, вверх по течению, почти у воды, вспыхнули еще две осветительных ракеты. С северного берега началась ружейно-пулеметная стрельба. В ответ открыли огонь и республиканские подразделения. Тревогу, оказывается, вызвали двое местных жителей, вплавь покидавшие фашистский ад. Наконец на северном берегу мелькнул долгожданный условный сигнал. Мы приготовились принять возвращающихся диверсантов, а если их будут преследовать, то и оказать огневую поддержку. Проходит несколько томительных минут. Первая лодка тихо причаливает к нашему берегу.

— Все хорошо! — докладывает вернувшийся командир группы Эрминио. И как бы в подтверждение этих слов на севере, у железной дороги, слышится глухой взрыв. Нет, это не совсем хорошо. Рано! Еще не возвратились другие группы, а противник уже всполошился. Вдали мелькают вспышки осветительных ракет. Засуетились мятежники и на берегу. Но река не только препятствие, она и спасительный ориентир. Бойцы знают: там, на южном ее берегу, — свои! Недалеко от воды на той стороне разрывается ручная граната. Сомнений нет — там начался бой… Еще и еще рвутся гранаты… Одна из групп возвратилась с того

берега вплавь. Мокрые минеры вылезали из воды тихо и сразу удалялись от реки. К утру мы подвели итоги. Убитых и пропавших нет, но двое бойцов ранены. А на железной дороги западнее Талаверы установлено четырнадцать противопоездных мин мгновенного и замедленного действия. В первую же ночь на них подорвался вражеский эшелон с войсками, потом взлетел и еще один поезд… Пять дней подряд работали диверсанты-минеры на дороге восточное Талаверы. Люди забыли про сон. Ели урывками. Глаза у всех ввалились, покраснели. Растрепалась и как-то поблекла даже вызывающая шевелюра Рубио. Прекратились шуточки Яна Тихого. Но дело было сделано. Движение по дороге было парализовано. Республиканцы заняли Брунете! После этой победы Доминго прямо воспламенился. Взяв с собой одну роту, он решил действовать на коммуникациях севернее и северо-западнее мадридской группировки противника. Дней через пять к Доминго примкнул и я с другой его группой минеров. Мы работали вместе до самого августа. Вот там, под Мадридом, и увидел я гитлеровских летчиков, сбитых ночью испанскими истребителями. Они лишь отдаленно напоминали мне тех, что хвастались в Париже. Куда девалась их вызывающая задиристость! В глазах только страх, повадки лакейские.

— Противный вид! — определил Доминго. В ходе операции врага к августу 1937 года батальон фактически превратился в спецбригаду. Взрыв на мосту Следующая большая операция, в которой активно участвовали бойцы спецбатальона капитана Доминго, проходила под Сарагосой в августе 1937 года. Началась она тоже успешно. К августу на арагонском фронте тон задавали части Листера. Влиянию анархистов совсем пришел конец. Главари бежали из страны. В ходе наступления войскам республики удалось взять Бельчите. Это вынудило мятежников снимать части с других фронтов и перебрасывать их на арагонский, дотоле считавшийся безопасным. Бойцам Доминго вновь выпал случай показать себя. Смело нападал из засад на автомобильные колонны Маркес. С отчаянной дерзостью врывался на мосты Антонио. Пускал под откос паровозы и целые воинские эшелоны американец Алекс. Глубоко во вражеском тылу действовал немногословный Хуан Пекеньо; его группа уничтожила вражеский эшелон с живой силой почти в шестидесяти километрах от линии фронта. Крушение было организовано с таким хладнокровием и мастерством, что из-под обломков никто не выбрался живым. Я очень радовался за товарищей. Теперь это были настоящие диверсанты: находчивые, дерзкие, не признающие безвыходных положений, умеющие использовать самую ничтожную промашку врага. Примеров,

подтверждающих это, накопилось много. Расскажу лишь об одном случае, о том, как группа Рубио и 19-летнего барселонца Ногеса подорвала среди бела дня усиленно охранявшийся мост через Альберче и двигавшуюся по нему вереницу машин с войсками и боеприпасами. Я выбираю этот случай не потому, что он ярче других, а потому лишь, что в создавшейся сложной ситуации одинаково самоотверженно, выручая друг друга, действовали и испанские бойцы и товарищи из интербригады. Летом 1937 года наши "любители автомобилей" расширили сферу своих действий, появляясь то на одном, то на другом фронте. Группы Рубио, Ногеса, Каррильо наловчились захватывать одиночные машины. На этих машинах они иногда часами разъезжали по территории противника. Лишь почуяв опасность или заметив впереди контрольно-пропускной пункт, диверсанты уничтожали свою «добычу» и уходили в горы. Но, затем появившись на новой магистрали, они захватывали новый автомобиль и продолжали «прогулку». Никому из нас и в голову не приходило использовать захваченные машины для разрушения мостов. А тут… После того как мы повредили железную дорогу под Талаверой, резко усилилось движение противника по автомобильной магистрали. Как правило, транспорт передвигался ночью, колоннами. Все трудно восстанавливаемые мосты сильно охранялись. В этих условиях применение колючек и одиночных мин не давало желаемого эффекта. И вот однажды, беседуя с командирами групп перед очередной вылазкой в тыл врага, Ксанти предложил:

— Друзья! У вас есть уже опыт захвата машин. Попробуйте на захваченной машине ворваться на мост, снять охрану и разрушить его.

— Попробуем, Ипполито? — спросил Рубио барселонца Ногеса — коренастого молодого парня.

— Отчего не попробовать, — согласился тот. Ночью группы Рубио и Ногеса благополучно переправились через Тахо. Вышли на автомобильную дорогу. Подходящая цель так и не появилась. Пришлось на день укрыться в горах Сиерра де Сан Винсенте.

— Что делать? — сокрушался Ногес, — Сотни машин идут к Мадриду, одиночных почти нет… Весь день диверсанты не отрывались от биноклей. Дорога около моста восточное Талаверы была перед ними как на ладони. С гор хорошо видно, что колонны грузовиков и многие легковые машины проходили мост без остановки. Итак, способ проникновения на мост ясен. Но как взорвать мост, проносясь по нему? Пока прикидывали, как лучше поступить, на дороге показался грузовик с кухней на прицепе. Водитель охотно остановился, чтобы ответить на вопрос "господ офицеров". Рядом с ним сидел повар.

— Что в котле? — спросил Рубио.

— Суп.

— Выливай его к чертовой матери. Найдется другая начинка… Пленных связали, заткнули им рты и уложили отдыхать по разные стороны дороги. Пристроившись в хвост вражеской автоколонны, кухня спокойно приблизилась к цели, въехала на мост. И вдруг на самой его середине отцепилась от тягача. Прицеп загораживал движение, и часовой бросился, чтобы оттащить его к перилам. Он сразу, как видно, почуял неладное: из котла кухни пахло не бараниной, а горящим бикфордовым шнуром. Бывалым солдатам этот запах хорошо знаком, а часовой, несомненно, был из их числа. Он не потерял самообладания, попытался сбросить прицеп с моста. Но одному это оказалось не под силу. Стал звать на помощь водителей. Однако ни водители, ни другие солдаты из охраны моста не успели понять, в чем дело. Высоко взвилось пламя, прогремел взрыв. А злополучный грузовик, потерявший прицеп, успел тем временем бесследно исчезнуть… Да, наши подрывники научились умело действовать на коммуникациях врага. Весной и летом 1937 года они не зря получали одну благодарность командования за другой. Тревожные вести с Родины В двадцатых числах июня я возвратился из Хаена и зашел к нашему военному советнику Кольману. Поговорили о том о сем. Я заметил, что Кольман мнется, словно хочет и не решается сказать о чем-то потаенном.

— Что случилось? — напрямик спросил я.

— Ты давно не читал газет?

— Где же я мог их читать?

— А радио тоже не слушал?.. И ничего не знаешь?.. Кольман огляделся, будто опасаясь, что нас подслушивают.

— Одиннадцатого числа состоялся суд над Тухачевским, Уборевичем, Корком, Якиром… Они вели вредительскую работу, пытались подготовить наше поражение в будущей войне. Хотели восстановить власть помещиков и капиталистов.

— Что?! Кольман подал еще одну газету за 13 июня:

— Вот здесь… Строчки прыгали у меня перед глазами:

"… Двенадцатого июня сего года суд приговорил подлых предателей и изменников к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение." Как наяву, я увидел перед собой лицо Якира:

— Вам поручается важнейшее партийное дело, товарищ Старинов. Надеюсь, вы оправдаете наши надежды… Увидел лес под Олевском. Аэродром под Харьковом. Ночные учения, где Якир с гордостью говорил о советской военной технике. Этот человек — предатель и изменник?! А маршал Тухачевский —

бонапартист?! Эйдеман, Уборевич, Примаков, Путна — прославленные герои гражданской войны — и все они тоже враги народа?! Кольман осторожно взял у меня газету.

— Как же это? — только и мог выговорить я.

— Чудовищно, — согласился советник. — Невозможно поверить. Но ты же видел…

— А какая им была корысть предавать Советскую власть? Власть, которую они сами устанавливали?! За которую кровь проливали?!

— Тише… Конечно, дикость какая-то… Сам не понимаю, на что они рассчитывали… Что им могли дать капиталисты?

— Ничего! Их бы первыми расстреляли, попадись Примаков или Якир в лапы фашистам.

— Видишь, пишут о попытке захвата власти…

— Так они же и были властью!

— Тем не менее — факт налицо… Да, чудовищный факт был налицо. И Кольман и я не могли не верить Сталину, не верить суду. Не могли не верить, а в сознании не умещалось случившееся… Читая в газетах, что Вышинский награжден орденом Ленина "за укрепление социалистической законности", натыкаясь на имя Ежова и на карикатуры, изображающие ежовые рукавицы, в которых корчатся враги народа, я испытывал острые приступы тоски, Ни на минуту не забывалось, что работал с Якиром, что неоднократно сопровождал Примакова и Тухачевского. "А что ответишь ты, когда спросят, знал ли Якира и Примакова? Что ждет тебя по возвращении на Родину? — не раз спрашивал я самого себя. — Что ответишь? " — Ты что-то плохо выглядишь, Рудольфе! — встревожился Доминго. — Устал?

— Да, друг. Устаю… Что еще мог я ответить капитану? Несчастный случай Судьба слишком долго баловала диверсантов, чтобы не сделать в конце концов один из тех подарков, которые ей лучше было бы держать при себе. Суеверия тут ни при чем. Работать нам приходилось в основном с динамитом, а он даже в мирных условиях способен преподносить горькие сюрпризы. Может взорваться от первой искры, от первого сильного удара. Но вот, поди ж ты, у нас он пока ни разу не безобразничал. Под Теруэлем, в Альфамбре, Пеле попал с динамитом под бомбежку, но успел вывести машину из деревни. Динамит не взорвался, хотя одна из фашистских бомб упала слишком близко. Там же, в Альфамбре, я как-то застал бойцов, мирно покуривающих на ящиках с динамитом, придвинутых вплотную к камину. Тоже пронесло! В Хаене мы хранили динамит под кроватями моей переводчицы и Розалины. В соседней комнате однажды взорвался примус. Струйки горящего керосина протекли по полу и в

женскую спальню. Но Анна и Розалина успели набросить на пламя свои одеяла. Наши машины с динамитом неоднократно бывали под обстрелом. Подрывники, переходя линию фронта, тащили динамит в заплечных мешках. И все как-то обходилось! А вот под Сарагосой не обошлось. Я был на командном пункте пехотного батальона — готовил к вылазке в тыл врага группу лейтенанта Падильо. На нескольких участках переправлялись другие группы. Падильо уже завязывал свой вещевой мешок, когда мы услышали глухой взрыв в той стороне, где должна была действовать группа, перебрасываемая нашим начальником штаба Иличем. Мы кинулись к месту взрыва. Там уже суетились санитары. Шальная пуля угодила в вещевой мешок с динамитом, прилаженный на плечи одного из бойцов. Несчастного минера разнесло в клочья. Еще трое были тяжело ранены. В их числе оказался и капитан Илич. Кое-как перебинтованный Илич не стонал. Он только кусал бескровные губы и морщился. Погрузив раненых, Пепе осторожно повез их к полевому госпиталю дивизии. Больше двух часов оперировали Илича. На прощание он еле слышно прошептал:

— Не отчаивайся, Рудольфе. На войне как на войне… А что касается меня — я вернусь в батальон. Ты же видишь, глаза у меня целы и даже одно ухо осталось… Некоторые итоги испанской командировки В конце сентября 1937 года исполнилось десять месяцев с той поры, как я впервые ступил на землю Испании. Где только не пришлось побывать за это время! Под Теруэлем и Гранадой, под Кордовой и Мадридом, под Уэской м Сарагосой. Я с удовлетворением мог сказать самому себе, что партизаны-подрывники, с которыми мне довелось работать, не тратили время даром. За десять месяцев установленные ими мины взорвались почти под сотней вражеских поездов с солдатами, артиллерией, конницей, боеприпасами, горюче-смазочными "материалами, танками. Во много раз больше подорвалось на наших минах франкистских автомобилей. А сколько их остановлено с помощью колючек! Сколько свалено мостов, повреждено линий связи!.. Вместе с остальными советскими добровольцами я старался передать испанским товарищам опыт партизанских действий, накопленный в нашей стране в годы гражданской войны. Обучал их тому, что сам узнал в тридцатые годы, работая под руководством Якира и Баара. Собственно говоря, успешное применение инженерных мин на коммуникациях франкистов стало возможным только потому, что за разработку этого грозного оружия мы у себя на родине энергично взялись еще в начале тридцатых годов. Выработанная советскими партизанами тактика и техника минирования

оказалась выше тактики и техники противника по разминированию. Мятежники не могли обеспечить, безопасность своих коммуникаций, хотя зачастую бросали на охрану стокилометрового отрезка пути до полка солдат. Не научились они обнаруживать некоторые наши мины, а те, что находили, не умели обезвреживать. Немецкие и итальянские саперы, бесспорно, пытались изучить нашу технику, но мы постоянно ставили их перед новыми и новыми загадками. То устраивали сюрпризы, то снабжали мины взрывателями, исключавшими возможность их извлечения, то применяли магнитные мины неизвестной врагу конструкции. Об установке наших мин противник, как правило, узнавал только тогда, когда они сваливали под откос его эшелоны. Стало быть советские военачальники, всячески поощрявшие поиски военных инженеров, техников и командиров инженерных войск, конструировавшие мины для партизан, знали, что делали. Но конечно, мины сами по себе, какими бы хорошими они ни были, не могли принести значительной пользы, если бы не попали в надежные руки. Успешными были действия специальных партизанских подразделений республиканской армии, тесно и умело взаимодействующих с наступающими войсками. Успешными они стали только потому, что их осуществляли люди, воодушевленные высокими идеями борьбы за свободу и демократию. Большое внимание партизанской борьбе в тылу Франко уделял ЦК Коммунистической партии Испании, лично Хосе Диас и Долорес Ибаррури. Специальные подразделения регулярно пополнялись коммунистами — бесстрашными борцами против фашизма. Бок о бок с испанскими коммунистами в рядах специальных подразделений сражались социалисты и коммунисты из других стран, считавшие защиту Испанской республики своим интернациональным рабочим долгом. Бесспорным было громадное моральное превосходство республиканских бойцов над солдатами противника. Неустанно помогал своей армии народ. Потому и вылазки наши в тыл врага, облегчавшие положение войск, сопровождались неизменным успехом… Буржуазные заправилы Запада предали Испанскую республику, и фашизм задушил ее. Но республика сопротивлялась до последнего часа. В прямом единоборстве враг никогда не смог бы одолеть ее… * * * Сегодня оглядываясь назад, я могу с уверенностью казать, что современная партизанская диверсионная война родилась в 1936 году в Испании и оттуда распространилась по другим странам. 18 июля 1936 года знаменитая теперь фраза "Над всей Испанией безоблачное небо" возвестила начало мятежа правых генералов против Испанской

республики. Генералов поддержали фашистские Германия и Италия, в короткое время отправив мятежникам около двух тысяч боевых самолетов, 1200 танков, две тысячи орудий, винтовки, пулеметы, снаряды и патроны. В Испанию из этих стран были направлены хорошо обученные летчики, танкисты, артиллеристы и другие военспецы. Численность итальянской экспедиционной армии достигала 200 тысяч человек, германского легиона «Кондор» — 50 тысяч человек. Это вмешательство в значительной степени изменило ход войны. По мере того, как регулярная республиканская армия отступала, на занятой мятежниками территории начинали действовать партизанские группы и отряды. Численный и качественный рост армий, вовлеченных в конфликт на стороне Франко, в сочетании с действиями контрразведки, значительно сузили возможности партизан бороться с противником в открытом бою. С другой стороны, армии эти неизбежно стали более зависимыми от самых разных поставок, от ГСМ до боеприпасов. Это впервые в XX веке открыло совершенно новые возможности по ведению диверсионной войны, и многие диверсионные приемы, отработанные в ходе гражданской войны в Испании, были затем тиражированы и использованы в самых разных странах в разное время. У испанцев, в последний раз партизанивших во время наполеоновских войн, не было ни навыков, ни специалистов-диверсантов, способных решать специфические задачи партизанской борьбы в тылу современной регулярной армии. Увидев это, старший военный советник Яков Берзин добился направления в Испанию хорошо подготовленных, опытных командиров и специалистов — выпускников спецшкол в СССР. Они начали свою деятельность в роли советников и инструкторов небольших разведгрупп, которые затем превратились в диверсионные группы. В СССР в конце 20-х и начале 30-х годов велась огромная работа по подготовке партизанской войны в случае возможного нападения врага. Были обучены или переучены сотни бывших партизан гражданской войны, разработаны новые специальные диверсионные средства — с упором на то, что партизаны смогли бы сами сделать в тылу врага из подручных материалов. Диверсионные школы прошли и многие деятели Коминтерна, отправившиеся затем руководить "рабочим движением" в Европе и Америке. Мне довелось быть советником в одном из таких формирований, которым командовал капитан Доминго Унгрия. За десять месяцев эта диверсионная группа, численностью 12 бойцов, превратилась в XIV партизанский корпус, в котором сражалось около 3 тысяч человек. Мы совершили около 200 диверсий и засад, и ориентировочные потери противника составили более двух тысяч

человек. Безвозвратные потери XIV корпуса за все время боевых действий составили всего 14 человек — причем одного убили в Валенсии анархисты, одного нечаянно подстрелили свои при возвращении из тыла противника, один погиб при установке мины, один погиб при переходе линии фронта (шальная пуля попала в рюкзак с динамитом), а 10 сложили головы в боях. В начале ноября 1937 года я сдал свои обязанности герою гражданской войны Христофору Салнину и выехал на Родину. После поражения республиканцев часть личного состава XIV-го корпуса, захватив судно, перебралась в Алжир, оттуда в Советский Союз. Часть бойцов перешла испано-французскую границу и была интернирована. Когда французские власти приняли решение о выдаче их фалангистам, бойцы в полном составе совершили побег из концлагеря и ушли в горы. На базе их партизанских отрядов были созданы 27 бригад, сведенных в 9 партизанских дивизий. Они повесили Дуче и освобождали от фашистов Марсель и Париж. Четверо бойцов XIV корпуса впоследствии вместе с Фиделем Кастро высаживались на Плайя Хирон…

ЧАСТЬ III. ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА…

Глава 1. Возвращение

Грузовое судно миновало Кронштадт. Впереди, в туманной дымке на редкость погожего осеннего дня, уже маячили знакомые контуры Адмиралтейства и Петропавловской крепости. Вместе с несколькими товарищами я возвращался из Испании. Счастливые и взволнованные, смотрели мы на темную с прозеленью воду родного Финского залива, на золотую иглу знакомого шпиля. Дорогая моя Родина, мы вернулись! Позади остался трудный год в далекой и до боли близкой Испании. Там мы похоронили немало соотечественников. Там нашли верных друзей. Там земля впитала капли и нашей крови. И все, что сделано нами, сделано во имя светлой Отчизны. Разве не она послала нас к испанским братьям? Разве наша любовь к Испании была не ее любовью?.. Ленинград! Каким прекрасным предстал ты передо мной в погожий осенний день 1937 года! Я повидал Мадрид, Барселону, Париж, Антверпен, Брюссель. Спору нет, и они были красивы по-своему. Я даже изменил первоначальное мнение о Париже, увидев его на обратном пути из Испании ранним утром, когда трудовой люд спешил на работу, а крикливые гамены, шныряя в толпе, совали в руки прохожих «Юма». Но ты, Ленинград, прекраснее всех столиц! Я шел по улицам, с трудом удерживай от искушения прижаться щекой к шершавой известке любой стены, и, не удержавшись, касался ладони то перил моста, то мокрой коры деревца, то холодного чугуна уличных фонарей.

— Надолго? — спросила меня дежурная гостинице.

— На сутки. Я не сказал, что и эти сутки повиснуть на моей совести, что и за них придется давать объяснение. Но я не мог покинуть Ленинград, едва ступив и его землю. Репрессии В Ленинграде я узнал страшную весть Начальник штаба советников — полковник Иван — как мы его знали, приехав в Ленинград бросился с мои и погиб. Как позднее я узнал, поводом послужило вступление Сталина на совещании командного состава в июле месяце. Все началось с телефонных звонков. Может быть, это покажется странным, но в моей памяти отлично сохранились номера многих домашних и служебных телефонов знакомых и сослуживцев. Поэтому, оставшись один, я буквально повис на телефоне. Но вот досада! Куда бы я ни звонил отвечали совсем незнакомые люди. Не мог же я перепутать все номера? И ничего похожего раньше не бывало… Неуверенно набрал номер управления военного коменданта станции "Ленинград — Московский".

— Дежурный помощник коменданта Чернюгов слушает…

Наконец-то хоть один знакомый голос! Он, правда, стал каким-то другим. В бытность Писарев Чернюгов отвечал громко, бодро, а став помощником коменданта, вроде бы оробел. Но сейчас не до этого…

— Здравствуйте, товарищ Чернюгов! Свринов говорит! Трубка некоторое время молчит. Потом Чернюгов неуверенно осведомляется:

— Какой Старинов? Товарищ военинженер третьего ранга?

— Ну да, он самый! Не узнали? Трубка молчит.

— Вы слышите меня, товарищ Чернюгов?

— Да, слышу… Вы откуда, товарищ военинженер?

— Сейчас — из гостиницы, — смеюсь я, узнавая характерные нотки в чернюговском голосе и потешаясь его недоумением. Может быть, писарь считал меня погибшим? И я спешу успокоить его: — Со мной все в порядке! Жив-здоров! А как вы там?

— Все нормально, товарищ военинженер…

— Послушайте, товарищ Чернюгов, я, собственно, вот зачем звоню… хочу узнать, где сейчас Борис Иванович Филиппов. Ответа нет.

— Слышите вы меня? Да, Чернюгов слышит.

— Он теперь… на курорте… — В голосе Чернюгова то ли пренебрежение, то ли снисходительность. Я слышу, как звонит на столе дежурного другой телефон.

— Извините, меня вызывают… Подержав в руке замолчавшую трубку, тяжело опускаю ее на рычаг. Конечно, Борис Иванович выбрал неподходящее время для курортных разъездов. Здравомыслящие люди в конце октября на юг не едут. Но все равно тон Чернюгова слишком неуважителен. Или у бедняги голова закружилась от повышения по службе? Пожав плечами, звоню опять. На сей раз в Управление военно-транспортной службы Октябрьской железной дороги, своему однополчанину Коле Васильеву. Этот все растолкует! И впервые слышу в ответ короткое страшное слово: «Взяли». Взяли? Арестовали Бориса Ивановича? Милейшего Бориса Ивановича Филиппова, всегда трепетавшего перед начальством? Душевного, простецкого Бориса Ивановича? Непостижимо! Значит, его дружелюбие, заботливость, простота — все это было страшной маскировкой?.. Я вдруг стал противен самому себе. Да что же такое происходит? Или я чего-то трушу? Как посмел я усомниться в Филиппове?! А беспощадный голос совести тут же спросил: "Но в Якире, которого ты тоже знал, все-таки усомнился? Филиппов арестован теми же органами. Почему теперь ты не веришь? Или опять думаешь, что тут ошибка? Оставь! Точно так же ты думал, услыхав первый раз об аресте Якира! " Окончательно растерявшись, решил позвонить

еще одному другу — Н. С. Фрумкину. Он встречал меня на пристани и показался почему-то очень грустным. Фрумкин ответил, что зайдет ко мне сам, а от телефонного разговора уклонился. Больше я не подходил к аппарату. Теперь догадался, почему по знакомым телефонам отвечали чужие люди. Значит, правдой оказались темные слухи о массовых арестах на моей родине. Слухи, доходившие даже до Испании! Я вышел из гостиницы и долго бродил по городу, пытаясь осмыслить происходящее. Мозг сверлила неотступная мысль: "Завтра надо ехать в Москву. Какие новости ожидают там?" В номер вернулся поздно ночью: не хотелось оставаться один на один с черным телефонным аппаратом. Земля вновь уходила у меня из-под ног…

… На следующий день, ожидая поезда, я все же не выдержал и заглянул в комендатуру Московского вокзала. Чернюгов запер за мною дверь и шепотом сообщил, что летом арестованы начальник военных сообщений Красной Армии Аппого и начальник военных сообщений Ленинградского округа комбриг Картаев.

— Враги народа! — испуганно поведал Чернюгов. — А Филиппов был пособником Картаева. Я видел — Чернюгов горит желанием сообщить еще какие-то детали, но почувствовал, что с меня довольно… В поезде не смог уснуть до самого Калинина. Невыспавшийся, разбитый физически и нравственно, докладывал я московскому начальству о своем возвращении. Меня поместили в гостиницу, сказали, что вызовут. Я принял пирамидон и завалился спать. Проснулся под вечер. В гостиничных коридорах стояла гнетущая тишина. И вдруг меня осенило: надо немедленно пойти к моему бывшему киевскому начальнику, близкому другу Ивану Григорьевичу Захарову. Вот с кем можно поделиться тревогой, вот кто разрешит сомнения! Но в доме друга застал горе. Жена его встретила меня заплаканная и в трауре. Страшную историю рассказала она. Последние недели Иван Георгиевич жил в бесконечной тревоге, ожидая самого дурного. Арестовали двух его прямых начальников, с которыми он и жена были дружны семьями. Захаров пугался каждого шороха, стал замкнутым и раздражительным. Однажды под утро раздался торопливый и настойчивый стук в дверь. Иван Георгиевич привстал, но тут же, охнув, потерял сознание. Умер он от разрыва сердца. А как оказалось, приходил всего-навсего дежурный по части со срочной служебной телефонограммой… Не помню, сколько часов бесцельно бродил я по городу. Очнулся, увидев, что стою перед домом еще одного давнишнего товарища, с которым мы прослужили в одном полку восемь лет. С трудом поднимался на пятый этаж старого дома, опасаясь, что и здесь застану слезы,

страстно желая, чтобы мой друг оказался жив и здоров.

— Позвонил. В квартире послышались тихие шаги. Они замерли у двери/Минуту спустя донесся приглушенный голос:

— Кто там?

— Свои! — радостно крикнул я.

— Кто свои?

— Да это я, Старинов!

— Старинов? Вы! Подожди, Илья, сейчас открою. Залязгали замки. Один. Другой. Третий. Дверь наконец приотворилась.

— Входи, — сказал товарищ, опасливо заглядывая за мою спину. Закрыв дверь, он облегченно вздохнул, протянул руку, улыбнулся. Но лицо его тут же вытянулось.

— Ты?.. Ты откуда?

— Из спец-командировки.

— А почему во всем заграничном?

— Да ведь я за границей и был. Еще не успел переодеться.

— Вот оно что!.. За границей?! Мы топтались в передней. Мне не предлагали раздеться.

— Я что — не вовремя? Мой товарищ внимательно разглядывал кончики своих комнатных туфель.

— Ты извини, Илья… Но знаешь, время такое… Между прочим, недавно арестовали наших однополчан. Ювко взяли, Лермонтова. А они в оппозициях не состояли… Всегда генеральную линию партии признавали… Он опустил голову так, что почти уперся в грудь подбородком.

— Ясно, — сказал я. — В оппозиции не состояли, никуда не ездили… Извини! Меня не удерживали. Дверь затворилась без стука. Спускаясь по лестнице, я чувствовал, что задыхаюсь. Вышел на тротуар.

— Илья! Подожди! Застегивая на ходу шинель, товарищ догонял меня. У него было виноватое, несчастное лицо.

— Илья! — он судорожно схватил меня за руку. — Не сердись! Пойми!.. Если бы ты приехал с Дальнего Востока… А то бог знает откуда… Ведь я работаю с секретными документами… У меня во всех анкетах написано, что из близких никто за границей не был и не живет!.. Ты пойми!..

— Иди домой. Могут заметить, что мы разговариваем.. — Ты понимаешь?

— Иди!.. К ночи сильно похолодало. Улицы быстро пустели. Только в центре, возле кино и ресторанов, еще продолжалась обычная толчея. С рекламы, приложив руку к капитанской фуражке, весело улыбалась Любовь Орлова: в «Метрополе» шла «Волга-Волга». Погиб Иван Георгиевич Захаров. Лучший друг не пустил меня к себе… Надо мной сгущаются тучи Через три дня я

был принят Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. Пришел на прием вместе со старшим майором госбезопасности С. Г. Гендиным. Выслушав рассказ о своих делах в Испании, Ворошилов поблагодарил меня.

— Вы достойны высокой награды, — сказал маршал. — Я считаю, товарищ комдив (так он называл Гендина), что Старинов заслужил и повышения в звании. Надо дать ему соответствующую большую работу по специальности. Выйдя из-за стола, Ворошилов твердо пожал мне руку:

— Ждите назначения, товарищ Старинов!… Прием у Народного комиссара обороны на первых порах успокоил и ободрил меня. Ведь вот нет за мной никаких грехов, никто мне их и не приписывает, даже благодарят за службу! Однако получалось, что, успокаивая себя подобным образом, я как бы отрекался от старых товарищей, предавал память погибших, которые, возможно, не совершали приписываемых им чудовищных злодеяний. И опять приходила тоска. Опять росло душевное смятение. Время шло. Меня никто и никуда не вызывал и никакой "большой работы" не предлагал. Зато каждый новый день приносил нерадостные для меня известия. Вскоре арестовали Гендина. Я навестил семью Константина Шинкаренко, бывшего командира полка легендарной бригады Котовского. Шинкаренко — один из моих друзей по партизанской школе в Киеве — в числе первых в республике был удостоен ордена Боевого Красного Знаме ни и награжден Почетным оружием. Оказалось, и Шинкаренко взяли. От жены его узнал, что арестовано много друзей Кости — известных мне партизанских командиров, с которыми мы вместе закладывали скрытые базы на случай войны.

— Костя — честный человек. Ни с какими врагами народа он не был связан. Я написала товарищу Сталину. Добьюсь приема у товарища Ворошилова, — всхлипывая твердила жена Шинкаренко. Она ничего не добилась. Константина Шинкаренко освободили и полностью реабилитировали только после смерти Сталина. Он вышел из лагерей в тяжелом состоянии. Сил хватило лишь на то, чтобы добраться до родной Молдавии. Здесь он скоропостижно скончался… Между тем надо мной тоже сгущались тучи. Я получил наконец вызов. Но не к Наркому обороны. Меня вызывали в НКВД. В НКВД Свет, как положено, бьет мне в глаза, а лицо следователя остается в тени.

— Не волнуйтесь, — слышу я. — Мы вызвали вас в качестве свидетеля. От вас требуется одно — дать чистосердечные показания. Это в интересах государства и в ваших собственных.

— Но что я должен показывать?

— Не догадываетесь?

— Нет, — Хорошо. Мы вам поможем… Я не помню точной последовательности допроса, «Мы» все время выпытывал, где я служил, насколько был близок с тем или иным человеком, часто ли встречался с М. П. Железняковым, А. И. Бааром. Отвечал я без обиняков. Да, названных людей знал. Да, задания их выполнял. Как же иначе? Это были приказы прямых начальников.

— Так. А для чего вы закладывали тайные партизанские базы в тридцати — ста километрах от границы? Для чего готовили вдали от границы диверсантов — так называемые партизанские отряды? Я понял, куда клонит следователь. Ответь я сбивчиво, уклончиво, и сразу из «свидетеля» превращусь в Обвиняемого. Он хочет, чтобы я сам признал преступность проводившихся в тридцатые годы мероприятий, чтобы опорочил бывших начальников. Из рассказов жен арестованных товарищей я уже знал, что подготовленных нами партизан обвиняют в двух вещах: "в неверие в мощь социалистического государства" и "в подготовке к враждебной деятельности в тылу советских армий". Следователь смотрел на меня почти ласково. Щука, наверное, тоже не испытывает особой злобы к карасю, которого считает обреченным…

— Базы действительно закладывались и в ста километрах от границы. Но ведь укрепленные районы строились тоже в ста и более километрах, а стоят они сотни миллионов или миллиарды рублей!

— Укрепрайоны вы оставьте! Они ни при чем.

— Как ни при чем? Если затрачиваются такие средства на строительство, стало быть, допускается выход противника на эти рубежи. А коли так, логично готовить и все необходимое для развертывания партизанской борьбы между границей и укрепрайонами… Я готовил партизан для борьбы с врагом. Мероприятия, о которых идет речь, проводились в интересах защиты Родины. Я коротко рассказываю о допросе, длившемся часа три. И вспоминать о нем противно, и не так уж важны подробности. Следователь, видимо, не имел санкции на мой арест. Отодвинув бумаги и подписывая мне пропуск, он сказал:

— На сегодня мы расстаемся. Учитывая ваши боевые заслуги, мы вас не тронем. Но… возможно, мы еще встретимся. И вы подумайте. Советую вам написать все, что знаете об участниках дел Якира, Баара, Железнякова и прочей компании. Ничего не скрывайте. Этим вы упростите свое положение… Меня охватил такой страх, какого я не испытывал ни на фронте, ни в тылу врага. На войне я рисковал собой, а тут под удар ставились все близкие люди, все святое. Я видел только один выход —

обратиться к Наркому обороны, рассказать о своих сомнениях, просить защиты от необоснованных обвинений. Ворошилов принял меня. Но на этот раз, он держался сурово и замкнуто.

— В чем дело? О чем вы хотели сообщить? Волнуясь, сбиваясь, рассказал маршалу о своих переживаниях.

— Товарищ Народный комиссар, ведь я выполнял задание Центрального Комитета по подготовке к партизанской борьбе, а склады оружия готовились по вашему указанию. Нарком обороны смутился, — Вы не волнуйтесь… Потом, помешкав, взял телефонную трубку: Здравствуйте, Николай Иванович… Да вот… У меня сидит недавно прибывший из Испании некий Старинов. Его допрашивали о выполнении заданий Якира и Берзина по подготовке банд и закладке для них оружия… Пауза. В трубке слышится неестественно тонкий голосок. Снова говорит Ворошилов:

— Конечно, он выполнял задания врагов народа. Но он был маленьким человеком, мог и не знать сути дела. Опять пауза. И опять отвечает маршал:

— Но он отличился в Испании и в значительной мере искупил свою вину. Оставьте его в покое. Сами примем соответствующие меры… Начальник полигона Буквально на третий день после посещения К. Е. Ворошилова меня вызвал начальник военных сообщений Красной Армии комбриг А. Е. Крюков. Предстоящая встреча волновала. С Александром Евдокимовичем Крюковым нас связывала долголетняя совместная служба в 4-м Коростенском Краснознаменном железнодорожном полку. Как встретит он меня? Обрадуется ли моему возвращению в железнодорожные войска после столь длительного перерыва? Вряд ли! Волнуясь, я предполагал многое. Но того, что случилось, предвидеть никак не мог. Комбриг принял меня в присутствии комиссара управления товарища Баринова.

— Очень хорошо! — широко улыбаясь, сказал Крюков. — Блудный сын вернулся'. Что ж? Будем решать вопрос о вашем назначении. Выдержав паузу и многозначительно поглядев на комиссара, Крюков уже без тени улыбки сказал:

— Мы посоветовались с товарищем Бариновым и решили предложить вам должность начальника военных сообщений округа. На минуту я онемел и только шевелил губами. Наконец речь вернулась ко мне:

— Разрешите, товарищ комбриг'. Какой же из меня начальник военных сообщений округа?! Я командир железнодорожных войск, подрывник, готовил партизан, а в органы военных сообщений после академии попал не по своей воле… Не по силам мне работа, которую вы предлагаете.

— Это не ответ, товарищ военинженер третьего ранга! — вмешался Баринов.

— Вот товарищ комбриг (он наклонил голову в сторону Крюкова), он всего полгода назад командовал железнодорожным полком, а теперь — начальник военных сообщений всей Красной Армии. И ничего, справляется! Кадров не хватает, и мы обязаны выдвигать на руководящую работу молодых командиров. Последнюю фразу Баринов произнес торжественно, как бы упрекая меня в малодушии. Я оказался в глупейшем положении. С одной стороны, должность начальника военных сообщений округа — невероятное, головокружительное повышение. С другой — мне было абсолютно ясно — не справлюсь я с такой работой, не отвечает она ни моим интересам, ни склонностям. А что может быть хуже и для подчиненных и для самого командира, когда он не на месте?!

— О чем задумались? — озабоченно спросил комбриг. — В вашем подчинении будут два железнодорожных полка. Руководя службой военных сообщений на двух дорогах, вы сможете жить в большом городе.

— Если уж нельзя иначе, прошу — назначьте меня лучше командиром одного из железнодорожных полков! — взмолился я.

— Хватит скромничать… Илья Григорьевич! покачал головой Крюков. — Многие ваши однокашники уже начальники дорог, начальники военных сообщений округов, а вы — «полк»! Полками у нас командуют выпускники училищ не двадцать второго, а тридцатого года. Они были командирами взводов в ту пору, как мы с вами ротами командовали.

— Да поймите, не гожусь я на такую роль!

— И что вы заладили "не гожусь, не гожусь"… Хорошо. Раз так упрямитесь, не станем говорить об округе. Но и полк не пройдет! Самое меньшее, что мы можем вам предложить, — должность начальника Центрального научно-испытательного полигона. Устраивает? Но учтите — полигон вдали от больших городов, в лесах… Из двух зол следует выбирать меньшее. Подумав, я согласился стать начальником полигона.

— Так и запишем, — обрадовался Крюков. Мы с Бариновым встали и направились к двери.

— Да, минуточку, товарищ Старинов! — позвал Крюков. — Задержитесь. Мы остались одни.

— Зайди вечером ко мне домой, — по старинке на «ты» предложил Александр Евдокимович. — Я ж тебя сто лет не видел. И супруга моя обрадуется, и сыновья… Ты-то еще не женился?

— Да как тебе сказать… почти… Глаза Крюкова округлились:

— Это событие! Кто же она, что тебя приручила?

— Познакомлю, Александр Евдокимович. Крюков махнул рукой:

— Знак" тебя. В последний миг сбежишь от невесты, как Подколесин. Ладно… Приходи, ждем!.. Вечером за семейным столом у Крюковых мы с Александром Евдокимовичем разговорились по душам. Сначала речь шла об Испании. Но незаметно перешли на другое. Выпив несколько рюмок, Крюков напрямик сказал:

— Ты что думаешь? Легко мне в роли начальника военных сообщений Красной Армии? Эх, Илья! Ты же знаешь, я войсковик и никакого опыта работы в органах военных сообщений не имею. Кругом сплошные подводные камни — того и гляди, разобьешься. А тут то один, то другой оказывается врагом народа, кадры редеют. Вот и кручусь как белка в колесе. Пожалуй, ты хорошо сделал, что выбрал полигон. Мы туда направляем группу выпускников академии: мостовиков, механизаторов. Можно будет развернуться.

— Но полигон — это целый город в лесу со своим большим хозяйством. Боюсь, это хозяйство заест меня! — признался я. Невесело говорил все это Крюков. Явное беспокойство, горечь, недоумение и, как мне казалось, тревога звучали в его голосе, читались в глазах. Не столько слова, сколько тон, каким они были сказаны, толкнули меня на откровенность. В тот вечер мучительные сомнения с небывалой силой навалились на меня. Я отодвинул рюмку.

— Александр Евдокимович! Как так случилось, что двадцать лет люди служили Советской власти и вдруг продались? И — какие люди! Те, кому государство дало все, абсолютно все! И вот они — враги народа. А кто они? Буржуи? АН нет. Первые красногвардейцы, краскомы. На что они надеялись, когда продавались? Ну на что?.. Да что нам с тобой хитрить? Многих из них мы знали по фронту, по работе… Александр Евдокимович тяжело вздохнул:

— Молчи, Илья! Товарищ Сталин сам занимается кадрами, он взял на себя эту заботу, и он не даст в обиду невиновных. Не случайно он выдвинул руководителем НКВД Ежова… Разве не так? Что ты молчишь, как каменный? Давай лучше выпьем! — все так же невесело предложил Александр Евдокимович и добавил: — Ведь мы с тобой никого не хороним… Крюков наклонился над столом, и я заметил на его лице слезы. Он взял меня за руку:

— В свое время ты спас моего сына… Тебе я доверю одну семейную тайну. В конце прошлого года уволили из Красной Армии моего брата подполковника Андрея Крюкова. Я уверен, ЭТО ошибка. Он честный человек. Убежден, что разберутся и его

восстановят… А каково сейчас мне?.. Я был поражен откровенностью Александра Евдокимовича и не смог сразу ответить. Крюков первым пришел в себя.

— Выпьем, Илья, за здоровье товарища Сталина. Он не даст в обиду невинных! Я получаю звание полковника… Семнадцатого февраля 1938 года мне присвоили звание полковника, а двадцатого марта того же года, то есть три месяца спустя после возвращения из Испании, назначили начальником Центрального научно-испытательного железнодорожного полигона РККА. Первым человеком, которому я сообщил о переменах в судьбе, была мой верный друг Анна Обручева. На полигон я попал не сразу. Прежде чем отправляться к новому месту службы, мне предстояло побывать на лечении в Кисловодске. Перед отъездом (я все еще жил в гостинице) решил занести вещи к старинному знакомому Евсевию Карповичу Афонько, с которым еще в 1926 — 1930 годах мы готовили к заграждению пограничные участки Украины. Начиная с 1932 года Евсевий Карпович работал на Метрострое. Он по-прежнему был таким же бодрым силачом, каким я знал его по армии.

— Оставляй, оставляй свое барахло! — согласился Афонько. — Приедешь — заберешь. Только, чур! Даром хранить не стану. С тебя бутылка сухого кавказского вина. Вернувшись с курорта, я первым делом помчался к Евсевию Карповичу. Уронив руки вдоль исхудавшего тела, жена Афонько молча стояла в открытой двери.

— Неужели? — только и выговорил я. С Евсевием Карповичем мы свиделись только спустя двадцать лет.

— Пережито, Илья, столько, что лучше не вспоминать… Но я вспоминаю; Такое забыть нельзя! Многое вытерпел в заключении Евсевий Карпович. Первому негодяю-следователю, который занес на него руку, Афонько дал сдачи по-партизански, одним ударом сбив его с ног. За это получил двадцать суток одиночного карцера. Но он вынес и ледяной карцер и последующие допросы. Сидя в Лефортовской тюрьме, где следственной частью НКВД официально разрешались истязания арестованных, Евсевий Карпович каждые десять дней (что тоже было разрешено) писал: "Дорогой Иосиф Виссарионович, арестованных пыта-дат, они не выдерживают, клевещут на себя, потом от них требуют назвать сообщников и невыдержавшие клевещут на своих знакомых. Последние арестовываются и тоже не выдерживают и "все подтверждают. Кому это нужно?.. " И за такие письма его не наказывали! Никакие пытки и издевательства не вырвали у Афонько ложных признаний. И хотя полностью отсутствовало даже подобие состава преступления, его бросили без суда" на

восемь лет в лагеря "за шпионаж в пользу неизвестного государства".

— А потом, брат, перестал я писать "великому вождю", — с горечью признался Евсевий Карпович. — Перестал, потому что убедился: Сталину обо всем известно…

Глава 2. 1938 год. "Враги народа".

В конце апреля 1938 года я прибыл к новому месту службы и тут же мне напомнили: бывшего начальника полигона полковника Чумака арестовали как врага народа, Правда, в чем состоит его преступление, никто не знал.

— Большую перестройку произвели после Чумака?

— Гм… Вот дом его с верандой передали детскому саду… Начал я знакомиться с работой полигона, с тематикой испытаний техники железнодорожных войск, с программой учений. Нет, домиком с верандой дело не ограничилось! С тревогой обнаружил: прекращены работы по ряду образцов новой техники. Изобретатели и авторы этих конструкций тоже объявлены врагами народа. Их имена вычеркнуты из программы работ. Часто зачеркиваются и предложенные ими образцы новой техники… Логики никакой. Но, как говорится, куда пойдешь м кому скажешь? Видимо, на полигоне происходило то же, что и везде. Вспоминая о том времени, я спрашиваю себя: не потому ли в предвоенные годы многие замечательные образцы военной техники доводились черепашьими темпами? Не потому ли в начале войны с гитлеровской Германией на вооружении Красной Армии не оказалось многих отличных видов оружия, почти готового к серийному производству? И отвечаю себе: да, именно поэтому! Правда, не всех ценных специалистов посылали рыть золото на Колыму или гатить болота в Сибири. Иным разрешали работать и в заключении. Эти «счастливчики» доводили проекты до совершенства в камерах-одиночках, оторванные от мира. Над ними висела угроза, что любая ошибка будет признана вредительством, всякая неудача вызовет ухудшение тюремного режима. Трудно было получать нужную научную информацию, узнавать последние достижения науки и техники… Что и говорить, обстановка далеко не творческая! На полигоны и" испытательные площадки репрессированных специалистов доставляли под усиленной охраной. Об их прибытии сообщалось только начальнику полигона, комиссару и уполномоченному особого отдела. Помню, весной или летом 1939 года к нам привезли подобным образом какого-то авиационного конструктора. Фамилии его никто не знал. Вагон с арестованным подали на ветку за полигоном. К этому времени на небольшой лесной поляне сотрудники органов безопасности уже поставили палатки, окружив их двоимым высоким забором из колючей проволоки. Лишь в 1943 году, встретившись с конструктором замечательного пикирующего бомбардировщика В.М.Петляковым,

я узнал, что именно он был моим «гостем» на полигоне… Но и в тех трудных условиях коллектив полигона работал слаженно и дружно. Большая заслуга в этом принадлежала комиссару Александру Васильевичу Денисову — человеку, умевшему глубоко вникать в дело и сплачивать людей. Однако и наш дружный коллектив тоже порой лихорадило. Вскоре после моего приезда обвинили в связях с троцкистами моего заместителя по материально-техническому обеспечению Дмитрия Ивановича Воробьева. Единственным поводом к этому явилась дружба Воробьева с главным инженером строительства Саратовского железнодорожного моста полковником Н. М. Ипатовым, который незадолго перед тем был объявлен врагом народа. На партийном собрании инженер П. И. Марцинкевич и помощник Воробьева кавалер ордена Боевого Красного Знамени В. Н. Никитин пытались защитить Дмитрия Ивановича. Но нашлись и недоброжелатели. Воробьева исключили из партии. Вскоре на посту Наркома внутренних дел Ежова сменил Берия. Начались репрессии в самих органах НКВД. Там стало не до Воробьева. Через девять месяцев Дмитрию Ивановичу вернули партийный билет… Нависла угроза и над Александром Евдокимовичем Крюковым. Из отдела кадров Генштаба ко мне поступила просьба дать развернутую партийную характеристику на члена ВКП(б) А. Е. Крюкова, обязательно указав его поведение во время дискуссий. Я написал самый положительный отзыв. Александр Евдокимович уцелел, хотя в сентябре 1939 года его и освободили от занимаемой должности. На полигон в ту пору то и дело приезжали различные комиссии и отдельные работники от начальника Управления военных сообщений РККА. Все это были новички, попавшие в центральный аппарат в 1937 — 1938 годах. Как правило, они не имели не только Опыта, но Зачастую и необходимых знаний. — К чести многих приезжающих, должен сказать: они понимали, что не могут ничем нам помочь и ни во что не вмешивались. Однако встречались и иные. Эти «инспекторы» считали прямым долгом хоть чем-то проявить себя. По уровню образования вмешиваться они могли только в дела административные и потому заполняли свои акты и докладные записки сведениями о том, когда и кто из работников полигона опоздал на службу (того, что у нас часто работали до глубокой ночи, они не замечали!), какие объекты слабо охраняются и т. п. Впрочем, нельзя осуждать этих выдвиженцев. Сами они не просились в центральный аппарат, многие искренне переживали двусмысленность положения, упорно учились и уже в годы войны вполне освоились с работой. Общее наше несчастье заключалось в том, что почти сразу сошли со сцены наиболее опытные кадры,

нарушилась преемственность в их смене. Всю глубину этого ничем не оправдываемого бедствия мы постигли лишь после XX съезда партии. Но народ чуял недоброе уже и в годы репрессий. Помню такой случай. Служил на полигоне пожарный. Был он смел, но до предела бесхитростен. Любил этот рыцарь огня и лишнюю рюмку пропустить… И вот однажды, философствуя в кругу собутыльников, задал наш пожарный глубокомысленный вопрос:

— А что, братцы? Вот мы нынче Ежова в депутаты двинули. А вдруг он окажется таким же врагом, как Ягода? Он не сразу уразумел, почему внезапно остался в одиночестве. А поняв, покрылся холодным потом. О происшествии доложили комиссару полигона. Денисов пошел на большой риск, приказав немедленно уволить пожарного. Беднягу спасли этим от неминуемого ареста. А ведь он оказался прав! * * * Еще перед отъездом на полигон я много наслышался о тамошних лесах, о бесчисленных рыбных озерах. Все рассказы оказались сущей правдой. Край пришелся мне по душе. Но самым приятным сюрпризом для меня и особой достопримечательностью полигона оказалось здешнее железнодорожное кольцо. Это кольцо длиной всего около восемнадцати километров было разделено на три перегона, где мы могли «разрушать» и «восстанавливать» пути и мосты, устраивать «крушения». Обязанности начальника полигона весьма обширны. Но все же я смог и здесь отдавать много времени и сил вопросам минирования путей сообщения, разработке конструкций новых мин. Я хорошо понимал, что войскам и партизанам нужны надежные в действии, удобные и безопасные в транспортировке и установке, неизвлекаемые для противника, годные для длительного хранения в сложных условиях инженерные мины. При этом по возможности дешевые в производстве! Коллектив научных работников полигона участвовал также в написании нового Наставления и Положения по устройству и преодолению заграждений на железных дорогах. В этих документах уже учитывался опыт применения мин в Испании и брались в расчет результаты учений на полигоне. Работа была кропотливой и трудоемкой. Товарищи по полигону шутили, что приходится брать в пример Льва Толстого, переписывавшего свои рукописи по многу раз. Но как бы то ни было, Положение оказалось изданным еще в марте 1941 года, а Наставление уже в начале войны с гитлеровской Германией. Помимо этого мне за полтора года удалось написать диссертацию на тему "Минирование железных дорог". В ней доказывалось, что оставляемые врагу участки железных дорог можно выводить из строя на срок до шести месяцев и быстро восстанавливать после

обратного занятия территории нашими войсками. На затерянном в лесах полигоне мы работали упорно и много не из простой "любви к искусству". Радио и газеты приносили и в нашу глухомань все новые тревожные вести. В июле 1938 года японские самураи попытались вторгнуться на нашу территорию в районе озера Хасан. Всего месяц спустя позорный мюнхенский сговор фактически развязал руки Гитлеру для действий на востоке и Германия немедленно оккупировала пограничные районы Чехословакии. 5 марта 1939 года контрреволюционные заговорщики захватили власть в сражавшемся из последних сил Мадриде, а 28 марта сдали Мадрид франкистам и интервентам. Испанская республика была задушена. В тот день у меня все валилось из рук. Я вспоминал испанских товарищей. Вспоминал последнюю поездку с Висенте к французской границе. Переговорив с французским жандармом, сунув ему деньги и пачку сигарет, мой шофер довез меня до маленького городка Перпиньяна. Отсюда я должен был ехать до Парижа уже поездом. Тяжелы были последние минуты прощания с боевым другом.

— Ничего, Рудольфе, — сжимая мою руку, сказал Висенте. — Если нас не предадут, мы победим… И вот их предали. А за путчем в Мадриде последовали нападение Италии на Албанию, наглое вторжение Японии на территорию МНР у Халкин-Гола. Европу и Азию охватывал пожар войны. Мы жили в непрестанном ожидании каких-то решающих событий. Так начался жаркий, душный, без единого дождичка, август. Сосновые леса вокруг полигона сочились смолой. Пересохли ручейки и болотные Мочежинки. По ночам громыхал далекий гром, но под утро выцветшее от зноя небо оставалось таким же белесым, как накануне. Начались лесные пожары. 1 сентября Германия вероломно напала на Польшу. Внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла закон о всеобщей воинской обязанности. А 17 сентября Красная Армия выступила на защиту жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Этот решительный шаг обрадовал нас. Казалось, мы убедительно демонстрируем Германии, что не намерены мириться с ее агрессивными действиями. "

Глава 3. На Карельском перешейке

Во второй половине тридцатых годов была не только полностью ликвидирована безработица, но не хватало рабочих рук. Было всеобщее бесплатное среднее образование, студенты получали сносную стипендию. Минимальная зарплата в промышленности была даже чуть выше прожиточного минимума. В колхозах заработок был значительно ниже, но колхозник уже не голодал. Плохо обстояло дело с пенсиями, со строительством жилья. Иметь одну комнату на двоих в коммунальной квартире считалось роскошью. Так, в 1933–1925 году я жил в коммунальной квартире в Москве, где в трех комнатах жили три семьи. Из них один полковник, у которого был сын школьного возраста. Невнимание к делу улучшения жилья, низкая зарплата, которая в 1939 году была фактически равна зарплате 1929 года, объясняется тем, что огромные средства вкладывались в строительство новых промышленных предприятий и отчасти излишествами в служебных привилегиях элитной номенклатуры. Характерно, что в 30-е годы СССР экспортировала зерно и масло, когда потребности населения в этих продуктах полностью стали удовлетворяться только с 1935 года. В те годы советских людей приучили на выборах в советские и другие органы не выбирать, а голосовать за намеченных свыше. В результате репрессий ВКП(б) к 1939 году уже не была партией единомышленников, а военизированной управленческой организацией. Членов партии, веривших в коммунизм и боровшихся за его осуществление, становилось все меньше и меньше, все больше и больше в партии становилось членов, которые на словах и в печати говорили о коммунизме, но на самом деле в него не верили. При этом одни вступали в партию, чтобы реализовать свои возможности в жизни, другие, чтобы овладеть теми привилегиями, которые были у руководителей-партократов. В 1931 году из партии выбыли-исключили около одной четверти состава партии, как «примазавшиеся». Это было сделано в то время, когда члены партруководства не только не имели никаких материальных привилегий, но, наоборот, был партмаксимум и они получали меньше, чем на этой же должности получал руководитель беспартийный специалист. Партмаксимум был отменен в конце 20-х годов, и привилегии партийных руководителей нарастили в 30-ые годы высокими темпами. Специальные столовые и магазины, закрытые для рядовых покупателей, персональные автомашины, особняки, госдачи, повышенная комфортность при

лечении и отдыхе, и, наконец, даже пакет с деньгами, необлагаемые налогами и скрытыми от посторонних в сумме, равной от 5 и даже 30 минимальных зарплат. Несмотря на то, что в партии были верящие и неверящие в коммунизм, руководящие товарищи с разными степенями привилегий, ВКП(б) в своих решениях и действиях представляла собой хорошо слаженную и беспрекословно выполнявшая партийные решения и прославлявшая великого вождя товарища Сталина, культ личности которого все возрастал. Заметим, что именно из тех, которые видели сталинские перегибы при коллективизации, кто видел, что многие руководящие партократы, имевшие возможность на практике показать правильность положения Карла Маркса о том, что при коммунизме будет "от каждого по способности — каждому по потребности", на практике доказали, что такого коммунизма не может быть. Может быть только ленинская установка "коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны". При жизни Сталина, потеряв веру в коммунизм Маркса, никто не мог об этом даже заикнуться. Это было равносильно самоубийству. «Суп» из противотанковой мины Финны не жалели мин. Некоторые из их минных устройств оказались довольно хитроумными. Мы сразу столкнулись с минами-сюрпризами самых различных видов, с противопехотными минами, с неизвестной нам металлической противотанковой миной, которая, впрочем, взрывалась иногда и от тяжести человека. Как ее обезвредить тут же, не сходя с места? Во взрывателе мины и вокруг него наверняка имеется порошковый или прессованный тол. Плавленный тол не страшен. А вот прессованный… Значит, надо расплавить и прессованный тол, чтобы начать изучение неизвестных нам образцов мин. Отыскиваем кухонный котел и укладываем в него найденные мины. Подвешиваем свою «кастрюлю» в котле побольше, обнаруженном в баньке финских пограничников. Заливаем оба котла водой. Топим баньку, пока и в большом и в малом котлах не закипает вода.

— Теперь, пожалуй, можно, — говорю полковнику Владимиру Николаевичу Подозерову. Я осторожно выкручиваю взрыватель. Начинается разборка и изучение вываренной мины. А к вечеру штабная машинистка уже перепечатывает написанную нами первую инструкцию по обезвреживанию бело-финских мин. Но пока инструкция дойдет до войск! Пока бойцы изучат ее! А мины всюду: на дорогах, на мостах, железнодорожных путях, покинутых домиках. Мины таятся под снегом, прячутся под кучами хвороста, под небрежно брошенными на обочине дорог досками, под колесами оставленных повозок, даже под трупами убитых

вражеских солдат… И мы выезжаем в передовые части, чтобы помогать бойцам не только советами, но и делом. Первый минный трал. Ранение В один из первых дней войны я увидел на фронте командарма 1 ранга Г. И. Кулика. Его машина нагнала застрявшую часть. Командарм вышел из автомобиля с недовольным видом:

— Почему остановились? Из оказавшихся поблизости командиров я — старший. Докладываю, что впереди одна машина подорвалась на мине, а другая наскочила на мину при попытке объезда. Что ж, так и будем стоять? Миноискателей в войсках тогда не было. Не оказалось поблизости и подрывника. Пришлось мне вместе с адъюнктом Военно-транспортной академии Н. Ф. Авраменко самому заняться разминированием. Наскоро сделав трал-кошку, уничтожили противопехотные мины натяжного и нажимного действия. Потом нашли, благополучно извлекли и по просьбе Кулика тут же обезвредили уже знакомую нам противотанковую мину.

— Ишь какая сволочь! — бросил командарм, разглядывая ее. Вскоре после этого я отправился на Кировским завод. Там должны были начать изготовление предложенного мной подвесного минного трала. При участии известного конструктора мощных танков Героя Социалистического Труда Жозефа Яковлевича Котина пробный экземпляр трала удалось изготовить в течение суток. Но, к сожалению, первые испытания не дали ожидаемых результатов. Завод занялся совершенствованием трала, а я опять возвратился на фронт. Это были очень, трудные дни. Лишь 30 декабря наши войска перешагнули рубеж прикрытия так называемой линии Маннергейма. Прорыв главной полосы финских укреплений начался 11 февраля и был завершен через двенадцать дней. Затем нужно было преодолеть еще вторую полосу. Но мне уже не довелось участвовать в этом. Вражеский снайпер, подстерегший группу минеров, всадил две пули в мою правую руку. Подоспевшие санитары быстро наложили жгут, пустили в ход бинты. Однако рукав продолжал наполняться кровью. Выбраться из района, где меня ранило, оказалось почти невозможно. Боевые друзья, обеспокоенные тем, что я теряю много крови, сообщили о моем состоянии начальнику штаба Ленинградского военного округа генералу Чибисову. Из Ленинграда выслали транспортный самолет. К несчастью, он скапотировал при посадке на лесном озере. Летчик был рамен. Тогда из округа прислали самолет уже за двумя пострадавшими. Он вовремя домчал нас до Ленинграда. Когда начали операцию, я уже терял сознание… В госпитале пролежал два месяца. В середине марта 1940 года в наш госпиталь привезли большое

количество раненых в боях за Выборг. В 12 часов по местному времени финны должны были оставить его нам. Однако рано утром после артиллерийской и авиационной поддержки наши войска были брошены на штурм разрушенного и горящего города и понесли огромные потери. И это было сделано по приказу Сталина. И в госпитале я впервые услышал, что ему не жалко русской крови. В мае я был выписан из госпиталя со справкой об инвалидности. Этот документ меня оглушил. Я не знал, что буду делать на гражданской службе. Рука моя еще висела. Были перебиты нервы. Правой рукой я действовать не мог. Но о переходе на гражданскую службу не могло быть и речи. Начальству я показал справку, но попросил оставить меня на военной службе. Меня оставили. Оказалось не зря… В результате кровопролитной непопулярной войны, которая показала как ослабла Красная Армия после репрессий 1937 — 1938 годов, граница была отодвинута на запад более чем на 10 километров от Ленинграда, но Финляндия из англо-французского блока перешла в гитлеровский лагерь, а это привело позжб к гибели сотен тысяч ленинградцев во время блокады, которой не-было бы если бы мы не воевали с Финляндией. Больше того, война с Финляндией могла привести нас к войне против антигитлеровского блока, если бы она затянулась еще на несколько дней. Англичане уже готовились нанести удар по бакинским нефтепромыслам и уже готовился корпус для помощи финнам.

Глава 4. В Главном военно-инженерном управлении.

Начальник Отдела заграждений и минирования Госпитальные хирурги сделали, казалось бы, немыслимое, сохранив мне руку. Но для того чтобы восстановилась деятельность нервов в кисти, требовалось длительное лечение у специалистов. Проводить такое лечение на полигоне было невозможно. И друзья опять проявили трогательную заботу: я еще находился в отпуске, когда узнал о новом назначении. Меня утвердили начальником отдела заграждения и минирования Управления военно-инженерной подготовки Главного военно-инженерного управления РККА. Новая должность волновала и радовала. Опыт войны с белофиннами убедительно доказал, что даже самые примитивные, но умело поставленные мины способны наносить наступающим войскам ощутимый урон, затруднять использование путей сообщения и уцелевших зданий. Хотелось верить, что этот опыт положит конец недооценке минных заграждений, откроет большие перспективы в нашей работе. С такими мыслями я и явился для представления к начальнику Главного военно-инженерного управления Красной Армии Герою Советского Союза генерал-майору Аркадию Федоровичу Хренову, с которым не раз встречался на Карельском перешейке. Невысокая его фигура часто появлялась тогда в самых гиблых местах. Генерал встретил меня приветливой улыбкой:

— Гора с горой, как говорится… Садитесь, Илья Григорьевич. Потолкуем. В июне 1940 года Инженерное управление Красной Армии начало переформировываться в Главное военно-инженерное управление (ГВИУ). За незначительной, казалось бы, переменой в наименовании скрывался важный смысл. На плечи А. Ф. Хренова легла тяжелая забота о преодолении отставания наших инженерных войск в техническом оснащении и специальной подготовке. А. Ф. Хренов хорошо знал цену минновзрывным заграждениям и, разрабатывая штаты ГВИУ, предусмотрел создание двух самостоятельных отделов: отдела заграждений и отдела электротехники. Однако нашлись люди, которые усмотрели в этом излишество. Вместо двух отделов, способных в короткий срок выполнить большой объем неотложных работ, был образован лишь один относительно небольшой отдел заграждений и минирования в составе Управления подготовки. Его-то я и должен был возглавить. Аркадий Федорович сразу поставил передо мной несколько

конкретных задач. Они все вытекали из одной главной — быстрее ликвидировать наше отставание в технике минирования и разминирования. Работать с Аркадием Федоровичем было легко и приятно. Мы приступили к обновлению существовавших и созданию новых наставлений и инструкций, в том числе Положения по устройству оперативных заграждений. Утверждение этого документа Наркомом обороны позволяло сполна обеспечить войска минноподрывным имуществом и создать необходимые запасы его на складах. Работа велась весьма интенсивно, но время — увы! — бежало еще быстрее. Международная обстановка все усложнялась. Наша страна уже вплотную соприкасалась на западе с сильной военной машиной фашистской Германии, подмявшей Австрию, Польшу, Чехословакию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Данию, а потом И Францию. Союзница Германии — Италия — хозяйничала в Абиссинии. Угроза вторжения нависла над Англией. В предчувствии беды Можно было ожидать, что все эти осложнения не застанут нас врасплох. Но, познакомившись с подготовкой к устройству заграждении в приграничной полосе, я был просто ошеломлен. Даже то, что удалось сделать в этом отношении в 1926 — 1933 годах, оказалось фактически ликвидированным. Не существовало больше складов с готовыми зарядами около важных охраняемых мостов и других объектов. Не было не только бригад, предназначенных для устройства и преодоления заграждений, но даже специальных батальонов. В железнодорожных и инженерных войсках остались лишь небольшие подрывные команды да роты спецтехники. А ведь вопрос о создании специальных частей для устройства и преодоления минно-взрывных заграждений, для нарушения работы вражеского тыла с помощью инженерных мин впервые ставился группой командиров 4-го железнодорожного полка еще в 1928 году! На Украине, например, к 1932 году имелось четыре специальных батальона, дислоцировавшихся на железнодорожных узлах в приграничной полосе. Были такие батальоны и в других округах. В конце 1937 — начале 1938 года Инженерное управление разработало штаты специальных минно-подрывных батальонов. Но в подготовке материалов участвовали работники Генерального штаба, которые, к несчастью, были вскоре после этого репрессированы, Проект похоронили. Ульяновское училище особой техники — единственное учебное заведение, готовившее высококвалифицированных командиров для подразделений, оснащенных радиоуправляемыми минами, — было реорганизовано в училище связи. С 1934 по 1940 год у вероятного противника резко возросло количество и улучшилось качество танков, а у нас инженерные противотанковые средства

остались на уровне начала тридцатых годов. Глупое создалось положение. В 1939 году, когда мы соприкасались со слабыми армиями относительно небольших капиталистических государств — панской Польшей, королевской Румынией, Эстонией, Латвией, Литвой — наши границы действительно были на замке. А когда нашим соседом стала фашистская Германия, инженерные оборонительные сооружения вдоль прежней западной границы оказались заброшенными и частично даже демонтированными, а на новой границе строительство укрепрайонов только разворачивалось… Перед войной с белофиннами руководство НКО явно недооценивало инженерные войска и роль Инженерного управления Красной Армии. О пренебрежительном отношении к инженерным войскам свидетельствует хотя бы такой почти анекдотический факт: о начале войны на Карельском перешейке начальник Инженерного управления генерал И. А. Петров узнал по телефону от начальника инженеров 7-й армии полковника А. Ф. Хренова. Правда, этот случай говорит и о другом — о пассивности генерала Петрова, о его слабых контактах с начальниками соответствующих отделов Генерального штаба. Но одно не исключает другого. В 1940 году ситуация несколько изменилась. К инженерному обеспечению боя и операции, а заодно и к инженерным войскам стали относиться с большим вниманием. Пользуясь этим, ГВИУ в самые сжатые сроки разработало тактико-технические требования на инженерные мины различного назначения и на мины-торпеды. Напряженная работа Научно-исследовательского института инженерной техники, лабораторий и конструкторских бюро дала положительные результаты: появились опытные образцы вполне современных противопехотных и противотанковых мин. Иначе обстояло с минами замедленного действия. В истории войн редки случаи, когда новое боевое средство быстро признается и вводится в действие в большом количестве. Зато часто бывает, что новое боевое средство, даже успешно примененное в ограниченном количестве, не раскрывает всех своих возможностей. Это позволяет маловерам и консерваторам относиться к нему скептически. Так получилось и с МЗД. Они появились и были успешно применены в первую мировую войну. Но количество их исчислялось буквально единицами. Ясно, что при этом нельзя было выявить все возможности таких мин. И хотя советские минеры-энтузиасты создали весьма «умные» МЗД, серийное производство их налажено не было. Маршал Куликов и некоторые другие руководители Наркомата обороны, распоряжавшиеся выделением средств и лимитов, принадлежали как раз к той категории лиц, которая примитивно толковала

Положение Полевого устава о том, что в случае агрессии империалистов "войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника". Считалось, что на своей территории воевать нам не придется. А на чужой стороне нам партизаны не нужны. Кроме того, нас спасет авиация. Я уже говорил о существенных недостатках инженерной подготовки приграничной полосы к отражению вражеского нападения. Пытаясь выправить положение, начальник ГВИУ предложил использовать старые приграничные крепости и создать зоны заграждения. Но это предложение так и не приняли. Ни к чему, мол! Еще хуже дело обстояло подготовкой партизанской войны на случай вражеского нападения. Большинство подготовленных нами партизан, особенно партизан-диверсантов — исчезли. Они были репрессированы в 1937. Никто разработкой специальной диверсионной техники не занимался. И постановки вопроса о создании такой техники не стояло. Если бы теперь уделяли такое внимание партизанам, какое уделялось в конце 20-х — 3Ох годов и сохранились подготовленные кадры, то наши партизанские отряды были бы в состоянии отсечь вражеские войска на фронте от источников их снабжения в самом начале войны. Помнится, я обратился к начальнику Управления военно-инженерной подготовки ГВИУ полковнику М. А. Нагорному. Речь шла об осуществлении мероприятий по всесторонней подготовке заграждений на большой глубине вдоль новой границы.

— Прошу вас, никому ни слова об этом, — озабоченно сказал Михаил Александрович, — Разве вы не знаете, что организация складов миннoподрывного имущества и подрывных команд вдоль границы свяэана с именами Тухачевского, Убореаича, Якира и других им подобных? Но и после этого внушения я не мог молчать. Решил обратиться к А. Ф. Хренову. Аркадий Федорович, как обычно, выслушал меня внимательно. Но по мере моего доклада и на его лицо не раз набегала тень тревоги. Из беседы я понял: начальник ГВИУ разделяет мои опасения, но не все, к сожалению, зависит только от него… Осенью 1940 года обстановка на западной границе стала еще более тревожной. 27 сентября был заключен Берлинский пакт между Германией, Италией и Японией. 12 октября гитлеровцы вступили в Румынию. Теперь от Балтийского до Черного моря перед нашими войсками стояли немецко-фашистские полчища. Во второй половине ноября Румыния, Венгрия и Словакия присоединились к Берлинскому пакту. Некоторые утверждают, что внезапное вероломное нападение немцев якобы явилось ответом на подготовку Советского Союза к нападению на Германию. На самом же деле Советская Армия готовилась к отражению нападения. О тайных

планах гитлеровцев мы узнали, конечно, гораздо позже. Однако уже тогда по всему было видно, что гитлеровская Германия готовит нападение на нашу Родину: фашистские самолеты систематически нарушали наше воздушное пространство, в огромном количестве засылались шпионы, усилилась переброска немецких войск на Восток. Но укрепленные районы на старых границах по прежнему разоружались, строительство на новых границах велось черепашьими темпами. Столь же медленно у границы возводились противотанковые и противопехотные препятствия из-за недостатка средств заграждений. В начале зимы 1940 года во дворе Второго дома НКО я столкнулся с Г. И. Куликом. Он недавно получил звание маршала и был в то время заместителем Наркома обороны. Кулик узнал меня:

— А-а-а… Сапер! Чего здесь? Нельзя было упускать подвернувшийся случай.

— Работаю в ГВИУ, товарищ Маршал Советского Союза… Все о минах хлопочем. Хотел с Вами поговорить…

— Зайди… В кабинете я напомнил заместителю Наркома о случае на заминированной дороге в Финляндии.

— Вы тогда не дождались разминирования, товарищ маршал… Мины попортили всем много крови. А выходит, их недооценивают у нас и теперь! Откинувшись в кресле, Кулик укоризненно покачал головой и, хитро улыбаясь, погрозил мне пальцем:

— Но! Но! Не в ту сторону гнешь, сапер! Мины твои: нужны, никто не спорит. Да не так уж много их. нужно, как вы там у Хренова подсчитываете, — Но, товарищ маршал…

— Ты погоди!.. Повторяю, не так много их нужно. 14 не такие сложные, как вы предлагаете. Ну, были у белофиннов сложные мины, факт. Так ведь и простые имелись? Зачем же непременно выдумывать что-то сложнее финских мин? Прямо говорю тебе, сапер: не выйдет у вас это дело. Мины — мощная штука, но это средство для слабых, для тех, кто обороняется. А мы — сильные. Нам не так мины нужны, как средства разминирования. Миноискатели давай, сапер, тралы давай!

— Товарищ маршал, но ведь самые сильные армии" не могут всегда и всюду наступать. А в обороне мины — могучее средство! Годятся они и для прикрытия флангов наступающих частей. Для воздушных десантов — просто необходимы. А для партизан? В тылу врага мины уже не оборонительное, а наступательное оружие. Они — те же торпеды… Кулик даже крякнул и замахал рукой:

— Но! Но! Лекцию читаешь! Ваша должность, вижу, заставляет крутить мозгами не в ту сторону… Не так назвали ваш

отдел, как надо. Надо бы его, в соответствии с нашей военной доктриной, назвать отделом разграждения и разминирования. Тогда бы и вы думали иначе. А то затвердили: оборона, оборона… Хватит! Кстати, есть тут у меня идея пиротехнического минного трала, — да времени нет оформить. Вы вот возьмите и подумайте над этим. Больше будет пользы, чем с жалобами ходить. Нахмурясь, Кулик нагнулся над столом, придвинул какие-то бумаги. Стало ясно — разговор окончен. * * * По указанию генерала Хренова были сделаны расчеты потребности войск в инженерных минах всех назначений. Расчеты мы вели, исходя из сущности советской военной доктрины, выраженной в проекте Полевого устава 1939 года. Подсчеты показали, что войскам уже в первые дни войны будут нужны миллионы противотанковых и противопехотных мин, сотни тысяч других инженерных мин. Но даже самые скромные потребности войск в минах руководители Наркомата обороны считали завышенными, фантастическими, Зная все это, видя, что предложения ГВИУ не встречают поддержки в высших военных инстанциях, я решил обратиться в ЦК ВКП(б). Посоветовался с товарищами по работе. Генерал Хренов не возражал. Мой непосредственный начальник — полковник М. А. Нагорный — тоже. И я послал в ЦК ВКП(б) письмо, в котором доказывал, что инженерные мины нужны не только в обороне, но и в наступлении, а также постарался раскрыть значение специальных инженерных частей для устройства и преодоления различных заграждений. В конце концов доклады А. Ф. Хренова, а возможно, и это мое письмо несколько сдвинули дело с мертвой точки. Нам предложили проверить расчетные данные количества мин, потребных на первые шесть месяцев боевых действий. Вместо установленных маршалом Куликом крохотных норм (2500 — 3000 противотанковых и 3000 — 4000 противопехотных мин на дивизию) были приняты наши расчетные нормы: 14 000 — 15 000 противотанковых и 18 000 — 20 000 противопехотных мин на дивизию. Исходя из этого, Красная Армия в целом должна была иметь уже к началу 1941 года 2 800 000 противотанковых и 4 000 000 противопехотных мин, 120 000 мин замедленного действия и 350 000 мин-сюрпризов. Но признание наших расчетов еще не означало их воплощения в жизнь. К 1 января 1941 года Красная Армия имела всего около миллиона противотанковых мин, а мин замедленного действия и мин-сюрпризов не получила вообще. К началу войны не было запасено и половины минимального количества инженерных мин, необходимых войскам даже при успешном развитии военных действий. Специальных же диверсионных мин не было вовсе.

Глава 5. Встречи на учениях. Конструктор танков Котин

За время моей работы в ГВИУ Красная Армия провела не одно учение. Мне довелось присутствовать на некоторых из них. Здесь я повстречал и старых знакомых и новых командиров-энтузиастов, с которыми меня сближала общность взглядов на применение мин в современной войне. Но доводилось встречаться и с конкурентами минеров — с теми, кто защищал идею создания оборонительных противотанковых средств из бетона, земли и стали, ратовал за противотанковые рвы и надолбы. Каждая из таких встреч была. по своему интересной.

… Осенью 1940 года на Карельском перешейке проводились испытания по преодолению различных противотанковых препятствий. Все построенные к тому времени препятствия легко преодолевались танками Т-34 и КВ. Иногда с помощью простейших приспособлений, иногда и без них. Жозеф Яковлевич Котин — конструктор тяжелых танков и мой старый знакомый — прямо-таки ликовал: ни надолбы, ни рвы, ни другие заграждения не оправдывали себя. Надо сказать, что у нас в ГВИУ мало кто переоценивал значение подобных препятствий. И генерал-майор А. Ф. Хренов и полковник М. А. Нагорный отлично знали существенные недостатки «пассивных» заграждений: трудоемкость при постройке, легкость обнаружения с земли и с воздуха и в конечном счете сравнительно легкую преодолеваемость танками. Поэтому, на учениях больше интересовались процессом преодоления рвов, надолб и эскарпов, нежели их использованием в качестве заграждений. Естественно, что я не преминул подколоть Котина:

— А смогут ли танки с такой же легкостью преодолевать минновзрывные заграждения, Жозеф Яковлевич?

— Типун тебе на язык, — быстро откликнулся Котин. — Сам знаешь… Кстати, мины-то у вас есть?

— Делаем, — уклонился я от прямого ответа. Котин выразительно посмотрел на меня, хотел было что-то сказать, но отвернулся и промолчал… По-моему, он тоже отлично понимал, что противотанковые мины куда более надежное и эффективное средство, чем рвы. Ведь мины способны не только задерживать танки, но и выводить их из строя, даже уничтожать. Кроме того, мины не демаскируют оборону, их можно перемещать на особо опасные направления и быстро там устанавливать… Хорошей школой боевой подготовки для всех родов войск явились осенние

тактические учения 1940 года, проведенные первоначально в МВО, а затем во всех приграничных военных округах. В ходе этих учений ГВИУ широко и всесторонне проверяло на практике выработанные нами скоростные методы организации, постройки и инженерного оборудования оборонительных позиций и исходных районов для наступления. К сожалению, учения не сочетались с организационными мероприятиями. Осенью 1940 года из состава Вооруженных Сил были уволены рядовые, прослужившие установленный срок. Многие из них имели боевой опыт. Призванные же вновь к зиме 1940/41 года только проходили начальную подготовку. Генерал Карбышев На одном из испытаний весной 1941 года мне довелось вновь повстречаться с Д. М. Карбышевым. Стояла отвратительная погода. Мокрый снег таял, едва коснувшись земли. Танкодром размок. Участники испытаний передвигались на вездеходах. И надо же было случиться: у машины Д. М. Карбышева соскочила гусеница. Водитель занялся исправлением вездехода. Командиры сидевшие в кузове машины, покуривая, наблюдали за его работой. Кто-то предложил оставить машину и пройти к месту испытаний пешком. Дмитрий Михайлович строго посмотрел на говорившего.

— Поврежденную машину надо не бросать, а быстро исправлять, — твердо сказал он, — Попрошу сойти с вездехода!.. Водителю помогали все. В том числе и майор, предлагавший нам несколько минут назад идти пешком. Не стоял сложа руки и сам Карбышев. Вскоре гусеницу надели, и машина тронулась. Этот случай произвел большое впечатление не только на тех, кто ехал вместе с Д. М. Карбышевым. Позже, уже во время испытаний, один из водителей спросил у меня:

— Товарищ полковник, как фамилия генерала? Вон он стоит и что-то пишет?

— Карбышев Дмитрий Михайлович.

— Этот не подведет! С первого взгляда он вроде хрупкий, а наверное, не одну войну прошел… Я рассказал о Карбышеве.

— Неужели успел воевать с японцами? Ему и полсотни трудно дать, а с русско-японской войны прошло Тридцать пять лет! — с недоверием произнес водитель. Как же удивился боец, когда услышал, что генералу пошел седьмой десяток!.. Д. М. Карбышев был одним из тех, кто всецело разделял наши тревоги и заботы об обеспечении войск инженерной техникой. Он не раз говаривал, что инженерные мины являются сильнейшим оружием в борьбе с врагом, что это особенно убедительно доказано в боях на Карельском перешейке и что, занимаясь вооружением наших войск, надо помнить указание В. И. Ленина: "Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно

истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены…". — Вооружение же современной армии отнюдь не ограничивается только огнестрельным оружием, — напоминал генерал-лейтенант. Да, много было памятных встреч. Довелось мне, например, участвовать в испытании оригинальной противотанковой летающей мины, предложенной генералом И. П. Галицким. Мина была устроена таким образом: когда танк наезжал на растяжку или замыкатель, сбоку вылетала противотанковая мина и поражала бронетехнику в борт. Иван Павлович разработал ее еще в начале тридцатых годов, но в серийное производство эта мина так и не пошла. Инженер Линьков Во второй половине марта 1941 года мне позвонил начальник бюро изобретений НКО Владимир Васильевич Глухов:

— С тобой хочет увидеться инженер Григорий Матвеевич Линьков. Через несколько минут в отдел вошел крепко сложенный, среднего роста военный с бритой головой и показал мне схему мины, управляемой по проводам. Она тоже предназначалась главным образом для борьбы с танками противника. Григорий Матвеевич не знал, что подобная система неоднократно предлагалась до него. Но для внедрения ее требовались многие тысячи километров провода, которого нам почти не отпускали. Так я познакомился с будущим легендарным партизанским командиром. В июле 1941 года мы свиделись вновь. Оба обрадовались встрече. Я рассказал о подготовке партизан и не был удивлен, что Григорий Матвеевич в свои сорок два года хочет воевать в тылу врага. Глядя на этого уверенного в себе, коренастого уральца, бывалого воина и грамотного инженера, можно было сказать наверняка, что с таким командиром партизаны не пропадут. Помнится, мы вместе как-то обедали. Линьков очень убедительно доказывал, что при создавшемся положении удары по растянутым коммуникациям противника будут весьма ощутимы и на фронте.

— Змее надо наступить на хвост! — убежденно говорил Линьков. — Голову она повернуть не сможет. Ей сейчас приходится смотреть только вперед, иначе голову отрубят на фронте! Григорий Матвеевич был убежден, что у нас имеются неограниченные'возможности для партизанской войны и нужны только люди, способные бить врагов с помощью современной техники, в том числе — с помощью мин. Он свято верил в высокие патриотические чувства советских людей, поневоле оказавшихся в тылу врага, и блестяще понимал значение географического фактора в партизанской борьбе против моторизированного противника… Через год я узнал о замечательных делах Линько-ва. Имя его гремело от Белоруссии

до Смоленщины. Григорием Матвеевичем мы часто встречались и после войны. Даже работали вместе над вопросами истории партизанской борьбы. Крепко подружились. Так жаль, что нелепый случай в начале 1962 года оборвал его яркую и красивую жизнь. Заявки на мины урезаны Будучи начальником отдела в ГВИУ, я продолжал поддерживать тесную связь с Центральным управлением военных сообщений. Там работал известный энтузиаст миннoподрывного дела В. А. Антипин, и мне пришла мысль через него воздействовать на генерала И. А. Петрова, от которого в значительной степени зависело снабжение войск инженерными минами. Нашим союзником стал и заместитель начальника военных сообщений Красной Армии генерал З-Й. Кондратьев. Он дал в ГВИУ заявку на 120 000 мин замедленного действия для железнодорожных войск. Заявка эта подверглась тысячекратному сокращению. ГВИУ смогло выделить военным железнодорожникам лишь… 120 МЗД. В начале мая 1941 года, после выступления Сталина на приеме выпускников военных академий, все, что делалось по устройству заграждений и минированию, стало еще больше тормозиться. И хотя такие одержимые, как М. В. Онучин, А. К. Семин, В. А. Антипин, Б. А. Эпов, Я. М. Рабинович, В. П. Ястребов, П. Г. Радевич, продолжали работать над совершенствованием минной техники, хотя крепко верили в свое оружие энтузиасты нашего отдела А. М. Подовинников, А. Т. Ковалев и Г. С. Вакуловский, результаты ˆоставляли желать лучшего. Наши усилия были каплей в море.

ЧАСТЬ IV. ПРОЙДИ НЕЗРИМЫМ

Глава 1. Июнь 1941 года

Учения на Западной границе В двадцатых числах июня 1941 года Генеральный штаб Красной Армии намечал провести учения войск Особого западного военного округа. От Главного военно-инженерного управления РККА на учения командировали двух человек: заместителя начальника управления военно-инженерной подготовки подполковника З-Й. Колесникова и меня, занимавшего в ту пору должность начальника отдела заграждений — и минирования. Теплым, душным вечером 19 июня мы выехали из Москвы, чтобы представиться в Минске командованию, а затем продолжать путь в Брест, в штаб будущих учений. Постепенно смеркалось. За вагонным окном из глубины белоствольных рощ выползала на опушки густая синь, ельники смыкались в черные стены, посвежело, к горьковатому запаху паровозного дыма примешивался сладкий запах сена и придорожных болот. Утомленный предотъездной суетой, Колесников вскоре уснул, а я еще долго лежал с открытыми глазами… Одержимых минной техникой инженеров в Красной Армии имелось немало. Сам я тоже был сторонником минновзрывных заграждений. Я не раз ходил с испанскими, немецкими, французскими, английскими, югославскими, польскими, американскими бойцами в тыл врага, мы вместе выполнили не одно ответственное и рискованное задание, широко применяя самые различные мины. Наши противопоездные мины стали грозой железнодорожных коммуникаций испанских фашистов. Саперам врага, пытавшимся обезвреживать мины, мы преподносили сюрприз за сюрпризом. Враг не мог обеспечить безопасность своих дорог даже тогда, когда бросил на охрану стокилометрового участка пути целый полк пехоты! Как же было мне не пропагандировать мины?.. Вспомнив Испанию, я вспомнил, конечно же, и советских добровольцев, сражавшихся там с фашизмом. В Минске, куда мы ехали, предстояла встреча с двумя «испанцами»: с командующим округом генералом армии Д. Г. Павловым и начальником артиллерии округа генерал-майором Н. А. Кличем. Как-то они нынче, на высоких постах? Помнят ли? За несколько часов до войны Разбудил проводник:

— Подъезжаем, товарищи командиры! Стояло раннее — солнечное утро. На привокзальной площади одиноко чернела штабная «эмка». Встречавший нас старший лейтенант сообщил, что начальник инженерного управления округа генерал Васильев просит прибыть в штаб.

— И что ему не спится? — удивился Колесников. Генерал Васильев, гладко выбритый, подтянутый, являл собою образец отменного здоровья и отличного настроения. Сообщил, что на полигоне к предстоящим учениям все готово, предложил пройти к начальнику штаба округа.

— Неужели из-за учений все начальство уже в штабе? — спросил я.

— У начальства всегда есть причины недосыпать! — отшутился Васильев. Начальник штаба округа В. Е. Климовских, в отличие от генерала Васильева, выглядел хмурым, замкнутым. Поздоровался кивком, но от телефонной трубки не оторвался. Минуту-другую спустя извинился, сказал, что крайне занят:

— Встретимся на полигоне! Командующий округом Павлов тоже говорил по телефону. Раздраженно требовал от собеседника проявлять побольше выдержки. Показали командующему программу испытаний. Он посмотрел ее, недовольно заметил, что инженеры опять взялись за свое: слишком много внимания уделяют устройству противотанковых заграждений и слишком мало — способам преодоления их. В это время вошел Климовских:

— Товарищ генерал армии, важное дело… Павлов взглянул на нас:

— Подумайте над программой. До свидания. До встречи на учениях. Пока мы не закрыли за собою дверь, генерал Климовских не проронил ни слова. Озадаченный и встревоженный увиденным и услышанным, я решил повидать генерала Клича, командующего артиллерией округа. Может, он что-нибудь разъяснит?

— Вольф! — воскликнул Клич, вспомнив мой испанский псевдоним. — На учения? Рад тебе, рад! Только боюсь, сейчас не до учений. Он сообщил, что гитлеровцы непрерывно подтягивают к границе войска, подвозят артиллерию и танки, совершают разведывательные полеты над нашей территорией, а многие командиры в отпусках, большая часть автомашин и тракторы-тягачи артполков забраны на строительство укрепленный районов.

— Случись что — орудия без тяги! — возмущался Клич. — Павлов каждый день докладывает в Москву о серьезности положения, а нам отвечают, чтобы не разводили панику и что Сталину все известно.

— Но ведь немецкие войска отведены на восточные границы Германии для отдыха? — осторожно заметил я. — Во всяком случае, в сообщении ТАСС от 14-го числа так и говорится.

— Я не сотрудник ТАСС, а солдат! — отрезал Клич. — И привык держать порох сухим. Особенно имея дело с фашистской

сволочью! Кому это я должен верить? Гитлеру? Ты что, Вольф? " Продолжить беседу не удалось: Клича срочно вызвали к Павлову. День прошел в подготовке к учениям: уточняли и изменяли пункты программы испытаний в соответствии с пожеланиями командующего округом. В конце дня я попытался еще раз увидеть Клича, но безуспешно.

— Поезжайте отдыхать! — сказал генерал Васильев. — Утро вечера мудренее. Случись что-нибудь серьезное, учения давно бы отменили, а все, как видите, идет по плану, В словах начальника инженерного управления был резон. Мы отправились в гостиницу, выспались и ранним утром 21 июня, в субботу, выехали поездом в Кобрин, где располагался штаб 4-й армии, прикрывавшей брестское направление; необходимо было повидать начальника штаба инженерных войск армии полковника А. И. Прошлякова, обсудить с ним изменение программы учений. Добрались до Кобрина к вечеру. Прошляков подтвердил, что фашисты подтягивают к Западному Бугу военную технику, соорудили множество наблюдательных вышек, на открытых местах установили маскировочные щиты.

— Нас предупредили, что германская военщина может пойти на провокации и что поддаваться на провокации нельзя, — спокойно сказал Прошляков. — Ничего. Слабонервных в штабе армии нет. Начальник инженерного управления устроил нас на ночлег в собственном служебном кабинете. Условились, что поутру вместе поедем в Брест. Прошляков ушел, а мы с Колесниковым отправились бродить перед сном по живописному субботнему городку. Около двадцати двух часов возвратились в штаб. Дежурный доложил: звонили из округа, учения отменены, нам следует возвратиться в Минск. Невольно вспомнились доводы генерала Васильева…

— Неужто немецкие генералы решатся на провокацию? — сидя на краю штабного дивана и стягивая сапоги, спросил Колесников. — Как ты думаешь?

— Спи спокойно, Захар Иосифович! Утром все узнаем! — ответил я. 22 июня. Корбин Мы проснулись внезапно. То ли взрывные работы, то ли бомба с самолета сорвалась… Разрывы, следуя один за другим, слились в чудовищный грохот. По штабным коридорам бежали люди, слышалась команда покинуть помещение. На ходу застегиваясь, выскочили на улицу и мы с Колесниковым. Эскадрилья фашистских бомбардировщиков шла прямо на штаб. Мы — через площадь, через канаву, в какой-то сад. Бросились на землю вовремя. Видели, как окуталось дымом и пылью здание штаба армии. А бомбардировщики все прибывали. Взрывы рвали и рвали землю, повеяло гарью, в небо поднимался

дым… Враг бомбил беззащитный городок около часа. Выяснив у оставшегося в живых дежурного, что штаб 4-й армии немедленно передислоцируется в Буховичи, мы с Колесниковым решили все же ехать в Брест: там, в Бреете, представители Наркомата обороны и Генерального штаба, у кого еще, как не у них, можно узнать, что происходит? Сели в первую попутную машину. По обочинам шоссе, ведущему к Кобрину, волокли чемоданы и корзины со скарбом женщины, покинувшие военный городок. Навстречу бежали командиры, спешившие к месту службы. Кобрин горел. На площади возле телеграфного столба с репродуктором толпились люди. Остановились и мы. Знакомые позывные Москвы вы-светляли лица. Люди жадно смотрели на черную тарелку репродуктора. Началась передача последних известий. Мы ловили каждое слово. Слушали о трудовых успехах страны, о зреющем урожае, о досрочном выполнении планов, о торжествах в Марийской АССР: вот сейчас, сейчас…

— Германское информационное агентство сообщает… — начал диктор. Нигде, никогда позже я не слышал такой тишины, как в тот миг на кобринской площади. Но диктор говорил о потоплении английских судов. О бомбардировке немецкой авиацией шотландских городов, о войне в Сирии — еще о чем-то, только не о вражеском нападении на нашу страну. Выпуск последних сообщений закончился сообщением о погоде. Люди стояли, не сходили с места и мы: может, будет специальное сообщение или заявление правительства? Но начался, как обычно, урок утренней гимнастики. Тогда люди стали расходиться, кое-кто побежал. Наш шофер захлопнул дверцу. Через Кобрин уже катили в восточном направлении грузовики с женщинами и детьми, успевшими, может быть, осиротеть. А над пожарами, над дымом разносился бодрый энергичный голос:

— Раскиньте руки в сторону/присядьте! Встаньте! Присядьте!.. Много лет прошло, а я как сейчас вижу пыльную, пахнущую гарью кобринскую площадь, и черную тарелку репродуктора над ней, не забыл тот урок гимнастики. Прерванная командировка Узнав от беженцев, что фашистские войска перешли границу и в Бресте идет бой, мы с Колесниковым направились в Буховичи, в штаб 4-й армии, где нам сообщили, что в 5 часов 25 минут из штаба Западного особого военного округа получена телеграмма, требующая поднять войска и действовать по-боевому.

— Надо срочно возвращаться в Минск, Илья Григорьевич, — забеспокоился Колесников. Ехали через Пинск. Добрались до него около полудня. Близ города, на военном аэродроме, вокруг горящих самолетов метались летчики и персонал части

аэродромного обслуживания. Сам Пинск еще не бомбили, но город выглядел встревоженным: на улицах необычно людно, около военкоматов толпы мужчин. В горкоме партии забросали вопросами, на которые ни я, ни Колесников ответить не могли. Впрочем, никто в горкоме не сомневался, что до Пинска, расположенного в двухстах километрах от границы, враг не дойдет. Нас устроили на грузовик, везущий в Минск эвакуированные семьи военнослужащих. К Минску подъехали следующим утром. На окраине валялся побитый осколками скот. В самом городе" чадили пожары. Штаб особого военного округа уже переименовали в штаб Западного фронта. Генерал Васильев, далеко не такой спокойный, как двое суток назад, сообщил, что положения на фронте никто толком не знает: связь с войсками систематически нарушается.

— Одним могу порадовать, — сказал генерал, — сегодня с утра войска наносят контрудары. Директива наркома обороны! Видимо, начальник инженерных войск нервничал, так как не заметил, что сообщение об отсутствии связи с войсками плохо согласуется с сообщением о контрударах. Из кабинета Васильева связались с Москвой, с Главным военно-инженерным управлением.

— Немедленно возвращайтесь! — различил я в трубке далекий голос начальника управления боевой подготовки полковника Нагорного. — Слышите? Немедленно! Регулярного железнодорожного сообщения со столицей уже не было. Выручил все тот же генерал Васильев: дал легковую машину. Прощаясь, просил ускорить поставку фронту взрывчатых веществ и мин, прежде всего — противотанковых. Мобилизационные мероприятия Полковник Нагорный, внешне так походивший на Рокоссовского, что их иногда путали, немедленно повел нас с Колесниковым к генералу Галицкому, исполнявшему обязанности начальника ГВИУ. Иван Павлович Галицкий вышел из-за стола, чтобы пожать нам руки. Все так же прям, тонок в талии, моложавое лицо гладко выбрито, черные усики аккуратно подстрижены, пробор в волосах безупречен, только взгляд необычно напряженный, но это и понятно: на Галицком лежит сейчас вся ответственность за инженерные войска, за надежность укрепленных районов вблизи западных границ страны, за обеспечение сражающихся армий инженерным имуществом, инженерными средствами борьбы с противником, в первую очередь, взрывчатыми веществами и минами. Докладываем со слов генерала Васильева о положении на Западном фронте, передаем просьбу выделить фронту как можно больше мин и взрывчатки. Понимая, что мы устали и проголодались, Галицкий

предложил пообедать и возвращаться в штаб:

— Предупредите семьи, что сегодня домой не выберетесь: срочная работа. Я позвонил жене. Анна — человек мужественный, была со мною в Испании, ходила с минерами в фашистский тыл. И все же не удержалась от восклицания:

— Вернулся! А уж я чего только не передумала!

— Дети здоровы?

— С ними все хорошо. Как ты?

— Нормально. Приеду завтра.

— Ладно. Хорошо, что живой… — проронила Анна. Перед Главным военно-инженерным управлением с первого дня войны поставили многочисленные задачи: формировать новые части, организовывать курсы для подготовки специалистов по минновзрывным заграждениям, маневрировать имевшимися в наличии силами и средствами. Мы с Колесниковым подключились к этой нелегкой работе. Утром 26 июня вызвал полковник Нагорный:

— Нарком обороны приказал немедленно помочь войскам в устройстве заграждений. С этой целью создаются оперативно-инженерные группы. Вы назначаетесь начальником ОИГ на Западном фронте. Заместителем предлагаем полковника Овчинникова Михаила Семеновича. Возражений, полагаю, нет?

— Нет. На что мы можем рассчитывать?

— Выделим четырех специалистов-подрывников из командного состава, три саперных батальона, шесть тысяч противотанковых мин и двадцать пять тонн взрывчатых веществ. Я озадаченно смотрел на Нагорного. Он нахмурился:

— Сам знаю, что этого и на день не хватит, wo больше нет! Дошлем! Ну, и минировать будете не так, как на учениях, а применительно к обстоятельствам. Вечером Галицкий собрал командиров и инженеров, направленных в оперативные группы. Кроме нас с Овчинниковым явились военный инженер 2-го ранга В. Н. Ястребов и полковник П. К. Случевский. Оказалось, вызывает нарком обороны маршал Тимошенко. Маршала я встречал не раз. И на Карельском перешейке, и на учениях. Память хранила образ высокого, широкоплечего, уверенного в себе, жесткого и громкоголосого человека. Поэтому, войдя в огромный кабинет, не сразу признал его в том сутулом, выглядевшем крайне усталым военном, который сидел за широким письменным столом возле задрапированного окна. Начальники оперативно-инженерных групп получили от наркома обороны самые широкие полномочия по разрушению военных объектов перед наступающим противником. Сведения о маршрутах ОИГ, о дислокации штабов фронтов и армий,

действующих на направлениях, где предполагалось применять минновзрывные заграждения и разрушать различные объекты, следовало получить у начальника оперативного управления Генерального штаба генерал-майора Г. К. Маландина. В кабинете Маландина штабные командиры — «направленны» — докладывали обстановку. Маландин, высокий, худощавый, с гладко зачесанными русыми волосами, отмечал на карте изменения в положении войск. Галицкий попросил уделить внимание начальникам оперативно-инженерных групп.

— Обстановка на фронтах крайне трудная, товарищи! — пояснил Маландин.

— В подробности не вдаюсь, вы их узнаете на месте, в штабах фронтов. Но" помните сами и заставьте запомнить всех своих бойцов и командиров: вы прикрываете московское стратегическое направление. Московское, товарищи! Пригласив нас к карте, генерал показал, где активнее всего действуют вражеские танки, осведомился у Галицкого, на каком направлении чья группа будет работать, и предложил запомнить" дислокацию штабов фронтов:

— Записывать не нужно, это Совершенно секретные данные. Затем Маландин подозвал штабного работника, " который вручил каждому из нас мандат, подписанный наркомом обороны. Где взять мины?! У себя в кабинете Галицкий напомнил, что подготовку к разрушению и минированию шоссе следует вести на глубину до 20 километров, предварительно разбив шоссе на участки и оставляя на головных участках подразделения охраны, чтобы в случае необходимости приводить заграждения в действие немедленно. Не забыл и; мосты: со взрывом не запаздывать, но и не спешить, чтобы не остались без переправ собственные войска… Немного позже у Нагорного, мы стали подсчитывать, сколько и каких мин потребуется на самых важных направлениях Западного фронта, скажем, там, где по директиве наркома обороны от 25 июня следовало развернуть группу резервных армий под командованием маршала С. М. Буденного. Протяженность рубежа, определенного для этих армий, составляла около пятисот километров. Двести из них не имели мало-мальски значительных водных и других естественных преград, способных задерживать танки. По нашим подсчетам получалось, что для прикрытия рубежа резервных армий потребуется минимум 200 тысяч противотанковых мин, много больше противопехотных и почти шесть тысяч мин замедленного действия. Нагорный, глядя на листок с цифрами, скрипнул зубами. Шофер Володя Шлегер Я принял выделенные для ОИГ три саперных батальона в ночь на 27 июня и ранним утром, наспех простившись с семьей, выехал из города. Двигались по Минскому шоссе на запад. Сидя на

переднем сиденье зеленого пикапа рядом с молоденьким светловолосым и голубоглазым водителем, назвавшимся Володей, я смотрел на серую полосу дорожного полотна, на спящие деревни, на росные травы лугов, на верхушки елей, прокалывающих предутренний сумрак и вонзающихся в розовое золото зари, но покой и красота окружающей природы лишь усиливали не покидавшее меня беспокойство. В командирах группы я был уверен. Сухощавый, несколько замкнутый полковник Михаил Семенович Овчинников, начальник 1-го отделения в отделе заграждений, крепко сбитый майор А. Т. Ковалев, майоры Л. Н. Афанасьев и П. Н. Уманец, высокий, худощавый лейтенант Г. В. Семенихин — прекрасные специалисты, обладающие и мужеством, и находчивостью. Не слишком тревожит и то, что приданные группе саперные батальоны укомплектованы «запасниками»: бойцы — советские люди, смелости у них достанет, а опыт — дело наживное. Смущало и тревожило, что мин и взрывчатки крайне мало! Задание у группы чрезвычайно ответственное. Выполнить его мы обязаны. Но как?.. Думая о солдатах, вспомнил, что не удосужился узнать фамилию водителя. Тот, услышав, о чем спрашивают, залился густым румянцем, ответил не сразу и как-то отрывисто:

— Шлегер, товарищ полковник. Я недоуменно покосился на водителя, не понимая причину его волнения. Он сам ее объяснил:

— Мать у меня русская, а отец — немец, товарищ полковник. Но еще в прошлую мировую против кайзера воевал, в гражданскую его командиром выбирали! Пальцы Шлегера буквально стискивали руль.

— Следите за дорогой, — заметил я л, чтобы успокоить бойца, добавил:

— В Испании, Володя, моими товарищами по борьбе были и немцы, и американцы, и чехи, и словаки, и французы. Решает не национальность, главное — на чьей ты стороне. Так?

— Так! — облегченно выдохнул Володя. На волосок от расстрела Перед Вязьмой, на обочине, стояла колонна из пятидесяти порожних грузовиков. На шоссе вышел, поднял руку, о чем-то предупреждая, высокий стар ший лейтенант. Вышли из машин. Сразу услышали грохот бомбежки. Бомбили где-то впереди. Старший лейтенант оказался начальником колонны, следовавшей в Белосток. Он недоумевал: неужели фашистские самолеты могут из Польши долететь до Вязьмы? Я не стал рассказывать, что радиус действия вражеских машин не столь велик и что летают они, по всей видимости, уже не с польских аэродромов: куда более важным представлялось, что на порожние

грузовики старшего лейтенанта можно погрузить не менее семидесяти тонн взрывчатки, которую мы должны были получить в Вязьме. Я предъявил старшему лейтенанту мандат, приказал перейти в мое подчинение, и всего через два часа, получив взрывчатку, мы двинулись дальше уже огромной колонной. В шестидесяти километрах западнее Вязьмы, возле моста через Днепр, я вновь достал свой мандат, предъявил начальнику охраны моста и объявил, что мост следует подготовить к разрушению. Не успел я это договорить, как мы были окружены и обезоружены. Начальник охраны презрительно бросил:

— Плохо ваши хозяева работают! Не знают даже, кому охрана мостов подчинена. Теперь тебе крышка, гад фашистский! Мы с Овчинниковым оторопело переглянулись. А ведь начальник-то прав! Охрана мостов передана в ведение наркома внутренних дел, а наши мандаты подписаны наркомом обороны! К счастью, в районном отделе НКВД быстро разобрались в недоразумении, принесли извинения, и я вспоминаю этот эпизод лишь для того, чтобы показать, как велика была бдительность советских людей. Эта бдительность помогала и военнослужащим, и местным жителям вылавливать и обезвреживать многих гитлеровских лазутчиков.

Глава 2. На московском стратегическом

Под Могилевым В высокоствольном сосновом бору пахло СМОЛОЙ и нагретой хвоей, тянулись перекинутые через сучья и подпертые шестами черные телефонные провода. Сквозь свежевырубленные ветви светил брезент штабных палаток, виднелись выставленные на воздух столы, где работали штабные командиры, слышался треск пишущих машинок. Командующий находился в войсках. Нас принял начальник штаба Западного фронта генерал Климовских. Вид у него был усталый. Я подал строевую записку. В записке значилось, что взрывчатки и мин мы привезли в три раза больше, чем получили в Москве (по дороге распоряжались под свою ответственность), но Климовских покачал головой: мало! Глядя в упор воспаленными глазами, приказал:

— Ознакомьтесь с обстановкой и немедленно на разрушение автомобильных и железных дорог! Все силы туда! С обстановкой нас ознакомили в инженерном управлении, оговорившись, что сведения о противнике полученные несколько часов назад, могут оказаться не совсем точными. Тут же сообщили, что в составе инженерных войск фронта остались всего три саперных и два понтонных батальона: другие части сражаются в окружении. Распределили с генералом Васильевым имеющиеся части и материальные средства по магистралям, где заграждения требовалось создать в первую очередь. Оперативно-инженерную группу разбили на три отряда. Отряд' полковника Овчинникова и майора Афанасьева направили действовать в треугольнике Полоцк — Лепель — Витебск, отряд майора Уманца — на магистрали Минск — Борисов — Орша, отряд майора Ковалева — на направлении Минск — Могилев. Наиболее опасным представлялся участок, выделенный отряду майора Уманца, и майор получил. несколько больше взрывчатки и мин, чем другие командиры. Резерв взрывчатых веществ и противотанковых мин сосредоточили на КП оперативно-инженерной группы неподалеку от Орши. Скажу сразу, положение группы оказалось нелегким. Поначалу трудно было понять, как далеко удалось продвинуться противнику, где идут бои. Средств радиосвязи у нас не имелось, и для поддержания контакта с отрядами приходилось пользоваться проводной связью фронта, а телефон и телеграф в те дни оказались не слишком надежными, да и отряды часто находились на значительном удалении от войсковых телефонных коммутаторов или телеграфных узлов. Выручали группы лишь

опыт и мужество командиров отрядов да наличие значительного числа автомашин, «прихваченных» по пути на фронт. В те далекие, исполненные трагизма дни приходилось бывать на КП и в штабе Западного фронта. Связь с войсками налаживалась, возникла возможность предвидеть действия врага, и штаб старался эту возможность использовать. Генерал Павлов На второй или третий день пребывания вблизи Могилева получил я наконец возможность представиться командующему фронтом. Генерал Павлов, похудевший, осунувшийся, интересовался уже не преодолением заграждений, а способами их устройства, минами, главным образом — противотанковыми.

— Мало взрывчатки? Постарайтесь достать еще, Вольф! — говорил Павлов, называя меня, подобно Кличу, испанским псевдонимом. — Требуйте у Москвы! В конце концов, под Теруэлем и на Эбро как-то выходили из положения? А дома и стены помогают! Командующий обещал сделать все возможное, чтобы оперативно-инженерная группа получала необходимое обеспечение. Однако командовать фронтом Павлову оставалось недолго: 1 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны сместил командование Западного фронта: Павлова, Климовских, Клича, на ряд других военачальников возложив на них вину за неудачное начало войны с агрессором. Они были расстреляны. Во временное командование войсками фронта вступил генерал-лейтенант А. И. Еременко, место Климовских занял генерал-майор Г. К. Маландин. Смена командования нередко вызывает трудности в управлении войсками. Возникли они и у Еременко с Баландиным. И все же войска Западного фронта, усиленные за счет армий Резервного, хотя и вынуждены были по-прежнему отступать, но дрались, дрались отчаянно, и сопротивление их постепенно нарастало. Опять самоделки. Первый выход в тыл немцев Что же делали в те жаркие и кровавые июльские дни саперы оперативно-инженерной группы? Мы заблаговременно минировали и своевременно разрушали мосты на железных и автомобильных дорогах, а также подрывали рельсы и асфальтобетонное покрытие шоссейных дорог, минировали предполагаемые места обхода врагом разрушенных участков пути, минировали после отхода наших войск сами магистрали, устраивали завалы перед фашистскими мотоциклистами-разведчиками, перед вражеской мотопехотой и танками. Работать приходилось под непрерывным воздействием вражеской авиации, нередко под ружейно-пулеметным огнем, отряды несли потери, и все же их действия превзошли наши ожидания: люди проявляли огромное мужество, замечательную выдержку, не терялись в самых сложных, даже критических ситуациях. Беспокоили нас

тогда не люди, а мины. Состоявшие на вооружении Красной Армии противотанковые мины. При столкновении с танковыми соединениями вермахта очень скоро выяснилось, что эти мины не обладают достаточной мощностью: взрываясь под гусеницами вражеских машин, перебивают всего два-три трака. "Фашистские танкисты, если им не мешает огонь артиллерии, за какие-нибудь полчаса устраняют неисправность и вновь идут в бой. Стараясь усилить действие противотанковых мин, саперы оперативно-инженерной группы сдваивали их. Но и тогда мины повреждали лишь ходовую часть вражеской машины… Вывести танк из строя полностью, уничтожить экипаж танка мины все-таки не могли. Да и устанавливались они саперами группы в небольшом количестве, главным образом при усилении полевой обороны собственных войск. Для минирования магистралей и предполагаемых мест обхода разрушенных участков магистралей требовались мины намного более мощные и не обычные, а замедленного действия. Ведь противотанковые мины на магистралях мы устанавливали лишь после отхода своих арьергардов, а за нашими арьергардами торопились фашистские авангарды, и саперы несли потери, а мины враг легко обнаруживал, уничтожал или объезжал. Увы, мин замедленного действия, изготовленных промышленным способом, в войсках не имелось. Пришлось вспомнить Испанию, испанских друзей, Мастеров изготовлять мины и гранаты из консервных банок, чайных жестянок, дырявых бензиновых бачков и прочего хлама, выброшенного на свалку, вспомнить наши фугасы на дорогах под Кордовой и Гранадой. Собрав командиров отрядов, я показал, как нужно делать мины замедленного действия из подручных материалов. За дело взялись сразу. Общевойсковые командиры отнеслись к нашему замыслу скептически, не верили, что самоделки принесут пользу, однако неверие очень скоро сменилось похвалами и благодарностями. Вспоминал я Испанию и испанский опыт, конечно, не только потому, что войскам не хватало мин замедленного действия. События показали: враг вторгается на территорию нашей Родины главным образом в полосе железнодорожных и шоссейных дорог, он не контролирует и не может контролировать огромные массивы лесов, полей и болот по сторонам этих магистралей. Таким образом, возникала возможность, как в Испании, перенести действие минеров в тыл врага! Работая в полосе обороны 20-й армии, я поделился своими мыслями с начальником штаба армии генералом Н. В. Корнеевым. Прирожденный разведчик, Корнеев сразу загорелся идеей отправки во вражеский тыл минеров-добровольцев. Через несколько дней мы послали за линию фронта группу бойцов, возглавленную сержантом Кошелем.

Добровольцам предстояло заминировать восстановленный врагом участок автомагистрали Минск — Москва в нескольких километрах восточное Коханова. Группа Кошеля благополучно достигла указанного участка" поставила мины, убедилась, что они сработали, подорвав несколько грузовиков с военным имуществом и солдатами, благополучно вышла к нашим окопам в районе деревни Русский Селец. Сержант и его товарищи рассказывали о пережитом и увиденном возбужденно, с удивлением: одно дело, представлять действие мин мысленно, и совсем другое — наблюдать, как мины уничтожают противника в его собственном тылу, когда он совершенно беспомощен. Вылазка группы Кошеля подтвердила предположение об уязвимости фашистских коммуникаций, и мы не преминули бы послать во вражеский тыл новые группы саперов, однако технические возможности оперативно-инженерной группы иссякали, у нас не оставалось больше замыкателей замедленного действия, на исходе была взрывчатка, да и ход событий требовал иных, более масштабных решений для нарушения работы вражеского тыла. Однако принять эти решения самостоятельно никто из нас, конечно, не мог.

Глава 3. "Разрубить гадину! "

Однажды приехав в штаб Западного фронта, я увидел Ворошилова. Сопровождаемый незнакомым генералом и двумя полковниками, маршал шел к палаткам политуправления. Заметив меня, остановился, дал знак подойти, спросил, чем занимаюсь. Выслушав ответ, поинтересовался, готовлю ли я партизан.

— Партизан?.. Никак нет, товарищ маршал. Собственно…

— Хорошо, хорошо. Я вас вызову и подключу к этому делу. Вы свободны. Встреча взволновала. Выходит, меня помнят, а подготовка партизан началась! Все-таки понадобились партизаны! В тот день я еще не знал о Директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня, указывающей руководителям. партийных и советских организаций прифронтовых областей на необходимость развертывания в тылу. врага партизанской борьбы. О призыве партии разжигать партизанскую войну я услышал лишь через три дня из выступления по радио И. В. Сталина. Тогда и догадался, что Ворошилов заговорил со мной неспроста. Правда, все помыслы и все время занимало устройство заграждений перед наступающим врагом, но слова маршала не забывались. В десятых же числах июля, когда ситуация изменилась, темп наступления врага замедлился, а возможности оперативно-инженерной группы оказались на исходе, я стал чаще вспоминать обещание Ворошилова и беспокоиться, почему он не вызывает… Ранним утром 11 июля мы с Семенихиным проверяли работу подразделений оперативно-инженерной группы, готовивших к разрушению автомагистраль Минск — Москва на участке между Красным и Гусином. Всходило солнце, на сыром бетоне лежали длинные синие тени придорожных елей и сосен, темнел гравий обочин, ревели орудия на недалекой линии фронта и вот-вот должны были показаться первые «юнкерсы», "хейнкели" и «фоккеры». Возле участка, где работали саперы, грудились люди. Кто стоит, кто сидит на краю кювета… Оставив пикап, пошли к саперам. Чубатый командир отделения доложил, что ведет подкоп под бетонное покрытие магистрали. Рядом с командиром отделения, напряженно ожидая, когда тот закончит рапорт, стоял высокий капитан-артиллерист. Едва командир отделения умолк, капитан вскинул руку к фуражке:

— Разрешите обратиться, товарищ полковник? Это был Васильев. Он начал войну под Алитусом, западнее Вильнюса. На третий день боев дивизион Васильева очутился в окружении.

Пытаясь прорваться сквозь фашистские заслоны, расстрелял боезапас, но потерпел неудачу. Васильев приказал снять с пушек замки, повел бойцов на восток по лесам и бездорожью, в обход движущихся по магистралям вражеских колонн и захваченных гитлеровцами деревень и городов. В Налибокской пуще и под Бегомлем от дивизиона отстали, потерялись пятьдесят пять человек. Остальные поклялась друг другу или погибнуть, или пробиться к своим. Четверо были убиты, пятеро ранены и оставлены в глухих деревнях на попечение жителей, а Тридцать шесть во главе с капитаном Васильевым пробились. Я оглядел людей. Их было не меньше сотни!

— Остальные в пути пристали! — объяснил Васильев. Воинство к нему пристало разношерстное: одни в полном обмундировании, другие в гражданской одежонке, одни с оружием, другие с пустыми руками. Нашлись и саперы: лейтенант, два сержанта и рядовой Кремнев, чью фамилию помню, потому что он сберег в окружении даже противогаз! Саперов, разобравшись, кто они и откуда, я оставил в оперативно-инженерной группе, о чем, кстати, впоследствии ни разу не пожалел, а остальных окруженцев под командой капитана Васильева направил на ближайший контрольно-пропускной пункт. Долго глядел я вслед уходящей колонне. Что же это получается? Два дня назад с большими трудностями направляли мы во вражеский тыл группу из пяти саперов, под командой сержанта Кошеля, а нынче получили из вражеского тыла прорвавшееся с боем пополнение в сотню, если не больше, человек! Слов нет, капитан и его люди остались верны присяге, не жалели жизни, чтобы соединиться со своими войсками, но ведь они могли стать грозной и мощной силой, разрушающей вражеский тыл! Им не пришлось бы брести бездорожьем, хорониться в болотах и чащобах, имей они хотя бы малейшее представление о партизанской войне! Обидно стало донельзя. Живем так, словно ни у русской, ни у Красной Армии нет и не было никакого опыта ведения партизанской войны! Словно не появилось еще в начале прошлого столетия сочинение, где впервые были сформулированы особенности партизанской войны, ее цели, тактика и способы взаимодействия с регулярными войсками! Да к тому же написанные Денисом Давыдовым! В свое время я выучил наизусть знаменитые строки и ошеломлял ими слушателей: "Партизанская война состоит ни в весьма дробных, ни в первостепенных предприятиях, ибо занимается не сожжением одного или двух амбаров, не сорванием пикетов и не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля. Она объемлет и пересекает все протяжение путей, от тыла противной

армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами, через что, заграждая течение источника ее сил и существования, она подвергает ее ударам своей армии обессиленного, голодного и лишенного спасительных уз подчиненности. Вот партизанская война в полном смысле слова! А написанный еще в 1859 году труд генерал-майора Голицына "О партизанских действиях в больших размерах, приведенных в правильную систему и применяемых к действиям армий вообще, и наших русских в особенности"? А книга по организации, тактике и оперативному использованию партизанских сил, изданная в конце прошлого века генералом Клембовским? В начале гражданской войны книга Клембовского заинтересовала Владимира Ильича Ленина, была в 1919 году по его указанию издана как пособие для частей Красной Армии и красных партизан. Тогда-то и указал Ленин, что партизанские выступления не месть, а военные действия! Что говорить! Верные ленинским указаниям, Михаил Васильевич Фрунзе и другие советские полководцы немало сделали для изучения объективных законов партизанских действий и для подготовки к партизанской войне в случае нападения на СССР какого-либо агрессора. Деятельное участие принимал в этой подготовке с 1925 года по 1936-й и тогдашний нарком обороны К. Е. Ворошилов. В период репрессий против военных подготовку партизан прекратили. Все заблаговременно подготовленные партизанские базы ликвидировали, из тайных складов извлекли и передали армии большое количество минновзрывных средств, а имевшиеся на этих складах несколько десятков тысяч иностранных винтовок, карабинов, и иностранных пулеметов и миллионы патронов к ним попросту уничтожили. Самое же страшное было в том, что в 1937 — 1938 годах репрессировали хорошо подготовленные партизанские кадры, кого расстреляли, кого сослали, и уцелели из «партизан» только те, кто случайно переменил место жительства или, по счастью, оказался в далекой Испании, принял участие в схватке с фашизмом. Сама мысль о возможности ведения нами партизанской войны была похоронена. Новая военная доктрина исключала для Красной Армии длительную стратегическую оборону, предписывая в кратчайший срок ответить на удар врага более мощным, перенести боевые действия на территорию агрессора. Естественно, что в кадровых войсках ни командный, ни тем более рядовой состав уже не получали знаний, которые дали бы им возможность уверенно действовать в тылу врага. Но сейчас-то, когда мы вынуждены отступать, когда в тылу гитлеровцев остается территория, населенная советскими людьми, территория

с попавшими в окружение частями, территория, изрезанная густой сетью железных дорог, сейчас-то самое время исправить ошибку! Партизанские отряды возникнут, в этом сомневаться не приходится. Попавшие в окружение части, отдельные бойцы и командиры, не пробившиеся к своим, тоже перейдут к партизанским действиям или вступят в партизанские отряды. Значит, им необходимо помочь, чтобы не лилась лишняя кровь советских людей, чтобы не понесли партизаны ненужные потери, чтобы знали, как воевать, и имели бы все необходимое для войны во вражеском тылу! Опыт подсказывал: в партизанские отряды, возникающие за линией фронта, нужно посылать имеющих специальную подготовку организаторов, современную технику для нарушения работы вражеского тыла, средства радиосвязи. Готовить таких организаторов, формировать отряды и группы партизан, направляемых в тыл врага, снабжать эти отряды и группы всем необходимым следует в специальных школах, подобных тем, что существовали в тридцатые годы. А в мастерских при школах изготавливать мины, пусть самые простые, но легко устанавливаемые на дорогах в тылу врага, прежде всего на Железных. Фашистское командование напрасно рассчитывает на блицкриг. Молниеносной войны не будет, наше сопротивление возрастает, рано или поздно мы нанесем ответный удар, ход событий изменится, боевые действия продлятся еще какое-то время, и вот тут-то врагу понадобятся не только танки и грузовики, но и железные дороги, железнодорожный транспорт! Только по железным дорогам сможет осуществлять враг основные перевозки своих войск, боевой техники, боеприпасов и горючего! И мы обязаны лишить оккупантов такой возможности… Первая встреча с Мехлисом Так и не дождавшись вызова Ворошилова, я по собственной инициативе поехал однажды в штаб Западного фронта для разговора с маршалом о партизанских делах. Увы, Ворошилов к тому времени отбыл в Москву. Раздосадованный, зашел я к генералу Васильеву. Петр Михайлович посочувствовал, согласился, что нарушать. работу вражеского железнодорожного транспорта необходимо, посоветовал пойти к находящемуся в штабе фронта представителю Ставки армейскому комиссару 1-го ранга З. Л. Мехлису.

— Наверняка он в курсе дела и, конечно, поможет! — рассудил Васильев. Мехлис меня принял. Я объяснил, какое важное, непрерывно возрастающее значение имеет минирование железных дорог в тылу фашистских войск, постарался убедить армейского комиссара, что диверсии на коммуникациях врага потребуют гораздо меньше сил и средств, чем тратится на бомбардировку железнодорожных узлов и воинских эшелонов,

что врагу не достанет сил для надежной охраны даже самых необходимых железных и автомобильных дорог, попытался развить идею партизанской войны.

— Подождите, полковник! — прервал Мехлис. — Что привело вас именно ко мне? Вам кто-нибудь мешает?

— Нет…

— Тогда о чем речь? Помогайте на здоровье партизанам и не отнимайте у меня время! Вы свободны.

— Н-нда, — произнес Васильев, узнав об итогах моего визита к Мехлису. — Это значит, что у армейского комиссара есть другие неотложные дела. А не наведаться ли Вам к члену Военного совета фронта товарищу Пономаренко? В самом деле! Пантелеймон Кондратьевич — первый секретарь ЦК партии Белоруссии, он наверняка занимается партизанами по партийной линии. Идея генерала Васильева обнадеживала! Но стоит ли идти к члену Военного совета с пустыми руками? Не лучше ли показать образцы мин, которые можно без труда делать где угодно и в каких угодно условиях, поскольку детали к ним в полном смысле слова валяются под ногами? Встреча с Пономаренко. Начальник ОУЦ За сутки я смастерил два таких образца и" завернув сувениры в старую газету, во второй половине дня 11 июля явился к Пономаренко. Первой продемонстрировал противопоездную мину собственной конструкции (ПМС). Объяснил ее устройство и способ установки. Пономаренко подержал мину, опробовал действие замыкателей с лампочкой от карманного фонарика вместо детонатора:

— Работает! Но, пожалуй, сложна. Вон сколько вы накрутили замыкателей-предохранителей!

— При таком устройстве, товарищ член Военного совета, мина абсолютно безопасна при установке и неизвлекаема для противника… Пономаренко молча отложил ПМС в сторону, указал глазами на второй образец. Я рассказал о втором, стал говорить о других минах, которые можно производить из подручных материалов, о самодельных ручных гранатах и зажигательных снарядах.

— Неплохо, но ведь у вас одни образцы да рассказы, а ими много не навоюешь. Я возразил:

— Товарищ член Военного совета, если есть образцы, можно наладить производство мин прямо на фронте! Лишь бы люди знали, что делать!

— Меня можете не агитировать! — ответил Пономаренко. — Я — за. Выделяйте знающих командиров да побольше всяких взрывателей-замыкателей, и давайте снабжать партизан!

— Командиров-специалистов, товарищ член Военного совета,

у меня нет. А минноподрывных средств в обрез. Но прежде, в тридцатые годы, существовали специальные партизанские школы.

— Школы?

— Так точно. Там обучали тактике партизанских действий, показывали, как делать всевозможные мины и применять их во вражеском тылу. Может быть организовать такую школу сейчас? Пономаренко раздумывал, трогая пальцами образцы мин, поднял сощуренные глаза:

— Это идея — создать школу!.. Впрочем, лучше ее назвать как-нибудь иначе, чтобы в глаза не бросалось… Скажем, учебным центром. Да. Именно так! Учебный центр!.. Попрошу срочно подготовить докладную записку на имя народного комиссара оборону и проект соответствующего приказа. Изложить на бумаге то, что не давало покоя годами, несложно. На следующее утро я вручил Пономаренко докладную записку на имя наркома обороны и проект приказа НКО об организации специального учебного центра Западного фронта. Пантелеймон Кондратьевич прочитал оба документа, сделал поправки в тексте, бумаги перепечатали, и на следующий день они были подписаны маршалом Тимошенко, который, оставаясь наркомом обороны, принял командование Западным фронтом. Создаваемая партизанская школа получила наименование Оперативно-учебного центра Западного фронта, сокращенно — ОУЦ. Меня назначили его начальником.

— Действуйте! — сказал Пономаренко, когда я расписался на прочитанном приказе. — Поезжайте в Рославль. Там находится пункт формирования партизанских отрядов фронта, там и оперативно-учебный центр разместите. Желаю успеха! Я сознавал, что нахожусь у истоков огромного дела, и радовался. Сбывалась мечта — нанести удар по растянутым, плохо охраняемым коммуникациям вражеских армий, разрубить наползавшую фашистскую гадюку надвое, отделить ее голову — передовые части, от хвоста — источников снабжения.

Глава 4. Первые ученики

Около шести часов утра 14 июля, в пяти километрах от Рославля, среди болот и тощего чернолесья разыскали мы с Семенихиным и Шлегером постройки управления торфоразработок: там, по нашим сведениям, размещались работники аппарата ЦК Коммунистической партии Белоруссии, у которых мы могли узнать, где находится пункт формирования партизанских отрядов. Озадаченный нашим приездом дежурный упорно твердил одно:

— Все спят. Через открытые двери комнат я и сам видел, что прямо на полу, вповалку, спят люди. Но дело не терпело отлагательства, и мы настояли, чтобы дежурный разыскал и разбудил секретаря ЦК товарища Эйди-нова. Дежурный повел в комнаты. Эйдинов спал на коротком венском диванчике, согнув колени. Сел, энергично потер лицо, взял письмо от П. К. Пономаренко, прочитал, снова крепко потер лицо:

— Извините, мы вчера очень поздно закончили работу. Выехали в Рославль: пункт формирования партизанских отрядов находился в пионерском лагере на окраине города. Эйдинов по дороге ввел в курс дела: специалистов по партизанской тактике и технике на пункте нет, техники тоже нет, но отряды формируются, людям ставят конкретные задачи, — уничтожать фашистских солдат и офицеров, разрушать различные военные объекты и железные дороги, мешать работе связи.

— А как это делать — учат? Эйдинов пожал плечами:

— Ну! Сами сообразят! Дела аптечные В бывшем пионерлагере встретил начальник пункта Иван Петрович Кутейников, в прошлом заведующий военным отделом Совета Народных Комиссаров БССР. Иван Петрович чистосердечно признался, что не имеет ясного представления ни о партизанской войне в целом, ни о тактике партизанских действий, ни о технике и тактике диверсионной работы.

— Сами посудите — откуда мне все это знать? — развел он руками. — Никогда я в партизаны не метил. Вот если насчет обмундирования или продуктов, вообще по частям снабжения — это да, это я могу.

— С оружием беда, — дополнил картину Кутейников за завтраком. — Винтовок не хватает, пулеметов нет, даже ручных гранат не наберешь… А вы говорите — взрывчатка и прочее! Тут ни одной живой души нет, которая хоть бы малость смыслила в этом самом подрывном деле! Мы одно делать насобачились:

учебные винтовки восстанавливать. Запаяем просверленные отверстия, и ничего — стреляем!

— Значит, минами партизан не снабжаете?

— Какие, к лешему, мины? Слава богу, научились дырки запаивать!

— Плохо. Мины, между прочим, могут заменить партизанам даже артиллерию. Посудите сами, Иван Петрович… — я пустился в объяснения преимуществ инженерных мин, и под конец моей страстной речи Кутейников даже вилку отложил.

— У вас и с собой эти мины есть? А ну, покажите! Образцы мин, зажигательных снарядов, ручных гранат — все это было для Ивана Петровича откровением, — Вот такая малявка может целый поезд угробить?! Сила! Знакомство с будущими партизанами состоялось сразу после завтрака. Я увидел десятки внимательных, настороженных глаз, увидел лица, отмеченные усталостью, тревогой, заботой. Мне было понятно, что творится на душе у этих" людей, самоотверженно вызвавшихся идти в тыл врага, обеспокоенных нехваткой оружия и средств связи. Не тратя времени на общие разговоры, я начал прямо с показа привезенной техники. И настороженные глаза заблестели, озабоченные лица засветились радостью. После занятий люди долго не расходились, каждому хотелось увидеть мины и гранаты поближе, прикоснуться к ним. Нас засыпали вопросами. Стало не по себе. Партизанскую технику я показал, но как объяснить людям, что в нашем распоряжении находятся лишь единичные образцы этой техники, что ни документации на изготовление инженерных мин, ни самих мин, ни прочих диверсионных средств на фронте пока нет? Да надо ли, впрочем, это объяснять, омрачать людям жизнь? Не лучше ли найти какое-то решение проблемы? Решение виделось одно: немедленно ехать в Москву, в Главное военно-инженерное управление: помочь могут только там. И вот во второй половине того же дня пикап Шлегера помчался в Москву. Именно помчался: мы добрались до Москвы по старой Варшавской дороге еще засветло. Странно выглядел город. Если бы не красноватый оттенок закатного солнечного света, можно было бы подумать, что день в Москве только начинается: слишком мало людей на улицах. Своего начальник, полковника Нагорного, я застал в рабочем кабинете.

— Вот хорошо, что приехал! Ваша группа задачу выполнила, войска получили пополнение, теперь будешь работать в отделе! Заверенную копию приказа наркома обороны о назначении меня начальником оперативно-учебного центра прочитал, хмурясь. Возвратил приказ:

— На двух стульях сидеть собрался? Не удастся. Однако,

выслушав меня, согласился, что надо всячески помогать обучению партизан. С помощью Нагорного и Галицкого быстро получили наряды на принадлежности для изготовления мин, гранат и зажигательных снарядов, не удалось получить только средств радиосвязи.

— Что же ты не спросишь, где семья? — усмехнулся Нагорный, когда я в очередной раз зашел к нему в кабинет с каким-то требованием.

— А что? Надеюсь, они дома?

— Дома-то дома, а где этот дом, знаешь? Я растерялся.

— Скажи спасибо Вакуловскому и Цабулову, — посоветовал Нагорный, называя фамилии моих товарищей по отделу. — Пока некоторые партизанят, они эвакуируют их жен и детей. В тот самый лесной городок, где ты после Испании полигоном командовал… Нагрузив пикап добытым имуществом, поздним утром следующего дня мы двинулись обратно в Рославль. А там огорошил Кутейников: получено распоряжение в ночь на 16 июля отправить во вражеский тыл сто человек.

— С чем отправлять, не сказали?

— Самим приказано думать! Лихорадочно прикинув, что можно сделать, я тронул заместителя за плечо:

— Аптека далеко? Работает?

— Аптека в городе. Работает. Вам нездоровится, товарищ полковник? — встревожился Кутейников.

— Не поздоровится, если подведет аптека. Поехали! Провизор, не видя в моих руках рецепта, выжидательно поднял брови. Я предъявил удостоверение личности и — объяснил, — что требуется Провизор обладал чувством юмора:

— А вы гарантируете, что пациенту придется туго?

— Полностью гарантирую.

— Тогда я приготовлю «лекарство» в любом количестве! Оставив провизора и его помощников выполнять наш огромный заказ, я вернулся в пионерлагерь и немедленно начал занятия с партизанами. Побывал с ними в поле, на автомобильной и на железной дорогах. Показывал, как надо ставить мины в различных условиях, знакомил слушателей с другими способами разрушения вражеских коммуникаций. Используя химикаты прихваченные в аптеке, успели сделать некоторое количество самодельных гранат, терочных воспламенителей и взрывчатые смеси. Тем временем лейтенант Семенихин, получив сведения, что в одном из ближайших совхозов осталось много аммиачной селитры, привез в пионерлагерь три тонны этого удобрения. Оно послужило сырьем для самодельной взрывчатки. Таким образом, гранатами, воспламенителями и взрывчатыми веществами

уходящую группу обеспечили. Теперь задача состояла в том, чтобы предохранить терочные воспламенители и самодельный аммонал от отсыревания на время следования группы в тыл врага. Но выход и тут был найден, хотя наше новое требование повергло провизора рославльской аптеки в замешательство (Похоже, Илья Григорьевич реквизировал все "изделия № 2" Бзкского резинового завода. Прин. ред. А. Э.) Впрочем, провизор не подвел и на этот раз. Подготовка первых инструкторов На рассвете 17 июля я получил приказ перебазировать оперативно-учебный центр в Чонки, что под Гомелем: накануне враг захватил Смоленск, и обстановка ухудшилась. Постоянный состав ОУЦ и работники ЦК Компартии Белоруссии добирались до Чонков через Мглин. Забитые беженцами и мычащим скотом улицы Мглина напомнили Валенсию 1936 года. Из Мглина, не задерживаясь, мы свернули в сторону Унечи, остановку сделали только в Клинцах. Эвакуация и тут шла полным ходом. Прибыв в Гомель, мы расположились в так называемых "обкомовских дачах". Место оказалось — лучше не придумать: леса и железная дорога поблизости. Занятия начали сразу, как только разгрузили машины, разместили имущество и людей. На подготовку партизанской группы отводилось всего 60 часов, раз* в пятнадцать меньше, чем когда-то, в начале тридцатых годов. Но ничего не поделаешь — война, обстановка крайне тяжелая… Начали с обучения инструкторов. Готовить инструкторов-универсалов не позволяло время, — стали заниматься инструкторами по диверсионной технике. В первую группу вошли лейтенант Г. В. Семенихин, К. С. Михеева, Ф. П. Ильюшенков и несколько других товарищей. Семенихин — человек нелегкой судьбы. Сын командира кавалерийского полка, сподвижника М. В. Фрунзе, он девяти лет остался сиротой. Вместе с сестрой жил и учился в детском доме в Ленинграде. С 1930 года начал слесарить на заводе. Хотел стать инженером и упорно добивался осуществления своей мечты: без отрыва от производства поступил в Ленинградский институт инженеров-механиков социалистического земледелия и, совмещая учебу с работой, успешно защитил в 1937 году дипломную работу. Сразу после института Семенихина призвали на службу в железнодорожные войска Красной Армии. Он окончил так называемые "курсы одногодичников" и был оставлен в кадровых войсках. Уже на Карельском перешейке зимой 1939/40 года я оценил смелого, инициативного и достаточно осторожного командира, а познакомившись с Семенихиным поближе, понял, что этот волевой человек может стать неплохим воспитателем будущих партизан. И не ошибся. В оперативно-учебном центре Семенихин

отлично усвоил новую для него диверсионную технику, изучил тактику партизанской войны, начал самостоятельно обучать людей. Через год он стал заместителем начальника, а потом и начальником партизанской школы при созданном в 1942 году Центральном штабе партизанского движения. С Клавдией Семеновной Михеевой, молоденькой, голубоглазой Клавочкой, как ласково называли ее подруги, работники ОУЦ познакомились в Гомеле. Михеева работала на спичечном заводе, ее заинтересовали партизанские зажигательные средства, она во многом нам помогала. Приглядевшись к работящей, боевой девчушке, я предложил ей перейти в мастерскую учебного центра. Клавочка залилась румянцем и… наотрез отказалась. Даже как-то обидно стало!

— Прошу вас, товарищ полковник, не разговаривайте со мной при свидетелях, — не поднимая глаз, скороговоркой произнесла Михеева. — И вообще не нужно, чтобы люди знали о моем сотрудничестве с вашими подчиненными.

— Для такой просьбы есть веские причины?

— Да. Веские причины надо уважать. Я кое о чем догадывался и поговорил о Михеевой в ЦК Компартии Белоруссии. Как и предполагал, ее намеревались оставить на подпольной работе в Гомеле. Удалось доказать, что скрыть факт сотрудничества Клавдии Семеновны с оперативно-учебным центром уже не удастся, что оставлять ее теперь в подполье рискованно, и Михееву передали в распоряжение ОУЦ. А Клавочка всего через десять дней работы в учебном центре заявила о своем желании отправиться во вражеский тыл. Она, мол, уже обучила многих девчат и парней делать вместо спичек зажигательные снаряды и взрыватели, очень хочет бить врага сама. Я объявил, что никуда ее не отпущу, пока не выучу всем тонкостям дела, и сдержал слово. Вслед за группой инструкторов по диверсионной технике стали готовить инструкторов по партизанской тактике. Набрасывая проект приказа о создании учебного центра, я предусмотрел направление в центр не менее двадцати пяти командиров-пограничников. Опыт подсказывал, что они станут ценнейшими сотрудниками: по роду службы командиры-пограничники хорошо знакомы со многими приемами и методами борьбы с врагом, используемыми партизанами. Пограничников в ОУЦ направили, и наши ожидания они оправдали. Ф. П. Ильюшенко, П. А. Романюк, Т. П. Чепак, И. С. Казанцев, Ф. А. Кузнецов, все другие товарищи "первого призыва" оказались хорошими оперативными работниками и стали отличными преподавателями тактики. О партизанской стратегии Шло время. Фронт неумолимо приближался к Гомелю, и

дорожить приходилось уже не днями, а буквально часами! Выпускники школы овладевали основами партизанского дела твердо. Им постоянно напоминали: гитлеровская армия полностью зависит от доставки пополнений, боеприпасов и вооружения из глубокого фашистского тыла, партизаны могут массовыми диверсиями парализовать вражеский транспорт, оставить вражеские соединения на фронте без боеприпасов и горючего. Диверсии рекомендовалось производить по возможности вдали от населенных пунктов, жители которых помогают партизанам. Объяснялось, кстати сказать, что массовость диверсий — самый надежный способ заставить врага отказаться от жестоких репрессий против мирного населения. Часть подготовленных нами организаторских и диверсионных групп и часть партизанских отрядов, формировавшихся в районах, которым угрожало фашистское нашествие, оставляли тогда на местах. Другие отряды перебрасывали через линию фронта. Вскоре ОУЦ развернул партизанскую школу в Мозыре, направив туда ряд инструкторов во главе с Чепаком и Казанцевым. Забирали от нас инструкторов и в другие школы. Казалось, дела налаживаются! Но беспокоило еще многое. Нехватка оружия. Полное отсутствие средств радиосвязи. Промахи в подготовке людей. Выяснилось, например, что экипировка партизан и проводников-пограничников под "местных жителей" добра не приносит. Играя роль «местных», наши ряженные заходили в населенные пункты, спрятав оружие, а на дневки располагались, не выставив надежное охранение, и несли потери. Тогда было решено, что все наши люди обязаны носить военную форму, а оружие без крайней надобности прятать не должны никогда. Тем, кому формы не досталось, на головные уборы нашивали кумачевые полоски. Результат сказался быстро. Появление в тылу врага обмундированных, хорошо вооруженных отрядов воодушевляло население, приводило в ужас предателей и изменников, нервировало оккупантов, а самих партизан дисциплинировало, заставляло проявлять бдительность: на день они либо оставались в лесу, либо, зайдя в село, — организовывали боевое обеспечение, не полагаясь на «маскарад». Люди к нам шли и шли. Замечательные люди! Многие могли бы уехать в Сибирь или Среднюю Азию, избежать ужасов войны, но предпочли идти в тыл врага и выполнять опасные задания, чтобы собственным ратным трудом и подвигом приблизить час победы.

Глава 5. Новые школы

Вскоре после размещения под Гомелем мастерские оперативно-учебного центра начали испытывать нужду в деталях, необходимых для производства мин. Иссяк даже запас батареек для карманных фонариков, без которых не сделаешь мины с электродетонаторами. В Гомеле ни деталей, ни батареек не нашлось, могла решить вопрос поездка в Киев: город столичный, промышленный, до него только двести километров, каких-нибудь четыре часа езды на поезде. И едва возникла мысль о поездке в Киев, тут же родилась идея разыскать там партизанских командиров и специалистов подрывного дела, знакомых по началу тридцатых годов. Не может быть, чтобы все разъехались!.. Самая короткая дорога из Гомеля в Киев лежит через Чернигов. Я приказал ехать Шлегеру к обкому партии: обстановка угрожающая, в обкоме, конечно, готовятся к ведению партизанской войны, могут испытывать трудности — партизан на Черниговщине не готовили, никому, в голову не приходило, что враг окажется за Днепром и Припятью! Секретарь Обкома Федоров В приемной первого секретаря Черниговского обкома партии Алексея Федоровича Федорова сидело человек пятнадцать. Помощник секретаря обкома взял мой мандат, ушел за высокую, обитую коричневой кожей дверь и буквально через минуту-другую распахнул ее:

— Вот кстати приехал! — неожиданно приветливо встретил меня Федоров.

— Ну, как нельзя кстати! Собираемся партизанить, а знающих людей нема!.. — Вы сидайте, сидайте, товарищ полковник. Зараз я вас так просто не отпущу! Возвратив документы, Алексей Федорович сказал, что люди в партизанские отряды и группы подобраны, вооружены винтовками, есть даже гранаты и пулеметы, вот только о партизанах знают в исключительно по книгам.

— Кого не спроси, що це таке — партизаны, зараз отвечают: ну, як же, Бакланов да Метелица, словом, «Разгром». Далось, понимаете, им это название — «Разгром»! Им же, наоборот, самим фашиста громить надо! Говорил Алексей Федорович вроде бы сокрушенно, но лукавые глаза смеялись, и я чувствовал: секретарь обкома приглядывается, оценивает меня. В кабинет без доклада вошел широкоплечий мужчина лет тридцати пяти.

— Знакомтесь, — сказал Федоров. — Полковник Старинов. А это секретарь нашего обкома Николай Никитович Попудренко.

Ведает сейчас подпольем и партизанами. Я слышал, что Попудренко работал слесарем на Днепропетровском металлургическом заводе, и удивился, что рука у него белая и мягкая, но тут же сообразил: слесарил-то он десять лет назад!

— Илья Григорьевич собирается трохи помочь нам с организацией партизанских дел, — уточнил Федоров. — Ты, Николай Никитович, когда можешь собрать группы для инструктажа?

— Завтра. Прямо с утра. Я запротестовал:

— Товарищи, мне срочно нужно в Киев. Ни на час задерживаться нельзя!

— Так чего же вы заехали? Почеломкаться? — удивился Федоров, — Зачем — почеломкаться? Помочь. Оставлю вам краткий конспект лекций по нарушению работы тыла противника, а когда вернусь в учебный центр, то и инструкторов прислать сумею.

— А ну, кажите конспект! — протянул руку Федоров. Я достал из портфеля кипу изрядно потертых листов, отдал секретарю обкома. Алексей Федорович бегло просмотрел конспекты, хлопнул по кипе широкой ладонью:

— Добре! Для начала берем это. Сгодится. А вы обещайте, что сами приедете после Киева. Договорились?

— Обязательно приеду, Алексей Федорович. Я поднялся.

— Думаю, вам и шоферу не вредно пообедать. Зайдите в столовую, я распоряжусь, — предложил Федоров.

— А удобно?

— Это в лесах и болотах будет неудобно! На этом и расстались, а к вечеру перед ветровым стеклом легковушки Шлегера вспыхнули красноватым закатным золотом купола святой Софии, расплавленной медью, синевой стали сверкнула полоса Днепра, пятнами темной и светлой зелени заклубились киевские сады и парки. Минут через пятнадцать въехали в город. Но на улицах, где я бродил когда-то с дорогой сердцу девушкой и друзьями, рыли окопы, на заветных перекрестках топорщились наспех сваренные противотанковые ежи, а на окнах домов, перечеркнув прошлое, белели бумажные полоски — защита от взрывных волн… Остановились на Крещатике около дома № 25. Прежде здесь жил боец бригады Котовского, кавалер двух орденов боевого Красного Знамени Николай Васильевич Слива. В тридцатые годы его готовили на должность командира бригады. Тут ли он? Дверь открыла незнакомая женщина:

— Николая Васильевича? Так он еще в прошлом году уехал с семьей в Молдавию.

— Адреса не знаете?

— Мабудь, вин в Бельцах, а може, где еще… Слабый огонек надежды угас. ЦК Компартии Украины На площади перед зданием ЦК партии Украины — ни души. Солнце закатилось, наползли сумерки, может, из-за этого явственней доносится с запада смутный гул канонады. В отделе пропусков выясняют к кому я хочу пройти, связываются с заведующим военным отделом ЦК Петром Ивановичем Захаровым тщательно изучают документы и, наконец, выписывают пропуск. Коридоры здания, устланные ковровыми дорожками, безлюдны. Захаров внимательно выслушивает просьбу: выделить оперативно-учебному центру десять тысяч ампул серной кислоты, тысячи две батареек и лампочек для карманных фонариков, еще кое-что, и разыскать известных мне по прежней совместной работе командиров и специалистов минноподрывной техники.

— Со своей стороны мы могли бы оказать помощь в подготовке партизан, — говорю я под конец. Петр Иванович трет переносицу.

— Дело важное, — заключает он. — Очень важное дело. Пойдемте к товарищу Бурмистенко. Сейчас я позвоню… У секретаря ЦК Компартии Украины Михаила Алексеевича Бурмистенко серый цвет лица, под глазами темные, набрякшие мешки, но взгляд пристальный, цепкий.

— Старых партизанских баз давно нет, — выслушав меня, говорит Бурмистенко. — А вот люди должны были остаться. Вспомните, кого можете, сами, да и мы поищем. А батарейки и все прочее, конечно, дадим!

— Товарищ Старинов привез образцы диверсионной техники, — вступает в беседу Захаров.

— Где они? — оживляется Бурмистенко.

— Внизу, в машине.

— Ага! Ну, надеюсь, в ЦК вы диверсии устраивать не станете и ваши «игрушки» сюда внести можно? Я мешкаю с ответом. Взрывчатку в «игрушки», если под таковыми разуметь мины и гранаты, мы не закладывали, однако электрозапалы в минах имелись, а зажигательные снаряды" вообще были настоящими.

— Может, лучше организовать показ в другом месте? — спросил я, объяснив причину сомнений. — . К тому же, с охраной недоразумение может выйти.

— В чем вы держите ваше хозяйство? — перебил Бурмистенко.

— В двух чемоданчиках.

— Несите. Дам команду, чтоб пропустили. Пока ходил за чемоданчиками, в кабинете секретаря ЦК собралось десятка полтора человек: работники аппарата ЦК, несколько секретарей

обкомов. Со стола для совещаний убрали графины и пепельницы.

— Выкладывайте добро! — указал на стол Михаил Алексеевич и усмехнулся:

— Это, видимо, первый случай, когда в здание ЦК вносятся подобные вещи. Я показал, как работают партизанские мины, даже действие зажигательных снарядов продемонстрировал, поместив" их из предосторожности в массивные каменные урны, принесенные из коридора.

— Впечатляет! — сказал Бурмистенко. — Давайте нам эту технику, товарищ полковник, а товарищу Пономаренко передайте мою настоятельную просьбу командировать вас сюда хотя бы на пять дней. Мы ведь тоже создали партизанскую школу, а опытом похвастаться не можем. На следующий день я вновь пришел, в ЦК, на этот раз со списком бывших партизанских командиров м специалистов минноподрывного дела, чьи имена и фамилии удалось вспомнить ночью.

— Людей начнем искать немедленно, — заверил Бурмистенко. — Вашу заявку на детали удовлетворили?

— Да, Михаил Алексеевич. Большое спасибо, выручили!

— Говорят, долг платежом красен. Не забудьте, мы вас ждем… Пономаренко остался доволен результатами поездки в Киев, просьбу Бурмистенко командировать меня в Киев принял, и через два дня я снова отправился в путь. На этот раз уселись в пикап и четыре инструктора, а среди них двадцатитрехлетний командир-пограничник Ф. П. Ильюшенко, избранный мною в помощники. Был Ильюшенко кареглаз, суховат телом, подтянут, быстр в движениях. Он обладал замечательной памятью и все новое запоминал прочно и надежно. В густой каштановой шевелюре молодого командира блестели серебряные нити — память о первых днях и ночах войны: он служил в пограничном литовском городке Мариамполе, хлебнул лиха полной мерой, видел и трусость и неразбериху, но видел и несгибаемое мужество солдат и командиров, и сам проявил большое мужество в горькие недели отхода на восток. Я уже убедился, что могу положиться на Ильюшенко полностью. Дату второго приезда в Киев помню точно — 1 августа: в этот день Центральный Комитет партии Украины проводил совещание командования двух киевских, донецкого и харьковского партизанских отрядов. Мы попали на совещание прямо с дороги. Тревожный был день! Артиллерийская канонада приблизилась, в разных концах города слышались разрывы авиабомб, в синей вышине надрывались моторы истребителей, слышался сухой отрывистый треск авиационных пулеметов и пушек. По просьбе украинских товарищей мы на скорую руку развернули в фойе, перед залом

совещаний, выставку диверсионных средств борьбы. Члены ЦК Компартии Украины, работники аппарата ЦК, партизанские командиры и комиссары А. Ф. Федоров, В. Т. Волков, И. Ф. Боровик и другие с любопытством осматривали «экспонаты», вертели их в руках. Тут, в фойе, познакомился я и с Леонидом Петровичем Дрожжиным, заместителем заведующего отделом кадров ЦК, живым, энергичным, приветливым человеком. Еще перед началом совещания я узнал от Захарова, что для партизанской школы подобрано место в Пущей Водице и что по вопросам партизанских кадров и снабжения партизан впредь следует обращаться именно к Дрожжину.

— Добудем все, что попросите! — пообещал Леонид Петрович при знакомстве.

— Боюсь, одну субстанцию даже вы не достанете! — пошутил я.

— Какую?

— Время, Леонид Петрович.

— Да. Чего нет, того нет. Но будем стараться! Доклад делал Бурмистенко. За Бурмистенко выступили другие товарищи. Это было первое на моей памяти совещание, где всесторонне обсуждались вопросы партизанской тактики, говорилось о боевом опыте гражданской войны, вспоминалась подготовка партизанских кадров в тридцатые годы. Обсуждались и операции, проведенные отрядами, начавшими действовать в тылу врага… Вечером я поехал со своими инструкторами в Пущую Водицу. Занятия в партизанской школе начали со следующего дня. В мастерских обучали изготавливать партизанскую технику, а в поле, на железных и автомобильных дорогах учили ставить мины. И так по двенадцать часов в сутки. Помогало, что я хорошо знал городок и окрестности: не пришлось ломать голову над тем, где лучше устраивать засады, какой маршрут избрать для ночного перехода. А ученики легко схватывали и усваивали материал: ведь среди них было немало молодых людей со средним и даже высшим образованием. К 6 августа партизанская школа в Пущей Водице работала полным ходом. Не все во время занятий шло гладко. Одно чепе произошло со Шлегером. Он исправно посещал наши занятия, присматривался, прислушивался, а в Пущей Водице, понимая, как мало у нас инструкторов, попросил доверить ему занятия с одной группой. Володя Шлегер обучал людей неплохо, но однажды перемудрил с ампулами и сжег серной кислотой сапоги. Хорошо, что ноги не повредил. К сожалению, ничего, кроме старых ботинок с обмотками, добыть для Шлегера не удалось. Между тем срок командировки истек. Пора было прощаться с Пущей Водицей и Киевом. Перед отъездом

меня принял Михаил Алексеевич Бурмистенко. Разговор состоялся серьезный, касавшийся в основном вопросов подпольной деятельности и работы партизан в городах. Заодно Михаил Алексеевич сообщил, что пока, к сожалению, никого из партизанских командиров по моему списку разыскать ме удалось. Поблагодарив за помощь в работе, Бурмистенко с — тревогой осведомился:

— Это правда, "что ваш шофер тоже подрывник — и уже успел подорвать собственные сапоги? Я смешался, начал было объяснять… Бурмистенко расхохотался:

— Ну ладно! Шучу же! Нагнулся, вытащил из под стола новые хромовые. сапоги:

— Поблагодарите вашего Володю и передайте ему подарок. А то еще рассказывать станет, что в Киеве его раздели!

— Как вы узнали об этой истории? — удивился я, — А уж это военная тайна! Позже я узнал, что ввел Бурмистенко в "курс дела" и предложил позаботиться о Шлегере Леонид Петрович Дрожжин. По дороге в Гомель, выполняя давнишнее обещание, мы завернули в Чернигрвский обком партии.

— Наконец-то! — воскликнул Федоров. — Люди и ждать устали! Вынул из ящика письменного стола — книжечку:

— Нравится?

— Виноват, что это?

— Не узнаете? Ваши конспекты, только в божеский вид приведенные! Мы их тут тиснули небольшим тиражом.

— На мою долю оставили?

— Оставили, не беспокойтесь! Черниговский обком, сказал Федоров, уже наладил подготовку партизан и подрывников.

— А у вас, поди, что-нибудь новенькое есть? Не скупитесь, поделитесь!

— попросил он. «Новеньким» были зажигательные снаряды замедленного действия, десяток таких снарядов я и — выложил на стол.

— Обождите, соберу товарищей! — попросил Федоров. Собралось человек шесть-семь, в их числе Попудренко. Демонстрируя зажигательные снаряды замедленного действия, я воспламенял их различными способами. Снаряды вспыхивали через неравные промежутки времени, горели бурно. Стал объяснять устройство снарядов. Алексей Федорович взял один из шариков "на память", а тот возьми да. и воспламенись!

— Ничего, — успокаивал меня и других товарищей Федоров. — Я же сам виноват. Зато все бачили, як эти треклятые зажигалки горят! Ну, диверсанты, ну, химики!.. Школа пожарников. Едва мы вернулись в ОУЦ, как туда прибыли

работники обкомов и райкомов Белоруссии, оставляемые для работы в тылу гитлеровских войск. Враг подходил к Гомелю, времени для обучения новичков едва хватало, чтобы показать партизанскую технику и ее действие, прочитать лекцию о принципах организации подполья. А в середине августа П. К. Пономаренко сообщил, что ЦК Компартии Белоруссии принял решение передислоцировать оперативно-учебный центр в Орловскую область. Пономаренко просил срочно выехать в Орел. Вручая письмо к первому секретарю Орловского обкома товарищу В. И. Бойцову, Пантелеймон Кондратьевич сказал, чтоб я договорился о размещении ОУЦ и помог наладить подготовку партизан на Орловщине. Разговор происходил под обвальный грохот близкой бомбежки и резкие, отрывистые выстрелы зенитных орудий. Буквально через два-три часа с небольшой группой пограничников из ОУЦ мы тронулись в новую дорогу. На следующий день "добрались до Брянска, заночевали в пустой из-за непрерывных бомбежек гостинице, а наутро заторопились дальше. В Орле я не был лет шесть. В глаза бросались трубы и цеха новых заводов, новые дома, улицы, но большинство. труб не дымили, а улицы и тут оказались малолюдны: эвакуировался и Орел. В обкоме партии идею создания партизанской школы поддержали. В. И. Бойцов немедленно договорился с командованием военного округа о продовольственном обеспечении будущих партизан, а чтобы школа не пострадала из-за отсутствия кадров, денег и вещевого снабжения, в штабе военного округа ее формировали как подразделение Оперативно-учебного центра Западного фронта. Место для школы нашли в десяти километрах от города, неподалеку от аэродрома, где посторонним лицам делать нечего. Сначала обком направил в школу двадцать шесть человек для обучения на инструкторов, а к 18 августа укомплектовал ее полностью. С целью конспирации школу стали именовать "школой пожарников". Начальником ее назначили спокойного, рассудительного партийного работника И. Н. Ларичева, его заместителем по оперативной части — коммуниста Д. П. Беляка, начальником штаба также коммуниста, человека сугубо штатского, но прямо-таки созданного для штабной работы — М. В. Евсеева. В создании школы и подготовке партизанских кадров обкому партий постоянно помогали оперативные работники Орловщины — Г. Брянцев, ставший в послевоенные годы популярным молодежным писателем, М. М. Мартынов, В. А. Черкасов и их товарищи. Немало сделал для школы и начальник областного управления НКВД К. Ф. Фирсанов. Среди присланных обкомом будущих инструкторов имелись партийные и советские работники, сотрудники НКВД, агрономы,

учителя, даже один заведующий-"" хлебопекарней! Очень дружно держалась "девичья команда" — шесть девушек-инструкторов, из среды которых вышли прославленная партизанка Ольга Кре-това, воевавшая на Южном фронте, и Мария Белова, обучившая в годы войны диверсионной технике и методам партизанской борьбы с противником сотни людей. В сентябре в "школу пожарников" прибыли группы из Курска и Тулы, направленные для учебы тамошними обкомами партии. Вновь очень хорошо показал себя в те дни мой помощник Ф. И. Ильюшенко. Ему довелось готовить прославившийся впоследствии отряд секретаря Брянского горкома партии Д. М. Кравцова. Сам Кравцов, тогда молодой, энергичный, инициативный, помог наладить в Брянске массовое производство инженерных мин и гранат. Кроме Кравцова готовились в "школе пожарников" будущие прославленные партизанские командиры М. П. Ромашин, А. Д. Бондаренко и Герой Советского Союза генерал М. И. Дука. Сам я пробыл под Орлом всего несколько дней: из Москвы пришел приказ срочно возвратиться в Главное военно-инженерное управление.

Глава 6. «Операция Альберих. Помните?»

Полковник Нагорный вскинул руки:

— Глядите-ка, Денис Давыдов пожаловал! Ну что, наладил партизанские дела?

— Разве я один их налаживаю?

— Прекрасно! Теперь эти дела вообще пойдут без тебя. Ты нужен в отделе. Лето кончилось, а загар даже не коснулся лица Нагорного.

— Что, не похож на жениха? — усмехнулся Михаил Александрович. — Знаю. Тяжелое время, Илья Григорьевич… Ты будешь заниматься заграждениями под Москвой.

— Под Москвой?

— Да. Нельзя допустить никаких случайностей… Кстати, идем, представлю тебя новому начальнику управления: вступил в должность генерал Котляр. Генерал-майор Леонтий Захарович Котляр повторил то, о чем уже сообщил Нагорный. Несколько дней я принимал участие в формировании новых частей, выезжал на оборонительные рубежи вокруг столицы, даже облетал их, выясняя, где и как усилить заграждения, пока не получил новый приказ: выехать на Западный фронт, проконтролировать возведение оборонительных рубежей в районе Вязьмы. Пробыл под Вязьмой три дня. На четвертый вызвали в штаб фронта:

— Немедленно в Москву! Даже с товарищами-минерами попрощаться не успел. И вот опять Москва, знакомые желтые стены второго дома Наркомата обороны. Смахнув пыль с сапог, одернув измятую гимнастерку, поднимаюсь прохладными лестничными маршами в привычно темноватый коридор. До чего же прочно и неизменно все в этом здании! Генерал-майор Котляр ждет:

— Рад, что поспешили! Вызов связан с изменением обстановки и некоторыми новыми планами… Положение на Юго-Западном фронте вам известно? Из сводок Совинформбюро я знал, что на Юго-Западном фронте противник рвется к Киеву, наши войска ведут трудные, кровопролитные бои, отстаивая святыни Русской земли, мать городов русских. Котляр с силой провел ладонью по седеющему ежику волос; — Киев оставлен 19 сентября. Враг угрожает харьковскому промышленному району и Донбассу. Киев оставлен?! Голос Котляра звучал, как из-за каменной стены, услышанное не укладывалось в сознании: в тяжелом положении четыре армии; выходят из окружения, сражаясь отдельными отрядами; закрепиться на новых рубежах

войска не успели; тяжелые бои на трехсоткилометровом участке фронта… Меня вернули к действительности жестко произнесенные начальником управления слова о том, что Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение содействовать войскам Юго-Западного фронта в обороне харьковского района массовыми минно-взрывными заграждениями и, что — в случае продвижения противника — придется заминировать и разрушить в Харькове все объекты, имеющие военное значение. "Все объекты" — означало; важнейшие заводы и фабрики, мосты, "паровозное депо, аэродромы…

— В Харьков направляется специальная оперативно-инженерная группа, — сказал Котляр. — Ее начальником назначены вы. Берите бумагу и составляйте заявку на необходимую технику. Учтите, в вашем распоряжении всего одни сутки. Замахивайтесь только на то, что успеете получить. Тяжело опустился в кресло, положил руку на телефонную трубку:

— Сейчас доложу о вашем прибытии, договорюсь, когда примут в Ставке. Маршал Шапошников В Ставке Верховного Главнокомандования нас принимал глубокой ночью начальник Генерального штаба Красной Армии Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. Маршала я не встречал с 1936 года, со дня отъезда в Испанию. Тогда он был улыбчив и жизнерадостен, а теперь выглядел мрачным. Понять состояние Шапошникова было не трудно. Враг смыкал кольцо блокады вокруг Ленинграда, рвался к Одессе и Москве, только что захватил Киев, фашистские полчища наводнили Белоруссию, положение выглядело не просто трудным, а угрожающим. Обрисовав обстановку, сложившуюся на Юго-Западном фронте, маршал поглядел мне в глаза:

— Операцию «Альберих» помните? Конечно, я хорошо помнил эту операцию: в марте 1917 года, совершая вынужденный отход из Франции за так называемую "линию Зигфрида", кайзеровские войска в течение пяти недель проводили массовые разрушения и массовые минирования на площади около четырех тысяч квадратных километров. Военные историки считали операцию «Альберих» самой значительной по массовому разрушению и минированию.

— Так вот, — не отводя взгляда, продолжал Шапошников, — разрушать и минировать в районе Харькова придется на гораздо большей площади, а пяти недель для работы гарантировать не могу. Действовать придется быстро, товарищ полковник. И повернулся к генералу Котляру:

— Заявку подготовили?

— Так точно, товарищ маршал! — ответил Леонтий Захарович. Я подал Шапошникову исписанные листы. Взяв

карандаш, маршал углубился в чтение. Покачал голо-вой:

— С запасом, голубчик, делали! Вы же знаете, со средствами и силами плоховато! Карандаш зачиркал по заявке.

— Утвердим вот в таком сокращенном виде, — твердо сказал маршал и поставил свою подпись. Рассмотреть поправки Шапошникова не удалось: он поднялся, показывая, что аудиенция окончена.

— Собирайте людей, получайте необходимое и немедленно в Харьков! — напутствовал маршал. — Помните: ни одного несчастного случая. Для наших войск мины должны быть безопасны. Я осмелился заметить:

— При таких масштабах и таких темпах… Дорога на Харьков День 28 сентября 1941 года запомнился крепко. Метаться пришлось по всему городу, зато за одни сутки я и дела в Главном военно-инженерном управлении переделал, и людей для новой оперативной группы отобрал, и минновзрывную технику получил, и транспортом группу обеспечил. Со мной выезжали в Харьков пятнадцать командиров инженерных войск, несколько инструкторов из ОУЦ и спецподразделение военинженера 2-го ранга Владимира Петровича Ястребова, имеющее на вооружении радиомины. Правда, радиомин выдали только тридцать штук, взрывателей и замыкателей замедленного действия менее трех тысяч, замыкателей, реагирующих на сотрясение, лишь пятьсот штук, но начинать с этим можно было. Сожалел я только о том, что не успел надлежащим образом поговорить с отобранными в группу молодыми командирами, не предупредил их об особой секретности задания. Но для этого потребовалась бы поездка в военно-инженерное училище, а времени не оставалось… Утро двадцать девятого сентября сорок первого года начиналось в Москве уныло, нехотя. Ночью сыпал нудный, сиротский дождичек, рассвет никак не мог пробиться сквозь низкие, разбухшие облака, разогнать влажный сумрак. Зашторенные окна не пропускали свет, казались слепыми. Глухо стучали сапоги патрулей, в подъездах сутулились фигуры жильцов — дежурных по ПВО, с бульваров и набережных тянулись к угрюмому небу тросы аэростатов заграждения, по Садовому кольцу с лязгом двигалась танковая рота. Автоколонна выбралась на Харьковское шоссе, а во второй половине дня благополучно прибыла в Орел. Тут пришлось задержаться, заправляя машины, и на полпути к Курску нас застала ночь. Непроглядная, тоже дождливая. Включать фары нельзя, ехать с затемненными — опасно. Стали искать место для ночлега. Выбрали укромную лощинку, решили устраиваться, но поблизости не оказалось воды, и пришлось двинуться дальше. Так и ползли на малой скорости до самого

Курска. Но какое же счастье, что возле лощинки не нашлось воды: той же самой ночью фашистские войска перерезали шоссе в том районе, где мы чуть не заночевали! В Курске автоколонна не задержалась: враг яростно бомбил, его артиллерия била совсем близко, подвергать риску людей и технику мы не имели права. И вот первое октября, около полудня, в степной дали появились тучи дыма над темным силуэтом города. Харьков. Наконец! Генерал Невский Начальника инженерного управления фронта, генерал-майора Георгия Георгиевича Невского, автора объемистых трудов по фортификации, пользовавшегося среди военных инженеров широкой известностью, я знал до сих пор понаслышке. Невский выслушал доклад стоя и лишь затем, усадив меня, опустился в кресло сам:

— Признаться, мы волновались: на орловском направлении обстановка весьма тяжелая… Вас, конечно, интересует, какие силы и средства может выделить оперативной группе фронт? Думаю, не очень-то вас обрадую. Можем выделить только пять батальонов для устройства минновзрывных заграждений и одну роту для устройства электрозаграждений.

— Но, товарищ генерал…, Невский поднял ладонь:

— При условии, что ваша группа будет не только производить заграждения на дорогах, аэродромах и других военных объектах, но и минировать оборонительные рубежи. Я смотрел на ладонь генерала и лихорадочно прикидывал, как убедительнее возразить. А Невский продолжал:

— Буду просить маршала Тимошенко сосредоточить в ваших руках руководство всеми минновзрывными работами. Тут я буквально возопил:

— Товарищ генерал! У нас же только подразделение военинженера Ястребова имеет опыт устройства взрывных заграждений, и то сугубо специальный — по минированию крупных объектов! Только одно подразделение! Да и оно еще не прибыло, и неизвестно, когда прибудет! Невский лукаво улыбнулся:

— Но, но, но! Ведь я же сказал, кажется, с самого начала: счастлив ваш бог!.. Успокойтесь. Подразделение Ястребова прибыло. Его лейтенанты размещены в школе полковника Кочегарова (*Полковник Максим Константинович Кочегаров — участник войяы в Испаниц, один из известных воспитателей партизан*). Я обрадовался; — Проскочили! И Ястребов здесь?!

— Самого Ястребова нет, но его лейтенанты приехали… Значит, договорились, полковник. Я прошу маршала Тимошенко сосредоточить руководство взрывными работами в ваших руках. Из моей реплики по поводу прибытия минеров вовсе не

следовало, что мы о чем-то договорились, но Георгий Георгиевич умел, когда ему хотелось, слушать только самого себя.

— Договорились, договорились! — повторил он. — Параллелизм в подобной работе недопустим: на минах станут подрываться собственные войска.

— Он поднялся. — Отдыхайте, в Военный совет фронта поедем вечером. Маршал Тимошенко Маршал Тимошенко на этот раз выглядел именно таким, каким был в довоенные годы. Не успел я представиться, как услышал прежний, с уверенными интонациями, голос:

— Вы чему своих офицеров учите?! Минуты три пришлось стоять навытяжку, слушать гром, прежде чем выяснилось, что подвели молодые командиры: в управлении военного коменданта города они доложили, что прибыли в распоряжение полковника Старинова, который будет минировать объекты, имеющие военное значение. Разумеется, про болтовню юнцов доложили командующему фронтом, вот он и отчитывал меня! Я не оправдывался: маршал был прав. Подавленный, промолчал я и тогда, когда Невский предлагал сосредоточить руководство всеми минновзрывными работами в моих руках. Я даже не рискнул просить об увеличении числа инженерных частей, выделяемых фронтом для будущей операции: по настроению Тимошенко чувствовалось, что сейчас мне лучше ни о чем не заикаться. Вышли из кабинета командующего фронтом.

— Ну, вот и решили все вопросы, — сказал Невский.

— Это называется "решили"? — вырвалось у меня. Невский взглянул с удивлением.

— Э! Полноте, Илья Григорьевич! Маршал только пожурил вас, если хотите знать. Не волнуйтесь, спокойно приступайте к выполнению приказа. Хомнюк пропал с радиоминами! Работая с генералом Невским над планом заграждений в районе Харькова и над заявкой на материальные средства, я не мог отделаться от ощущения, что некоторые пункты плана "повисают в воздухе". По моим расчетам военинженер 2-го ранга В. П. Ястребов и автоколонна с радиоминами и специалистами радиоминного дела должна была прибыть в Харьков еще первого октября. Но прошло второе, а они не появились. К полудню 3 октября план заграждений и заявка на технику были вчерне составлены. Ястребов и его люди отсутствовали. В третьем часу дня план и заявку окончательно уточнили. Ни Ястребова, ни его автоколонны. Владимир Петрович появился лишь около восемнадцати часов. Усталый, без привычной доброжелательной улыбки на лице.

— Что случилось, Владимир Петрович?

— Чуть не попали в лапы к фашистам. Еле вывел колонну из-под удара… Ястребов выехал из Москвы, как условились, 30 сентября. До Орла все шло спокойно. Однако въехать в город оказалось нелегко: навстречу ломился поток отходящих войск и населения, противник непрерывно бомбил. Автоколонна Ястребова все же пробилась в город, но из-за угрозы окружения пришлось тут же возвращаться в Мценск. Оттуда Владимир Петрович повел машины на Харьков кружным путем: через Елец, Воронеж и Купянск. По дорогам, забитым войсками, беженцами, гуртами скота, кое-как протолкались в Воронеж. Тут шоссе стало свободнее. Понимая, как волнуемся мы в Харькове, как ждем вестей, Ястребов поручил колонну лейтенанту Хомнюку и сержанту Сергееву, а сам помчался вперед.

— Через сутки колонна прибудет! — заверил Ястребов. — Я лично буду следить за ее движением через контрольно-пропускные пункты.

— Лейтенант Хомнюк, он что — кадровый или из молодых? — осторожно, со слабой надеждой на удачный; исход поинтересовался я.; — Молодой! — бодро ответил Ястребов.

— Немедленно звоните в Купянск, товарищ воен. инженер второго ранга! Владимир Петрович позвонил. Ему ответили, что колонна, о которой идет речь, в город не прибывала. Ястребов побледнел. В ночь на 4 октября план минирования Харькова и заявка на технику были согласованы. Применение радиомин план предусматривал.

— Слышно что-нибудь о Хомнюке? — спросил я, прежде чем идти с планом к генералу Невскому.

— Нет… — ответил осунувшийся Ястребов. Говорить было не о чем. Генерал-майор Невский план завизировал. Предстояло показать его командующему фронтом. Я попросил Невского пойти вместе со мной. План, представленный маршалу Тимошенко, мог показаться дерзким. Предусмотренный объем минирования в пять раз превосходил объем минновзрывных работ пресловутой операции «Альберих». Выполнить же работу мы предполагали в два раза быстрее. Иными словами, каждые сутки саперам следовало делать вдесятеро больше, чем делали немецкие саперы во Франции. Тимошенко изучал план внимательно и долго. Наконец, поднял глаза от бумаг:

— Не слишком сильно размахнулись? Сами на воздух не взлетим?

— Меры предосторожности предусмотрены, товарищ маршал!

— А успеете все это выполнить?

— Рассчитываем на сознательность и патриотизм людей.

— Хорошо, действуйте. Но согласуйте план с членом

Военного совета. Член Военного совета фронта Н. С. Хрущев, рассмотрел план, кое в чем его дополнил. В частности, увеличил цифру, обозначающую количество корпусов для ложных мин. Помнится, меня поразило его самообладание. В отличие от иных высокопоставленных работников, Хрущев в это тяжелое время не выглядел мрачным и нервным, наоборот, держался бодро, действовал быстро и энергично. Вернувшись из штаба фронта, я первым делом спросил у Ястребова, где лейтенант Хомнюк. О лейтенанте не было ни слуху ни духу. Следы колонны с радиоминами и взрывчаткой мы потеряли.

Глава 7. Ждать. Найти выход. Успеть.

Штаб инженерно-оперативной группы разместился в здании химико-технологического института, неподалеку от штаба фронта. Заперев план и заявку в сейф, я отправился в Харьковский обком партии, чтобы, не откладывая дела в долгий ящик, решить вопросы производства техники и установки мин на предприятиях города. Именно так советовали поступить в Военном совете фронта. Стояла глубокая ночь. По ул14цам города ползли машины с. затемненными фарами, гремели колеса пароконных повозок, двигались войсковые части, и 1 слышно было, как вдали, на железнодорожных путях, перекликаются рожки сцепщиков и паровозы: на фронт, в оборонявшую город 38-ю армию генерал-майора В. В. Цыганова подвозили пополнение и боеприпасы, в тыл отправляли оборудование заводов и институтов, эвакуировали семьи рабочих, инженеров и служащих. Глыба Дома проектов и Госпрома в непроглядной тьме едва угадывалась. Широкие двери нужного мне подъезда то отворялись, обнажая прямоугольник синеватого призрачного света, то захлопывались, сливаясь с окружающим мраком. В приемной секретаря Харьковского обкома и горкома партии А. А. Епишева, несмотря на поздний час, немало народу. Кто в плащах, кто в пальто со следами мазута и глины, кто в ватнике, кто на армейский лад, в шинелях. Пригласив в кабинет четырех человек сразу, помощник Епишева предупреждает:

— Не отлучайтесь, вас примут сразу за этими товарищами. Долго ждать не пришлось. Кратко изложив секретарю обкома суть утвержденного Военным советом фронта плана заграждений, я подал заявки на буры для проделывания минных скважин, на корпуса мин замедленного действиям на мины-сюрпризы.

— Чуть пораньше бы с такой заявкой!.. Но ничего. Заказ выполнят, — сказал Епишев. — А если что — горком поможет. Держите с ним связь. Беда одна не ходит. Мало было исчезновения колонны с радиоминами — преподнесли сюрприз электрохимические взрыватели. На следующий день после приезда в Харьков воентехник Н. К. Леонов доложил, что обнаружил в каждой коробке со взрывателями сработавшие: не выдержали перевозки. Электрохимические взрыватели — не часовые механизмы, проверять их надежность во фронтовых условиях, в спешке, дело почти безнадежное. Но много выхода, увы, не существовало. И я приказал поставить сто штук взрывателей на испытания с разными сроками замедления.

Подведут или не подведут?. Ведь даже, если мы переделаем электрохимические взрыватели в замыкатели, они не должны "выкидывать фокусы". Но ответ на вопрос, подведут ли взрыватели, могло дать только время… Второй заботой стали люди. Где их взять? Выделенных фронтом саперных батальонов не хватит. Поехал в Военный совет. Там рекомендовали объединить с работавшими в Харькове железнодорожными бригадами. Отличная мысль! У железнодорожников есть люди, а у нас — опытные инструкторы и техника, работу же в ряде случаев придется делать общую. Из командиров железнодорожных бригад я знал только П. А. Кабанова, но и командиры двух других бригад — Б. П. Павлов и С. А. Степанов — сразу откликнулись на предложение объединить усилия, откомандировали на организованные нашей группой курсы несколько человек, а позже, с их помощью, энергично взялись за установку самых совершенных по тому времени мин замедленного действия. Одновременно подразделения оперативно-инженерной группы приступили к минированию дорог и других объектов военного значения минами замедленного действия в непосредственной близости от переднего края: этого требовала ухудшающаяся обстановка. Теперь следовало обрести уверенность в том, что минеры не будут испытывать недостатка в "минах. Утром 5 октября мы с В. П. Ястребовым, воентехником Н. К. Леоновым, лейтенантом М. П. Болтовым и сержантом В. И. Лядовым, любовно прозванном бойцами «Васильком» (сержанта звали Василием, а глаза у него были и впрямь васильковыми), отправились на предприятия города. Признаюсь, на многое не рассчитывали. Харьковчане изготовляли тогда в условиях эвакуации и винтовки, и пулеметы, и реактивные снаряды для «катюш», и авиабомбы, ремонтировали самолеты и танки, сооружали бронепоезда. Работать им приходилось при жестоких бомбардировках. Да и освоить некоторые наши мины, наладить серийное производство герметических корпусов для них, выпуск буров, замыкателей неизвлекаемости, кое-каких деталей к электрохимическим взрывателям было сложно. Как же мы были удивлены, узнав, что конструкторы Харьковского электрохимического и паровозостроительного заводов, — завода "Свет шахтера" и завода маркшейдерских инструментов уже заканчивают разработку проектов буров и мин, а рабочие приступили к выпуску корпусов мин! Помню посещение Харьковского электромеханического. Полным ходом шла эвакуация оборудования. Цеха пустели, там, где недавно стояли станки, — только бетонные фундаменты. А сами станки демонтированы, их передвигают с помощью лаг и

катков к ниточке железнодорожных путей. Работал один-единственный штамповочный станок. Двое немолодых рабочих умело, споро вставляли под пресс заготовки, аккуратно укладывали готовые корпуса мин на стоящие рядом тележки. Ястребов, постукивая пальцами по одному из корпусов, пожалел, что таких не делали до войны. К рабочим подошла смена. Молодой паренек, перехватывая заготовку, сказал:

— Вам сегодня хватит, дядя Микола. Теперь мы с Петром поднажмем. Пожилые рабочие отошли в сторону.

— Ну, Василь, — сказал "дядя Микола" напарнику, — давай подзаправимся да трошки отдохнем.

— Николай… Простите, как вас по отчеству? — осведомился я.

— Отца Егором звали.

— Николай Егорович, сейчас мы с товарищами должны посетить цех, где монтируют мины, но освободимся через каких-нибудь полчаса, можем доставить вас домой на машине. Старый рабочий тщательно вытирал руки ветошью:

— Спасибо… Только не ждут нас дома, товарищи военные. Сыны на фронте, жинки в ночной смене… Да и нам сподручнее тут ночевать. Мало ли что! Гад вон все время бомбит! В цехе, где монтировались мины, в ночной смене работало двенадцать человек. Дневная смена спала тут же, кто где. Подошел, прихрамывая, мастер. Оказалось, в ноге сидит осколок с Карельского перешейка. Вспомнили места, где воевали оба.

— Вы не тревожьтесь, — успокоил мастер. — Продукцию выдадим с опережением графика. А как же? Нам объяснили что к чему. Взвыла сирена воздушной тревоги. Всполошенно захлопали зенитки. В цехе никто даже головы не поднял, не прерывал работы. Хомнюк нашелся! Посещение заводов обнадежило: казалось, получим все необходимое в нужные сроки. Но по-прежнему не существовало ясности с электрохимическими взрывателями, и по-прежнему ничего не было слышно о пропавшей колонне с радиоминами. Генерал Невский непрерывно запрашивал военные комендатуры, не появлялась ли колонна, но на все телеграммы приходил один и тот же ответ: "Сведений об интересующей вас колонне не поступало". Взгляд генерала сделался отчужденным… Вспоминалось почему-то, что я так и не отправил из Москвы посылку жене и детям, что четвертый день не пишу им ни строчки. Но писать рука не подымалась. Хорошо еще, дел было по горло. Приехав поздним вечером из штаба 38-й армии, я собирался поужинать, когда дежурный по группе доложил, что меня спрашивает какой-то лейтенант. Хомяк или Хомнюк… Я отбросил стул, сбежал по каменной лестнице в

гулкий вестибюль химико-технологического института, где в заляпанной грязью шинели стоял по-мальчишески худощавый лейтенант с кирзовой полевой сумкой на боку; Рядом в такой же шинели — сержант. Лейтенант вытянулся, вскинул руку к пилот — Товарищ полковник, разрешите доложить: спецтехника в порядке, команды потерь не имеют, готовы к выполнению боевого задания! Оба они, и лейтенант Хомнюк, и сержант Сергеев, — его помощник, едва держались на ногах от усталости.

— Спасибо, товарищи! — не по-уставному сказал я.

— Молодцы! Но как вы добрались? Где были? Они добрались потому, что понимали: медлить с. доставкой спецтехники нельзя. Не стали ждать у моря погоды, а всеми правдами и неправдами дотащили машины по непролазной грязи до Купянска и навалились на военного коменданта. Тот погрузил напористых саперов в вагоны и прицепил к первому же эшелону, идущему в Харьков. Отбыли вовремя: снова гремели зенитки, отражая очередной воздушный налет. Лейтенант Хомнюк не успел закончить рассказ, как в вестибюль вбежал Владимир Петрович Ястребов. Я — не в силах описать гамму чувств, отразившихся на его измученном ожиданием лице. Минируем Харьков Казалось, теперь, когда вся оперативная группа — в сборе, можно вздохнуть посвободнее, почувствовать себя уверенней. Не тут-то было! Сначала выяснилось, что, несмотря на все усилия харьковчан, мы не сможем получить необходимое количество мин замедленного действия и что вместо трехсот тонн взрывчатых веществ получим не более ста. Затем воентехник Леонов доложил, что один из поставленных на испытание электрохимических взрывателей-замедлителей сработал раньше срока. Пришлось срочно заняться конструированием и изготовлением надежных предохранителей с большими сроками замедления: иначе ставить мощные мины на важных объектах в собственном тылу невозможно! На заседании Военного совета нас упрекнули в нерасторопности и неподготовленности. Н. С. Хрущев сказал, что войска должны всегда иметь готовые взрывные средства заграждения. Я ответил, что много лет пытаюсь добиться этого, но безуспешно.

— Значит, нужно было обратиться пряма и товарищу Сталину!

— Я пытался, но письмо до товарища Сталина не дошло, вернулось обратно в ГВИУ для принятия мер, — Приготовьте доклад о положении дел е минно-взрывными заграждениями, сошлитесь на опыт минирования в Харькове, мы отправим доклад в ГКО! Требуемый доклад мы с генералом Невским подготовили и представили в Военный совет фронта быстро. Да и время не позволяло медлить: из вечерней сводки Совинформбюро за 7

октября мы узнали, что на фронтах появились брянское и вяземское направления. В те дни были обнаружены и признаки наблюдения за работой минеров со стороны вражеской агентуры. Немедленно были приняты меры к дезориентации соглядатаев врага. Прежде всего усилили минирование «макетами»: ложные мины надежно маскируют боевые, сбивают противника с толку, вынуждают при разминировании распылять силы, притупляют бдительность чужих саперов и способствуют нанесению им урона. Но наибольшую осторожность, наибольшую бдительность проявляли мы в те дни при установке в городе и ближайших его окрестностях мин, управляемых по радио. Радиомина в особняке Хрущева Уже 3 октября я получил новый приказ: поставить радиомину в доме № 17 по улице Дзержинского. Этот дом — особняк, выстроенный в начале тридцатых годов для секретаря ЦК КП(б)У Станислава Викентьевича Коссиора, был впоследствии передан детскому саду, и теперь, после эвакуации детского сада, его занимали некоторые руководители партии и правительства УССР. Поскольку в доме жили и работали, я ограничился осмотром особняка с улицы и прикинул, сколько взрывчатки потребуется для полного его разрушения. После седьмого числа мы поставили радиомины в здании штаба военного округа, на Холодногорском и Усовском путепроводах, кое-где еще. В дневное время саперы делали вид, что оборудуют дзоты и убежища, а по ночам в мешках, бутылях, патронных ящиках завозили на объекты взрывчатку, укладывали глубоко в землю и устанавливали сложные радиоаппараты, снабжая их взрывателями и замыкателями, обеспечивающими немедленный взрыв зарядов при обнаружении мины противником. Если не ошибаюсь, 10 октября генерал Невский напомнил о приказе заминировать дом N17 по улице Дзержинского, а 12 октября приказали поставить в особняке радиомину, и приказ категорический, поступил уже от самого Н. С. Хрущева, проживавшего в этом особняке. Я пытался предостеречь от поспешного минирования: радиомины — новинка, город бомбят, от близкого взрыва, даже от сильного сотрясения может случиться непоправимое…

— Вы в свою технику верите? — перебил Хрущев.

— Верю.

— Выполняйте приказ!

… Доступ в дом N17 для проведения необходимых работ получили шесть человек: военинженер 2-го ранга Ястребов, воентехник 2-го ранга Леонов, сержанты Лядов, Лебедев, Сергеев и я. Дом находился в центре города, стоял в глубине сада, среди могучих дубов и лип. Деревья с пышной листвой могли надежно укрыть саперов от постороннего взгляда, даже если бы

наблюдатель устроился где-то выше каменного забора и высоких чугунных ворот. Вечером 12 октября мы вошли в эти ворота. Дом стоял на высоком кирпичном фундаменте, вдоль бельэтажа тянулся балкон. В нижней части здания — подсобные помещения и маленькая котельная. Очистив от угля часть котельной возле внутренней капитальной стены дома, минеры вскрыли пол, принялись рыть глубокий, глубиной более двух метров, колодец. Извлеченную землю аккуратно ссыпали в мешки. В первый мешок — первый слой грунта, во второй — второй, в третий — третий. На каждом мешке стоял порядковый номер, чтобы не ошибиться при засыпке колодца, " сохранить прежнее чередование слоев земли. Это делается на тот случай, если фашистские саперы попытаются искать мину. Вырыв колодец, минеры поочередно спускались в него, выдалбливая под фундаментом внутренней капитальной стены нишу для радиоаппаратуры и большого заряда взрывчатого вещества. Это тяжелая, трудоемкая работа. Только к полудню 14 октября в колодец стали опускать ящики с толом. Заряд ставили мощный: предстояло уничтожить всех оккупантов, какие поселятся в особняке, да заодно прихватить и внешнюю фашистскую охрану здания. А чтобы отбить у вражеских саперов охоту к поискам мин и их разминированию, радиомину сделали неизвлекаемой. После этого тщательно замаскировали место ее установки и уничтожили следы работы. Оставалось «успокоить» противника, подкинуть ему "грозную советскую мину": мы прекрасно понимали, что, не обнаружив в таком прекрасном особняке никакой мины, враг насторожится и скорее всего не станет заселять дом. Мы установили в котельной «мину-блесну». В углу, под кучей угля, пожертвовав драгоценной взрывчаткой, смонтировали сложную мину замедленного действия, снабдив ее различными дополнительными устройствами для взрывания. На самом деле все эти устройства, вполне исправные, хитроумные и на вид крайне опасные, полностью исключали возможность взрыва «блесны» из-за того, что сухие батареи были уже негодными. Покончив с этим делом, минеры привели в первоначальное состояние пол котельной, а потолок подолбили, помазали свежим цементом и побелили. Войдя в котельную, чтобы проверить, в каком состоянии мы оставляем помещение, сотрудники охраны особняка, конечно же, устремили взоры на потолок: ни стены, ни пол, таивший 350-килограммовый заряд тола, ни куча угля, где пряталась "блесна", — ничто подозрений не внушило. В тот день наши войска оставили Вязьму, а вечерняя сводка Совинформбюро сообщила об угрозе Донбассу, о появлении Калининского и Тихвинского направлений.

Глава 8. Саперы отходят последними

Артиллерийская канонада приблизилась к Харькову вплотную. По ночам небо над западной окраиной багровело от стрельбы и пожаров: противник атаковал ожесточенно. Всего три недели назад казалось, что минировать этот дивный город немыслимо, недопустимо, а теперь, хотя Харьков был уже насыщен минами, хотелось ставить их больше и больше. Даже опасения, что каждая мина может стать роковой для своих, заглохли и отступили: ненависть к врагу, ожесточение овладевали душой. В последние дни перед отходом из города саперы оперативно-инженерной группы работали не покладая рук, чтобы противник не смог использовать здешние предприятия для изготовления военной продукции, а харьковские аэродромы — как базу для своих самолетов. Под полами цехов фабрик и заводов зарыли несколько десятков мощных мин замедленного действия, а небольшие мины ставили всюду и в самых необычных местах: в вытяжных трубах, даже в люстрах кабинетов. Полностью разрушить четыре харьковских аэродрома мы не могли: не хватало взрывчатки. Приняли решение: разрушить часть ангаров, а взрывчатые вещества израсходовать в основном на мины замедленного действия. Кто делал все это? Кроме уже названных командиров, сержантов и рядовых солдат, я просто обязан упомянуть заботливого старшину М. Г, Голицына, сержантов И. Е. Гольца, Н. Н. Сергеева, И. М. Кузнецова (того самого, что спас в Будапеште Василия Лядова), неунывающего бойца В. А. Алимова, "целителя мин" М. С. Меламеда, бойкого и расторопного М. П. Данилова, старательного С. Н. Свистунова. Я должен сказать самые добрые слова о командирах, старшинах, сержантах, рядовых солдатах приданных нашей группе саперных и инженерного батальонов, о личном составе работавших совместно с нашей группой железнодорожных бригад. Но особо должен сказать еще об одной группе харьковских минеров, людей особой судьбы… В июле 1940 года я получил письмо из Харькова от испанцев, вместе с которыми воевал против банд Франко и германо-итальянских интервентов. Отвечая, сообщил, что скоро поеду в отпуск, возьму билет через Харьков, хочу повидаться. Прохладным осенним днем на перроне харьковского вокзала к нам с Анной бросились Доминго Унгрия с сыном.

— Луиза! Родольф! Олла! Омбре! Мы шумели, как после выхода из тыла в Вильянуэва де Кордова, мы обнимались и хлопали друг друга по плечам, а пассажиры удивленно созерцали

эту сцену.

— Ты только на пятнадцать минут? — вдруг очень тихо спросил Доминго, и вокруг тоже мгновенно стало тихо. Я увидел тоскующие и жадные глаза друзей, посмотрел на жену, прочел в ее взгляде то, что хотел прочесть, бросился в купе и успел вытащить чемоданы до отхода поезда. Тогда мы провели в Харькове целые сутки… Теперь, год спустя, прибыв в Харьков, я сразу разыскал Доминго. Времени для долгих бесед не нашлось. Пока пили черный, по-испански крепко заваренный кофе, я узнал, что в Харькове осталось двадцать два человека из прежних наших партизан, работают на тракторном заводе, мечтают попасть в Красную Армию.

— Помоги нам, Родольфо, — просил Доминго. — Мы не состоим на учете в военкоматах, и с нами никто не хочет разговаривать. Но ты знаешь, что мы умеем драться с фашистами! Я знал это очень хорошо и в тот же вечер рассказал о встрече с испанцами генералу Невскому, поведал ему о прошлом воинов Испанской республиканской армии. О самом Доминго — бывшем кавалеристе, командире XIV партизанского корпуса, смуглом, черноволосом, смахивающем на узбека, крайне подвижном, экспансивном, а в минуты опасности — абсолютно спокойном и хладнокровном. О тридцатидвухлетнем красавце Хуане, владевшем до фашистского мятежа крохотным гаражом, отдавшем республике все три свои машины, лихо водившем наши грузовики в тыл фашистских войск под Теруэлем и взрывавшем вражеские поезда под Кордовой. О бывших мадридских летчиках Бенито Устарросе и Мануеле Эррера, дравшихся в небе над испанской столицей с двумя-тремя фашистскими истребителями при каждом вылете. О не уступающих им в мужестве барселонских летчиках Кано и Эсмеральдо. О двадцатидвухлетнем командире диверсионной группы Ипполито Ногеса, мастере захвата одиночных автомашин врага и дерзких рейдов на захваченных машинах по вражеской территории. О красавце Чико Марьяно, о сдержанном барселонце Франсиско Гаспаре, о командире республиканской дивизии Мануеле Бельда, о смельчаке Франсиско Гульоне, о Рафаеле, Хосе, Луисе, Анхеле Альберке — обо всех своих друзьях по славным и горьким дням боев в Испании, о людях, с которыми бок о бок лежал в засадах или ставил мины под фашистские поезда. Невский восхищался: "Что за люди!" Военный совет Южного фронта позволил зачислить в наши батальоны бывших воинов Испанской республиканской армии. Собранные в аудитории химико-технологического института бойцы Доминго, услышав об этом, обнимались, кое-кто вытирал слезы, а Доминго, не зная, как выразить чувства, хлопал

и хлопал меня по плечу. Вместе с советскими воинами-саперами испанские товарищи занимались минированием самых ответственных и сложных объектов до последнего дня обороны Харькова. И я снова низко кланяюсь им сейчас, многие годы спустя — и тем, кто жив, и тем, кто погиб, защищая свободу и справедливость. В двадцатых числах октября бои шли уже в предместьях города. Уютные особняки на улице Иванова, на Бассейной, на других улицах, в других переулках опустели. Как же сделать, чтобы фашистское начальство избрало своим местопребыванием не эти особняки, а заминированный особняк на улице Дзержинского? Военный совет одобрил решение имитировать минирование лучших домов. Начиная с 19 октября примелькавшийся населению пикап с минерами днем в открытую подъезжал к особнякам. Минеры осторожно выносили ящики со «взрывчаткой», подолгу возились внутри зданий, выходили, ехали дальше. В течение трех суток Ястребов, Леонов, Лядов и другие подрывники объехали более десяти домов. Под утро 24 октября секретарь горкома партии В. М. Чураев вместе со мной и Ястребовым в последний раз подъехал к дому № 17 по улице Дзержинского. Ворота закрыты, за оградой никого. Шлегер перемахнул через забор, отворил ворота. Вошли в дом, обошли комнаты, побывали в котельной. Отлично! Впечатление такое, будто обитатели дома только что в спешке покинули его. С улицы Дзержинского поехали на площадь имени Руднева. Остановились на подготовленном к разрушению мосту, Чураев вышел из машины, постоял у чугунной ограды, погладил холодные перила… Гитлеровцы ворвались в город. У них на глазах минеры, в их числе — испанские добровольцы, минировали шоссе на Белгород. На основной магистрали Харьков — Чугуев специальные группы минеров ожидали, когда пройдут последние войска, чтобы к многочисленным макетам прибавить настоящие мины. Самое трудное — ждать… Эвакуацию Харькова и отход основных сил прикрывали войска под командованием заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко. Представителем инженерного управления фронтом оставался при Костенко майор А. А. Винский. Всего несколько дней назад он пробился с группой командиров и бойцов из окружения и теперь энергично руководил действиями инженерных батальонов и спецгрупп, выделенных для минирования шоссе Харьков — Чугуев, подходов к Чугуеву и чугуевскому аэродрому. Тут, на чугуевском аэродроме, мы во второй половине 24 октября и встретились. Штаб фронта город уже покинул, на станции грузился последний эшелон, улицы словно вымело, лишь по главной медленно шли донельзя

уставшие стрелковые части. Оценив обстановку, единодушно решили — с Винским отходить на Валуйки. Со станции Валуйки — прямой железнодорожный путь на Воронеж, к штабу Юго-Западного фронта. Сформировали колонну: сто тридцать человек и двадцать автомашин с большим запасом горючего, минноподрывным имуществом, продовольствием. Тронулись. Предстояло одолеть более ста двадцати километров размокших, разбитых транспортом грунтовых дорог. В Валуйки колонна прибыла лишь на шестые сутки. Никого из своих не застали: генерал Невский выехал в Воронеж, в штаб Юго-Западного фронта, Ястребов — в Куйбышев, куда эвакуировали из Москвы аппарат Главного военно-инженерного управления. В одном повезло: нас сразу погрузили в эшелон, отправляющийся в Воронеж, и ранним утром 1 ноября, стоя в дверях теплушки, мы с Винским уже смотрели, как движутся мимо нас, растворяются во влажных сумерках очертания последних пакгаузов и стрелок станции Валуйки. На душе полегчало: до Воронежа всего триста километров, менее суток езды… Тащились мы по забитой составами дороге ровно пять суток. И первым делом я задал генералу Невскому вопрос о харьковских минах: нет ли каких-нибудь сведений, сообщений об их действии. Георгий Георгиевич никакой информацией не располагал.

— Рановато! — успокоил он. — Но, поскольку вы уже здесь, начните-ка с расспросов товарищей, прибывших из окружения, свяжитесь с партийными органами. Там могут быть сведения от подпольщиков. Я последовал совету, однако получил крайне противоречивые данные. Кто говорил, что гитлеровцы легко обезвреживают наши мины, кто уверял, что мины взрываются при одной только попытке их снять. А 10 ноября оперативно-инженерной группе пришлось испить чашу горечи: разведка доставила в штаб Юго-Западного фронта копию приказа № 98/41, изданного командованием одной из немецких частей 8 ноября 1941 года. В приказе сообщалось, что при наступлении "доблестных войск фюрера" на Харьков и в самом Харькове обнаружены в большом количестве русские инженерные мины и среди них — мины замедленного действия с часовыми замыкателями и электрохимическими взрывателями. Русские, говорилось в приказе, пытались прятать мины, зарывая их на глубину до двух с половиной метров и используя для корпусов мин деревянные ящики, что не позволяло применять миноискатели, которые, впрочем, не требовались, поскольку, мол, "неумелая установка мин и неумелая их маскировка позволили опытным саперам рейха обойтись без миноискателей". Кроме того — де, саперам рейха большую помощь оказывали военнопленные

и население, "избавленное от коммунистического гнета". (Следует отметить, что и немцы, и наши для обезвреживания мин-ловушек, предпочитали использовать военнопленных. Прим. ред. А. Э.). Копию названного приказа мне доставили с сопроводительной запиской, написанной незнакомым, но Энергичным почерком: "Эти легко обнаруживаемые и обезвреживаемые мины устанавливались под руководством полковника И. Г. Старинова". Я не успел дать объяснений Военному совету фронта, не успел указать на моменты, явно свидетельствующие, что приказ фашистского командования — фальшивка, как пришло новое известие: немецкие саперы извлекли из полуподвала дома № 17 по улице Дзержинского особенно сложную мину и теперь в доме расположился начальник фашистского гарнизона генерал Георг фон Браун.

— Ну, что скажете? — спросил Невский, когда я прочитал отпечатанный на машинке текст известия.

— Только одно, товарищ генерал: фашисты извлекли не радиомину, а "блесну"!

— Уверены?

— Совершенно уверен! Извините, товарищ генерал, но себе и товарищам я верю больше, чем фашистской сволочи.

— Ну, ну, не горячитесь! Не горячитесь! — подняв ладонь, проговорил Невский. После этой беседы с Георгием Георгиевичем никаких объяснений от меня не требовали. Видимо, генерал разговаривал с командующим и членами Военного совета, которые критически относились ко вражеским писанинам, а обстановку во вражеском тылу знали лучше, чем автор сопроводительной записки к провокационному приказу гитлеровцев от 8 ноября. Но нервы в ту пору у командиров оперативно-инженерной группы, да и у меня самого были напряжены: подлый вражеский приказ, сопроводительная к нему, известие о мине в доме № 17 стоили не одной бессонной ночи. Двое суток я вообще прожил так, словно сам находился на неизвлекаемой мине: ну а если гитлеровцам в самом деле удалось каким-то чудом или благодаря чистой случайности найти и обезвредить радиомину?.. Включаем радиомины Утром 13 ноября вызвал генерал Невский. Я приготовился к новому удару, но на этот раз генерал обрадовал: получен приказ Военного совета взорвать радиомины, установленные в Харькове! Поздней ночью с 13 на 14 ноября 1941 года генерал Невский, начальник отдела инженерного управления фронта майор Чернов и я, взяв строго засекреченные шифры, поехали на воронежскую радиостанцию широкого вещания. Там нас ждали. В предстоящей операции кроме военных участвовали гражданские лица: старший

инженер воронежской радиостанции Аркадий Владимирович Беспамятов и начальник радиостанции Федор Семенович Коржев. Их посвятили в отдельные детали операции. Конструкция здешнего радиопередатчика была старой, но перед войной его реконструировали, улучшили, и он обладал достаточной мощностью. Удалив из помещения всех, кто не имел отношения к делу, мы в 3 часа 15 минут 14 ноября послали радиоминам первый сигнал. В дальнейшем, на разных волнах, разными шифрами подали еще несколько сигналов. Последний — в шесть часов утра. Контрольный прием сигналов, осуществляемый вблизи Воронежа, показал, что они сильные. Но достаточной ли оказалась их мощность для Харькова? Успешно ли завершилась операция? Этого мы не знали. Посланный 14 ноября на разведку самолет сфотографировал интересующие Военный совет районы Харькова. Снимки подтвердили, что по меньшей мере часть радиомин взорвалась с большим эффектом. К сожалению, район улицы Дзержинского в объектив авиационного фотоаппарата не попал. Определить, взорвалась ли радиомина в доме № 17, оказалось невозможно. Я расстроился.

— Экий вы, право, человек! — упрекнул Невский, — Вчера, небось, рады были бы, взорвись хоть пара мин, а нынче… Вот уж, поистине, дай голому холст, а он скажет, что толст! Возможно, начальник инженерного управления фронта рассуждал правильно. Во всяком случае радиомины подорвали не только объекты в Харькове, но и доставленную в Воронеж фашистскую клевету на саперов. С души камень свалился. И все же очень хотелось знать, все ли мины сработали, нанесен ли врагу серьезный урон. Увы, дождаться новых сведений из Харькова не удалось. Лишь два года спустя… Впрочем, об этом позже.

Глава 9. За нами — Москва

Оперативно-инженерная группа покинула Воронеж на рассвете 15 ноября сорок первого года. Наступила ранняя холодная зима, грязь на дорогах затвердела, ее припорошило сухим снегом, шоферы радовались. Сидя рядом со Шлегером на переднем сиденье кем-то брошенного, а нами подобранного ЗИСа, я нет-нет да и ощупывал левый нагрудный карман гимнастерки: там лежало письмо Военного совета Юго-Западного фронта на имя И. В. Сталина. В письме — просьба принять полковника такого-то по вопросу о массовом изготовлении и применении мин замедленного действия на фронте и в тылу врага. Настроение было приподнятое: наконец-то наболевшие вопросы минеров и партизан будут решены! Я б не радовался, если б узнал, что в эти самые часы противник, не считаясь с потерями, ведет наступление на Москву и что судьба столицы в смертельной опасности!.. Двигались кратчайшим путем, через Рязань и Коломну. В Рязани с ноября располагался Оперативно-учебный центр Западного фронта, и, конечно, нельзя было не посетить его. А чуть свет, простившись с испанцами, остававшимися временно в оперативно-учебном центре, поспешили в Москву.

… На окраинах не клубились дымом заводские трубы. Словно сквозь землю провалились трамваи. Витрины магазинов обложены мешками с песком, на дверях висят пудовые замки, по ступеням учрежденческих подъездов гоняются друг за другом струйки поземки, лишенные главного занятия — заметать вереницу человеческих следов. На иных улицах — ни души, окна в домах как голые: без занавесок, без цветочных горшков. Притихли минеры… Никуда не заезжая, не приводя себя в порядок, направились на Старую площадь, в ЦК партии. Сдал письмо Военного совета фронта. Предупредили, что о письме будет доложено, следует быть готовым явиться в Кремль по первому вызову.

— Запишите наш телефон, — посоветовали. — Будете выезжать из Москвы — обязательно сообщайте, куда и на какой срок. Деловитость разговора сняла первое тягостное впечатление от встречи со столицей: тут спокойны, знают свое дело и работают как всегда! В мужестве и твердости рабочей Москвы я впоследствии убеждался каждый день и на каждом шагу. Город сильно опустел — верно, транспорта стало меньше — тоже верно. Но в цехах московских заводов и в мастерских по-прежнему выпускали снаряды, ремонтировали танки и пушки, делали

взрывчатку, разнообразные мины, сваривали противотанковые "ежи"'. И не только перевыполняли нормы, а изобретали, осуществляли рационализацию производства! Как раз в те страшные, критические дни кто-то из московских рабочих нашел способ борьбы с набуханием деревянных корпусов мин в сырой земле, и это позволило сохранять в боевой готовности тысячи противотанковых мин?.. В отделе застаю одного майора Вакуловского. Майор торопливо снимает очки с толстыми стеклами, протирает, улыбка у него растерянная. Прошу ключи от сейфа.

— Он открыт, товарищ полковник, — Как открыт? Тяну на себя массивную стальную дверцу. Поддается легко. Внутри — зияющая пустота. Ни моей диссертации, ни инструкций и пособий для диверсантов, ни конспектов лекций по тактике и технике диверсий. Вакуловский объясняет: в его отсутствие поступил приказ вывезти наиболее ценные документы, а все, не имеющее в данный момент ценности уничтожить. Я осторожно закрыл дверцу пустого сейфа. "Не имеющее ценности"! Ну, что тут сказать? Прошел к столу, сел. Спросил, кто из генералов и старших офицеров находится в Москве. Оказывается, только Леонтий Захарович Котляр, все остальные — на боевых участках. Создана большая оперативно-инженерная группа во главе с генералом Галицким и полковником Е. В. Леошеней — начальником военно-инженерной кафедры Военной академии имени М. В. Фрунзе, которая создает заграждения на направлениях: Теряева Слобода, Клин, Рогачево, Дмитров, Истра" Солнечногорск и Яхрома, а также группа генерала В. Ф. Зотова, действующая на направлениях: Тула, Кашира, Воскресенск, Ряжск, Рязань. Формируются десять саперных армий. Три дня назад началось строительство оборонительных рубежей в городе. Я поднял голову:

— В самом городе? Вакуловский ответил не сразу, словно должен был проглотить застрявший в горле комок:

— Очень тяжелая обстановка, товарищ полковник. Минные заграждения под Москвой… Генерал-майор Котляр слушал доклад о харьковской операции, лежа на койке в бомбоубежище: его свалила очередная почечная колика. Подробности не нужны, — остановил Леонтий Захарович слабым жестом руки.

— С обстановкой познакомились?

— Майор Вакуловский доложил о прорыве противника на Калининском фронте.

— Враг начал наступление и на московско-тульском направлении… Котляра прервал телефонный звонок. Генерал с трудом приподнялся, взял трубку поставленного возле койки

телефонного аппарата. Разговаривал недолго, явно стараясь не выдать голосом самочувствия. Отдал необходимые распоряжения, положил трубку, осторожно опустился на подушку. Видя, как побледнело его лицо, какие крупные капли пота покрыли лоб начальник ГВИУ, я заметил:

— Врача бы надо, Леонтий Захарович! Котляр скосил глаза, помолчал, пережидая боль, тихонько спросил:

— Острите, Илья Григорьевич? При чем тут врач? Разве врачи что-нибудь понимают в минах? Потянулся за стаканом крепкого чая; отпил несколько глотков, перевел дыхание, так же тихо продолжал:

— На московско-тульском оборона тоже прорвана. Танковые дивизии Гудериана захватили район Болохово — Дедилово. Под Тулу посланы подкрепления. Мы отправили поезда-летучки с противотанковыми минами, но достаточного количества минеров в Туле нет. Срочно выезжайте туда, Илья Григорьевич! Вот так включился я в устройство минновзрывных заграждений под Москвой и на подступах к ней. Выполняя приказ начальника ГВИУ, уже через четыре часа примчался в Тулу. Томило тягостное предчувствие: поезда с минами стоят себе постаивают где-нибудь в тупичке. Наши мины лежат мертвым грузом, вместо того чтобы взрываться под гусеницами фашистских машин!

— Гони на станцию! — приказал я Шлегеру. Станционные пути припорашивал снежок. Огромные воронки от авиабомб зияли совсем близко от железнодорожного полотна. А поездов-летучек не видно. Отогнали, чтоб не разбомбило? Но куда? Нашел военного коменданта:

— Где «летучки» с минами?

— Разгружены, товарищ полковник. — Когда? Кем?

— Еще утром. Рабочими нашими. Час от Часу не легче! Если неопытные люди начнут возиться со взрывчаткой, взрывателями и детонаторами — быть беде. Бросился к машине:

— В обком, Володя! Спешно! И только в обкоме узнал, наконец, что порю горячку зря. По заданию первого секретаря обкома Жаворонкова оказавшаяся в Туле группа инспекторов ОУЦ взялась за дело, не ожидая ничьей помощи. Лейтенант Федор Андреевич Кузнецов провел занятия с комсоставом двух рабочих батальонов, другие инструкторы занялись с бойцами стрелковых подразделений, и разгруженные мины уже устанавливаются в районе Узловой… Поездка в Тулу стала как бы прологом к нашей с майором Вакуловским работе в ноябре и декабре сорок первого года. Выполняя срочные поручения генерала Котляра, мы, словно ткацкие челноки, сновали с левого фланга на правый, с правого на левый, один на Дмитровское шоссе, другой на Волоколамское,

один под Солнечногорск, другой к Дедовску.; Напомню читателю, какого накала достигли события во второй половине ноября. Рассчитывая разгромить советские войска на вяземско-московском и брянско-московском направлениях, обойти Москву с севера и с юга и в кратчайший срок овладеть ею, фашистское командование стремилось достичь этой цели путем двойного охвата столицы. Первое окружение и разгром советских войск намечалось провести в районе Брянска и Вязьмы. Второе окружение и захват столицы — путем глубокого обхода Москвы с северо-запада через Клин и Калинин, а с юга — через Тулу и Каширу, чтобы замкнуть бронетанковые клещи в районе Ногинска. Осуществляя этот замысел, враг не жалел ни живую силу, ни технические средства, мирился с любыми потерями. Лишь 27 ноября удалось отбросить танки Гудериана на 10 — 15 километров в сторону Венева, в трехдневных кровавых боях перемолоть силы врага и вынудить его отказаться от попыток пробиться к Москве со стороны Тулы и Каширы. На севере же обстановка продолжала ухудшаться. 1 декабря гитлеровцы неожиданно прорвались в центре Западного фронта, двинулись на Кубинку… В тогдашних условиях рыть противотанковые рвы, эскарпы и контрэскарпы, естественно, не приходилось. Выручить могли только мины. И хотя часть предприятий, где они прежде изготавливались, осталась на захваченной фашистами территории, а часть находилась в пути на восток, мины выпускались. Изготавливали их где только можно было. Работы же по минированию рубежей вокруг столицы во второй половине ноября вели хорошо подготовленные инженерные части. Это сказалось и на тактике минирования, и на его качестве. Все танкоопасные направления были перекрыты. Одна только оперативно-инженерная группа генерала Галицкого установила 52 тысячи противотанковых мин. В трудно объезжаемых местах шоссе разрушалось мощными фугасами. На важных участках шоссейных и железнодорожных дорог, в станционных помещениях, в постройках подмосковных домов отдыха и санаториев, которые противник мог использовать для размещения войск, в административных зданиях покинутых городов ставились мины замедленного действия. Людям случалось работать под бомбежками, под артиллерийским и минометным огнем, с боем прорываться к отходившим стрелковым частям. Особой заботы требовали противотанковые мины, установленные осенью. Внезапные сильные морозы могли вывести их из строя: влага, попадая во взрыватели, замерзает, сковывая сжатую пружину механизма. Пришлось проверять выборочно тысячи мин. Еще одна беда — снег! С двадцатого

ноября он валил и валил, сводя на нет результаты осеннего минирования. Скрытые под густым белым покровом, давно вмерзшие в грунт мины делаются абсолютно безвредными для врага. Выход один — начать минирование к столице заново, по свежему снегу, по ранее поставленным минам, "в два яруса". Минирование ведется торопливо, в непосредственной близости от передовой, иногда на виду у фашистских танкистов и пехотинцев, под их огнем. И когда генерал Котляр, отправляя нас с Вакуловским на очередной опасный участок, требует контролировать, как фиксируются мины "второго яруса", не знаешь, что отвечать: сейчас никто мест установки отдельных мин не фиксирует, не до того! Хорошо, если обозначат на карте расположение минного города. Нам остается действовать личным примером, но и мы не всегда можем составлять точные карточки минных полей, ограничиваемся привязкой к местности мин, находящихся с краю: на другое нет времени. Для доклада о ходе работ и решения возникающих вопросов часто езжу в Москву. Иногда ночь застает в городе. Навещать опустевшую квартиру не хочется. Ночую либо в общежитии, под боком у штаба инженерных войск[8], либо в забронированном номере гостиницы «Москва», чье главное достоинство — ванная комната. Однажды узнаю: тут же, в гостинице, поселился Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, Несмотря на усталость, спешу к нему. Пономаренко Большой номер пустынен. Выглядит неуютно. На столике возле двери — ворох газет и журналов. Час поздний, окна глухо зашторены, одна-единственная лампочка светит. тускло, Пономаренко удивлен неожиданным визитом:

— Откуда вы? Из каких краев? Пропускает в номер, усаживает: 8Приказом Ставки от 28 ноября 1941 года был создан штаб инженерных войск Красной Армии, штабы инженерных войск во фронтах и армиях и учреждены должности начальников. инженерных войск (фронтов и армий. Автор получил назначение иа должность. помощника начальника штаба инженерных войск Красной Армии, оставаясь начальником отдела заграждений штаба инженерных войск.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте, что на фронте? Вы же всегда то на одном участке, то на другом! На месте вам не сидится… Нарочитая шутливость Пантелеймона Кондратьевича не может скрыть его озабоченности. Я все понимаю: Белоруссия оккупирована, и даже здесь, за толстыми кирпичными стенами гостиницы «Москва», слышен гул артиллерии… Рассказываю о недавнем посещении ОУЦ, о нуждах центра в связи с наступившей зимой, передаю Пономаренко отчет о работе оперативно-учебного центра за четыре месяца. Пономаренко

углубляется в чтение отчета. Прошлую ночь я не спал, нынче для отдыха осталось всего пять часов, спрашиваю разрешения уйти.

— Да, да, конечно! Отдыхайте! — кивает Пономаренко. — Отдыхайте! Спускаюсь к себе, ужинаю, ложусь, но сон нейдет: встреча с Пантелеймоном Кондратьевичем разбередила все прежние думы о партизанах. Сейчас, когда враг захватил огромную территорию нашей страны, но победы не достиг, вынужден вести изнурительные бои, непомерно растянутые коммуникации фашистов поистине стали ахиллесовой пятой захватнической армии. Пора ударить по ним со всей силой! Но партизанские отряды в тылу врага действуют несогласованно, иные даже не имеют связи с партийными и военными органами, снабжение партизан из советского тыла производится эпизодически, им не хватает оружия, взрывчатки, минновзрывной техники… Протягиваю руку к часам. На часах — два сорок. Нет, беспокоить Пономаренко в такое время немыслимо. Разговор о насущных нуждах партизан придется отложить. Досадно, конечно, но пенять можно лишь на себя самого. Спасает, что усталость слишком велика: все-таки засыпаю. А с утра поездка на левый фланг 16-й армии генерала Рокоссовского, во второй половине дня — под Серпухов, и досада на самого себя отступает, глохнет, спасительно подавленная сиюминутными заботами и обязанностями. В мыслях только танки и мины. Мины и танки. Враг не должен прорываться через минные поля! Я даже не подозреваю, как близок день серьезного разговора о партизанах.

Глава 10. Две встречи. В приемной Сталина

В один из последних дней ноября голос Левитана, читающего сводку Совинформбюро, звучит приподнято: войска Волховского фронта, перейдя в наступление, разбили врага, освободили город Тихвин, а войска Южного фронта, ведя контрнаступление, освободили Ростов-на-Дону! Это известие — словно солнечный лучик в свинцовых тучах. Кажется, начинают сбываться слова, сказанные Сталиным три недели назад, в день парада на Красной площади, о празднике, который скоро будет и на нашей улице! А тут еще возбужденный майор Вакуловский:

— Под Акулово и Голицыне подорвалось множество фашистских танков, Илья Григорьевич! Говорят, фашистов в пух разнесли, они одними убитыми тысяч десять потеряли! Радость Вакуловского понятна: майор принимал участие в минировании участка, где уничтожена прорвавшаяся группировка противника. Да и я сам там работал, и тоже испытываю удовлетворение: минные поля не подводят. А сколько еще приятных новостей узнаем, когда двинемся вперед?! Сомнений, что скоро перейдем в наступление, нет. Гитлеровцы атакуют без прежнего напора, выдохлись, а к Москве непрерывно подтягивались резервы. Бывая на тыловых рубежах, работники ГВИУ наблюдают за выгрузкой и сосредоточением свежих уральских и сибирских дивизий. Час расплаты для гитлеровцев пробьет со дня на день!.. Находясь под Серпуховом, получаю телефонограмму генерала Котляра, требующего немедленно прибыть в штаб инженерных войск. Оставляю все дела, еду.

— Вас ждет начальник! — разглядывая меня с откровенным любопытством, говорит дежурный по штабу. Котляр принимает сразу, прервав разговор с Галицким и другими товарищами. Чувствую, и они глядят как-то странно. Случилось что-нибудь? Котляр краток:

— Вас вызывают в Кремль, к товарищу Сталину. На прием следует явиться в двадцать два часа ровно. Не ослышался ли? Неужели свершилось?!

— Сейчас шестнадцать часов, — продолжает Котляр. — Поезжайте домой, отдохните, приведите в порядок обмундирование. Предварительно зайдите ко мне. Буду ждать в двадцать часов. Время таяло, как пятнышко влаги на солнцепеке, но ровно в двадцать часов, выбритый и отутюженный, я вновь вошел в кабинет Котляра.

— Ну, вот, совсем другой вид! — одобрительно произнес

Леонтий Захарович. — Садитесь. Вызов, как я понимаю, связан с письмом Военного совета Юго-Западного фронта?

— Я тоже так думаю.

— Напомните, какие вопросы там поставлены, Илья Григорьевич?

— Обосновывается необходимость производства мощных противотанковых мин и мин замедленного действия, пишется о нацеливании партизан на разрушение вражеских коммуникаций.

— Продумали, что и как станете говорить?

— Мысли не новые, товарищ генерал!

— Тем лучше. Излагайте только суть и как можно короче.

— Я понимаю! Но есть ряд моментов, требующих пояснения. Возможно, товарищ Сталин не знает., Котляр быстро перебил:

— Не заблуждайтесь, Илья Григорьевич! Товарищ Сталин все знает. Помните об этом. Помните, и ни в коем случае не горячитесь при разговоре. Пуще же всего остерегайтесь возражать! Могут быть обстоятельства, вам совершенно неизвестные, зато известные товарищу Сталину. Ясно? В напряженном взгляде Котляра, в интонациях взволнованного голоса угадывались забота, беспокойство за товарища.

— Последую вашим советам, товарищ генерал! — с признательностью пообещал я.

… В первую кремлевскую проходную вошел в 21 час 30 минут.

— Документы? Предъявил документы.

— Оружие? Оружия со мной не было. Такая же точно проверка во второй проходной. В 21 час 50 минут подошел к двери в приемную И. В. Сталина. Нажимая на блестящую медную ручку массивной двери, вспомнил, каким был Сталин на приеме выпускников военных академий в 1935 году; просто одетый, улыбающийся. Чего же это я волнуюсь?! В уютной, наполненной тишиной комнате уже сидели двое товарищей, приглашенных, видно, раньше меня. Собранны, неулыбчивы, на коленях у каждого — папка с бумагами. Работники приемной предложили подождать. Опустился в глубокое кожаное кресло рядом с плотным мужчиной в темном костюме. Тот не обращал на соседей внимания. Поглядывая на высокую двустворчатую дверь в кабинет, то приглаживая редкие, тщательно зачесанные на обширную лысину волосы, то принимался барабанить толстыми пальцами по кожаной папке. Я снова и снова перебирал в памяти тезисы доклада, сделанного нами с генералом Невским Военному совету Юго-Западного фронта. Внезапно в приемной что-то изменилось. Никто не произнес ни слова, никакого шума не послышалось, никто ни о чем не объявлял, но все выпрямились,

подтянулись, мой сосед вытащил носовой платок, быстро вытер капельки пота на заблестевшем лбу. По каким-то им одним известным признакам собравшиеся определили, что Сталин приехал. И действительно через несколько минут к нему стали вызывать. Вызвали через полчаса и моего соседа., Снова вытерев лоб, он скрылся за высокой дверью… Входили и выходили какие-то военные и гражданские товарищи. Звук шагов гасили толстые ковры. Кресло было мягким, уютным. Тепло, проникая в глубь тела, расслабляло. Прошел час. Минул другой. Беспокойство оставило меня. Завороженный теплом, могильной тишиной, я чувствовал, будто растворяюсь в них. Не успел спохватиться, как глаза закрылись, все заволок туман дремоты. Да и мудрено было не задремать в такой обстановке после двух бессонных ночей и трех часов ожидания.

— Товарищ полковник… Я вскочил с кресла, испуганный и обескураженный: неужели заснул? А может, проспал?

— Товарищ Сталин принять вас не может, — произнес ровным голосом работник приемной. — Вас примет товарищ Мехлис.

— Но мне нужно к товарищу Сталину! — еще не совсем очнувшись, возразил я.

— Пойдемте к товарищу Мехлису. Я обескураженно смотрел на высокие белые двери. Всего несколько шагов до них, а войти не могу! Тронули за локоть; — Товарищ Мехлис принимает в другом кабинете. Первое, что бросилось в глаза в кабинете Мехлиса, — письмо Военного совета Юго-Западного фронта, лежащее на столе армейского комиссара первого ранга. Это обнадеживало!

— Слушаю вас, — выслушав представление, угрюмо сказал Мехлис. Я начал излагать суть дела, но на третьей или четвертой фразе был прерван:

— Не о том говорите! Не это сейчас нужно! Резким движением Мехлис отодвинул письмо Военного совета, поднялся, вышел из-за стола и, расхаживая по кабинету, стал упрекать меня и авторов письма в безответственности: о каких минах, да еще замедленного действия, о каких «сюрпризах» может идти-речь, если армии не хватает обычных снарядов и нечем снаряжать авиабомбы?

— Глубокий вражеский тыл, коммуникации! — с едкой иронией воскликнул Мехлис. — Вы что, с неба упали? Не знаете, что враг стоит под самой Москвой?!

— Но мы учитываем… И снова Мехлис перебил:

— Учитывать надо, что наступила зима! Что надо полностью использовать те преимущества, какие она дает! Нужно заморозить

гитлеровцев! Все леса, все дома, все строения, где может укрыться от холода враг, должны быть сожжены! Хоть это вам понятно?! Я осторожно заметил, что леса зимой не горят и что они — база для партизан. А если жечь деревни — лишатся крова наши же люди. Возражение лишь подлило масла в огонь. Мехлис обозвал меня и Невского горе-теоретиками, слепца-. ми, потребовал передать генералу Котляру, что Подмосковье нужно превратить в снежную пустыню: враг, куда бы ни сунулся, должен натыкаться только на стужу и пепелище.

— Если еще раз посмеете побеспокоить товарища Сталина своими дурацкими идеями — будете расстреляны! Можете идти. Генерал Котляр ждал меня. Выслушал, покачал головой:

— Н-да, неожиданно… Очень! Да вы не расстраивайтесь так, Илья Григорьевич! В жизни, знаете ли, надо надеяться на лучшее. Может, все еще изменится. Котляр утешал, я был ему благодарен, но состояние подавленности не проходило; все пошло прахом, все! К тому же я вспомнил, что требование поджигать леса, высказанное Мехлисом, это требование самого Сталина! Точно! Он говорил об этом еще в выступлении по радио 3 июля сорок первого года! А я-то пытался объяснить Мехлису, что поджог лесов — несусветная чушь! Что же теперь будет? Скажу честно, мне стало страшно… "Гони немца на мороз! " Разгром гитлеровцев под Москвой начался переходом в наступление 5 декабря войск Калининского фронта. А утром 6 декабря в мощное контрнаступление перешли Западный фронт и войска правого крыла Юго-Западного фронта. Великая битва началась! Не в силах описывать боевые действия наступавших советских армий, расскажу здесь только о тяготах, выпавших на долю саперов. Перед началом наступления им пришлось снять тысячи собственных, поставленных в спешке мин, а затем, в ходе боев, обезвреживать мины противника. Документации на собственные минные поля в ряде случаев не имелось, вражеские укрывал глубокий снег, работать приходилось под огнем, инженерные войска несли потери. Тем не менее и рядовой, и командный состав батальонов, занятых разминированием, поставленные ему задачи выполняли с честью. Я своими глазами видел, как лейтенанты и младшие лейтенанты, вчерашние курсанты военных училищ, показывая пример солдатам, ползли туда, где только что погиб снимавший мины сапер, как двигались следом за этими мальчиками их подчиненные… Работники штаба инжвойск Красной Армии, оказывая помощь наступающим соединениям, по-прежнему ездили с участка на участок, из одной армии в другую. Дороги и поля выглядели одинаково: перевернутые вверх колесами, зарывшиеся тупыми рылами в придорожные, полные

снега канавы немецкие грузовики, обгоревшие, с распахнутыми или оторванными дверцами легковые «опели», "хорьхи", «ганзы» и «вандереры», зияющие рваными пробоинами танки с крестами на башнях, и всюду — трупы в серо-зеленых шинелях: распластавшиеся на снегу, увязшие в сугробах, скрюченные, с головами, обмотанными поверх пилоток и фуражек платками и шалями, с навсегда остекленевшими глазами. И — неровные, медленно бредущие в наш тыл колонны пленных, едва переставляющих ноги с накрученным на них тряпьем. Изучаем на местах боев эффективность противотанковых мин. Под Акуловом и Голицыном действительно уничтожено около пятидесяти танков врага. У большинства — перебиты гусеницы, иные завалились в большие воронки от мин с усиленным зарядом. Вблизи Решетникова — шестнадцать фашистских танков с перебитыми гусеницами. В других местах от трех до десяти танков. Мины срабатывали безотказно. Но беда прежняя: как правило, только перебивали ходовую часть боевых машин противника, а не уничтожали их вместе с экипажем. Видно, что оставшиеся на поле боя «даймлербенцы» добиты уже артиллеристами. Значит, нужны мины новой конструкции, обладающие к тому же большей разрушительной силой. Пленные подтверждают, что мины наносили фашистским войскам значительный урон, но утверждают, что часть их, если дело не осложнялось погодными условиями, обезвреживались довольно легко, Что ж, этого следовало ожидать: мы до сих пор не располагаем достаточным количеством мин, безопасных для собственных войск, но страшных для техники и пехоты противника, практически недоступных для разминирования саперами врага. К раздумьям о совершенствовании мин прибавляются раздумья о партизанах. Наступление продолжается, мы гоним и гоним фашистов на запад, и некоторые партизанские отряды соединяются с войсками Красной Армии. Радуются партизаны неописуемо, рассказывают, что смогли в последние дни усилить удары по оккупантам, но тут же сетуют на отсутствие надежной, быстродействующей связи со своими войсками, на невозможность своевременно передать ценные разведывательные данные, на нехватку боеприпасов и взрывчатых веществ… В десятых числах декабря попадаю в Завидово, на свою родную станцию. Благодаря стремительному продвижению и выходу наших войск в тыл противника, Завидово пострадало не слишком сильно, часть домов уцелела, уцелел и дом, где до войны жил друг моего детства Егор Деревянкин. За месяц до нападения фашистской Германии, в мае, Егор с женой, Татьяной Николаевной, приезжал в столицу. Татьяна Николаевна,

учительница по профессии, была на семь лет моложе мужа, и хотя у Деревянкиных имелось двое детей, никак не походила на мать семейства. Стройная, смешливая, казалась очень юной, знала это и поддразнивала Егора, приговаривая, что он старик. Егору это нравилось, он счастливо улыбался. Жив ли он, мой товарищ, с которым четыре года протирали штаны на одной школьной скамье? Живы ли его жена и детишки? Перед крыльцом — расплющенный танковой гусеницей труп немецкого солдата. Окна забиты досками, заткнуты тряпками, ступени обледенели, дверь не заперта. Нашарил в темных сенях вторую, ведущую в комнаты. Ворвавшийся холодный воздух заколебал пламя коптилки, по стене метнулась громадная тень сутулой, закутанной в рваный платок женщины.

— Татьяна Николаевна?.. Это я, Старинов! Женщина не шевелилась и вдруг поднялась, вдруг ее качнуло ко мне:

— Илья Григорьевич! Живы?! Дорогой наш! Господи, да откуда же?.. Схватив за рукав полушубка, уговаривала пройти, раздеться, присесть, не давая ни пройти, ни раздеться, словно не в силах была опустить рукав, боясь расстаться с чем-то бесконечно дорогим, с тем, о чем напомнил мой приход. Спохватилась:

— Вы же с дороги, с холода, сейчас я кипятку…

— Где Егор?

— В армии. Писем второй месяц нет!

— Это ничего, Татьяна Николаевна, случаются перебои… А дети?

— Вон они. В углу, на большой деревянной кровати спали под ворохом одеял дети Деревянкиных. Значит, самого страшного не произошло… Покосился на забитую дверь в соседнюю комнату. Хозяйка дома перехватила взгляд, объяснила:

— Там семьи из сожженных домов. Гитлеровцы проклятые подослали поджигателей, которые за партизан себя выдавали. Семь домов сожгли, а больше народ не позволил. К сожалению, следует признать, что дома поджигались действительно партизанами, выполнявшими приказ Сталина "Гони немца на мороз!

". Я сразу вспомнил финскую войну. Финны при отходе 99 % населения эвакуировали. Мы приходим в село — населения нет. Часть домов приведена в негодное состояние, часть уцелевших зданий заминированы минами замедленного действия. Продрогшие и измотанные солдаты набивались в такие дома по 50-150 человек. Когда дома врывались, мало кто оставался в живых. После этого мы уже старались подальше держаться от любых зданий и сооружений, хотя минированных среди них было

немного. И вся армия мерзла в палатках. Да, финнам удалось выгнать нас на мороз. А теперь, когда мы решили воспользоваться их опытом, что получилось? Стали поджигать деревни, в которых жили крестьяне. Немцы говорят:

— Посмотрите, что делают большевики. Вас поджигают! Помогите нам охранять Ваши деревни! И местное население поддержало немцев. Это дало возможность противнику вербовать в большом количестве полицейских. В то же время партизаны Ленинградской области, их насчитывалось примерно 18000 человек, узнав о призыве "Гони немца на мороз!", решили, что это провокация. Многие из них пробились через линию фронта, чтобы разобраться в чем дело. Остальные были быстро разгромлены карателями, поддерживаемые полицейскими и… местным населением. Запылала железная печурка. Я развязал вещевой мешок, выложил консервы, хлеб, сахар, сало.

— Я ведь только второй день дома, — стараясь не глядеть на такое богатство и как бы извиняясь, что ничего, кроме горячей воды, Предложить не может, — сказала Татьяна Николаевна, присаживаясь рядом на лавку. — Как изверги приблизились, я ребят подхватила — и в деревню, к знакомым. Отсюда верст восемнадцать, гитлеровцы туда не совались. А когда вернулась — верите, Илья Григорьевич? — порог переступить не решалась, так эти "культурные люди" комнаты загадили. Сейчас-то отмыла, почистила. А они, гады, так и жили!

— Выходит, вы фашистов живых не видели?

— Как не видела?! Когда их погнали, они через деревни, окольным путем тоже бежали! Чучела чучелами. Даже обидно, что такие чучела до Москвы дошли., Ох, а трусят-то! Армии боятся, партизан боятся и всех, кто в избу ни забредет погреться, уверяют, что они рабочие, рабочий класс!

— Знакомая песня.

— Я возьми да и брякни одному: мол, если ты рабочий, не фашист, и воевать не хочешь — сдавайся плен.

— Рискованно поступили! Что же солдат!

— А что с него взять? Нельзя, говорит, сдаваться. Ваш Сталин сказал, что всех немцев надо уничтожить, пленных у вас убивают. Я твержу: "Ложь это. Не трогаем мы пленных! Русские не убийцы! " Только башкой своей дурацкой мотает: "Ништ, ништ! Рус пу-пу!.. " — Кремль. Председатель Госплана Вознесенский Я покинул Завидово, радуясь, что семья друга детства уцелела, что хоть как-то помог его детишкам, оставив Татьяне Николаевне свой дополнительный паек и раздумывая над услышанным. Разговор с женой друга не забывался, стал тем последним толчком, который заставил меня приступить еще к одной докладной на имя

Сталина, еще раз заговорить о проблемах партизанских действий и эффективности минирования на коммуникациях врага. В новой докладной обосновывалась необходимость производства некоторых видов инженерных мин, указывалось на неиспользованные возможности партизанской борьбы, ставился вопрос о создании единого органа для руководства боевыми действиями партизан. Докладная писалась урывками, в редкие свободные минуты. Может, в ней чего-то недостает? Хорошо бы посоветоваться с кем-нибудь из руководящих военных иди партийных товарищей. И сразу вспоминаю о Понома-ренко. Конечно, надо идти к нему! Он поддерживал идею создания партизанских школ, его волнуют нужды партизан, он не останется безучастным! В первый же свободный час еду в гостиницу «Москва». Дорожа временем, буквально с порога объявляю Пантелеймону Кондратьевичу зачем пришел, протягиваю докладную:

— Прочтите, пожалуйста! Если возражений по существу не будет, то, может, и по назначению сможете доставить? Он читает докладную, щурясь, потом аккуратно Складывает листы:

— О минах, о кадрах — хорошо. А вот о руководстве партизанами сказано слишком обще и мало. Вопрос этот, кстати, непростой. Я все время над ним думаю.

— Тогда, может быть, вместо моей докладной подготовить другой документ? Вам же виднее, Пантелеймон Кондратьевич.

— Не знаю, не знаю. Пономаренко отходит к высокому окну, за которым густо мельтешит снег.

— Сделаем так; вы оставляете вашу докладную, я прикидываю, что можно и нужно сделать, а вы в следующий приезд — сразу ко мне. Я вырываюсь в Москву через два дня. Пономаренко за это время поработал над вопросами партизанской борьбы немало. У него уже готов проект письма на имя И. В. Сталина. В письме говорится о необходимости усилить партийное руководство партизанами, ставится вопрос о создании органов руководства партизанским движением и высказываются, со ссылкой на мнение полковника Старинова, предложения о производстве инженерных мин и подготовке квалифицированных кадров.

— Я пришел к выводу, что все эти идеи действительно лучше изложить в одном документе, чтобы они и рассматривались в комплексе, — поясняет Пономаренко, заметив, что я дочитываю проект его письма. — Если не возражаете, в таком виде я и передам письмо Андрею Андреевичу Андрееву[А.А.Андреев — член Политбюро ЦК ВКП(б)]. Полагаю, в этом случае оно попадет прямо к товарищу Сталину. Я уезжаю на фронт с сознанием

выполненного долга, уверенный, что месяца через два, не позже, какие-то решения непременно будут приняты. Но уже через полторы-недели меня вызывают в орг. инструкторский отдел ЦК партии, где, оказывается, уже кипит работа над составлением штатных расписаний штабов руководства партизанским движением, определяются штаты партизанских школ и бригад, подготавливаются заявки на оружие и технику для партизанских отрядов. Письмо Пономаренко дошло до адресата в считанные дни, и решение по нему было принято столь же быстро! Сталин принял Пономаренко и имел с ним двухчасовую беседу, о которой последний пишет в своей книге "Всенародная борьба"(*Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944. М..1986. С. 72–76. 248*). А несколькими днями позже генерал-майора Котляра и меня приглашают к председателю Госплана Н. А. Вознесенскому, предлагая захватить с собой образцы некоторых замыкателей и взрывателей. Снова Кремль. В приемной Вознесенского, кроме нас, — представители Главного артиллерийского управления, Главного управления связи и работники промышленности. Ожидаем недолго, минут десять. Вознесенский встречает, стоя за столом. Он улыбчив, что тоже непривычно, и выглядит очень молодо, во всяком случае, моложе большинства приглашенных. Предлагает садиться, сам опускается на стул последним, обводит аудиторию живым, доброжелательным взглядом:

— Недавно в Госплан поступило письмо Военного совета Юго-Западного фронта. В нем ставится вопрос об обеспечении войск и партизан значительным количеством различных инженерных мин и современными средствами связи. Надо этот вопрос решать, товарищи! В кабинете оживление. Котляр касается плечом моего плеча. Я на седьмом небе: не зря мы поработали с генералом Невским! Начинается обсуждение потребностей войск и партизан в минах и рациях. Деловое, конкретное. Мы с генерал-майором Котляром демонстрируем образцы созданных к декабрю месяцу взрывателей замедленного действия, элементов неизвлекаемости мин, вибрационных и инерционных замыкателей для противотранспортных мин. Вознесенский внимательно их рассматривает, интересуется, нельзя ли заменить детали из латуни на пластмассовые или алюминиевые.

— Возможности у государства несколько иные, чем перед войной, товарищи, надо помнить, что цветного металла недостает, а металлорежущие станки предельно загружены… Представьте нам заявку с тактико-техническими требованиями, — обращается к Котляру председатель Госплана. — И пусть инженеры еще раз продумают, как сделать мины максимум

безопасными для собственных войск. Получают указания и другие собравшиеся.

— Надеюсь, с вашей помощью промышленность в короткие сроки даст армии и партизанам нужное количество добротных мин! — говорит нам на прощанье Вознесенский. — Желаю успеха! Пожелание председателя Госплана сбывается быстро. К весне 1942 года проблема массового выпуска мин замедленного действия и производства других сложных мин решается полностью. Вскоре войска и партизаны начинают получать их. Наконец-то!

Глава 11. На Южном фронте. Минируйте "ночками!"

В Москве задержаться не пришлось: 14 декабря генерал-майор Котляр приказал сформировать новую оперативно-инженерную группу для устройства минновзрывных заграждений на подступах к недавно освобожденному Ростову-на-Дону и срочно отбыть на Южный фронт. В группу включили инструкторов и лаборантов из оперативно-учебного центра Западного фронта, десять лейтенантов, имеющих боевой опыт и прошедших краткосрочные курсы при Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева, а также бывших бойцов Испанской республиканской армии во главе с Доминго Унгрия. Своим заместителем я назначил майора В. В. Артемьева, начальником штаба — капитана А. И. Чехонина. Вечером 16 декабря поезд с предоставленным группе мягким вагоном медленно отошел от затемненной платформы Курского вокзала… Захожу к молодым лейтенантам. Девушки — инструкторы Мария Белова и Ольга Кретова приглашают на чай. Из черного хлеба наделали сухариков. Сухарики напоминают о доме, о семье, которую не видел уже полгода… Степи, снега, перестук колес, запах паровозного дыма. Вернувшись к себе, ложусь, пытаюсь вспомнить, как выглядит Ростов зимой. Мысли довольно быстро меняют направление, сосредоточиваются на полученном задании. Мне известно, что вокруг Ростова-на-Дону создаются так называемые «обводы». Это расположенные по трем гигантским дугам к северу от города противотанковые рвы, батальонные районы обороны с дотами и дзотами и отдельные окопы. Восточная оконечность каждой дуги упирается в Дон, западная — в дельту Дона. Вот эти-то обводы и предстоит минировать нашей группе. На душе неспокойно. Коль скоро в Ростове по-прежнему уповают на противотанковые рвы, значит, необходимого количества мин, а возможно, и взрывчатки в обороняющей Ростов 56-й армии генерал-лейтенанта Ф. Н. Ремезова нет. А генерал Котляр еще 5 декабря подписал директиву о возможно большей замене противотанковых рвов другими, более эффективными и менее заметными противотанковыми препятствиями! Придется, видимо, налаживать производство мин. Однако нехватка мин — не главное. Я уверен, что группа мины получит. Тревожит, как отнесутся к нашим новаторскими планам минирования начальник инженерных войск 56-й армии майор Е. М. Журин и

сам Ремезов. Мой заместитель майор Артемьев говорит, что Журин был его начальником в военно-инженерной академии, это душевный, простой и хорошо знающий дело человек. Я надеюсь, что в Жу-рине найду единомышленника. Но как посмотрит на новшества командующий армией? Его взгляды на минноподрывное дело мне неизвестны. А ведь мы хотим помимо «скрытого» и "неподвижного минирования" применить в самых широких масштабах еще и "явное минирование"! Поясню, в чем тут дело. При «скрытом», то есть при обычном минировании на местности, мины закладываются в грунт и надежно маскируются чтобы их нельзя было обнаружить наблюдением. "Подвижное минирование" — это быстрая установка мин скрытым способом на участке, где врагу удалось потеснить наши войска или пробить танковую брешь в нашей обороне. Для такого минирования на танкоопасных направлениях заранее подготавливают склады мин и создают группы бойцов, имеющих автотранспорт, чтобы своевременно попадать к нужному участку боя. "Явное минирование" — совсем иная статья. В этом случае тысячи мин устанавливаются на виду, в десятках тысяч кочек, которые легко заметить даже издали и зафиксировать при аэрофотосъемке. Секрет в том, что заряжены далеко не все кочки, а определить, в какой скрывается мина, не способны ни человеческий глаз, ни объектив фотоаппарата. Противник оказывается перед выбором: идти танками на кочки и подрываться или обходить заминированные районы, вступать в бой в невыгодных районах. Разминировать кочки крайне трудно: мины можно устанавливать в сотне различных вариантов, заряжать где пятую, где десятую, где двадцатую кочку, где в первом ряду, где в третьем, где в сороковом, а проверять-то приходится все! Трудоемко, опасно для жизни (можно напороться на мину-ловушку), а главное — заставляет вражеские танки ждать результатов разминирования под огнем нашей артиллерии и под бомбежкой., нести потери. Разумеется, противник может обстреливать местность с кочками. Но противник в любом случае обстреливает местность, где обороняются наши войска, частично уничтожая и те мины, что поставлены «скрытым» способом. А расстреливать все кочки — не хватит ни снарядов, ни мин. Кроме того немецкие танки, обладающие низким клиренсом, часто наезжали на кочки не только гусеницами, но и днищем. Их экипажи в таких случаях погибали, Надеюсь встретить понимание и в другом. Линия обороны 56-й армии, проходящая в основном по реке Миус, на левом фланге упирается в Таганрогский залив. Северный берег залива занят врагом. Нет никаких сомнений, что сплошной линии обороны на северном берегу от Бердянска до Таганрога

гитлеровцы не создавали, держат для отвода глаз небольшие гарнизоны в отдельных населенных пунктах, уповая на нашу слабость и на разделяющие наши и вражеские войска тридцать с лишним километров замерзшего, торосистого залива. Следовательно, залив — идеальное место для заброса во вражеский тыл групп мине-. ров. Взрывы же на дорогах врага, уничтожение его малочисленных гарнизонов не только заставит фашистов прекратить всякое движение транспорта, но и вынудит стянуть для обороны северного берега значительные силы, сняв войска с других участков фронта. Это было бы замечательно! Надо хорошенько обдумать идею заброса минеров в тыл через льды Таганрогского залива, взвесить все «за» и «против», изложить предложения письменно и представить командованию, а уж там как получится. Решать станет Военный совет армии. На подступах к Ростову В Ростов прибыли ранним морозным утром 19 декабря. Из окон вагона затянутый мглистой дымкой город был неразличим. Увидев с перрона полуразрушенное здание вокзала, мы приготовились к встрече с руинами. Но город выглядел почти не пострадавшим! Объяснялось это просто: гитлеровцы хозяйничали в Ростове всего восемь суток, а вышибли их молниеносным ударом. Однако и за восемь суток фашисты успели кое-что взорвать, а главное — расстреляли и повесили сотни ростовчан… В штабе 56-й армии мы прежде всего разыскали начальника инженерных войск майора Журина. Евгений Михайлович Журин, высокий, крепкий, с крупными чертами лица, производил впечатление человека вдумчивого, неторопливого. Он и говорил медленно, словно взвешивая каждое произносимое слово. Беседовали долго, обстоятельно, обменялись взглядами на различные виды заграждений и установили, что мыслим одинаково.

— Сможет ваша группа помочь войсковым саперам в освоении миннoподрывной техники? — с надеждой спросил Журин.

— Вне всякого сомнения!

— А минами поможете?

— Дело общее, Евгений Михайлович, вместе и делать его будем. Направились к генерал-лейтенанту Ремезову. Журин представил меня.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы составить план минновзрывных заграждений? — осведомился командующий.

— От четырех до пяти суток, товарищ генерал-лейтенант.

— Будем считать — пять. Какими силами намерены осуществить минирование?

— Понадобятся минимум четыре отдельных саперных

батальона.

— Выделим батальон. Но учтите, работы следует завершить до февраля. Успеете?

— Полагаю, справимся до срока.

— Тем лучше! Приступайте к делу. План минновзрывных заграждений на подступах к Ростову помогали разрабатывать начальник штаба оперативно-инженерной группы Алексей Иванович Чехонин и мой заместитель — Владимир Владимирович Артемьев. Ценные советы давал Журин. К утру 25 декабря план был готов, а 26 декабря утвержден Военным советом 56-й армии. Мы наметили установить семьдесят тысяч мин, хотя ГВИУ отпустило оперативно-инженерной группе только четырнадцать тысяч: пятьдесят шесть тысяч мин различных видов предстояло сделать в Ростове. С подготовки минеров и налаживания производства мин мы и начали. Командование Южного фронта подчинило 56-й армии значительное количество инженерных войск. Все они занимались строительством рубежей по реке Ми-ус, в дельте Дона'и вблизи Ростова. Вблизи Ростова саперы вместе с тысячами горожан рыли противотанковые рвы. Продуваемые буйным степным ветром, обжигаемые морозом люди долбили и кайлили промерзшую, твердую, как бетон, землю. Ширина противотанкового рва вверху около семи метров, внизу — до трех метров, глубина — тоже до трех метров. Словом, чтобы отрыть один погонный метр противотанкового рва, приходится вынимать около пятнадцати кубических метров земли! Занимались этой неблагодарной работой и выделенные в распоряжение оперативно-инженерной группы саперные батальоны. Командовали этими батальонами командиры в годах, призванные из запаса, рядовой и сержантский состав в большинстве был из новобранцев. Обутые в грубые ботинки с обмотками, одетые в засаленные ватники саперы выглядели неважно, даже отдаленно не походили на тех, которыми довелось командовать в мирное время. Но среди них имелось много коммунистов и комсомольцев, большинство рядовых было со средним образованием, и этим они тоже отличались, но уже в лучшую сторону, от прежних бойцов. Командир одного из батальонов, военный инженер 2-го ранга Ефрем Трофимович Мартыненко, внешне сугубо штатский человек, спокойно заверил:

— Задачу выполним, товарищ полковник. Люди — прекрасные. Я осведомился, умеют ли его бойцы минировать.

— Этому их не обучали, но если обучат — сумеют. Первое, что мы сделали — сняли выделенные группе саперные батальоны с противотанковых рвов, отвели людей на отдых и через сутки начали преподавать им миннoподрывное дело. Выпуск

недостающего количества мин Ростовский обком партии и Военный совет 56-й армии поручили промышленным предприятиям Ростова, Новочеркасска и Аксая. Однако прежде чем дать промышленности заказ на сложные мины, следовало усовершенствовать их, учтя опыт боев, и разработать технологию производства, оптимальную в местных условиях. Словом, требовалось немедленно создать хотя бы небольшое конструкторское бюро и хотя бы маленькую лабораторию-мастерскую. Тут нам повезло! В Ростовском Коммунистическом полку народного ополчения находилось немало опытных, способных инженеров, в частности, конструкторов-станкостроителей, проектировщиков и т. д. Я попросил направить в оперативно-инженерную группу инженера-электрика, по возможности понюхавшего пороху.

— Есть такой, — ответили в обкоме партии. — Инженер Гриднев. За бои под Ростовом награжден медалью "За отвагу". Фронтовой «Кулибин» инженер Гриднев Сергей Васильевич Гриднев оказался очень скромным человеком, в глазах которого светилась безграничная доброта.

— Видите ли, — сказал он при первой встрече, — прежде я проектировал электростанции. Мины и электростанции не одно и то же, но если необходимо…

— Попробуйте, Сергей Васильевич! Конструкторы нужны позарез! Самые хитрые мины требуют комбинаций различных замыкателей. Для примера я рассказал об устройстве неизвлекаемой мины, которая взрывалась от сотрясения почвы и могла использоваться для подрыва вражеского транспорта.

— Хотелось бы усовершенствовать ее конструкцию, — сказал я. — Сделать мину способной к самоликвидации в установленное время. Сможете? Гриднев некоторое время рассматривал мину, пожал плечами:

— А для чего, собственно, это нужно? Я объяснил: мы нередко минируем в тылу врага; не исключено, что солдаты и техника противника на части установленных мин не подорвутся, затем минированную местность или минированные объекты снова займут наши войска, и возникнет угроза подрыва собственных воинов и собственной техники на уцелевших минах прежде, чем саперы успеют их обезвредить. Поэтому-то и нужны самоликвидирующиеся в точно установленные сроки мины.

— Понятно, — кивнул Гриднев. — Позвольте подумать, товарищ полковник? Следовало предположить, что новичок провозится с заданием не менее суток, но Гриднев возвратился уже через час, — Готово, товарищ полковник. Вот эскизик. В придуманной им конструкции имелись кое-какие изъяны, но мы

их тут же устранили, и мастерская-лаборатория быстро изготовила опытную партию с самоликвидаторами Гриднева. Через несколько дней Сергей Васильевич столь же успешно справился еще с одним заданием: изготовил из имеющихся деталей оригинальный образец неизвлекаемой мины замедленного действия. В тот же день испанцы-минеры сделали сто штук таких мин. Приходилось поражаться тому, как быстро освоил новый конструктор тонкости минноподрывного дела! Но секрет своих успехов Гриднев открыл лишь на праздновании двадцатой годовщины Победы над гитлеровской Германией.

— Ничего-то я в минах не понимал, когда в вашу группу шел, — признался Сергей Васильевич. — Но если помните, я явился в штаб без вас, вы уезжали на обводы, возвратились только через три дня. А за "эти три дня майор Чехонин, лейтенант Минеев, чудесные девушки-инструкторы Оля Кретова и Маша Белова снабдили меня соответствующей литературой, кое в чем поднатаскали. Так что, беседуя с вами, я немного в минах разбирался.

— Ловко провели!

— Без хитрости в минноподрывном деле нельзя, Илья Григорьевич! Сами это внушали! — возразил Гриднев, и мы оба рассмеялись… Еще один эпизод из тех времен, характеризующий Гриднева. Однажды, поправляя чеку взрывателя прыгающей осколочной мины, сделанной из 100-миллиметрового снаряда, Сергей Васильевич сильно оттянул шток ударника, и чека выпала в густую траву. С трудом удерживая двумя пальцами ударник, конструктор присел, надеясь отыскать чеку и вставить ее на место, но чека исчезла. Между тем отверстие для нее на штоке ударника уже ушло под корпус взрывателя. Казалось, и сам шток медленно, но неотвратимо уходит вглубь. Побелевшие от напряжения пальцы вот-вот не выдержат, шток сорвется, и тогда — взрыв. Гриднев окликнул помогавшего красноармейца. Тот подошел, увидел, в чем дело, побледнел и кинулся прочь… Сергей Васильевич стиснул зубы. На лбу выступил холодный пот. Шток уходил из вспотевших пальцев. Мигом возвратился убегавший красноармеец, протянул гвоздик:

— Вот! Вот! Гвоздиком Гриднев проколол кожу пальца, закрывавшее второе, крайнее отверстие в штоке взрывателя, просунул гвоздь в это отверстие и, наконец, вытянул шток.

— Нож! — потребовал он. Поданным ножом Сергей Васильевич решительно рассек кожу проколотого пальца и высвободил руку. Правда, говорят, после этого он закрыл глаза и побледнел (взрыватель типа МУВ-1, о котором идет речь, до сих пор состоит на вооружении, например входит в комплект

сигнальных мин. Случаются и ЧП. Поэтому рекомендую вместо «Р» образной чеки применять английскую булавку. Вторая булавка, вставленная в верхнее отверстие ударника, обеспечит Вам 200 % гарантию безопасности. Прим. ред. А. Э.). Впоследствии именно Гриднев первый установил причину, по которой стали отказывать мины-сюрпризы, прекрасно показавшие себя в Испании, на Западном фронте и в Харькове. Одной интересной деталью этих мин были суровые нитки, смоченные в серной кислоте. Они-то и перестали обрываться в положенное время. Почему? Для меня, признаюсь, это оказалось загадкой. Ничего не могли понять другие работники мастерской-лаборатории. А Сергей Васильевич быстро сообразил: все дело в морозе… Вскоре в нашу лабораторию пришли еще несколько ученых, сотрудников Ростовского университета, в их числе — доцент-математик М. Г. Хапланов и химик Миксиджан, на монтаже мин вместе с испанцами стали работать ростовские подростки, в большинстве — девушки-комсомолки. Рвались они в армию, но возраст у ребят и девчат был пока непризывной. Увы, многие из них так и не дождались призыва: летом сорок второго, уже после моего отъезда из Ростова, во время одной из варварских бомбежек города крупнокалиберная бомба попала в ту часть университетского здания, где располагалась мастерская-лаборатория, и мало кто из юных монтажников-минеров остался в живых. Они заслужили право остаться в народной памяти, и очень отрадно, что память об этих замечательных молодых людях увековечена к 40-летию Великой Победы. В канун нового, 1942 года мы передали образцы новых, усовершенствованных мин промышленным предприятиям. Детали для мин и взрывателей стал поставлять Россельмаш, металлические корпуса для осколочных фугасов — Красный Аксай, а корпуса деревянных противотанковых и противопехотных мин — ростовская фабрика роялей. По этому поводу у нас шутили, что нынешняя ростовская музыка врага не обрадует! Успешно завершалось обучение минноподрывному делу личного состава приданных нашей группе саперных батальонов. По заданию обкома партии мы успели также организовать в городе Шахты пункт для обучения партизан, а в самом Ростове — курсы по минноподрывному делу для возможного подполья. Занимались с «партизанами» и «подпольщиками» наши командиры-пограничники: капитаны Степан Иванович Казанцев, Трофим Павлович Чепак и Петр Антонович Романюк, уже знакомый читателю старший лейтенант Федор Андреевич Кузнецов, лейтенанты Иванов и Карпов, инструкторы Кретова и Белова, некоторые испанские товарищи, свободно владеющие русским языком. Обучалась на курсах и

группа людей, направленная Краснодарским крайкомом партии: изучала методы ведения партизанской войны на тот случай, если враг вторгнется на территорию края. Кстати сказать, впоследствии мы передали краснодарским партизанам большое количество минноподрывной техники, успешно использованной ими в борьбе против оккупантов. Словом, все первые десять суток пребывания в Ростове-на-Дону отдыху мы отводили считанные часы. Даже празднование Нового года ограничили сорока пятью минутами. Зато дело на месте не стояло.

Глава 12. Решения приняты. Командующий фронтом генерал Малиновский

Зимнее наступление советских войск продолжалось на всех участках огромного фронта. В конце декабря были освобождены Козельск и Калуга, Керчь ш Феодосия. Готовилась наступательная операция и в районе Донбасса. Военный совет Южного фронта снял с позиций и вывел в резерв командования Юго-Западного направления войска 9-й армии, а их прежнюю полосу обороны передал 56-й армии. Теперь 56-й армии приходилось прикрывать линию фронта протяженностью в триста километров, двести из которых, правда, приходились на побережье Таганрогского залива и дельту Дона. Учитывая растянутость боевых порядков армии и опасаясь выхода противника по окрепшему льду залива в тыл нашим обороняющимся войскам, Военный совет фронта требовал ускорить создание оборонительных рубежей, минирование берегов залива и дельты Дона, прорубить искусственные полыньи — сначала на подступах к Азову и Ростову, а затем и на протяжении ста двадцати километров вдоль южного берега залива. Мин, разумеется, не хватало, надо было срочно увеличить их выпуск, пришлось вновь обращаться в обком партии, к рабочим ростовских, новочеркасских, аксайских и азовских предприятий. Рабочие не подвели. А пока изготавливались мины, саперов и гражданское население направили долбить полыньи. Солдаты, женщины, подростки, освобожденные от военной службы мужчины — десятки тысяч людей вышли с ломами, кирками Лопатами на донской и азовский лед — зеленоватый, неподатливый, достигший кое-где уже полуметровой толщины. Зазвенели ломы, зашаркали лопаты… Адский труд! Крепкий, здоровый мужчина и то много не надолбит, к тому же на жестком морозе, под пронизывающим ветром. А полынью мало пробить, ее нужно, чтобы не замерзла, перекрыть жердями, а на жерди накидать соломы и снега. Да вот беда, жердей в степи не добудешь в нужном количестве! Считая устройство полыней крайне неэффективным делом, ведущим к неразумной растрате сил, мы с Журиным доложили свое мнение новому командующему 56-й армии генерал-майору В. В. Цыганову. Полнолицый, с нависшими на глаза бровями, несколько грузный генерал выглядел крайне суровым. В действительности Виктор Викторович Цыганов, знакомый мне по обороне Харькова, был далеко не стар, энергичен, заботлив по отношению к

подчиненным. Он был требователен, это верно, но его требовательность никогда не сочеталась с окриками или грубостью, напротив, подкреплялась прекрасным пониманием человеческой психологии и умением видеть дальше других. Выслушав наши доводы, Цыганов и член Военного совета армии бригадный комиссар Комаров согласились, что полыньи себя не оправдывают, сообщили свою точку зрения Военному совету фронта. Там с отменой полыней не спешили. Но член Военного совета Южного фронта И. И. Ларин, приехав в очередной раз в Ростов и проинспектировав работы на побережье, распорядился прекратить пробивку полыней, а минирование усилить: ставить мины не только на самых опасных направлениях, но и в любом мало-мальски пригодном для выхода противника на берег месте. Усилили в то время и минирование оборонительных рубежей 56-й армии и на ее переднем крае, и минирование «обводов». К слову сказать, генерал-майор Цыганов решительно поддержал идею создания на оборонительных рубежах системы траншей и развитых ходов сообщений. В полосе 56-й армии она строилась и совершенствовалась быстро. А в десятых числах января сорок третьего года, когда строительство и минирование оборонительных рубежей пошло полным ходом, Военный совет армии одобрил и предложение о создании специального батальона минеров для ударов по коммуникациям и опорным пунктам противника на северном берегу Таганрогского залива.

— Погодите радоваться, — сказал Цыганов, глядя на наши с Журиным лица.

— Резонанс от вылазок может Оказаться неожиданным, поэтому требуется санкция командующего фронтом. Вы, полковник, кажется, знакомы с генерал-лейтенантом Малиновским?

— Так точно. Встречались в Испании.

— Вот вы и поезжайте к командующему. Вам он вряд ли откажет. Только обязательно обговорите состав диверсионных групп и попросите обеспечить эти группы необходимым снаряжением! Последний раз я видел Малиновского шесть лет назад, в прилепившемся к подножью гор провинциальном испанском городке Хаене, где на одной из узких, как ущелье, средневековых улочек находилось пристанище диверсантов. Беседуя с нами, Малиновский сидел на подоконнике высокого стрельчатого окна. На широкие плечи накинута кожаная куртка, над. левой бровью нависал край черного берета. В штабе Южного фронта навстречу мне поднялся из-за стола грузный человек с гладко причесанными волосами, с озабоченным, одутловатым лицом. Прежними у него остались только глаза, вспыхнувшие

улыбкой узнавания. Слушал меня командующий фронтом внимательно, предложение осуществлять диверсии в тылу врага, совершая переходы через лед Таганрогского залива, одобрил, разрешил привлечь к этим действиям добровольцев из приданных инженерной группе частей, а также из числа командиров и бойцов 8-й саперной армии. Я сказал, что в оперативно-инженерной группе работают инструкторами испанские добровольцы:

— Они тоже рвутся в тыл врага, товарищ генерал!

— Как они морозы-то переносят? Ведь тут не Средиземноморье.

— Привыкли, не первый год у нас.

— Что ж. Пусть бьют фашистов, как били в Испании. Но уж вы их поберегите, комарада Вольф! - Слушаюсь, комарада Малино (Малино — псевдоним Малиновского в Испании)! Командующий рассмеялся, размашистым почерком написал на поданном мною докладе "Согласен. Малиновский" и, возвращая бумагу, пожелал боевой удачи. Я возвратился в штаб армии окрыленный. — Теперь времени не теряйте! — сказал Цыганов. — И да поможет вам саперная смекалка. Специальный батальон, В специальный батальон следовало отбирать людей не только сильных духом, но и очень выносливых физически, В должности командира спецбатальона утвердили старшего лейтенанта Николая Ивановича Моклякова, исполняющего обязанности командира 522-го отдельного саперного батальона. Этот рослый, крепкий тридцатипятилетний командир в возрасте восемнадцати лет вступил в комсомол, а двадцати четырех — в партию. Перед войной Мокляков работал инженером на Ново-Краматорском заводе, мог эвакуироваться с семьей в глубокий тыл, но написал на бланке выданной брони: "Я русский, коммунист, мое место на передовой!", отнес броню в военкомат и добился отправления на фронт. Предложение принять командование спецбатальоном Мокляков принял, не скрывая радости. Комиссаром у Моклякова стал старший политрук Захар Вениаминович Вениаминов, в прошлом неоднократно избиравшийся секретарем партийной организации одного из больших предприятий, имеющий опыт работы с людьми. Вениаминову было за сорок, но на здоровье комиссар не жаловался. Кроме того, он обладал завидным спокойствием, скоропалительных решений не принимал, и одной из любимых фраз его была фраза "Це дило треба обмозговати! " Поначалу добровольцев в спецбатальон из рядового и сержантского состава намеревались отбирать на общем построении частей. Но, когда по команде "Добровольцы, два шага вперед! " шагнул вперед весь бывший батальон Моклякова,

пришлось от первоначального намерения отказаться. В остальных батальонах, а также в 26-й бригаде 8-й саперной армии добровольцев отбирали без построения, беседуя с каждым персонально. На третьей неделе января состав спецбатальона определился. Командирам и бойцам выдали новое зимнее обмундирование, маскировочные костюмы, автоматы ППШ, саперные ножи, набор принадлежностей для работы с минами, кусачки, гранаты. Инструкторы оперативно-инженерной группы сразу начали обучать новичков искусству минирования и действиям в тылу врага. Но это было только начало! Еще предстояло решить, как диверсионные группы станут передвигаться по торосистому льду Таганрогского залива, преодолевая от 30 до 60 километров в одну ходку, как будут поддерживать связь со своей базой и между собою. О преодолении залива пешком или на лыжах думать не приходилось: ни пешком, ни на лыжах по льду далеко не уйдешь. Стало быть, требуются санные упряжки. Военный совет армии помог достать сани, выделил достаточное количество лошадей. Но первый же пробный выезд на лед обескуражил. Кони, хоть и подкованные со всей тщательностью, идти не могли, у них разъезжались копыта, а ветер принялся крутить сани. Соскочив на лед, минеры пытались помочь лошадям, удерживая сани, но заскользили, принялись выделывать прямо-таки цирковые антраша. Что за притча? Ведь местные рыбаки ездят по льду самым спокойным образом! Пошли на поклон к рыбакам. Те объяснили, что к санным полозьям нужно приделать железные «подрезы», чтобы рассекали лед, как ножи, не давая саням скользить из стороны в сторону. Коней — перековать на острые шипы, а к солдатским валенкам прикрепить «бузулуки» — род подковы с тремя шипами. С «бузулуками» человек может не только уверенно передвигаться по льду, но и карабкаться на отвесный берег. Сделали подрезы к саням, перековали коней, обзавелись «бузулуками» — новая загвоздка. Убедились, что одной ночи не хватит, чтобы уйти на задание и вернуться на базу под утро. Решение напрашивалось само собой: отправляться с нашего берега засветло, чтобы с наступлением темноты находиться в десяти-двенадцати километрах от врага, перед вылазкой немного отдохнуть. Однако движение диверсионных групп в дневное время могла легко обнаружить авиация противника. Значит, маскировочная одежда требовалась не только минерам, нои лошадям! Пришлось добывать белую материю, шить лошадям широкие маскировочные попоны-накидки с капюшонами. Облачили коней в новое одеяние — картинка из рыцарских времен, да и только! Зато уже с

расстояния в километр упряжи на фоне замерзшего залива и торосов стали совершенно неразличимыми. Задачу связи боевых групп с ездовыми санных упряжек, оставленных на ночь в торосах недалеко от северного берега, решили просто: снабдили ездовых карманными фонариками с разноцветными стеклами и изготовленными в нашей мастерской-лаборатории разноцветными спичками. Не удалось только добыть раций для связи с боевыми группами, но тут не мог помочь даже Военный совет фронта: не было тогда раций в нужном количестве… В последних числах января я доложил командующему армией, что спецбатальон к выполнению боевых заданий готов. Генерал Цыганов поставил задачу: не давать врагу свободно, передвигаться по северному побережью Таганрогского залива, уничтожать во вражеском тылу живую силу и технику, разрушать вражескую связь. План действия спецбатальона завизировали начальник разведотдела 56-й армии полковник Егнаров, майор Журин, начальник оперативного отдела армии майор Н. Д. Салтыков и я. Командующий утвердил план без поправок. * * * Морозное январское утро. Заметенная снегом дорога тянется над высоким обрывистым берегом. Залив лежит справа внизу, посверкивая на раннем солнце глыбами торосов, темнея прорубями, игрушечными фигурками рыбаков и санных рыбацких упряжек. Слева — степь. Ее лишь слегка припорошило, сквозь редкую крупку проглядывает потрескавшаяся от холода земля, а в балках снег лежит пухлыми перинами и нежно розовеет. Ступи в эту нежную перину " утонешь с головой… Пробиваясь сквозь заносы, подразделения специального батальона идут в Ейск, Шабельск и Порт-Катон. Впереди боевое охранение: взвод управления под командованием молодцеватого лейтенанта Владимира Дмитриевича Кондрашева. За боевым охранением на добрых конях — командование специального сводного батальона. За командованием — ровные колонны рот. Дымящаяся походная кухня, на передке которой сидит повар, даже на морозе не расстающийся со своей трехрядкой и терзающий мехи. Сани застенчивого, как девушка, военфельдшера Сердюка, сани с боепитанием, провизией… Одна рота и командиры-пограничники едут со мною на машинах в Ейск. Там будет штаб руководства вылазками в тыл врага. Едет Мануель Бельда — командир-испанец, герой походов в тыл фашистов, не унывающий ни при каких обстоятельствах. Он улыбается, и я уверен, он опять что-нибудь сказанул товарищам. Такой уж это человек! С ним и политрука не нужно. Его рассказы об Испании, о Долорес Ибаррури, о сражениях с фалангистами поднимают боевой дух солдат, зовут к самопожертвованию и подвигам во имя Родины.

Едет молчаливый младший лейтенант Яценко, всегда успевающий первым подметить, что кто-то из товарищей притомился, что кому-то прислали невеселое письмо, умеющий даже молчаливым присутствием успокоить, поддержать друга. Едет бывший испанский пилот, ныне боец Красной Армии Марья но Чико. Чико по-испански — мальчик. Фамилия никак не подходит Иарьяно. У него плечи и грудь тяжелоатлета, а ноги бегуна на марафонские дистанции. Чико! Веселый парень из Куенки! Родители мечтали видеть своего сына священником. Но он не признавал заповедей Христа, учившего смиряться и терпеть, и когда фашисты набросились на испанский народ, пошел в республиканскую армию, стал летчиком-истребителем. Он проповедовал истину огнем И-16. А сейчас готов проповедовать ее минами и автоматом. Он зиаетг другие разговоры с фашизмом исключены. Идет батальон. Идут и едут донецкие, московские, кордовские, рязанские, валенсийские, тульские, барселонские, алтайские и баскские парни. Идут коммунисты и комсомольцы, для которых битва с врагом — дело жизни и чести. Прибыв в расположение, я прежде всего выполнил приказ командующего армией; связался с командующим Азовской военной флотилией контр-адмиралом С. Г. Горшковым, чтобы договориться о взаимодействии спецбатальона с моряками. С моряками флотилии нам уже довелось встречаться и выполнять совместные задания. Несколько ранее оперативная группа направляла в район Азова, где охрану побережья несли отряды торпедных катеров № 14 и № 20, двух инструкторов по минированию. Наши инструкторы и личный состав отрядов устанавливали в районе Азова сухопутные и морские мины. Там я познакомился с командиром отряда № 14 Цезарем Львовичем Куниковым. Помню, он произвел впечатление инициативного, решительного человека. Откуда было знать, с кем свела военная судьба? Больше года оставалось до февраля сорок третьего года, до той ночи, когда отряд особого назначения под командованием майора Ц. Л. Куникова сумел занять небольшой плацдарм на западном берегу Цемесской бухты, вблизи предместья Новороссийска — Станички, получивший впоследствии название "Малой земли"… Выслушав меня, контр-адмирал Горшков попросил прибыть в Приморско-Ахтарск, выслав за мною У-2. Погода стояла ясная, безветренная, воздушный путь от Ейска до Приморско-Ахтарска занял всего сорок минут. Коренастый, широкогрудый, русоволосый контр-адмирал выглядел очень молодо. Я даже усомнился, достиг ли он тридцатилетия. А чуть позднее узнал, что первое впечатление оказалось правильным — Сергею Георгиевичу Горшкову в сорок втором исполнилось всего тридцать два года. Прочитав письмо

командующего 56-й армией, Горшков кивнул:

— Вылазки во вражеский тыл — дело хорошее. Но у вас же народ, как я понимаю, сухопутный? Я подтвердил, что моряков в спецбатальоне действительно нет.

— Вот то-то. А воевать придется все-таки на море, хоть и замерзшем. Поэтому, товарищ полковник, необходимо привлечь к вылазкам моряков. Но об этом договоримся позже, а сейчас послушайтесь-ка моих советов… И контр-адмирал не поскупился на советы, за которые его после не уставали поминать добром все минеры, начиная с комбата и кончая ездовыми. Сергей Георгиевич Горшков вообще уделял большое внимание вылазкам в тыл врага. По его приказу были сформированы боевые группы из команд кораблей, ходившие на северный берег залива с нами и самостоятельно. На любую нашу просьбу он откликался немедленно.

Глава 13. Через льды и торосы

Походы в тыл противника через Таганрогский залив начались с неудач. Только мы разместили бойцов по квартирам, разработали первый маршрут и назначили день и час выхода боевых групп, как подули сильные восточные ветра, завыл буран. Пришлось отсиживаться по рыбацким хатам. Вениаминов мрачно шутил: "Ждем у моря погоды, товарищ полковник! " Наконец к утру. 3 февраля стихло. Мокляков, командиры рот, испанские товарищи спрашивали, не пора ли начать. Чувствовалось, люди истосковались по делу. Что ж? Если погода устанавливается, пора! В третьем часу дня санные упряжки с минерами съехали на лед и вскоре исчезли за торосами, за снежной пылью. А к вечеру, в начале седьмого, небо вновь сделалось аспидно-серым, тучи, наползшие на степь и залив, словно бы придавили их, повалил крупными хлопьями снег, завыл и заметался восточный ветер. Ночью в батальоне не спали. Посты до утра дежурили на берегу, пытаясь что-нибудь разглядеть в слепящей ночной круговерти, подавали сигналы фонариками, но никто ничего не видел и не слышал. Безмерна тревога матери, проводившей в бой сына. Но безмерна и тревога командира, отправившего на опасное задание своих бойцов… Первыми возвратились под утро бойцы капитана Чепака. Он рассказал о том, что происходило. Боевые группы двигались вблизи друг от друга, выдерживая направление по азимуту. Налетевший буран застал их на полпути, и группы лишь к полуночи добрались до торосов перед северным берегом. Через час-другой показалось, что ветер ослаб и снег валит не так сильно. Стали пробиваться вперед. Поддерживая товарищей и лошадей, падая и поднимаясь, одолели еще шесть километров. И тут в снежной мути взмыли осветительные ракеты противника. В их неверном свете минеры различили два судна, вмерзшие лед. Оттуда, с неизвестных судов, ударили немецкие автоматы. Командиры отдали приказ на отход. Обратный путь оказался не менее тяжелым. Выбившихся из сил колхозных лошадей пришлось тянуть и подталкивать. Преодолевая торосы на середине залива, капитан Чепак потерял из виду остальные группы.

— Мы и в воздух стреляли, и гранаты взрывали, все без толку, — устало вздохнул Чепак. — Никого не нашли… На помощь не вернувшимся немедленно выслали группы поиска. Они углубились в залив, обшарили берега в районе расположения спецбатальона, но в буране никого обнаружить не удалось. Ветер

и снегопад прекратились только во второй половине дня. Тогда наконец наше долгое ожидание было вознаграждено: вдали, на ледяном поле показались черные точки. Навстречу им сразу помчались упряжки со свежими лошадьми. Они вывезли отделение Франсиско Гаспара. Сам Франсиско вылез из кошевки с трудом и. с трудом разлепил губы:

— Муй фрио [Муй фрио — очень холодно (исп.)] Час спустя в одиночку выбрался Чико Марьяно. В буране он отбился от товарищей, но упорно шел по компасу и одолел в буран и мороз сорок километров ледяной дороги. Поднимаясь на берег, Чико совсем не походил на того красавца, которого провожали восхищенными взглядами молоденькие рыбачки из Ейска. Шапка-ушанка туго завязана под подбородком, подшлемник густо облеплен инеем, в овале подшлемника потемневшая от стужи кожа и безмерно усталые глаза. А все же, взобравшись на берег, расправил плечи и выпрямился… Вскоре неподалеку от Порт-Катона вывел боевую группу Канель. Сам Канель обморозился очень сильно. Нос раздуло, ноги и руки распухли. Да что говорить! Чтобы снять примерзшую к волосам Канеля шапку-ушанку, пришлось его, растертого снегом, подержать у печи. Канеля срочно отвезли в военный госпиталь. Последними выбрались изо льдов и торосов люди капитана Казанцева. Группа капитана, возвращаясь, достигла южного берега залива чуть восточное Шабельской косы. Обрывистые берега не позволили выехать наверх. Лошади в глубоких прибрежных заносах встали, их пришлось бросить. В поисках удобного въезда на берег люди разошлись, выбираясь по двое, по трое. А один человек так и не выбрался. Ни в тот день, ни в два последующих. Им был наш испанский товарищ Мануель Бельда. Уроженец Андалусии, студент, сменивший книги на винтовку, чтобы защитить республику, отважный боец, ставший в двадцать два года командиром дивизии республиканской армии Испании, коммунист, посчитавший за счастье вновь сражаться с фашизмом даже в звании рядового! Пламенный патриот своей родины, он так мечтал вновь увидеть родную Валенсию! И вот — замерз! Я не сдержал обещание, данное генерал-лейтенанту Малиновскому, и до сих пор не могу оправдаться перед самим собой… Погода установилась на вторые сутки. Тогда в тыл противника из трех пунктов одновременно отправилась новые группы минеров. Одной из первых проникла на северный берег, неслышно пересекла фашистскую патрульную дорожку, установила мины и уничтожила вражеский грузовик с солдатами — боевая группа младшего лейтенанта И. М. Яценко. Незримыми, неслышными пробирались во вражеский тыл группы лейтенанта П. А. Романюк,

группы барселонцев Ипполито Ногеса и Франсиско Гаспара, младшего лейтенанта Ф. Е. Козлова, младшего лейтенанта А. В. Короленко, бывших летчиков Испанской республиканской армии Кано, Эсмеральдо, Браво, Устаросса и Эрерры, валенсийца Анхеля Альберки, бывшего механика Хуана, старшины М. А. Репина, рядового В. Липницкого, бывшего донбасского горняка сержанта Г. И. Ненепо, Франсиско Гульона и Рафаэля Эстрелло. Чтобы не пропала даром ни одна зимняя ночь, чтобы удары по врагу наносились непрерывно, минеры спецбатальона работали, выражаясь языком мирного времени, в три смены: пока одни совершали вылазки, другие готовились к походу, а третьи отдыхали. Каждую ночь в тыл противника проникали от двух до шести групп. И каждую ночь на северном берегу гремели взрывы, взлетали, в воздух вражеские автомобили, тягачи с орудиями, взрывались фашистские склады. К середине февраля гитлеровцы вынуждены были прекратить ночное движение транспорта по прибрежным дорогам между Бердянском и Таганрогом. По утрам, прежде чем пустить машины, оккупанты посылали на проверку дорог команды саперов, пытались тралить дорожное полотно тяжелогруженными санями. Тогда мы начали ставить мины, пропускавшие трал и взрывавшиеся под толкавшими сани бронетранспортером, и мины замедленного действия, которые приводились в боевую готовность спустя час-два после траления. Взрывы на дорогах продолжали греметь. Враг пытался пробивать возле северного берега полыньи — наши минеры перебирались через полыньи с помощью досок или появлялись там, где берег считался сильно крутым и непреодолимым. Враг усилил охрану побережья. Однако через каждые сто метров патруль не поставишь — личного состава не хватит, и минеры без труда отыскивали проходы в цепочке вражеских постов. Гитлеровцы кинулись минировать побережье. Это "было опаснее. За две ночи боевые группы потеряли трех бойцов. А потом научились не только снимать вражеские мины, "но и менять места их установки, уничтожать врага его собственными ловушками. Однажды минеры почти в плотную приблизились к занятому фашистами берегу. Анхел Альберка, возглавлявший дозор, провалился в снег и почувствовал, что нога запуталась в проволоке. Заграждение! Не исключено, что в нем мина натяжного действия. Тогда при малейшей попытке выдернуть ногу — взрыв, гибель, срыв задания…

— Стоять! Минное поле! — подал знак товарищам Анхел. Придерживая валенок за голенище, осторожно вытянул из него ногу. Достал из сумки мину-сюрприз, так же осторожно опустил в валенок, обмотал босую ногу шарфом, «обул» в вещевой мешок и

повел дозор дальше. Группа вышла в заданный район, заминировала дорогу, благополучно возвратилась к оставленным в торосах саням. Только тут заметили странную «обувь» Альберки.

— Ничего. Фрицы заплатят за мою замерзшую пятку! — отшучивался Анхел. Перебежавший-сутки спустя на нашу сторону полицай рассказал, между прочим, о валенке Альберки. Обходивший сторожевые посты обер-лейтенант заметил и приказал доставить странный предмет. Солдаты аккуратно отсоединили проволоку, опутавшую валенок, от собственных мин натяжного действия, вынесли трофей на берег. Тут из валенка вынули сверток, туго обвязанный шпагатом, разрезали шпагат и отправились к праотцам. С тех пор в батальоне шутили, что Анхел умудрился наподдать валенком фашистам через весь залив!.. Получая все новые и новые «сюрпризы», враг разнервничался. Каждый вечер фашистское боевое охранение выпускало в воздух многие десятки ракет, ощупывало залив лучами прожекторов, открывало бешеную ружейно-пулеметную стрельбу по каждой тени. Поддерживая автоматчиков и пулеметчиков, гвоздили по льду фашистские минометы и орудия. Догадавшись, что минеры выезжают на лед до наступления темноты, а возвращаются на рассвете, противник бросил против малочисленных боевых групп истребители. Но шел февраль сорок второго, а не июнь сорок первого года! Пытавшиеся патрулировать залив вражеские самолеты сталкивались в воздухе с советскими истребителями и, как правило, спасались бегством. Пробовало фашистское командование организовать вылазки собственных подразделений на наш берег. Они тоже использовали санные упряжки, а часть солдат пускали на коньках. Но встреченные огнем наших подразделений, несущих охрану берега, гитлеровцы всякий раз торопливо отступали. Раза два фашистские боевые группы столкнулись на льду с нашими, и тоже стремительно отошли, не приняв боя, бросив взрывчатку. Вскоре враг вообще оставил мысль проникнуть на южный берег… Боевая кобыла вызывает огонь на себя Случались неудачи и у нас, конечно. Как-то вражеские истребители сумели обнаружить и атаковать возвращавшуюся с задания группу младшего лейтенанта Козлова. Один красноармеец был убит, несколько человек получили ранения, побило всех лошадей. А ко мне сразу обратился лейтенант П. А. Романюк:

— Товарищ полковник! Позвольте вытащить лошадей!

— Для кухни стараетесь?

— Кухня само собой, товарищ полковник. Думка есть чучела из лошадей сделать.

— Понял! А сумеете?

— Не сомневайтесь! Романюк и его помощник младший лейтенант И. А. Науменко поработали на славу. Дня через два к северному берегу направились три упряжки. На первых санях сидели бойцы Романюка, на последних, покрытые белыми полотнищами, лежали чучела лошадей. За упряжками бежала шумная ватага шабельских ребятишек:

— Глянь, глянь, копыта!.. Это те кони, что фашист побил!.. Романюк с бойцами глубокой ночью остановились в километре от северного берега, за снежным валиком. "Подняли на ноги" макеты, запалили фитили сигнальных спичек, бросились в сани и погнали упряжки вдоль берега, чтобы не пострадать после того, что начнется через семь минут… Враг нервничал, пускал ракеты, а когда через семь минут вспыхнула возле макетов первая красная сигнальная спичка, совсем всполошились: заметались лучи прожекторов, ракеты взлетали стаями. И вот один из лучей прожекторов уперся в «лошадок». Что тут поднялось! Пулеметы, за ними — минометы. Грохот, взрывы, столбы воды из-под разбитого льда! Не менее получаса вели яростный огонь фашисты. Стрельба стала затихать после того, как взрывом макеты наконец разбросало. Утром Романюк вручил мне отличную схему огневых точек и минометных батарей противника на том участке, где стояли макеты: выдумка лейтенанта оказалась весьма полезной! Впоследствии минеры не раз использовали различные макеты для обнаружения огневых точек противника, принуждая врага впустую тратить сотни мин и снарядов. Взорванные 16 февраля два моста возле станции Буденовской, где стоял гарнизон гитлеровцев, навели оккупантов на мысль, что успешные действия Наших минеров осуществляются с помощью партизан, а партизанам способствуют "местные гражданские власти" из фашистских же ставленников. Рассказали об этом бежавшие с оккупированного северного берега люди. Мы подлили масла в огонь: уничтожили фашистскую комендатуру в Буденовской. Гитлеровцы, озверев, тут же расстреляли всех тамошних полицаев… Атомная тетрадь В ночь на 19 февраля, выполняя приказ генерала Цыганова, боевые группы младшего лейтенанта Козлова и сержанта Липницкого захватили двух пленных. Из показаний пленных явствовало, что обстановка благоприятствует нанесению мощного удара по северному берегу залива, и командование армии решило уничтожить вражеский гарнизон на так называемой Кривой Косе. Операцию приурочили к 24-й годовщине Красной Армии. По согласованию с контрадмиралом Горшковым для проведения операции создали сводный отряд из усиленной роты морской

пехоты батальона майора Малолетко и боевых групп спецбатальона. Перед заходом солнца 22 февраля сводный отряд под командованием Малолетко двинулся в путь. Фашистский гарнизон оказался неподготовленным к отпору, а гарнизоны из соседних населенных пунктов прийти ему на помощь не смогли. Минеры перерезали линии связи, густо минировали ведущие на Кривую Косу дороги, прикрыли фланги наступающего отряда. Морские пехотинцы и минеры захватили пленных, взорвали две артиллерийские батареи и три прожекторных установки, уничтожили все средства связи. А группа старшины Максима Алексеевича Репина захватила и доставила в штаб спецбатальона большое" количество различных документов противника, в частности, толстую общую тетрадь случайно заночевавшего на Кривой Косе и погибшего в бою немецкого офицера из инженерных частей. Тетрадь была испещрена графиками и формулами, сопровождавшимися пояснениями. Не владея немецким языком, я дал прочитать тетрадь одному из офицеров. Тот не нашел в ней ничего интересного:

— Все какая-то синтетика, товарищ полковник. Обычные фрицевские «эрзацы». Да еще бред об атомной энергии… Но я тетрадь не выбросил. Мало ли что! А места не пролежит. Успешное нападение на Кривую Косу породило мысль навести в рядах врага панику. Из отходов фанеры, жердей, проволоки и рогож наши умельцы смастерили «танки», "орудия", «грузовики» и «минометы», которые даже с небольшого, в полкилометра, расстояния выглядели как замаскированные танки, орудия, грузовики и минометы. Всю эту бутафорию в ночь на 26 февраля отвезли к северному берегу и установили в трех километрах от врага. Через четверть часа после того как сани с минерами отъехали от макетов, там стали помигивать огоньки самовоспламеняющихся спичек. Лучи фашистских прожекторов, конечно, скрестились на "потемкинской деревне", сооруженной минерами. Память о Кривой Косе была свежа, враг решил, видимо, что на этот раз русские бросили против него еще большие силы, и открыл мощный огонь из орудий и минометов. Чтобы «поощрить» фашистских артиллеристов, минеры предусмотрительно оставили возле макетов смоченные керосином рогожи. "Удачными попаданиями" гитлеровцы подожгли рогожи. А тут еще сработали поставленные минерами дымовые шашки. Дым, отлично заметный в лучах прожекторов, густо заклубился над утильсырьем, среди его клубов взметывалось пламя, гитлеровцы поняли, что пристрелялись, и обрушили на горящий хлам прямо-таки ураганный огонь артиллерии и минометов… Между тем февраль кончился,

наступил март. Пошел трещинами лед, расширились старые, появились новые полыньи. Совершать вылазки на северный берег становилось все труднее. Близились дни прощания с Таганрогским заливом. Контр-адмирал Горшков, учитывая это, просил прислать инструкторов для обучения моряков действиям в тылу врага, и мы направили в Приморско-Ахтарск Чепака и Рафаэля. А сами подготовили свою последнюю большую операцию на льду: уничтожение двух барж с военным имуществом в затонах станицы Весело-Вознесенской, с которых противник заметил боевые группы минеров в день первого, неудачного похода. Готовились к последней вылазке очень тщательно. Особенное внимание уделили оружию, непромокаемой обуви и сооружению удлиненных мостиков для преодоления разводий и трещин во льдах. В состав группы отобрали опытнейших проводников — сержанта Короленко, красноармейцев Трояна, Симоненко, Шапошникова, Чико Марьяно и Хосе. Но многие сочли себя глубоко обиженными тем, что не попали в состав группы. Прежде всего, командир взвода управления лейтенант Владимир Кондрашев, которому не раз обещали участие в вылазках. Пришлось включить в группу Кондрашева. Но тогда оказалось невозможным отказать и военфельдшеру Сердюку. Ведь человек специально изучил минноподрывное дело, так ждал, так надеялся! Однако уполномоченный СМЕРШа Афанасий Дымов, просмотрев список группы, покачал головой:

— Не пойдет. Я встревожился и огорчился:

— Как это "не пойдет"? Почему?

— А потому. Меня забыли. Или не доверяете? Я только руками развел и вписал в список его фамилию… Вместе с командованием спецбатальона я ожидал результатов действия группы и ее возвращения на наблюдательном пункте в станице Шабельской. В пятом часу утра вышли на берег. Под обрывом смутно темнел вспучившийся, покрытый талой водой лед. В пять часов одиннадцать минут в полной тишине встали из темноты в стороне Весело-Вознесенской неправдоподобно яркие султаны огня. Я нажал кнопку секундомера. Тоненькая стрелочка проскакала круг и отсчитала еще двадцать семь делений, прежде чем донесся сдвоенный звук взрыва. Звук заглох, султаны огня опали, зато по всему северному побережью мгновенно вытянулись цепочки мигающих огоньков, минуту-другую спустя задрожали артиллерийские сполохи, а потом и канонада послышалась. Группа благополучно возвратилась в Шабельскую. Отличился в этой вылазке лейтенант Кондрашев. Вместе с двумя бойцами первый подполз к баржам" снял часового, открыл подрывникам

путь. Вскарабкавшись на палубы барж, заставленные ящиками с минами и снарядами, бойцы группы установили мины замедленного действия и отошли незамеченными. Евдокия Ивановна — русская мама Гарсия Канеля Тепло и ветер взломали, сдвинули льды, над расползшимися дорогами солнечно синело высокое небо. Пора возвращаться в Ростов! Штаб спецбатальона подводил итоги: диверсионные группы минеров ходили в тыл врага сто десять раз; на вражеских дорогах, патрульных тропинках, вдоль линий связи, у занятых оккупантами зданий установлено семьсот сорок четыре мины; взрывами мин и огнем стрелкового оружия уничтожено свыше ста солдат и офицеров противника, выведено из строя пятьдесят шесть фашистских автомашин и два танка, подорвано семьдесят четыре телефонных и телеграфных столба, два моста, две баржи, четыре машины с прожекторами; батальон и моряки Азовской флотилии вынудили противника развернуть для обороны северного берега от Мариуполя до Таганрога около двух пехотных дивизий. В десятых числах марта подразделения спецбатальона покидали Ейск, Шабельск и Порт-Катон. Станичники высыпали из домов, толпились вдоль обочин. Минеров провожали как родных и близких. Да мы за полтора месяца и в самом деле стали близки друг другу! Рыбаки ежедневно доставляли на ротные кухни корзины со свежей рыбой, женщины-станичницы не жалели дров и кизяка, чтоб промерзшие бойцы и командиры хорошенько прогревались, поили возвратившихся из походов горячим фруктовым взваром, молоком, заваренным до черноты чаем, вязали для своих постояльцев теплые перчатки и носки, а солдаты помогали людям, чем могли, по хозяйству. По пути в Ростов я заехал в Шабельск проститься с колхозницей Евдокией Ивановной Пусташевой. В хате Пусташевых квартировало отделение Гарсиа Канеля. Читатель, наверное, помнит, что из первой вылазки в тыл врага Канель возвратился сильно обмороженным и тотчас был отправлен в госпиталь. Там сочли, что ему необходимо ампутировать пальцы на руках и на ногах. Евдокия Ивановна, узнав об этом, заплакала:

— Да как же можно такого парня увечить? Не позволю, не дам! Кинулась в кладовую, запаслась крынками, горшками, накинула тулупчик и пошла, несмотря на пожилой возраст ло льду в Ейск, в военный госпиталь. В тот день Канель получил первую передачу: горшочек гусиного жира для смазывания обмороженных частей тела, крынку сметаны и укладку с жареной рыбой. По два, по три раза в неделю ходила в Ейск русская женщина, чей сын сражался на другом фронте, носила испанскому парню гостинцы, наставляла врачей, как надо втирать

в обмороженную кожу гусиный жир. И вернула Гарсия Канеля в строй! С тех пор Канель называл Евдокию Ивановну своей русской матерью. Как же было не проститься с ней?.. Зашел я и в хату Ивана Саввича Оноприенко, пятидесятилетнего рыбака, отдавшего молоденькому красноармейцу тулуп:

— В шинельке-то холодно, сынок, а я на печке и без кожушка перезимую! Много рук пришлось пожать на прощанье, не на одних глазах увидеть слезы… Уходил батальон. А с обочины неслось: "Возвращайтесь! Осенью с победой приезжайте! На виноград, на яблоки! Ждем! " И бежали за ротными колоннами, разбрызгивая грязь, ейские, шабельские, порт-катоновские мальчишки.

Глава 14. Время надежд. Инженер Гриднев «химичит» ОЗМ

Весна приходит в город раньше, чем в деревню. Снег на ростовских улицах стаял, крутолобые булыжники мостовых мокро блестят на солнце, в предместьях чугунные тумбы водоразборных колонок напоминают присевших отдохнуть грузных черных птиц. Первым делом едем в лабораторию-мастерскую. Тут, как всегда, едко пахнет бикфордовым шнуром и гарью зажигательных снарядов, кипит работа. За время моего отсутствия Гриднев, Медведев, Косое, Белова и Кретова наладили выпуск управляемых противопехотных мин, создали надежные образцы подпрыгивающих и рычаговых мин, взрывающихся под днищем танка. Руководящие минированием обводов Артемьев, Чехонин, Минеев, Мартыненко, Козлов и Федоров с недавнего времени получают неплохую продукцию.

— А мы и вышибной заряд из аммонала сделали, товарищ полковник! — с ноткой торжества говорит Гриднев. Смотрю на Сергея Васильевича с недоверием. Перед отъездом на побережье мы беседовали об изготовлении осколочно-заградительных мин, так называемых ОЗМ. Заводы производят ОЗМ, используя обычные 152-миллиметровые снаряды. Установленные в землю, ОЗМ по сигналу или при механическом воздействии вылетают на поверхность, взрываются на высоте одного — двух метров, поражают живую силу противника. Несложно было бы конструировать ОЗС и из трофейных снарядов, но мы не имели вышибных пороховых патронов. Их следует раздобыть или сделать.

— А нельзя вместо пороха использовать аммонал? — поинтересовался Гриднев.

— Ничего не получится. Аммонал обладает бризантными свойствами и мину разнесет. Делайте пороховой заряд, Сергей Васильевич! На том и расстались, и вот, пожалуйста, сюрприз!

— Как же удалось перехитрить аммонал, товарищ Гриднев?

— Поедемте в поле, покажем!

— Увы, сейчас нет времени, еду в штаб армии. Но как только вернусь — держитесь, проверку учиним строгую? Штаб 56-й армии располагался не в Ростове, а в одном из подгородных сел. Здешние жители эвакуировались, улицы выглядели осиротевшими. Журина я нашел в хате, где размещался штаб инженерных войск. В полевых петлицах Евгения Михайловича уже

не два, а три прямоугольника: подполковник. Поздравил его, спросил, " как дела, какими думами живут в штабе фронта.

— Дела отличные. Создаем резерв противотанковых мин, — ответил Журин.

— А думы… Вы же читали приказ Верховного от 23 февраля? Инициатива в наших руках, стало быть, готовимся к жаркому лету! Я спросил, передал ли Евгений Михайлович командующему армии мою докладную о желательности создания специальных гвардейских бригад для действий на вражеских коммуникациях. Эту докладную я готовил в долгие ночи ожидания минеров, ушедших на северный берег Таганрогского залива. Докладную Журин передал, но сказать что-либо об отношении к ней генерала Цыганова не мог.

— Знаю одно: командующий приказал, как появитесь, направить вас к нему. Вот и пойдемте! Командующий армией квартировал в небольшой, неказистой с виду хате. Охрана, знающая Журина, пропустила к Цыганову без лишних формальностей. Сени и горница сверкают чистотой. Командующий, член Военного совета Комаров и начальник штаба Арушуньян сидят за кипящим самоваром.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, — взмахом руки прерывая обращение Журина, приглашает Цыганов. — В самое время успели, почаевничаем. Но тут же за столом просит подробно рассказать о вылазках минеров в тыл врага. Естественно, заходит речь и о моей докладной на имя И. В. Сталина. Командующий армией говорит, что прочитал докладную внимательно и со сделанными выводами согласен. Пользуясь случаем, спрашиваю, нельзя ли создать для начала хотя бы один гвардейский батальон минеров при 56-й армии. Цыганов качает головой:

— Не получится. Прежде всего понадобятся средства связи, а кто их без утверждения штатов даст? Попробуйте обратиться к командующему фронтом. Если спросят мое мнение, я поддержу. А сейчас, товарищи инженеры, попрошу срочно заняться минными полями в полосе армии. Весенние заботы минеров Утром следующего дня мы с Журиным выехали на ростовские обводы. Южное солнце пригрело, снег в степи становился серым, оседал, стаивал, взгорки оголялись, воздух над нами дрожал, разъезженные дороги вихляли. Из машины я видел ряды колючей проволоки в три и четыре кола, земляные нашлепки над дзотами, узкие, словно прищуренные для прицела бойницы дзотов, линии окопов, зигзаги траншей. Неплохо потрудились бойцы 8-й саперной армии генерал-лейтенанта А. С. Гундорова, 28-го управления оборонительного строительства полковника Мальцева

и ростовские жители! А вот и противотанковые рвы. Наполненные талой водой, они походят на оросительные каналы. Тревожит мысль, что на картах противника рвы уже отмечены. Не напрасно же ползают в небе фашистские самолеты-разведчики! Впрочем, врага ждет неприятное разочарование. Куда бы ни сунулся, повсюду наткнется на мины. Войска 56-й армии и оперативно-инженерная группа установили на обводах около двадцати семи тысяч мин. Капризная ростовская зима с ее свирепыми морозами, бурями и снегопадами, внезапно сменяющимися продолжительными оттепелями, конечно, усложнила жизнь минеров. Деревянные корпуса мин, установленные во время морозов, при оттепели набухали. Набухают они и сейчас, когда с каждым днем становится теплее. Мины приходится проверять. Все до одной. Даже металлические. Это нелегко, опасно. Журин сообщил, что несколько бойцов погибло, а несколько получили ранения. Возможны потери и в будущем. Но отказаться от проверки и восстановления минных полей нельзя. К лету они должны быть в полной боевой готовности… На ознакомление с минированием обводов и тыловых рубежей в полосе армии уходит почти двое суток. Убеждаюсь, что возле полевых дорог мины придется снять: дороги раскисли, шоферы грузовых машин, объезжают труднопроходимые участки, сворачивают на целину, возможны несчастные случаи. Минирование же тыловых рубежей лучше разделить ни два этапа. На второй день, к вечеру, приезжает из Ростова Гриднев, привозит осколочно-заградительные мины с вышибным патроном из аммонала. Отправляемся на один из внешних участков обводов, в открытую степь. Гриднев с бойцами устанавливает поодаль друг от друга две ОЗМ. Спускаемся в темное, пахнущее сырой землей и сырым деревом помещение дзота, устраиваемся у смотровых щелей. Гремит взрыв. По дзоту стучат осколки.

— Метров двенадцать. Высоковато! — замечает Чехонин. Второй снаряд взорвался в трех метрах над землей. Расставленные в радиусе 60 — 100 метров мишени оказались поражены все до одной! Гриднев принимал поздравления. Поздравил и я конструктора, но предложил продолжать испытания, чтобы добиться стабильности взрывов ОЗМ на высоте двух-трех метров. Артемьев взглянул на дело иначе:

— А может это хорошо, что снаряды способны летать далеко? Ведь в этом случае их можно применять не только в обороне, но и в наступлении! Я выразил сомнение в необходимости такого применения снарядов саперами и возможности достижения хороших результатов, но должен признать, что мои сомнения были необоснованными. Артемьев не расстался со своей идеей,

доказал ее ценность. В последние месяцы войны созданные им, сержантом Лядовым и другими саперами дальнобойные инженерные мины успешно применялись при штурме вражеских городов. Новая попытка создать спецбригады Весна набирала силу. Краснодарский край и Ростовская область все усилия направили на подготовку к посевной, на пахоту и сев. Одна за другой свертывали работу и наши партизанские школы. Я, правда, пытался отстоять их, доказывая, что выпускники школ могли бы успешно действовать и дальше, в других районах, например, в Крыму или на северном побережье Азовского моря. но мне возражали: там действуют свои партизаны, а помощь им оказывают и Красная Армия, и партийные органы! "Свои партизаны!" На оккупированной врагом территории действительно было оставлено или создано большое количество партизанских отрядов и диверсионных групп. Но ведь у партизанских формирований, за редким исключением, не было средств радиосвязи, а снабжение их взрывчатыми веществами, минами и оружием оставляло желать лучшего. Да и решения о создании органов руководства партизанскими силами все еще не было. Я постоянно раздумывал, как же все-таки поступить, что сделать для усиления ударов по коммуникациям противника? Такими же мыслями мучился Доминго Унгрия, о том же не раз говорил капитан Казанцев. Так я вернулся к мысли создать специальные бригады для действия в тылу врага. Предложение о создании таких бригад с приложенными к нему детально разработанными штатами и требованиями на материально-техническое обеспечение мы написали втроем, втроем же его подписали и отправили в Москву к П. К. Пономаренко. Но он эту идею не поддержал. По нашему мнению, подразделения предполагаемых бригад должны были выводить из строя коммуникации противника, уничтожать его боевую технику и живую силу во время перевозок, широко привлекая к диверсионной работе местных партизан. А пока вынашивались новые идеи усиления ударов по коммуникациям противника, оперативно-инженерная бригада закончила проверку и переустановку тридцати семи тысяч противотанковых и двадцати тысяч противопехотных мин, создала на танкоопасных направлениях резервы численностью в сорок пять тысяч мин, установила двадцать пять мощных радиомин. Закладывали радиомины бывшие наши сержанты, теперь уже лейтенанты Н. Сергеев, И. Гольцов, И. Кузнецов и другие опытнейшие минеры. А отдельные группы диверсантов продолжали успешно проникать во вражеский тыл. Словом, сделано было немало. Однако, генерал Цыганов по-прежнему настаивал на усилении и

совершенствовании обороны армии. Он даже возражал против требования нового начальника инженерных войск Красной Армии генерала М. П. Воробьева откомандировать оперативно-инженерную группу в его распоряжение. Генерал Цыганов хотел сохранить ее для действия в тылу врага. Признаться, мне и самому хотелось задержаться в Ростове, дождаться начала активных боевых действий, проверить на практике кое-какие новинки и" ряд усовершенствованных мин. Однако энергичные представления командующего 56-й армией в штаб Южного фронта результатов не дали.

Глава 15. Одной лишь думы власть. Нахлобучка от нового начальника

Оглушительно ревущий Ли-2, изрядно поболтав пассажиров на воздушных ямах, начал снижение. Пашни, лесочки, овраги встали на ребро, какая-то шустрая речонка рванулась течь в зенит, но в следующую мину пилот завершил вираж, и все вернулось на свои места. Толчок — мы катимся по аэродрому. Москва встречала не по-апрельски ярким солнцем, теплом, подсохшими тротуарами, многолюдьем, очередями у магазинов. По стенам домов, по ветровому стеклу «эмки» прыгали солнечные зайчики: женщины мыли окна. Боже ты мой, окна моют! Может, скоро вся жизнь, как земля под крылом самолета, встанет на места? Приехав в НКО, прохожу в свой кабинет. Сначала звоню начальнику штаба, но его нет на месте. Тогда звоню новому, четвертому по счету за минувший год, начальнику инженерных войск генералу Михаилу Петровичу Воробьеву. Мы знакомы. Встречались еще в сороковом, когда Михаил Петрович служил генеральным инспектором инженерных войск, а в сорок первом виделись на Западном фронте: (Воробьев принимал дела у генерала Васильева).

— Зайдите, — приглашает Воробьев. Он стоит у широкого окна. Внешне не изменился. Все так же коренаст, дороден, большеголов. Крупные черты лица хранят спокойствие. Докладываю о прибытии.

— Создается впечатление, что вы окончательно забыли о своей должности помощника начальника штаба инженерных войск! — здороваясь, замечает Воробьев. — Я подсчитал. За десять месяцев войны вы находились в штабе ровно месяц!

— Товарищ генерал! Оперативно-инженерные группы создавались не по моему хотению!

— Не оправдывайтесь! Партизанскими проблемами заниматься не нужно было! Воробьев предложил садиться и опустился в кресло сам.

— Впредь оперативно-инженерные группы организовывать не будут, — сказал он. Мы добиваемся создания отдельных инженерных бригад специального назначения. Заниматься они станут исключительно заграждениями. Вам предстоит принять участие в разработке штатов бригад. Охоту к перемене мест надо обуздать, товарищ полковник.

— Слушаюсь.

— И охоту к минированию кочками обуздайте. Как это вас угораздило нагородить под Ростовом этих кочек? Кто-кто, а уж вы-то обязаны знать, что противник не должен даже догадываться, где стоят мины!

— Этот способ неоднократно испытывался на полигонах. Оперативно-инженерная группа провела дополнительную проверку…

— Главным военно-инженерным управлением такой способ не утверждался, товарищ полковник, и пока я остаюсь начальником инженерных войск, утвержден не будет. Имейте в виду!

— Разрешите объяснить, товарищ генерал?..

— Не нужно ничего объяснять. Я дал указание прекратить минирование кочками, больше к этому вопросу возвращаться не будем.

— Слушаюсь. Разговор получился неприятным. Я сменил тему и доложил о тетради с загадочными формулами, найденными старшиной Репиным на Кривой Косе Таганрогского залива, достал эту тетрадь и протянул Воробьеву. Полистав тетрадь, Михаил Петрович пожал покатыми плечами:

— Сейчас не до загадок и таинств. Передайте тетрадь в аппарат уполномоченного ГКО по науке, пусть там разбираются. А сами отдохните и приступайте к выполнению — своих прямых обязанностей. Не смею задерживать! Возвратясь к себе, я спрятал в сейф папку с документами, но таганрогскую тетрадь оставил на столе. Набрал номер телефона представителя уполномоченного ГКО по науке Степана Афанасьевича Балезина. С Балезиным познакомились мы в начале войны. Приехав как-то с Западного фронта в Москву, я обратился к уполномоченному ГКО по науке, председателю Комитета по делам высшей школы Сергею Васильевичу Кафтанову с просьбой предоставить минерам расчеты для изготовления кумулятивных зарядов, рецепты и технологию изготовления тестообразных, или, как их стали называть позже, пластиковых ВВ, которыми можно было заполнять емкости любой формы. Кафтанов направил к своим помощникам — С. А. Балезину и К. Ф. Жигачу. Так и встретились.

— Балезин слушает! — раздалось в трубке. Я поздоровался, назвался, сказал зачем звоню.

— Приходите, рад буду видеть! У Балезина я провел около получаса. Химические формулы, заполнявшие тетрадь немецкого офицера, заинтересовали Степан Афанасьевича:

— Немедленно передам это ученым!

— Тут действительно что-то важное, ценное?

— Подождем заключения ученых! — улыбнулся, уклоняясь от

прямого ответа Балезин. Зачем нужен ОУЦ? Я не воспользовался предложением начальника инженерных войск отдохнуть, поехал после разговора с Балезиным не домой, а в один из переулков за станцией метро «Сокол». Там располагался Оперативно-учебный центр Западного фронта, первое фронтовое партизанское детище. В помещении средней школы, занятой ОУЦ, встретил все такой же хлопотливый, приветливый и не отвыкший от гражданского обращения Иван Петрович Кутейников:

— Илья Григорьевич! Дорогой! Здравствуйте! Спешить в ОУЦ у меня имелись веские причины. Судьба центра тревожила. За время своего существования он подготовил и перебросил во вражеский тыл почти четыре тысячи партизан, изготовил в мастерских более двадцати тысяч различных мин и более двадцати пяти тысяч особых ручных гранат. Созданные оперативно-учебным центром партизанские школы сделали еще больше! Но теперь, к весне сорок второго, здесь царил "полный штиль", как выразился в недавнем письме Кутейников. Крайне необходимых средств центру не отпускали, все попытки получить рации оказались безуспешными, а забрасывать партизана диверсантов глубокий вражеский тыл без надежды давать им необходимые указания, получать нужные сведения, выбрасывать им в указанные места взрывчатку и оружие представлялось бессмысленным: сорок первый год отошел в прошлое, действовать на коммуникациях врага следовало продуманно, по плану, во всеоружии мастерства и средств борьбы! Проходя за Кутейниковым в кабинет, я обратил внимание на одежду и обувь курсантов: обмундирование на них было зимнее. В кабинете Петр Иванович подтвердил, что летнего не выдают. И, понизив голос, доверительно сообщил:

— Пошли разговоры, что нас вскорости вообще ликвидируют, Илья Григорьевич! Сам посуди: ребята давным-давно программу обучения прошли, а их никуда не посылают, да и одевать, похоже, не собираются.

— И мысли такой не допускаю! Не могут центр ликвидировать!

— Оно вроде не должно бы… А с другой стороны, штаты-то наши до сих пор не утверждены, хоть девять месяцев прошло! Иван Петрович выглядел удрученным.

— Будем оптимистами! — сказал я. — У руководства, надо полагать, хлопот без ОУЦ хватало, а мы должной настойчивости не проявили. Ободрить Кутейникова ободрил, но на свою по-прежнему пустую квартиру возвратился встревоженный, обеспокоенный. Развернул карту, долго сидел над ней. Линия фронта все еще в шестистах-тысяче километров от западной

государственной границы. Оккупанты хозяйничают на территории, занимающей, по самым скромным подсчетам, площадь в миллион квадратных километров! Но ведь минимум четвертая часть этой площади находится вне контроля фашистских войск и фашистской администрации, а растянутые на многие сотни километров коммуникации врага проходят через леса и непролазные болота, по партизанским краям и районам!.. Еще в тридцать восьмом году я предлагал наркому обороны создать спецчасти для минирования и разрушения вражеских путей сообщения. Даже штаты таких частей разработал. Возвращался я к идее создания спецчастей не раз и во время войны. А поскольку от Пономаренко не было ни слуху ни духу, подумал, что сейчас сформировать специальные части можно из курсантов ОУЦ и различных партизанских школ, из испанских добровольцев, и сформировать быстро, без особых трудностей! А уж кадровые-то войска всем необходимым наверняка обеспечат! Я разыскал альбом с фотографиями, запечатлевшими результаты действия минеров в Испании, сделал кое-какие выкладки и на следующий день пошел к генералу Воробьеву. Однако генерал охладил мой пыл.

— Поймите меня правильно, — сказал Воробьев. — Я не противник действия минеров в тылу врага. Я за самые активные действия инженерной разведки, за посылку минеров на вражеские коммуникации, за широкое применение во вражеском тылу мин замедленного действия! Следует, видимо, включать в оперативны мероприятия штабов фронтов и армий операции инженерных войск по разрушению вражеского тыла. Но… Он даже руками развел:

— Ведь нарушением работы тыла противника призваны заниматься части Отдельной мотострелковой бригады особого назначения! И неуместно мне, начальнику инженерных войск, ставить перед руководством вопрос о создании для этой же цели еще и специальных инженерных частей! Согласны вы с этим? Идея ОМСВQНа принадлежит Павлу Судоплатову из НКВД. Омсбоновцы (ребята — орлы, кровь с молоком! Сам видел) должны были громить тыловые части и гарнизоны противника. К их счастью, бригаду так и не удалось укомплектовать полностью. В тыл врага забрасывались отдельные группы и отряды.

— Однако наши мины, товарищ генерал, могли бы парализовать вражеский транспорт!

— Меня убеждать не надо, сами видите!.. Забирайте альбом, может пригодится, и — за штаты специальных инженерных бригад, товарищ полковник! Сейчас прежде всего — эти штаты! Спуститесь наконец с облаков на землю. На землю я спустился,

над штатами инженерных бригад специального назначения работал вместе с другими товарищами самым добросовестным образом, но мысль о создании частей для нарушения работы вражеских путей сообщения не оставлял: ведь штаты инженерных бригад необходимых средств для действий в тылу врага не предусматривали. И тут осенило: нынешний заместитель наркома обороны, начальник артиллерии Красной Армии Николай Николаевич Воронов, в бытность свою старшим советником республиканской армии Испании, очень лестно отзывался о подразделениях минеров, действующих во франкистском тылу! Может, не забыл, может, держится прежнего мнения о минерах?! Добился приема у Воронова. Высокий, худощавый, он остался таким же, каким был в Испании: моложавым, подчеркнуто вежливым и любезным.

— Разрешите, товарищ генерал, обратиться по вопросу, далекому от артиллерийских дел. Я пришел за советом.

— Пожалуйста. Слушаю. Я снова выложил испанский альбом, повторил то же самое, что говорил генералу Воробьеву.

— Да, вы правы, это очень далеко от артиллерии, — кивнул Воронов, — Лучше поговорить с командующим воздушно-десантными войсками генералом Глазуновым.

— К сожалению, я с генералом Глазуновым не знаком.

— Это поправимо! — улыбнулся Воронов и поднял трубку телефона.

— Василий Афанасьевич! Здравствуйте! — сказал Воронов, соединившись с командующим воздушно-десантными войсками. — У меня находится сейчас полковник Старинов, знакомый по Испании. Нет, не артиллерист. Минер, диверсант. У него предложения по твоей части. Ты не найдешь времени принять Старинова?.. Да, полагаю, сможет. Спасибо. Воронов опустил трубку на рычаги аппарата:

— Глазунов просит вас зайти сейчас же. Я сказал, что зайдете.

— Благодарю, товарищ генерал-полковник!

— Не за что. Ни пуха вам ни пера! А альбом, если он не единственный, не уносите, пожалуйста. Может, удастся при случае кое-кому показать.

— Да, конечно, оставьте его, товарищ генерал-полковник! Командующий ВДВ В приподнятом настроении вошел я в кабинет генерал-майора Глазунова. Высокий, с зачесанными на косой прибор темными волосами, с изрезанным глубокими морщинами лицом командующий воздушно-десантными войсками был не один. У него находился незнакомый мне человек, тоже генерал-майор, но ниже ростом и пополнее. Оказалось, это начальник

штаба воздушно-десантных войск генерал-майор Спирин, — Видите ли, нам никогда не ставили задач по диверсионным действиям во вражеском тылу, — раздумчиво заметил Глазунов. — Наше дело — нанести внезапный удар, захватить важные объекты или позиции и удерживать до подхода главных сил. Впрочем, знание диверсионной техники и тактики нашим бойцам явно не помешает!

— Особенно, если подразделение будет выброшено на большом расстоянии от главных сил или попадет в трудное положение! — поддержал Спирин. Я приуныл:

— Но ведь речь шла о создании специальных подразделений, а не об отдельных исключительных, а то и печальных случаях!

— Давайте смотреть на вещи трезво, товарищ полковник! — успокаивающим голосом сказал Глазунов. — Вопрос о специальных батальонах или там бригадах мы сейчас все равно не решим. Не нашей компетенции дело! Но кое-что сможем сделать уже сейчас. У вас — опытные командиры, умеющие воевать в тылу врага, у нас — десантники и авиация. Вот и давайте ваших командиров для обучения наших бойцов! Согласны?

— Не возражаю, но…

— Остальное не в нашей компетенции, товарищ полковник! На том и расстались. Я направил, конечно, в воздушно-десантные " войска группу инструкторов-минеров, но разве это решало проблему? Что же предпринять, как добиться создания оснащенных по последнему слову техники специальных подразделений, способных длительное время успешно действовать в глубоком вражеском тылу? Опять Атомная тетрадь Занятый этими мыслями, я не придал значения телефонному звонку Балезина, благодарившего за доставленную ему таганрогскую тетрадь. До тетради ли с «эрзацами» было? Между тем именно телефонный звонок Степана Афанасьевича Балезина являлся большим событием, и обрадоваться ему я должен был бы в первую очередь. Правда, при условии, что Степан Афанасьевич тогда же разъяснил бы, что "химические формулы" в тетради являлись схемами ядерных превращений урана. Но по вполне понятным причинам Балезин об этом даже не обмолвился. Не обмолвился и о том, как насторожили схемы ядерных превращений урана самого Балезина и Кафтанова. Лишь много лет спустя я узнал, что записи в тетради, добытые на Кривой Косе старшиной Репиным, были расценены как свидетельство начавшейся в фашистской Германии работы по использованию в военных целях атомной энергии, тем более что Гитлер уже грозил человечеству каким-то секретным «сверхоружием», а в западной

научной печати внезапно прекратились публикации по ядерным исследованиям. На последнее обстоятельство обратил внимание ГКО служивший в авиации лейтенант Флеров, в прошлом — научный сотрудник физико-химического института, открывший вместе с Птржаком спонтанное деление ядер урана. По справедливому мнению Флерова, прекращение в западной научной печати публикаций по ядерным исследованиям означало, что эти исследования отнесены к строго секретным и, следовательно, Запад приступил к разработке атомного оружия. Балезин и Кафтанов предположили, что убитый на Кривой Косе фашистский офицер прибыл в южные районы нашей страны, временно захваченные гитлеровцами, не случайно, а для поисков урана. Словом, привезенная мною в Москву тетрадь оказалась для ученых важным документом. (Журнал "Химия и жизнь" в номере 3 за 1985 год опубликовал отрывки из воспоминаний С. В. Кафтанова. Сергей Васильевич пишет, что эта тетрадь наряду с предупреждениями Флерова побудила его и академика А. Ф. Иоффе обратиться в ГКО с письмом о необходимости создать научный центр по проблеме атомного оружия). Тут, как говорится, прибавить нечего. Однако сам я в то время об атомной энергии и не задумывался, по-прежнему целиком был поглощен идеей создания спецвойск для борьбы в тылу врага, на его коммуникациях. Увы, ничего серьезного предпринять в те дни я не успел, так как потребовалось срочно выехать на Калининский фронт и заняться тамошними заграждениями. Обстановка на Калининском фронте весной сорок второго года сложилась напряженная, обоюдоострая: советские войска угрожали флангам вражеских армий, а вражеские — флангам советских. В этих условиях недооценивать значение инженерных заграждений, особенно минновзрывных, не приходилось.

Глава 16. "Рота — не та единица!". Командующий фронтом Конев

Под горячим майским солнцем буйно выметывали траву придорожные поля, уцелевшие леса занимались зеленым пламенем, а обожженные войной рощи стояли, словно одетые в черное вдовы. Штаб инженерных войск Калининского фронта находился в одной из деревень западнее города. Туда добрались подсыхающим проселком. Начальник инженерных войск фронта полковник В. В. Косарев, крепкий, неторопливый в словах и движениях человек, сразу познакомил меня и прибывших со мною Чепака, Ильюшенко и Романюка с комиссаром штаба инжвойск полковым комиссаром А. К. Поповым и начальником штаба полковником М. Н. Тимофеевым. Тут же проинформировал об имеющихся заграждениях, о ведущихся работах, о нуждах фронта. Договорились, что наша маленькая группа побывает в армиях, осмотрит оборонительные рубежи, и тогда примем совместное решение по усилению заграждений, прежде всего минновзрывных. Объезд и осмотр оборонительных рубежей заняли более двух суток. Возвращаясь в штаб инженерных войск фронта, заехали в деревню Шеино, где находилась северо-западная оперативная группа ЦК партии Белоруссии. Руководители северо-западной группы посетовали, что партизанам не достает мин и взрывчатки. Я обещал поговорить об их нуждах с командованием Калининского фронта. Обсудив с Косаревым и его помощниками вопросы устройства и усиления минновзрывных заграждений, я передал начальнику инженерных войск фронта просьбу товарищей из северо-западной группы ЦК партии Белоруссии.

— Трудненько будет им помочь, но что-нибудь обязательно сделаем, — сказал Косарев. — Обещаю.

— А вы никогда не задумывались о возможностях самих инженерных войск по нарушению работы. вражеского тыла? — спросил я.

— Нет. А есть опыт?

— Да, и значительный. Я рассказал о действиях спецбатальона на северном берегу Таганрогского залива и спросил:

— Если я обращусь к командующему фронтом с соответствующим предложением, могу я рассчитывать на вашу поддержку?

— Конечно.

— Зачем же откладывать дело в долгий ящик? Давайте прямо сейчас и поедем к командующему! Косарев усмехнулся, покрутил головой, но возражать не стал, и через полчаса мы уже были в штабе фронта, а еще через час командующий фронтом генерал-лейтенант Иван Степанович Конев нас принял. Коневу в сорок втором исполнилось сорок пять лет. Это был среднего роста, крепкий, коренастый человек с обветренным, загорелым лицом и сильной, туго обтянутой воротником кителя шеей. Бритая голова, высокий, с тремя вертикальными складками лоб, крупный нос, светлые, пытливые, очень внимательные глаза. Спокоен и, чувствуется, уверен в себе. Косарев представил меня. Конев жестом пригласил сесть. Выслушал, помедлил, взглянул на Косарева:

— Ваше мнение? Косарев поосторожничал:

— Дело новое. Можно, видимо, выделить сейчас для обучения роту из сто десятого отдельного моторизированного инж. батальона. Конев тут же возразил:

— Для такого дела рота — не та единица, товарищ полковник! Выделим весь батальон! Хотя погоды и батальон не сделает… Стукнул по столу остро отточенным карандашом:

— Если мы хотим, чтобы удары по путям сообщения противника имели оперативное значение, фронту понадобится по меньшей мере бригада. Специальная и лучше всего воздушно-десантная. Заметив растерянность начальника инженерных войск фронта, Конев усмехнулся:

— Ничего, это уже моя забота! И позвонил дежурному:

— Вызовите Москву. Василевского. Дело с самого начала приобретало стремительный разгон! Конев повернулся ко мне:

— Вы сами-то, товарищ полковник, докладывали свою идею начальнику Генштаба?

— Никак нет, товарищ генерал. Докладывал только своему начальнику, генералу Воробьеву.

— Ясно. Начальство не обошли, но на полпути застопорили. А стопорить на полпути противопоказано! Вот что. Сейчас я поговорю с Александром Михайловичем, а вы, как вернетесь в столицу, немедленно с ним свяжитесь. Поняли?

— Понял, товарищ генерал!

— Хорошо. Больше не задерживаю. И, поднявшись, Конев коротким кивком отпустил нас. Я вышел, сияя как именинник, получивший долгожданный подарок. Косарев с гордостью спросил:

— Видите, как принимает решения наш командующий?! Начальник Генштаба Василевский Несколько дней спустя,

покончив с делами в штабе Калининского фронта, я возвратился в Москву. Столица встретила огорчительными новостями: войска Крымского фронта после тяжелых боев оставили Керченский полуостров и эвакуировались на Таманский, ударные группировки Юго-Западного фронта, громившие харьковскую группировку противника, оказались в результате контрударов врага в крайне тяжелом положении. Но уверенный, как большинство людей, что летом Красная Армия продолжит успешное наступление, я лишь досадовал на это: настроение оставалось приподнятым, тем более что вот-вот могли сбыться давние мечты о необходимости включения в оперативные мероприятия фронтов и армий действий инженерных подразделений в тылу противника. Для этого каждый фронт должен выделить и подготовить инженерный батальон, а каждая армия — саперную роту. Назаров и Воробьев вносят в проект незначительные редакционные поправки, подписывают окончательный текст и направляют в. войска, Неожиданно Воробьев осведомляется, что, собственно говоря, я делаю в Москве. Растеряно смотрю на него. И Воробьев, довольный тем, что шутка удалась, смеется:

— Приказ о вашем назначении командиром бригады подписан! Так что поезжайте к Коневу и вступайте в должность. Желаю удачи!

Глава 17. В должности комбрига у Конева

Перед отъездом из Москвы, представляю в Генштаб план нарушения работы коммуникаций противника перед Западным и Калининским фронтами. Я обратил внимание начальника оперативного управления на то, что штатное расписание бригады не предусматривает действий в тылу врага. Генерал Бодин, подумав, разрешает использовать для борьбы в тылу врага три батальона 5-й инженерной бригады и 110-й Отдельный моторизированный инженерный батальон:

— На первых порах достаточно, а там жизнь покажет… Генерал Воробьев оказывает бригаде большое внимание: позволяет отобрать из выпускников Нахабинского училища добровольцев для действий в тылу врага, не возражает против моего намерения забрать в бригаду молодых командиров, начинавших войну под Харьковом и Ростовом, всех работавших со мной инструкторов и испанцев. Отбоя от желающих ходить во вражеский тыл выпускников военного училища нет. Отбираем одиннадцать молодых людей, но увожу только двоих — лейтенантов Михаила Гончара и Петра Андрианова: в «эмке» больше нет места. Девяти огорченным юношам обещаю вызвать их в бригаду… Снова Ленинградское шоссе. Снова дрожат на щитке автомобиля белые стрелки приборов, уверенно лежат на руле темные от бензина, тавота и летнего солнца руки шофера Володина, резко пахнет нагретой кожей сиденьев, стучит по днищу гравий из наспех заделанных воронок. В зеркало заднего обзора вижу загорелые, с румянцем, молодые лица лейтенантов. Глаза у ребят жадно, словно в судьбу, вглядываются в несущуюся навстречу дорогу. Впрочем, какие же это «ребята»? Каждому двадцать первый пошел, в этом возрасте сам я уже около двух лет воевал против Деникина и Врангеля, был ранен, а мои тогдашние знания и физическую подготовку и сравнивать нечего со знаниями и подготовкой Гончарова и Андрианова! Лейтенанты мне нравятся. Они из рабочих семей, комсомольцы, в армию пошли добровольцами. Гончаров серьезен, обстоятелен, от его облика веет душевным здоровьем, в нем угадывается огромная физическая сила. Андрианов производит впечатление открытостью взгляда, основательностью знаний, редким спокойствием. Кроме того, он парашютист и, значит, человек смелый… В штабе Калининского фронта ожидали приятные известия: оставшиеся здесь группы капитана Казанцева, старших лейтенантов Чепака, Романюка и Ильюшенкова успели обучить

действиям в тылу врага личный состав 110-го Отдельного моторизированного инженерного батальона, перебросили в тыл врага на участке 3-й ударной армии первые группы хорошо подготовленных диверсантов, сформировали и направили в партизанские отряды и бригады несколько групп инструкторов с большим количеством взрывчатки. Одни только группы капитана Казанцева взяли с собой 1250 килограмм тола и 120 различных инженерных мин! Кроме того, наши товарищи организовали специальные школы по подготовке партизан при северо-западной группе ЦК КП(б) Белоруссии и при штабе Калининского фронта. Первыми на коммуникациях противника стали взрываться мины, поставленные группами П. А. Романюка, лейтенанта К. С. Соколова, Г. А. Криулина, хорошо знакомых читателю Канеля, Франсиско Гаспара, Чико Марьяно. Группы Чепака вырвались на важней-шую магистраль Смоленск — Вязьма. Отрадно было сознавать, что подготовленные за время войны командиры могут успешно работать и действовать во вражеском тылу без опеки, обрели уверенность и самостоятельность! Однако наряду с приятными известиями были и неважные. Выяснилось, что на фронте мало хороших инженерных мин. Личного состава строительных частей, на базе которых предстояло сформировать бригаду, не хватает, а на пополнение из резерва фронта рассчитывать не приходится. К тому же, учитывая обострение боевой обстановки, все без исключения инженерные части фронта, в том числе и 110-й ОМИБ, занимались только минированием оборонительных рубежей. Назначенный комиссаром бригады батальонный комиссар Алексей Иванович Болотин, в прошлом — старший преподаватель основ марксизма-ленинизма в Московском государственном университете, участник боев под Москвой и освобождения Калинина, принял мои командирские заботы близко к сердцу и очень помог в те нелегкие дни. С его помощью удалось довольно быстро наладить в Калинине производство инженерных мин, договориться в Калининском обкоме партии и Калининском обкоме комсомола о направлении в бригаду двухсот пятидесяти юношей и девушек, выразивших желание сражаться в тылу врага, доказать командованию инженерных войск фронта, что мы уже сейчас" можем направить в тыл противника один-два батальона минеров, чтобы выполнить план нарушения работы вражеских коммуникаций, представленный оперативному управлению Генерального штаба. Переброска и снабжение фашистских войск, увязших в длинном мешке у Ржева, Зубцова, Сычевки, Гжатска и Вязьмы, осуществлялась тогда по единственной железнодорожной магистрали Смоленск — ; Вязьма и единственному, параллельно

этой магистрали шоссе. Иными словами, развитой сетью железных и шоссейных дорог противник в этом районе не располагал, имеющиеся же использовал без особых мер предосторожности, и нарушение движения по ним, уничтожение на этом участке подвижного состава — паровозов, вагонов и платформ, уничтожение во время перевозки к фронту боевой техники и живой силы гитлеровцев имели бы серьезное значение.

— Даю "добро", — сказал полковник Косарев. — Однако, товарищи, окончательное решение вопроса зависит от Военного совета фронта. На прием к командующему фронтом генерал-полковнику И. С. Коневу и члену Военного совета корпусному комиссару Д. С. Леонову поехали втроем: начальник штаба инженерных войск фронта полковник Тимофеев, Болотин и я. Доложили о ходе работ по устройству минно-взрывных заграждений в полосе фронта, зашла речь об использовании подразделений 5-й инженерной бригады для нарушения работы вражеских коммуникаций.

— Автоматы получите, дадим пятьсот штук, — сказал Конев. — А что касается узлов связи и раций — не обессудьте, ничего нет. Раций не хватает даже в частях, где по штату положены. И тут же энергично продолжил:

— Тем не менее начинайте действовать! Сначала силами батальона. А накопите опыт, появятся дополнительные технические средства — и второй батальон выделим. При одном условии: планы заграждений в полосе фронта выполнять своевременно! Я заверил Конева и Леонова, что планы минно-взрывных заграждений будут бригадой выполняться в срок. Корпусной комиссар Леонов поинтересовался подбором и подготовкой кадров для действий в тылу врага. Болотин покраснел от волнения:

— Политотдел и партийная организация бригады понимает всю важность и ответственность задачи, товарищ корпусной комиссар! К людям мы приглядываемся, изучаем их. Во главе подготовленных для переброски групп поставлены коммунисты.

— Это правильно, — удовлетворенно сказал Леонов. — Ну, а вопрос о питании людей продуман? Учтите, население за линией фронта голодает, все, что имело, отдало партизанам, являться за линию фронта нахлебниками недопустимо! Болотин ответил, что командование бригады старается получить на складах самые легкие, питательные и удобные для переноса в вещевых мешках продукты.

— Очевидно, следует посоветоваться с медицинскими работниками, разработать вместе с ними оптимальный рацион, — поглядел на Конева член Военного совета.

— Верно. Тем более что снабжать диверсантов по воздуху не сумеем. Обратитесь к медицине, товарищи. Пусть дает рекомендации, а продуктами обеспечим, — сказал командующий, — Ну, что еще? По лицам вижу, есть еще что-то! Забираю испанцев к себе Меня опередил полковник Тимофеев:

— Товарищ командующий, полковник Старинов привез в бригаду воинов бывшей республиканской армии Испании, среди них часть — офицеры.

— Знаю, — сказал Конев, — Военный совет, по-моему, уже дал согласие зачислить испанцев в штат бригады. Да они, кажется, и вылазки во вражеский тыл совершали?

— Так точно. Совершали. Мы учли согласие Военного совета.

— Тогда в чем проблема?

— Сейчас командование бригады выдвигает на ряд командных должностей испанских товарищей и предлагает сохранить за ними те воинские звания, которые они имели в прошлом. Начальник инж. войск не возражает. Требуется приказ Военного совета.

— Список с вами? Тимофеев передал командующему подготовленный список. Конев пробежал бумагу глазами:

— Что-то маловато. Докладывали, что испанцев в бригаде куда больше. Тимофеев объяснил:

— Полковник Старинов часть испанцев отправил в партизанские отряды. Конев посмотрел на меня вопросительно, Я встал:

— Товарищ командующий, там они очень нужны. Но в бригаде может быть больше опытных минеров-испанцев, в армию просятся сотни. Однако не зная вашего мнения…

— А какое у меня может быть мнение? Берите всех, кто просится, всех зачислим, и по всем правилам! Решение Военного совета фронта об усилении ударов по коммуникациям врага, забота о минерах подняли боевой дух личного состава. Очень взволнованы были испанские друзья. Хорошо помню, как бережно привинчивал к петлицам гимнастерки алый прямоугольник Франсиско Гульон, как радостно и смущенно улыбались другие испанцы, впервые представ перед нами в форме командиров Красной Армии. В те дни обучение личного состава бригады методам ведения борьбы в тыл врага шло ускоренными темпами, но, к сожалению, мы по-прежнему могли направить в тыл врага только отдельные группы минеров. Задействовать для борьбы в тылу противника даже один-единственный батальон нашей бригады и 110-й ОМИБ не удалось: штаб фронта настойчиво требовал минировать оборонительные рубежи. Требование это диктовала осложняющаяся обстановка, и стало совершенно

очевидно, что развернуть мощную борьбу с противником на его коммуникациях, рассчитывая на штаты обычной инженерной бригады фронтового подчинения, не удастся: у такой бригады своих дел невпроворот. Поэтому 1 июля 1942 года мы с Болотиным направили доклад начальнику Оперативного управления Генштаба, информируя о том, что план нарушения "работы вражеских коммуникаций перед Калининским и Западным фронтами срывается и что воздушно-десантная бригада, которую просил у наркома обороны И. С. Конев, Калининскому фронту не выделена. Привожу несколько строк из этого доклада: "Осталось еще два-три месяца, наиболее пригодных для массового уничтожения поездов и машин, что, безусловно, может сковать врага на ряде участков, сорвать его оперативные и снабженческие перевозки. На первое время нужна только одна воздушно-десантная бригада. Последнюю можно сформировать на базе 110-го ОМИБа и двух батальонов 5-й инженерной бригады". Доклад отправлен. Остается ждать ответа. А пока — будни. Минируем, занимаемся с людьми, ездим по всему фронту, бываем и на Северо-Западном. Две встречи тех дней удержались в памяти. Однажды, приехав в штаб Северо-Западного фронта, я лицом к лицу столкнулся с командующим фронтом генерал-лейтенантом П. А. Курочкиным. В начале войны Павел Алексеевич командовал 20-й армией, в полосе которой мне довелось работать и впервые отправлять во вражеский тыл минеров. Командующий фронтом меня узнал, заинтересовался опытом действий подрывников на вражеских путях сообщений. В результате встречи возникла школа подрывников на Валдае. По просьбе Курочкина мы направили туда несколько инструкторов, и поработали они на Валдае неплохо. Железнодорожники-диверсанты Другая встреча произошла у полотна железной дороги с командиром 6-й железнодорожной бригады полковником Д. А. Терюховым. В 1924 году мы закончили одну и ту же школу военных сообщений. Сейчас Терюхов проверял работу подчиненных, я проезжал мимо, узнал его по высоченному росту и, конечно, остановил машину. Обнялись.

— Ты чего тут? — спросил Терюхов. — Опять рвать что-нибудь? Я объяснил, чем занимаюсь на Калининском фронте.

— Кстати, — спросил, — а ты не мог бы выделить хоть одну роту для действий в тылу врага? Терюхов хмыкнул:

— Роту! У меня тут знаешь какой народ? Рапортами завалили, рвутся фашистов бить. Но ведь нужно кому-то и со шпалами ковыряться. Я согласился с. этим. А Терюхов вдруг взял за портупею:

— Слушай… Это точно, что твои люди ходят туда? Он кивнул

в сторону линии фронта.

— Ходят. Там и сейчас несколько групп действует. Терюхов смотрел мне в глаза, на что-то решаясь, и вдруг сказал:

— А, гори все огнем! Выделю роту! Честное слово! Ведь под моей командой кто? Специалисты-железнодорожники! Им же ничего объяснять не надо, лучше других знают, где и что подорвать! Только — чур! Об этом никому, понял?

— Даю слово, что все останется между нами и Военным советом фронта.

— Все! Присылай инструкторов! В 6-ю железнодорожную бригаду мы направили трех инструкторов во главе с Ф. П. Ильюшенковым. К их приезду полковник Терюхов создал роту добровольцев под командованием капитана П. И. Около-Кулак. Рота насчитывала сто бойцов и младших командиров, Обучить их действительно было несложно. " Уже в июле несколько отделений роты в сопровождении инструкторов совершили первые выходы в тыл врага. Затем рота стала действовать самостоятельно. Впоследствии, узнав об успешных действиях бойцов капитана Около-Кулака, начальство Терюхова, к его досаде и огорчению, отозвало роту из 6-й железнодорожной бригады. Лишь после войны узнали мы, что подразделение отважного капитана долго, успешно и без потерь в личном составе действовало в глубоком тылу гитлеровцев.

Глава 18. Встречи в Москве. Бои за Ржевский выступ

Первым, кого я увидел в штабе инжвойск фронта, возвратясь во второй половине дня 2 июля из поездки в 1-ю Ударную армию, был озадаченный полковник Тимофеев.

— Вы уже информированы? — осведомился он.

— О чем?

— Значит, не знаете… Вот-с, батенька, не зря мы спешили с минированием! Гитлеровцы наносят сильный удар по Масленникову. Новость встревожила. Генерал-лейтенант Иван Иванович Масленников командовал 39-й армией, нависавшей с севера над железной дорогой Смоленск.

— Вязьма, а с востока — над дорогой Вязьма — Ржев. Армия глубоко вклинилась во вражескую оборону, занимая выступ площадью свыше четырех тысяч квадратных километров. Однако «коридор», связывающий 39-ю армию с основными силами фронта, был относительно узок, оставался самым уязвимым участком нашей обороны, составлял предмет постоянного беспокойства командования армии и Военного совета фронта. Естественно, я подумал, что противник нанес удар под основание занятого 39-й армией выступа, стремясь перерезать ее коммуникации. Тимофеев подтвердил, что дело обстоит именно так. В тот же день, давая указания сосредоточить усилия 5-й бригады на минировании оборонительных рубежей фронта, полковник Косарев мрачно заметил, что удар по армии Масленникова, учитывая его силу, может оказаться началом новой попытки вермахта прорваться к Москве. Он высказал вслух то, что было на уме у многих. К сожалению, Калининский фронт не располагал силами, достаточными для восстановления перерезанного противником «коридора» к 39-й армии. Командующий же армией в первые дни боев был ранен и эвакуирован в тыл. Его отсутствие усугубило тяжелое положение окруженных частей и соединений. Тем не менее они мужественно сражались с врагом, прорываясь к основным силам фронта. Мысли о возможности перехода к партизанским действиям у командиров корпусов и дивизий 30-й армии в то время не возникало. Командир одного из стрелковых корпусов даже пресек намерение Т. П. Чепака, находившегося с группой минеров в его распоряжении, остаться в тылу врага и действовать на коммуникациях гитлеровцев. Чепаку приказали прорваться к

своим вместе со стрелковыми подразделениями. Минеры понесли совершенно ненужные, ничем не оправданные потери, Пришлось через полковника Косарева просить командующего фронтом дать указание командирам соединений впредь не использовать диверсантов как стрелков, даже в критических ситуациях. В те дни, знойные и тревожные, усиленно минируя фронтовые рубежи, мы узнали о создании Центрального штаба партизанского движения и фронтовых штабов партизанского движения. Одновременно поступил приказ сооружать вблизи линии фронта, на "участках, где наступление противника представлялось наиболее вероятным, тайные склады минноподрывного имущества. Предполагалось, что в случае временного отхода наших войск ими воспользуются партизаны. Чтобы дать представление о масштабах этой работы, скажу, что один только 166-й батальон инженерных заграждений заложил сорок шесть складов. Помогли мы тогда и штабу партизанского движения Калининского фронта, выделив его представителям взрывчатку и мины. С первых чисел июня в тыл врага ушли 73 группы минеров. Выполнив задания, они возвратились в бригаду, почти не понеся потерь. Успешные действия этих отдельных, технически плохо оснащенных групп убеждали: направь мы в тыл противника регулярные подразделения специальных войск, способные осуществлять массовые, планируемые из одного центра операции на вражеских коммуникациях, результат был бы несоизмерим с полученным. По существу, такие специальные войска, действуя вместе с партизанами, могли полностью сорвать доставку пополнения, техники, боеприпасов и горючего армиям врага. Возможно, не удался бы удар гитлеровцев и по Масленникову! Мы много говорили на эту тему с Болотиным, прикидывая, как лучше действовать, пока специальных войск нет, и мучительно раздумывая над тем, как добиться их создания. В итоге раздумий пришли к выводу: надо писать И. В. Сталину! Никто, кроме наркома обороны, Председателя Государственного Комитета Обороны, вопрос о создании специальных войск для ударов по вражеским путям сообщения не решит! С проектом письма ознакомили прежде всего полковника Косарева, полкового комиссара Попова и полковника Тимофеева.

— Отправлять письмо без ведома командующего неуместно, — заметил Косарев. Командующий фронтом работал в те июльские дни крайне напряженно. Готовилась Ржевско-Сычевская наступательная операция, которую должны были совместно провести войска левого крыла Калининского и войска правого крыла Западного фронта. Им предстояло разгромить главные силы вражеской 9-й армии и ликвидировать так

называемый "ржевский выступ". На Коневе лежала огромная ответственность. И все же он нашел время ознакомиться с проектом письма на имя И. В. Сталина. Командующий фронтом сказал, что с основными положениями письма и сделанными нами выводами согласен, мысль о создании специальных войск для вывода из строя коммуникаций противника разделяет и письмо И. В. Сталину отправит.

— А вы поезжайте вслед за письмом! — неожиданно добавил он. — Пусть подключится к делу штаб инженерных войск Красной Армии! Ворошилов, Калинин, Маленков… С копией письма на имя И. В. Сталина мы явились к начальнику штаба инженерных войск генералу К. С. Назарову, так как генерал Воробьев в то время отсутствовал. Выезжал, если память не изменяет, на Брянский фронт. Назаров к нашей идее отнесся одобрительно.

— В ЦК звонили? — осведомился он. — Получено письмо?

— Получено.

— Хорошо. Пока его будут изучать и советоваться — заручитесь поддержкой компетентных лиц. Скажем, генерала Глазунова. Мы последовали совету начальника штаба инженерных войск Красной Армии, пошли к командующему воздушно-десантными войсками. Принял он нас без проволочек, согласился, что воздушно-десантные войска, конечно же, наиболее подготовлены для ведения диверсионных действий в тылу врага, но тут же сообщил, что воздушно-десантные части, с которыми работали инструкторы-минеры, отправлены на Южный фронт и влились в состав стрелковых соединений, ведущих бои в междуречье Дона и Волги.

— Время жестокое, никаких перспектив для действия десантников на вражеских коммуникациях сейчас нет, — сочувственно закончил Глазунов. Мы вышли из его кабинета растерянные. Если уж десантников используют как пехоту, то положение наверняка крайне серьезное, тяжелое, и рассмотрение нашего письма нельзя откладывать: именно удары по вражеским коммуникациям могут облегчить положение советских войск! Позвонил в экспедицию ЦК партии. Ответили, что письмо передано Ворошилову. Позвонил в приемную Ворошилова. Помощник ответил, что письмо получено и находится у Клементия Ефремовича. Звоню на следующий день. Отвечает другой голос, но ответ тот же. Мы с Болотиным нервничаем: бригада осталась без командира и комиссара, на фронте разворачиваются все более ожесточенные бои, а мы пребываем в бездействии! Наконец трубку взял сам Ворошилов. Я назвался, попросил принять нас с Болотиным. Ворошилов назначил час встречи. Обнадеженные, взволнованные пришли мы в Кремль.

Ворошилов был не один: у высокого окна кабинета сидел, чуть сутулясь, поглаживая бородку, Михаил Иванович Калинин. Присутствие Михаила Ивановича, старейшего члена партии, члена Политбюро ЦК партии, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, могло означать только одно: он в курсе дела. Это ободряло, но и ко многому обязывало.

— Доклад прочитал, — начал Ворошилов, указывая нам на стулья. — Согласен, что создание специальных частей для действий на вражеских коммуникациях — задача важная и актуальная. Товарищ Калинин того же мнения. Так, Михаил Иванович?

— Дело стоящее, — негромко поддержал Калинин. — Тем более что население в тылу противника обрадуется встрече с регулярными подразделениями Красной Армии, окажет им помощь. Начался разговор, продолжавшийся около часа.

— Надо направить товарищей в ЦК. Без ЦК ничего не решить, Клементий Ефремович, — посоветовал под конец беседы Калинин. Маршал тут же позвонил в приемную Г. М. Мален-кова — секретаря ЦК партии, члена Государственного Комитета Обороны, и договорился, что он примет нас с Болотиным. Через сорок минут были у Маленкова. Ответив кивком на наше приветствие, он взял письмо на имя И. В. Сталина, прочитал, сказал, что идею одобряет, предложил явиться к нему на следующий день к 11 часам дня вместе с начальником инженерных войск Красной Армии, имея на руках проект решения о создании спецбригад для действия на вражеских коммуникациях. Поскольку генерал Воробьев все еще отсутствовал, мы явились с генералом Назаровым. Просмотрев предложенный нами проект решения ГКО, Маленков позвонил начальнику Генерального штаба А. М. Василевскому:

— Александр Михайлович, сейчас к вам придут представители инженерных войск, оформите приказ НКО о создании спецбригад для действий на вражеских коммуникациях. Василевский что-то ответил.

— Вопрос решен, — ответил Маленков и положил трубку. — Поезжайте в Генштаб, товарищи. Желаю успеха. Через час нас с Болотовым (генерал Назаров, сославшись на занятость, уехал в штаб инж. войск) принял генерал-лейтенант Василевский. Принял, не стану скрывать, холодно. Возможно, наш приход был не ко времени, а возможно, начальник Генштаба был утомлен или чем-то расстроен: причин для переживаний летом сорок второго года у всех военачальников имелось достаточно. Беседа вышла крайне короткой и официальной. Василевский, взглянул на проект решения, сухо сказал:

— Передайте генерал-полковнику Коневу, что Генеральный штаб подготовит приказ народного комиссара обороны о создании специальных инженерных войск. Вы свободны. Холодный прием начальника Генерального штаба не мог остудить нашу радость. Георгий Димитров Прежде чем возвращаться на Калининский фронт, мы с Болотовым хотели решить еще один вопрос: вопрос о зачислении в бригаду бывших воинов республиканской армии Испании и других испанских товарищей, рвавшихся бить фашистскую свору. Большинство этих людей состояло в Коммунистической партии Испании, поэтому вопрос об их участии в боевых действиях следовало решать руководству КПИ. Однако руководство КПИ находилось тогда не в Москве, и мы с Болотовым обратились в испанскую секцию Коминтерна. Там приняли очень приветливо, выслушали внимательно, но ответили, что для окончательного решения вопроса нужно переговорить с генеральным секретарем Исполнительного комитета Коминтерна товарищем Димитровым. Мы смешались. Беспокоить по довольно несложному вопросу такого выдающегося деятеля международного рабочего и коммунистического движения? Уместно ли?

— Вполне уместно, — заверили нас, — Подождите, договоримся, когда товарищ Димитров вас примет. Принял нас Димитров через какие-нибудь пятнадцать минут. Не успели открыть массивную дверь кабинета, как из-за письменного стола поднялся, пошел на встречу богатырского роста, атлетически сложенный человек с огромной серебристой шевелюрой и черными как смоль усами. Димитрову в сорок втором году исполнилось шестьдесят лет. Возраст и трудная, исполненная борьбы жизнь, пребывание в фашистских застенках оставили следы на его мужественном лице, черты которого казались резкими и суровыми. Лишь большие темные глаза смотрели дружески-ободряюще.

— Проходите, проходите, товарищи! — с характерными болгарскими интонациями в густом голосе предложил Димитров. — Как говорят у меня на родине, добре дошли!. Расположились за письменным столом. Я сообщил о цели прихода.

— Знаю, испанские товарищи говорили. Дадим вам подкрепление! — ответил Димитров. — Бить фашистскую гадину должны все народы! Но мне еще сказали, что вы имеете большой опыт партизанских действий. Это так?

— Приходилось готовить пограничников, ходить в тылы франкистских войск, обучать минеров и партизан в эту войну.

— Скажите, а могут почерпнуть, что-либо из вашего опыта

бойцы сил Сопротивления в оккупированных странах Европы? Скажем, французские коммунисты? Маки ведут мужественную борьбу с гитлеровцами!

— Я полагаю, наш опыт не повредил бы, товарищ Димитров.

— Пожалуйста, разъясните, что именно следует использовать из вашего опыта? Я говорил довольно долго, подробно, даже чертил схемы, и Димитров слушал очень внимательно. Когда я закончил, задал множество вопросов. Его интересовало буквально все: как минеры переходят линию фронта, как передвигаются по оккупированной территории, как производят минирование путей сообщения врага. Беседовали около двух часов. Крепко пожимая на прощанье наши руки, Димитров сказал, что доволен встречей, благодарит за рассказ.

— Вам спасибо за сердечный прием, товарищ Димитров! Вскоре бригада получила пополнение: сто испанских товарищей. Они немедленно приступили к подготовке для действий во вражеском тылу.

Глава 19. Ухожу в партизаны

Генерал-полковника Конева результаты нашей поездки в Москву удовлетворили, в штабе инжвойск фронта нас поздравляли с успехом, бойцы и командиры 5-й инжбригады, уверенные, что их включат в состав спецвойск первыми, ходили именинниками.: Мы с Болотиным тоже верили, что в ближайшем будущем 5-я инженерная бригада получит новый статус, а с ним и новые штаты, новое вооружение и, главное, такие необходимые средства радиосвязи! Пока все шло по-прежнему: большая часть подразделений минировала фронтовые рубежи, в тыл врага ходили только отдельные группы. И когда 23 июля Совинформбюро сообщило, что подразделение, где командиром товарищ Старинов, пустило под откос десять поездов противника, мы расценили это не только как признание заслуг минеров, но в первую очередь как свидетельство того, что создание спецвойск не за горами! Не хочу, чтобы у читателя создалось впечатление, будто вопросы нарушения работы вражеских коммуникаций, вопросы разрушения вражеского тыла и создания для этого специально подготовленных подразделений тревожили только командование Калининского фронта, меня и моих близких товарищей. Читатель помнит, конечно, имена генерала Невского и военинженера 2-го ранга Ястребова — организатора и участника массового минирования в Харькове. Летом 1942 года они находились на Карельском фронте. Ястребов откликнулся на мое письмо, сообщил, что в отдельной инженерной бригаде специального назначения, где он является заместителем командира, развернута подготовка сотен минеров для действий в тылу врага. Уже после войны я узнал, что и на Западном, и на Южном фронтах к лету сорок второго года минеры некоторых инженерных бригад, минеры саперных и инженерных батальонов армий, а также минеры саперных батальонов стрелковых дивизий неоднократно ходили во вражеский тыл, разрушая вражеские пути сообщения, дорожные сооружения, уничтожая живую силу и технику врага. Надо полагать, их боевая деятельность говорила сама за себя, а Невский, Ястребов и другие командиры инженерных войск также обращались к высшему командованию с предложениями усилить удары по коммуникациям противника. Словом, идея создания специальных войск для уничтожения живой силы и техники врага во время перевозок к фронту носилась в воздухе. А события на южном крыле советско-германского фронта, где Красная Армия с кровопролитными

боями, нанося контрудары, вынуждена была с 17 июля отходить к Сталинграду, к Ростову и предгорьям Кавказа, подтверждали: медлить с ударами по растянувшимся вражеским коммуникациям недопустимо! И тут меня срочно вызвали в Москву, к заместителю наркома обороны начальнику Главного управления формирований Е. И. Щаденко. Я предложил А. И. Болотину поехать со мной: вместе начали дело, вместе и до конца доводить?

— Вы?! — удивился генерал Назаров, увидев меня на пороге своего служебного кабинета, — Михаил Петрович вас не вызывал, по-моему.

— Вызывали к заместителю наркома, товарищ генерал, но я полагал, вы знаете — зачем.

— Представления не имею. Может, Михаил Петрович?.. Но и генерал-лейтенант Воробьев не имел представления о причине моего вызова.

— Очевидно, что-то решилось со спецвойсками, — высказал он догадку, Это происходило поздним вечером, явиться к заместителю наркома на ночь глядя я счел неудобным, поспешил к Щаденко следующим утром. Центральный штаб партизанского движения Улицы Москвы, несмотря на погожий день, поражали малолюдностью, зато во 2-м доме НКО, в его дворах, коридорах, людей было много. Армейский комиссар 1-го ранга Щаденко, среднего роста, плотный, уже не молодой, с одутловатым лицом человек, выслушав представление, указал на кресло у письменного стола:

— Садитесь. Как доехали?

— Благодарю. Хорошо, товарищ армейский комиссар первого ранга!

— Знаете, зачем вас пригласили?

— Нет.

— Наркомат направляет вас на новую работу — в Центральный штаб партизанского движения, товарищ полковник. Заметив мою растерянность, Щаденко поощрительно добавил:

— Работа большая, важная. Сегодня же получите предписание и явитесь к товарищу Пономаренко. Он улыбнулся, и меня осенило:

— Понятно, товарищ армейский комиссар первого ранга! Спецвойска будут формироваться Центральным штабом партизанского движения! Широкие брови Щаденко приобрели форму треугольников:

— Какие спецвойска?

— Для минирования и разрушения вражеских коммуникации! Мы смотрели друг на друга: я — сияя улыбкой, Щаденко, морща

лоб и словно впервые меня увидев. Потом заместитель наркома пожал плечами:

— Не понимаю. Никаких спецвойск Пономаренко не формирует и формировать не собирается. Вас кто-то неверно информировал, товарищ полковник. В Центральном штабе и без того работы хватает. Сами увидите! Видимо, заместитель наркома сказал все, что хотел, потому что опустил глаза, придвинул блокнот и нажал кнопку, вызывая помощника. Я продолжал стоять, не спрашивая разрешения выйти. Двери за моей спиной отворились, вошел помощник заместителя наркома, а я все не мог найти нужных слов. Услышанное не укладывалось в голове. Вот-вот будут созданы спецчасти, за которые мы так ратовали, наша бригада будет преобразована, а сам я, выходит, отстранен от дела?

— Товарищ армейский комиссар первого ранга" Бригада, которой я командую, только что сформирована, начала действовать в тылу врага… — услышал я собственный осевший голос. Щаденко поднял голову. В его усталых, с выцветающей радужной оболочкой глазах я прочел недоумение.

— Ну и пусть действует! — сказал Щаденко. — У вас теперь другая работа. Что еще не ясно?

— Я не сдавал бригаду, товарищ армейский комиссар первого ранга! Разрешите остаться в ней! Только в очень большом огорчении можно разговаривать подобным образом со старшим по должности и званию. Но я-то находился в полном отчаянии!

— Как это — «остаться»? Что значит — "не сдавал"? — . с паузами, отчетливо спросил Щаденко.

— Моя бригада специальная. В ней много испанцев. Я добивался… — путано объяснял я ситуацию. Щаденко помрачнел.

— Работать надо там, куда ставят! — повысил он голос, — Куда ставят, а не там, где хотелось бы! Вопрос о вашем переводе решен, пересматривать его не будем. И посмотрел через мое плечо на помощника:

— Заготовьте предписание товарищу Старинову! Скрипнули двери, помощник вышел. Щаденко качая головой:

— Ему доверяют большое партийное дело, а он — «остаться»! А насчет испанских товарищей подумайте; Появится необходимость — зайдете. Через полчаса я спустился в вестибюль, где ожидал Болотин. Алексей Иванович сразу догадался: произошло нечто непредвиденное и огорчительное. Узнав новость, сник:

— А бригада? А спецвойска как же?

— Что я могу ответить, Алексей Иванович? Видно, есть какая-то срочная работа в Центральном штабе партизанского движения.

Больше ничего не знаю. В тот день мы надолго простились с Болотиным. Связь наша не прервалась. Писали друг другу, делились мыслями и новостями, которые можно доверить полевой почте, советовались по самым разным вопросам, но радость общей работы и каждодневного дружеского общения исчезла. Что поделаешь? До конца войны наши дороги так и не сошлись. * * * Я не вернулся в 5-ю инженерную бригаду мне больше не пришлось заниматься вопросами организации спецвойск для нарушения работы тыла противника, но я не вправе оборвать рассказ о бригаде, об ее людях, оставив читателя в недоумении относительно того, как же разворачивались события в дальнейшем, пусть в мое отсутствие. Начну с того, что идея создания специальных частей для нарушения работы тыла противниц частично в жизнь воплотилась: 17 августа 1942 год приказом наркома обороны в Красной Армии были созданы Отдельные гвардейские батальоны минеров а также Отдельная гвардейская бригада минеров при Ставке Верховного Главнокомандования "для минирования и разрушения коммуникаций в тылу противника". На Калининском фронте сформировали 10-й отдельный гвардейский батальон минеров. Из состава 5-й инженерной бригады в гвардейский батальон попала незначительная часть бойцов и офицера но 160-й и 166-й батальоны 5-й бригады продолжали действовать в тылу противника. Особенную активность они проявили в период с апреля по август1943 года, когда начальником штаба инженерных войск фронта был назначен полковник А. А. Винский — тот самый Винский, с кем наша оперативно-инженерная группа отходила от Харькова осенью сорок первого года. В конце мая 1943 года командующий фронтом даже приезжал в 160-й батальон для беседы с минерами, обратил внимание командования бригады на необходимость напрячь все силы для удара по коммуникациям противника, требовал четко планировать операции, увязывая их с операциями 10-го Отдельного гвардейского батальона минеров. Полковник Вин-ский договорился с командованием приданной фронту воздушной армии, организовал обучение минеров прыжкам с парашютом, и в июле сорок третьего в тыл противника на Калининском фронте перебрасывались по воздуху уже не отдельные группы, а роты минеров. Отважно, дерзко, успешно действовали в тылу врага воспитанные в 5-й инженерной бригаде рядовые, сержанты, старшины и офицеры. Семерым из них присвоили звание Героев Советского Союза: гвардии старшему лейтенанту Н. В. Колосову, старшему сержанту В. П. Горячеву, сержанту Д. М. Яблочкину, младшему сержанту В. Б. Ефимову, рядовым И. К. Базалеву, Ф. И.

Безрукову и М. В. Мягкому. Боевыми наградами и медалями были награждены сотни минеров. Среди них и мои испанские друзья. А что же молодые лейтенанты Гончаров и Андрианов, которых я привез из Нахабина? Яркой стала их боевая судьба. Не раз перебрасывались во вражеский тыл, подрывали там фашистские поезда и автомашины группы, которыми командовал Михаил Гончаров. В конце сорок третьего Гончаров стал капитаном, имел несколько высоких боевых наград. Войну закончил майором, учился в Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева, в звании полковника долгие годы преподавал в академии на кафедре миннoподрывного дела. Петр Андрианов прославился среди минеров фронта умением дерзко минировать вражеские железнодорожные магистрали среди бела дня. Отличаясь поразительным хладнокровием, предусмотрительностью и находчивостью, Андрианов своими руками успевал ставить мины буквально перед надвигающимся вражеским эшелоном. Известен он был еще и тем, что выводил из вражеского тыла советских людей. В конце августа сорок третьего вывел ни много ни мало — шестьсот человек, среди них — женщины с детьми. В сентябре сорок третьего отряд Андрианова численностью в двадцать пять человек перехватил и взял в плен восемьдесят восемь вражеских диверсантов, переодетых в форму воинов Красной Армии и до зубов вооруженных. В то время Андрианов, награжденный боевыми орденами, имел уже звание капитана. При выполнении одного из боевых заданий Петр Андрианов застудил ноги, тяжело заболел. Ему предлагали перейти на штабную работу, однако молодой офицер настоял на возвращении к своим бойцам, продолжал совершать боевые походы. В июне 1944 года подразделение капитана Андрианова и группа партизан были окружены большими силами гитлеровских карателей. Бой длился весь день. Вечером Андрианов повел людей на прорыв, расчистил гранатами дорогу товарищам, а сам упал, сраженный вражеской пулей… Если читающий эти строки побывает на Волге, он может увидеть красавец теплоход, на высоком борту которого сияют золотые буквы "Петр Андрианов". Родина увековечила память о молодом офицере-минере.

Глава 20. В новой должности

От Наркомата обороны до Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) было рукой подать, однако передумал я за этот путь немало. Значение Центрального штаба понятно: централизация руководства партизанским движением крайне необходима, и создание ЦШПД — событие чрезвычайной важности! Непонятно только, зачем понадобилось отзывать с фронта и направлять в ЦШПД именно меня? Правда, я несколько раз писал П. К. Пономаренко, назначенному начальником ЦШПД, предлагал создать бригады для нарушения работы вражеского тыла. Может быть, эти письма?.. Центральный штаб партизанского движения работал во вместительном старинном строении с мезонином и ложными колоннами во дворе особняка, где теперь находится" Музей Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Двор был плотно обставлен бывшими конюшнями и дровяными сараями, приспособленными под гараж и помещение охраны. Предъявив дежурному документы, я поднялся по лестнице с ковровой дорожкой на второй этаж. Все сверкало: натертый паркет, медь хорошо начищенных дверных ручек, свежая краска плинтусов и стен. Адъютант Пономаренко, докладывая обо мне, задержался в кабинете начальника штаба минут на пять. Наконец появился, пригласил войти. Пономаренко сидел за большим полированным столом в новеньком, с иголочки, кителе, плотно облегавшем тяжеловатую фигуру. Поднялся навстречу, с улыбкой выслушал представление, предложил сесть, придвинул к себе лежащую на столе папку, постучал по бумагам указательным пальцем:

— Вот понимаете, просматриваю ваше личное дело и никак не могу решить, кем вас назначить! Как было реагировать на эти слова? Отзывая меня с фронта, должны были, конечно же, заранее определить род моей деятельности, но, может быть, в последний момент передумали или в штабе имеется несколько вакансий? Я счел, что могу помочь Пономаренко:

— Пантелеймон Кондратьевич, насколько мне известно, в тылу врага партизанских штабов еще нет.

— Да. Нет.

— Так, может быть, создать такой штаб в тылу врага на Западном направлении, в одном из партизанских краев? На первых порах можно забросить в тыл гитлеровцев оперативную группу Центрального штаба партизанского движения.

— Нет. Одно дело оперативно-инженерные группы на фронте,

а другое — руководство партизанской войной в тылу врага. Там движением руководят партийные органы, подменять их мы не должны.

— Я имел в виду не политическое руководство, Пантелеймон Кондратьевич! Оперативная группа штаба занималась бы подготовкой специалистов диверсионной работы, планированием и координацией действий партизанских бригад и отрядов.

— Нет, товарищ Старинов, не нужны нам никакие оперативные группы и дополнительные штабы в тылу врага! — твердо сказал Пономаренко. — Совершенно не нужны!

— Тогда можно сформировать диверсионную бригаду. Я могу подготовить ее и вылететь с нею во вражеский тыл через две-три недели! Пономаренко снова покачал головой:

— Не то. Неужели вы думаете, что я добивался вашего перевода в Центральный штаб, чтобы тут же отправить за линию фронта? Я считаю, нужно организовать что-то вроде партизанской академии. Скажем скромнее — высшую партизанскую школу. Кроме того, штабу необходим начальник технического отдела. Вот и думаю, какое место вам больше подойдет. И еще: не совместить ли эти две должности — начальника технического отдела и начальника высшей школы и не назначить ли на такую должность именно вас?

— Это не мне решать, Пантелеймон Кондратьевич.

— Наладить производство различных мин вы сумеете, опыт подготовки диверсантов у вас большой… Пономаренко вызвал начальника отдела кадров штаба подполковника Тимошенко:

— Займитесь оформлением товарища Старинова. Он возглавит у нас технический отдел и партизанскую школу при штабе. Структуру школы продумайте вместе, а уж кадры для нее товарищ Старинов подберет сам. Он и людей знает, и куда нужно обратиться сумеет. Опираясь ладонями на стол, Пономаренко поднялся, выпрямился:

— На сегодня все, товарищ Старинов. Приступайте к делам. ** К моменту моего появления в Центральном штабе партизанского движения там уже шла работа по выявлению и учету всех партизанских отрядов, по установлению с ними радиосвязи, предпринимались усилия по снабжению партизан взрывчаткой, оружием и медикаментами, по организации лечения и эвакуации тяжелораненых и больных в советский тыл. Общее руководство Центральным штабом партизанского движения (ЦШПД) осуществлял от ГКО К. Е. Ворошилов. Кстати сказать, при обсуждении в ГКО вопроса о названии штаба Ворошилов предложил назвать его, как это было при Ленине, Главным штабом партизанских отрядов или партизанских сил. Однако

возобладала иная точка зрения. Рассказал мне об этом давнишний знакомый, товарищ по сраженьям в Испании Хаджи Джиорович Мамсуров. Я встретил его, по-прежнему стройного, смуглого, красивого, в коридоре штаба. Оказалось, полковник Мамсуров возглавляет здешнее разведывательное управление.

— Я считаю, что предложение Клементия Ефремовича было более правильным!

— категорично заметил Мамсуров. — Штаб есть орган планирования и разработки операций, задуманных командующим. А разве может быть командующий «движением»? Не может. Вот Главнокомандующий партизанскими силами — может! Ладно, об этом потом. Еще будет время! На Мамсурове лежала огромная ответственность за правильность сведений о противнике, исходящих от ЦШПД Сведения от партизан — пусть отрывочные и нерегулярные — поступали, но любые разведывательные сведения требуют перепроверки и подтверждений, причем" своевременных. Получить же проверенные, подтвержденные данные при тогдашнем состоянии связи было крайне трудно. Не легче" чем Мамсурову, было и другим работникам штаба. Например, осуществлять снабжение партизан взрывчаткой, минной техникой, вооружением и боеприпасами можно было лишь при наличии устойчивой, недоступной для противника радиосвязи. Но что мог сделать начальник отдела связи штаба полковник Иван Николаевич Артемьев, хотя и являлся крупным" специалистом в радиотехнике, если надежно работающие рации имелись только у шестой части учтенных штабом партизанских отрядов и соединений?! Неторопливый, сдержанный, Иван Николаевич выслушивал претензии Мамсурова и начальника оперативного отдела полковника Василия Федоровича Соколова, не показывая своих чувств, только розовел. А затем негромко советовал собеседникам обратиться по адресу: в ГКО, а еще лучше — прямо к Главнокомандующему, чтобы дали достаточное количество" раций, а заодно уж — и самолетов для полетов в тыл врага… В ту пору многое еще не было решено окончательно: отделы штаба только-только укомплектовывались, должностные обязанности некоторых работников еще уточнялись, формы контактов с Генеральным штабом, со штабами различных родов войск лишь начинали устанавливаться. Впрочем, ЦШПД и создан был всего два месяца назад, и даже единого мнения о возможностях партизан, о методах руководства партизанскими отрядами и соединениями, о самых эффективных способах ведения партизанской войны в нем пока не существовало. * * * Начальником новой школы при ЦШПД меня назначили приказом

от 1 августа 1942 года. Создавать новую школу, получившую название Высшей оперативной школы особого назначения (ВОШОН), начали с того, что затребовали из 5-й бригады бывших работников ОУЦ и испанских товарищей. Начальник инженерных войск Калининским фронтом полковник Косарев поначалу разгневался, но потом вошел в мое положение и требование удовлетворил. Правда, ветераны партизанской борьбы радости по поводу отзыва в Москву не выразили. Затем я обратился с письмом к командующему воздушно-десантными войсками генералу Глазунову, попросил откомандировать в школу тридцать десантников. Вскоре они прибыли: молодые, рослые, физически крепкие. Откликнулся на нашу просьбу и Высший военно-политический институт, прислал выпускников. Тоже молодые, в новеньких гимнастерках со скрипучими портупеями, они нет-нет да и посматривали на золотые звезды, нашитые на рукава, и на алые кубики, пришпиленные к петлицам. Многие из этих политработников имели опыт партийной и советской работы, хорошую военную подготовку, но о партизанской войне в тылу врага разве что у Фадеева читали. Я не раз назову их имена на страницах этой книги, К особой категории личного состава школы принадлежали знакомые читателю инструкторы минно-подрывного дела, работавшие когда-то в ОУЦ, потом в Харькове, Ростове и на Калининском фронте: Мария Степановна Белова, капитан Семен Петрович Минеев, капитан Владимир Павлович Чепига и еще несколько товарищей. Преподавая в ВОШОН минноподрывное дело. они и сами учились, осваивая тактику действия в тылу врага. Ну и, разумеется, совершенствовали знания, делились опытом с новичками ветераны-диверсанты Кампильо, Лоренте, Конисарес, Санчес Коронадо, Виеске, фусиманья, франсиско Гульон, Анхел Альберка, Бенито Устаррес, Хоакин Гомес. Я приказал привлечь к обучению и административно-хозяйственных работников школы: пусть хотя бы знают, кого, чем и для каких целей должны обеспечивать. Отдать такой приказ вынудил начальник финансовой части ВОШОН капитан А. С. Егоров, человек замечательный, работник прекрасный, но именно поэтому не позволяющий руководству школы ни на йоту отступать от бесчисленных параграфов бесчисленных инструкций, регламентирующих финансирование. Втайне я надеялся, что Егоров увлечется минноподрывным делом и станет помягче. Увы, эта моя «диверсия» не удалась: минноподрывное дело и тактику действия в тылу врага начфин изучил досконально, всего год спустя стал заместителем по диверсиям у Героя Советского Союза А. ф. Федорова, но поблажек мне и моим помощникам, пока оставался начфином школы, не

сделал ни разу. Нашлись среди обслуживающего персонала школы и другие товарищи, ставшие энтузиастами минноподрывного дела, дерзко сражавшиеся в тылу врага. Среди них — начальник санчасти школы Б. Н. Казаков. Просто решился вопрос о переводчике для занятий с испанскими курсантами: я вызвал из эвакуации жену с детьми, и Анна, знакомая испанцам еще по вылазкам под Хаеном и Гренадой, сама неплохо знающая минноподрывное дело, свободно владеющая испанским языком, снова стала верной моей помощницей.

Глава 21. Перемены

Знойный, душный август сорок второго. Голос Левитана мрачен: на Юго-Западном и Южном фронтах наши войска оставляют город за городом. Именно в эти грозные, трагические дни решаются многие назревшие вопросы партизанского движения. В передовой статье "Партизаны, крепче удары по врагу!", опубликованной 13 августа, «Правда» призывает учичтожать живую силу и технику противника прежде всего во время железнодорожных перевозок: "Славные партизаны и партизанки! Бейте врага, уничтожайте его вооружение и технику в пути, на его коммуникациях, на подходе к фронту, в глубоком вражеском тылу! " Испытания, учения… Как раз 13 августа мы начинаем испытания различных способов диверсий на железных дорогах. Подрываем обычные заряды и так называемые «кумулятивные» — конусообразные, направленного действия. Производим крушения с помощью разнообразных мин, проверяем эффективность зажигательных устройств, обстрела паровозов и цистерн из винтовок, пулеметов и противотанковых ружий, ищем наиболее рациональные способы расположения противопоездных мин, позволяющие добиваться результатов с наименьшей затратой взрывчатки: ведь у партизан каждая толовая шашка была на вес золота! Выслушав доклад о результатах испытаний, Пономаренко спрашивает, нельзя ли организовать показ минноподрывной техники группе партизан, прибывших в штаб на короткое время. Отвечаю, что договорюсь с начальником военных сообщений Красной Армии И. В. Ковалевым, попрошу выделить нам железнодорожное испытательное кольцо. Нам разрешают воспользоваться испытательным кольцом, назначают дату — 18 августа. "Диверсионные группы" прибыли на место близко к полуночи. Мрак стоит — глаз коли! Слышны осторожные шаги «патрулей», охраняющих железнодорожные пути. В «патрули» включены партизаны, которым будет показана техника. Это народ внимательный, осторожный, но и «диверсанты» не лыком шиты. Утро. «Патрули» и «диверсанты» собрались вместе. Приезжают Пономаренко и работники штаба. Предлагаем им и партизанам осмотреть пути. Экзаменаторы недоверчиво оглядывают железнодорожное полотно, заляпанные мазутом камни балласта, шпалы, ровные ниточки рельсов, осторожно делают первые шаги. Трое партизан, прежде чем сделать шаг, пробуют балласт щупами: понимают, что им могли приготовить сюрприз. Увы, вскоре раздается хлопок и появляется дым: взорвалась первая

«мина», рассчитанная на уничтожение «щупальщика». А вот и вторая, и тре-тья… Найти хотя бы одну мину и обезвредить ее не су-мел никто. Тогда "по кольцу пустили поезд. И началось! Вспышка, дым, вспышка, дым, вспышка, дым! Пошел поезд в обратном направлении — опять «взрывы»! Это откликаются «мины» замедленного действия и мина-рапида, Так мы смогли убедить партизанских вожаков в преимуществе некоторых мин, совершенно незаметных для машинистов поездов и требующих всего 10–20 секунд для установки, а также в преимуществах мин замедленного действия, надежно срабатывающих даже при установке в балласт, вне контакта с рельсами и шпалами железнодорожного полотна. Потом показали, как собирать мины из деталей, которые партизаны могли добывать или изготавливать самостоятельно. «Десертом» стали неизвлекаемые мины, показанные С. В. Гридневым. К сожалению, обещать, что эти мины скоро поступят в партизанские отряды мы не могли… Проблемы, проблемы… Каждый вечер, закончив занятия в школе или испытания на полигоне, я возвращался в ЦШПД, где задерживался до глубокой ночи. Шла работа над различными документами, и среди них над самым важным — проектом приказа наркома обороны "О задачах партизанского движения". Необходимость издания такого приказа диктовалась, в частности, отсутствием единого мнения о возможностях партизан, о тактике партизанских вооруженных сил, о методах борьбы с врагом в его тылу, о необходимости оперативного руководства партизанами и материального обеспечения их из советского тыла. Некоторые военные руководители" например, Мехлис, находили, что никакой особой стратегии и тактики у партизан нет и не может быть; нападай на врага в подходящий момент и тут же скрывайся, а предложение снабжать партизан оружие "и взрывчаткой называли вредной болтовней: мол, это породит среди них иждивенческие настроения, позволит уклониться от боевого соприкосновения с врагом!

— Партизаны и так засиделись в лесах да болотах! — говорили защитники подобной точки зрения. — Пусть вылазят, пусть нападают на гитлеровцев, вооружаются и снабжаются за их счет, а не попрошайничают у партийного и советского порога! Однако сама жизнь убеждала: партизанские отряды растут быстрее и действуют активнее именно там, где им оказывают постоянную помощь из советского тыла. В Белоруссии, например, такую помощь получали витебские партизаны. С марта по сентябрь сорок второго года им переправили более одиннадцати тысяч винтовок, шесть тысяч автоматов, тысячу пулеметов, пятьсот противотанковых ружей, большое количество

боеприпасов, гранат и взрывчатых веществ [История Великой Отечественной войны в 6-тн т. — М.: Воениздат, 1961. Т, 2. С. 478.]. И что же? Численность витебских партизан к началу сорок третьего года составляла почти половину численности всех белорусских партизан, хотя Витебщина занимает лишь десятую часть территории СССР! Ворошилов резко выступал против взглядов Мехлиса и других, малосведущих в вопросах партизанского движения людей. Поэтому проект приказа, в частности, четко определял главную стратегическую задачу партизан — уничтожение живой силы и техники врага на пути их следования к фронту по железным дорогам. В конце августа — начале сентября Центральный штаб партизанского движения по поручению ЦК партии провел совещание представителей подпольных партийных органов и комиссаров крупных партизанских формирований Украины, Белоруссии, Смоленской и Орловской областей. На совещании присутствовали руководящие работники ЦШПД. Выступая с докладом, начальник ЦШПД Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко призывал партизан не ожидать, пока их вооружат какой-либо теорией партизанской войны, а бить немца там, и тем, что есть, активнее проводить крушения вражеских поездов. Командиры и комиссары партизанских отрядов все как один указывали на необходимость действенного руководства вооруженными силами партизан, предлагали штабу разрабатывать крупные операции против врага, остро ставили вопрос о снабжении партизан оружием, взрывчаткой и рациями. Партизан удивляло, почему, обрушивая на железнодорожные узлы противника тысячи тонн взрывчатки, заключенной в авиабомбы, партизанам сбрасывают ту же взрывчатку лишь десятками килограммов? Командиры партизанских соединений утверждали, что эффект от подрыва железнодорожных эшелонов врага всегда значительней, чем от бомбардировок. Герой Советского Союза М. И. Дука после войны вспоминал, что десятки, сотни авиабомб, сброшенных на станцию Брянск, вызвали лишь четырехчасовой перерыв в движении фашистских эшелонов, и говорил, что с таким же количеством взрывчатки, попади она к партизанам, можно было парализовать все движение на участке Брянского железнодорожного узла, выведя из строя сотни паровозов, тысячи вагонов, платформ и цистерн! Командир рейдирующего украинского партизанского соединения С. А. Ковпак, обращаясь с просьбой улучшить снабжение партизан, убеждал давать его соединению в первую очередь именно взрывчатку, а не патроны: имея взрывчатые вещества, соединение сможет направить на вражеские коммуникации в разных направлениях десятки диверсионных

групп, нанесет гитлеровцам большой урон, посеет в стане врага панику, дезориентирует фашистов, и не беда, если при этом партизаны выйдут в рейд на несколько дней позже.

Начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко обещал учесть партизанские пожелания и просьбы [В годы войны партизанам было передано почти 100 % имевшихся у ни х средств радиосвязи, 95 % использованных партизанами средств взрывания, 70 % взрывчатки, более 90 % противотанковых ружей, около 80 % автоматов и патронов к ним.]. В ночь на 1 сентября участников совещания приняли в Кремле руководители партии и правительства. Через четверо суток, 5 сентября И. В. Сталин подписал приказ "О задачах партизанского движения". А на следующий день, 6 сентября, в Красной Армии ввели должность Главнокомандующего партизанским движением. Назначили на эту должность К. Е. Ворошилова. Ворошилов — партизанский Главнокомандующий! Вступлением в эту должность Ворошилов ознаменовал привлечением к работе в ЦШПД опытнейших военачальников: генерал-лейтенанта артиллерии Сивкова и генерал-лейтенанта Р. П. Хмельницкого. Сивкову поручили возглавить оперативное управление штаба, а Хмельницкому — управление материально-технического обеспечения. Учитывая, что к середине сентября за линией фронта находилась советская территория площадью уже около миллиона пятисот тысяч квадратных километров и что в сотне километров от линии фронта у немецко-фашистского командования имелись только охранные дивизии, потрепанные резервы и тыловые части, то есть крайне малое количество войск, Ворошилов считал необходимым немедленно подготовить и провести мощные удары по фашистскому тылу, парализовать работу вражеских железных дорог. Генерал-лейтенант Сивков и его подчиненные приступили к разработке ряда крупномасштабных операций. Буквально весь штаб включился в подсчеты будущих потребностей партизан во взрывчатке, вооружении, боеприпасах, радиостанциях, минах и других средствах борьбы. Ворошилов, настойчиво добиваясь обеспечения партизан радиостанциями, неустанно повторял, что это не только военный, не только технический, но в первую очередь важнейший политический вопрос! По приказу маршала мы постоянно писали требования на самолеты для полетов в тыл врага и доставки партизанам средств борьбы. Самолеты давали, но их не хватало, и Ворошилов распорядился создать запасы материально-технических средств. Являясь членом ГКО, он знал, что к весне сорок третьего года промышленность увеличит выпуск танков, самолетов, орудий, других видов оружия, боеприпасов,

минноподрывного имущества и средств связи. Так у него появилась мысль уже не просто создать запасы материально-технических средств для партизан, но и разработать, а затем узаконить табели[15] потребных партизанам средств борьбы. Естественно, встал вопрос и о табельных минах. Маршал приказал устроить выставку мин, чтобы отобрать лучшие образцы. В конце сентября технический отдел штаба такую выставку подготовил, и на целый ряд выставленных мин был вскоре сделан заказ Военно-инженерному управлению Красной Армии. Поддержал Ворошилов и идею создания в тылу врага регулярной партизанской армии, высказанную генералом Сивковым. Начальник оперативного управления ЦШПД исходил из того, что в тылу врага осталось немало военнослужащих, не сумевших в сорок первом году вырваться из окружения. Часть из них перешла к партизанским действиям целыми соединениями, как это сделала 208-я мотострелковая дивизия полковника В. И. Ничипоровича, часть вступила в местные партизанские отряды, К слову сказать, из бывших военнослужащих возникла десятая часть отрядов, учтенных нашим штабом. В партизанских краях и зонах к осени сорок второго года находились, кроме того, миллионы взрослых, трудоспособных советских людей. Сивков полагал, что, используя выучку и боевой опыт оставшихся за линией фронта военнослужащих, большие людские резервы, территорию очищенную 15 Табель — список, перечисление чего-либо с указанием качеств, свойств или особенностей перечисляемого от врага партизанских краев и зон, можно создать грозную партизанскую армию. Сивков заговорил на эту тему с Ворошиловым в моем присутствии. Ворошилов очень внимательно выслушал генерала, подумал и решил:

— Правильно. Пишите доклад на имя товарища Сталина. Поскольку уж я оказался невольным свидетелем этого разговора, Сивков предложил мне принять участие в подготовке доклада. Написан он был быстро. Изложив возникшие в тылу врага благоприятные для создания партизанской армии условия, мы указывали, что части будущей регулярной партизанской армии мыслятся не как обычные армейские формирования, а как особые, маневренные, способные действовать и мелкими подразделениями, и крупными частями, соединениями. Они смогут и производить массовое минирование путей сообщения противника, и совершать налеты на его гарнизоны, и совершать по тылам врага длительные рейды. Предлагалось ввести в частях партизанской армии штаты, установить воинские здания и соответствующие должностные оклады. Армию предполагалось снабдить автоматическим оружием, средствами связи,

противотанковыми и минновзрывными средствами, медикаментами. Наше предложение о создании в партизанских штабах, соединениях и отрядах специальных технических и диверсионных служб также нашло поддержку Ворошилова. Дело в том, что управляемые мины нуждались из-за особенностей их устройства в бережном хранении и регулярных, тщательных проверках на годность. Людей же, грамотных в техническом отношении, в партизанских отрядах и соединениях не хватало. Хранить мины поручали простым снабженцам. Результат сказывался быстро: часть самых лучших, доставленных партизанам с огромным трудом и риском мин безнадежно портилась. Помню, прилетев в Москву, секретарь черниговского обкома А. Ф. Федоров попросил Ворошилова обеспечить его партизанское соединение неизвлекаемыми противопоездными минами замедленного действия. Вызвав меня, Ворошилов осведомился, сколько таких мин и в какие сроки можно перебросить черниговцам. Я ответил. Но обратил внимание Федорова на необходимость тщательного хранения этих мин и умелого обращения с ними при установке.

— Технический отдел штаба предлагает ввести в отрядах техническую и диверсионные службы, — пояснил Ворошилов. — Как вы смотрите на это, Алексей Федорович?

— Полностью — за! — сказал Федоров. Еще два события той поры связаны с деятельностью Ворошилова — направление во вражеский тыл отрядов, сформированных из инструкторов и курсантов ВОШОН. В начале сентября находившийся в Москве начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин спросил у меня, правда ли, что в ВОШОН имеются испанцы?

— Имеются. И все рвутся в тыл пресловутой "Голубой дивизии" ["Голубая дивизия" — соединение, направленное испанским фашистским диктатором Франко в помощь Гитлеру и сражавшееся против войск Ленинградского фронта], - ответил я, понимая, к чему клонит Никитин.

— Так за чем дело стало?

— За разрешением главкома, Михаил Никитич! Никитин обратился к Ворошилову, они поехали в ВОШОН, побеседовали с некоторыми командирами-испанцами (переводчицей была Анна), и Ворошилов дал согласие на посылку во вражеский тыл смешанного отряда из испанских и советских воинов. В отряд вошли 124 человека: испанцы, имевшие опыт борьбы на Южном и Калининском фронтах, а также наши курсанты — младшие командиры воздушно-десантных и железнодорожных войск. Командиром отряда назначили Франсиско Гульона, его

заместителем — Анхела Альберку, того самого, что "наподдал фрицам валенком через весь Таганрогский залив", начальником штаба — молодого, но очень энергичного. инициативного старшего лейтенанта Царевского. Второй отряд из инструкторов и курсантов ВОШОН мы направили на Кавказ. Было так. Хмурым октябрьским днем я столкнулся в коридоре Главного военно-инженерного управления с генералом Воробьевым. Генерал попросил зайти в его кабинет. Там спросил, как я смотрю на возможность посылки диверсантов-партизан для совместных действий с гвардейскими минерами на Кавказе. Обстановка на фронтах оставалась тяжелой, причин для особого оптимизма не существовало, а Михаил Петрович выглядел непривычно бодрым, оживленным, чувствовалось — что-то недоговаривает. Видимо, он знал, что заканчивается подготовка полного окружения гитлеровцев под Сталинградом, что войска Северной группы войск Закавказского фронта тоже готовы нанести мощный удар. Я ответил, что совместные действия наших групп с гвардейскими минерами возможны, но вопрос о направлении курсантов на Кавказ может решить только Ворошилов.

— С ним я договорюсь! — сказал Воробьев. — А вы начинайте подбирать людей. Работа их ожидает перспективная! Через сутки Ворошилов действительно приказал сформировать отряд из добровольцев для действий на Северном Кавказе. Добровольцев нашлось немало, мы отобрали сто тридцать пять человек, и 11 ноября отряд под командой Чепака, Унгрия и Баскуньяно отбыл в Тбилиси, в штаб инженерных войск Закавказского фронта, чтобы действовать вместе с тамошними гвардейскими минерами… А ровно через шесть дней, 17 ноября, постановлением ГКО должность Главнокомандующего партизанским движением была упразднена. В постановлении говорилось, что это делается в интересах большей гибкости в руководстве партизанским движением и во избежание излишней централизации этого руководства. Ворошилов, видимо знал о готовящемся постановлении ГКО: мы замечали, что маршал хмур, неразговорчив, погружен в размышления, которыми не делился… Вскоре из ЦШПД ушли также генералы Сивков и Хмельницкий, полковник Мамсуров. Вопрос о создании регулярной партизанской армии, разумеется, больше не поднимался [В труде Военно-научного управления Генштаба о Великой Отечественной войне, выпущенном в свет в 1958 году, сказано, что с одобрения главкома партизанского движения было внесено предложение о создании в тылу врага регулярной партизанской армии, для чего были все условия, и что вопрос остался нерешенным].

Глава 22. На Кавказе

Холодало, падал сухой мелкий снег, крутилась поземка. Москва выстаивала длинные очереди за хлебом, поеживалась в старых шубенках и ватниках, отогревалась. у жестяных печек-времянок, по вечерам сидела без света, экономя электроэнергию. Но позывные радиостанции имени Коминтерна, едва зазвучав, заставляли столицу забывать про голод и холод: начатое 19 ноября наступление Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов продолжалось, враг терпел поражение! Пришли письма с Кавказа, Доминго Унгрия и майор Баскуньяно сообщали о радушном приеме в штабе инженерных войск Закавказского фронта, предлагали перебросить на Кавказ находящихся в школе испанцев, уверяя, что тамошние климатические условия самые для них подходящие. В более сдержанном письме капитана Чепака содержались намеки на подготовку к широкомасштабным операциям. Радовало, что наших товарищей хорошо встретили, но беспокоило, сумеют ли использовать с толком, не допустят ли промахов, как под Ленинградом? Из радиодонесений Франсиско Гульона мы знали, что выброшенные под Ленинградом в разное время на большом расстоянии друг от друга группы его отряда соединились лишь после длительных, опасных переходов по тылам противника и стычек с ним. К моменту соединения продукты у них кончились, а неопытные летчики сбрасывали предназначавшиеся отряду грузы неудачно, значительная часть их пропала. Лыжи отряду доставили с большим опозданием. Полуголодные бойцы с тремя тяжелоранеными на самодельных носилках долгое время передвигались, проваливаясь в снег по колено. Люди Гульона сражались и в этих условиях. Ставили мины, пускали под откос вражеские поезда, подрывали фашистские автомашины, уничтожали карателей. Но чего это стоило?! Мы не хотели, чтобы на Кавказе повторилась та же история. Так пришел декабрь. Морозный, вьюжный, замкнувший кольцо окружения вокруг Сталинградской группировки немецко-фашистских войск, положивший начало освобождению Донбасса, разгромивший котельниковскую группировку врага, пытавшегося деблокировать окруженные под Сталинградом дивизии вермахта. 1943 год В первый же день нового сорок третьего года фашистское командование, опасаясь, что стремительное наступление Южного фронта приведет к окружению фашистских войск на Северном Кавказе, начало их спешный отвод из района Моздока в севером западном направлении. Армии Северной

группы войск Закавказского фронта преследовали противника. Но важнее было сорвать вражеский замысел планомерного отвода войск и техники, важно было задержать гитлеровцев, чтобы окружить и уничтожить. Поэтому в Ставке решили усилить удары по фашистским коммуникациям на Северном Кавказе. Уже 8 января начальник Центрального штаба партизанского движения утвердил "Задание по усилению диверсионной работы на оккупированной части Северного Кавказа". Задание обязывало оперативно-учебные отряды ВОШОН массовыми диверсиями уничтожить железнодорожные эшелоны, живую силу, военные объекты и штабы противника, действуя совместно с отрядами северо-кавказских партизан.

— Поскольку на Кавказ перебрасывается большая сила, вы тоже туда поедете, — решил Пономаренко, разговаривая со мной о новом задании, — Скоординируете работу с командованием Кавказского фронта. Пока оформляли документы, я успел побывать в штабе инженерных войск Красной Армии, договориться с генералом Воробьевым о совместных действиях групп ВОШОН и подразделений батальона гвардейских минеров.

— Может, поехать с тобой? — спросила Анна, помогая в спешных сборах.

— Нет, оставайся с детьми. Большинство испанцев вполне сносно говорят по-русски. Переводчик не понадобится. В Тбилиси Январь в Тбилиси — это низкие, тяжелые облака, дождь, сырость, мокрые камни, мутная Кура. Бросалось в глаза: окна не заклеены полосками бумаги, лица прохожих не такие изможденные, как у москвичей, всюду дети. Множество детей удивляло, потом спохватился: ну да, отсюда детей не эвакуировали! В штабе инженерных войск Закавказского фронта принимает начальник подполковник Николай Федорович Слюнин. Мы знакомы с осени сорок первого: бойцы Слюнина устраивали заграждения на дальних подступах к столице, минировали коммуникации под Ельней и Вязьмой, совершали вылазки в тыл противника, взрывали мосты и вражеские эшелоны между Смоленском, Оршей и Рославлем. Выглядел Слюнин неважно, наверное, недосыпает. После взаимных приветствий неторопливо достает оперативную карту, неторопливо ее разворачивает:

— Вот. Знакомьтесь. По бледно-зеленой краске, разлитой на бумаге к северу от коричневой — предгорий Кавказа — и обозначающей ровные степные пространства, змеились редкие черно-белые линии — железные дороги. Между Ростовом, Сальском, Тихорецкой и Краснодаром на черно-белые линии словно кровь капнула и расползлась алыми овалами, а неподалеку от каждого овала — аккуратно нарисованный

парашютик. Все понятно: парашютики обозначают места десантирования, а красные овалы — районы действия диверсионных групп. Слюнин пояснил: шестнадцати диверсионным группам поставлена задача сорвать организованный отвод войск и вывоз боевой техники противником в Ростов-на-Дону. Двенадцать групп численностью по восемь человек каждая получили приказ взрывать железнодорожные мосты, а четыре группы по шесть человек — минировать железные дороги. Только вчера десантирована еще одна группа, которой командуют майор Александров и майор Баскуньяно. В задачу Александрова и Баскуньяно входит руководство ранее выброшенными людьми.

— У нас тут вообще "компания на паях" возникла, — почему-то невесело пошутил Слюнин. — Минеры — от штаба инжвойск, испанцы от вас, а разведчики и радисты от разведотдела фронта.

— Когда выбрасывались группы, Николай Федорович?

— Первая — в Новый год, последняя — семнадцатого числа.

— Почему такой разрыв во времени?

— А разве не знаете, как бывает? Все подготовишь, обговоришь, привезешь людей на аэродром, и — здравствуйте: то погода нелетная, то самолетов нет.

— Ну это не самое худшее. Я опасался, что группы не туда, куда надо, десантировали.

— Представители парашютно-десантной службы заверяет, что всех десантировали в назначенные точки! Я спросил, есть ли связь с диверсантами. Оказалось, выброшенная первой в тыл врага группа лейтенанта Кампильо уже вышла к своим. Через четверо суток соединился с наступающими частями лейтенант Лоренте, вышел в эфир лейтенант Конисарес. Кампильо за девять дней подорвал два вражеских танка и три автомашины, убил и ранил в перестрелке несколько десятков гитлеровцев. Лоренте находился во вражеском тылу всего три дня. По словам Слюнина, его группа уничтожила десятка два солдат противника, наделала в фашистском тылу много шума. Конисарее сообщил, что добрался до района Сальска, пустил под откос вражеский эшелон. "Много шума", перестрелки, всего два танка и несколько автомашин. Этак отходящего противника не задержать!

— Значит, остальные группы молчат, и что с ними — неизвестно, Николай Федорович?

— Увы! — развел руками Слюнин. — Главное-, Александров и Баскуньяно как в воду канули! И тут рассердился:

— Первоначальный план никакой координирующей группы не предусматривал. Это ваши Унгрия с Баску-пьяно да наши разведчики настояли. А зачем? От группы до группы сотня, а то и

побольше верст, собирать их нет никакого смысла, а руководить диверсантами издалека — сами понимаете! Затем я узнал, что штабом инженерных войск фронта дополнительно сформировано три отряда диверсантов из бойцов 15-го и 16-го Отдельных гвардейских батальонов минеров и бойцов ВОШОН. Сосредоточены они в полосе Черноморской группы войск, под Туапсе и Адлером. Места десантирования отрядов определены, но самолетов пока не дают. Я спросил Слюнина, не кажется ли ему, что нехватка самолетов в данном случае — к лучшему. Молчание групп настораживает. Здешние степи я знаю еще по гражданской войне. Зимой тут не то что человека — кошку за километр видно! Если летчики ошибались…

— У самого на душе неспокойно, — признался Слюнин. — Однако боюсь, нас не поймут. Москва громы мечет, что даем противнику отрываться.

— Значит, он все-таки отрывается?

— Илья Григорьевич! — помрачнел Слюнин. — Немцы все железные дороги за собой разрушают, а по здешнему бездорожью не только на машинах, на лошадях — и то трудно. Сейчас артиллерию и тылы на верблюдах тянем! Да разве кому что докажешь?.. Напоследок договорились, что штаб инженерных войск примет меры к размещению прибывших в Тбилиси и другие города курсантов ВОШОН, вооружит их и поставит на довольствие у гвардейских минеров, а с выбросом новых групп торопиться не станем, пока не получим сведений от товарищей, уже заброшенных в тыл врага. В тот день я беседовал с капитаном Чепаком. Он успел повидаться с Кампильо и Лоренте, знал то, что we было пока известно Слюнину. Кампильо и его людей выбросили в заданном районе, но группу Лоренте, которая должна была вылететь следом, из-за погодных условий задержали на аэродроме. Всю ночь прождал Кампильо товарищей, чтобы подать сигнал их самолету, да так и не дождался. А Лоренте десан-тировали только через неделю и едва не выбросили на занятый врагом населенный пункт. Инструктор уже подал команду «пошел», открыл люк, и не заметь шагнувший к люку ефрейтор Яков Куть под крылом самолета разлив огней — быть бы беде! Через две-три минуты диверсанты все же прыгнули в ночь. Приземлились в открытой степи, но лишь утром нашли одного из бойцов, запоздавшего с прыжком и повредившего при приземлении ногу, а грузовые парашюты с минами и взрывчаткой так и не обнаружили. Видно, грузовые парашюты спланировали прямо на голову врага, потому, что с рассветом над степью начал кружить фашистский самолет-разведчик, а позже к месту десантирования прикатил грузовик с вражескими автоматчиками.

Лоренте сумел вывести группу из-под удара.

— Он прямо кипит, — сказал Чепак. — Нам, говорит, не нужны летчики, которые людей как бомбы швыряют! В отличие от Слюнина капитан Чепак сомневался, что остальные группы сброшены в нужных районах.

— Думаю, однако, все обойдется, — сказал Чепак. — Немцы фактически бегут. Скоро все наши могут оказаться на освобожденной территории. Я промолчал. Зачем тешить себя надеждами? И что толку, если группы выйдут, не выполнив задание? Черноморская группа войск На третьи или четвертые сутки пребывания в Тбилиси (мы встречали эшелоны с курсантами ВОШОН из Москвы) стало известно, что войска Северной группы войск Закавказского фронта продвинулись вперед на 300 — 320 километров, освободили многие города, в частности, Черкесск, Невинномысск, Ставрополь и Армавир, соединились в районе Сальска с наступающими войсками Южного фронта. Однако в расположение наших сил вышла только группа Кони-сареса. Не лучше обстояло дело в полосе Черноморской группы войск. Успешно продвигавшаяся на северо-запад 56-я армия после ожесточенных боев вырвалась из гор на кубанскую равнину, приблизилась к Краснодару, но из действовавших под Краснодаром групп диверсантов вышла к своим лишь группа Хосе Виески. Об остальных, увы, по-прежнему ничего не было слышно. Надеясь получить какую-нибудь информацию о наших людях у партизан, я отправился в Сочи, в Южный штаб партизанского движения, к его начальнику П. И. Селезневу. Всего год назад Петр Иануарьевич, досадуя, сказал мне, что с подготовкой партизан в крае перестарались, а вот теперь возглавлял партизанский штаб. К сожалению, о судьбе наших групп Селезнев ничего не знал. Объяснил: здешние партизаны из-за трудных природных условий — кругом степь — вынуждены действовать либо с баз в горах, либо в подполье, и связь с ними затруднена.

— Не волнуйтесь, если что-нибудь узнаем, немедленно сообщим в штаб фронта! — сказал Селезнев. — Да и вообще дни гитлеровцев на Кавказе сочтены! Из Сочи, благо недалеко было, я съездил в Адлер и Туапсе, познакомился с людьми из тех диверсионных отрядов, про которые говорил Слюнин. За исключением испанских товарищей и нескольких командиров из ВОШОН, это были девятнадцати-двадцатилетние парни — жизнерадостные, веселые, рвущиеся в бой, но наивные, не имеющие никакого представления о действиях во вражеском тылу. Их следовало серьезно готовить. В Туапсе меня разыскал по телефону Чепак. Сказал, что в отряды ВОШОН прибывают из

местных военкоматов юноши-испанцы (детьми их вывезли из фашистской Испании, они выросли, считают СССР своей второй родиной!) и численность их уже далеко превысила численность, указанную для отрядов ВОШОН в документах штаба тыла Красной Армии. Как быть? Ребят надо кормить, одевать и обувать! Еду в штаб тыла Черноморской группы войск. Встречают вежливо, выслушивают внимательно, сочувствуют и объясняют, что зачислить на довольствие "лишних людей" не имеют права:

— Лимит есть лимит, товарищ полковник! Делюсь своей заботой со старым знакомым — разведчиком полковником Егнаровым:

— Понимаешь, телеграмму в Москву отстучал, но когда еще ответят!

— Так обратись в Военный совет группы войск! Чего проще! Кстати, члена Военного совета ты должен знать. Это ж Колонии! Верно, генерал-майора С. А. Колонина я знаю по службе еще с тридцатых годов, встречались с ним в начале войны на подмосковных рубежах. Это человек умный, инициативный, решительный, он наверняка поможет! Колонии понял с полуслова:

— Пойдемте к командующему, сразу все и решим! Пропуская меня в кабинет командующего Черноморской группой войск генерал-лейтенанта И. Е. Петрова, член Военного совета объявил:

— Диверсанта привел, Иван Ефимович! Петров поднял голову от бумаг, сверкнули стекла пенсне, брови сошлись к переносице.

— Шучу! Своего диверсанта! — рассмеялся Колонии. — Тут вот какая загвоздка… Вряд ли кто из старших офицеров Красной Армии не слышал в те времена о Петрове, об его мужестве и полководческих качествах. Руководитель обороны Одессы и Севастополя, он уже тогда становился легендарной личностью, хотя богатырской внешностью не отличался, походил то ли на врача, то ли на учителя. Вот только глаза… Это были глаза бесстрашного, волевого человека! Выслушав Колонина и меня, Петров приказал включить всех испанских юношей, вступивших в отряды ВОШОН, в состав Черноморской группы войск, зачислить на все виды довольствия, а затем стал расспрашивать о старых испанских бойцах и о курсантах ВОШОН. Ответив на вопросы командующего, я высказал опасения по поводу неудачных выбросов диверсионных групп с самолетов:

— Есть основания думать, что некоторые летные экипажи не имеют опыта десантирования, товарищ генерал-лейтенант. Тем более ночного. Петров возразил, что опыт — дело наживное, и посоветовал подумать о возможности десантирования наших людей морским путем.

— Согласуйте этот вопрос с разведчиками Черноморского флота, — сказал Петров. — Но прежде всего обратитесь в наше оперативное управление, ознакомьтесь с обстановкой и составьте план действий на коммуникациях противника. Указаниям Петрова я последовал немедленно. Представился начальнику штаба Черноморской группы войск генерал-майору Ермолаеву, командирам оперативного управления штаба. Меня ввели в курс дела. Условились, что предложения о действиях на коммуникациях противника я представляю по возвращении из штаба Черноморского флота.

— Штаб моряков находится в Поти, — сказали мне. — Быстрее всего добираться туда на торпедном катере. Если хотите, мы позвоним морякам… Сто десять километров от Сухуми до Поти торпедный катер преодолел за час с небольшим. Но какой это был час! Оказалось, тряска на катере даже при малой волне больше, чем в кузове грузовой машины, которую шалый шофер гонит по жердевой дороге со скоростью в восемьдесят километров! Весь путь я простоял на полусогнутых ногах, судорожно цепляясь за поручни… Вознаграждением за это стала приветливость моряков. Начальник разведотдела штаба Черноморского флота капитан первого ранга Намгеладзе не только рассказал о возможностях десантирования морским путем, но и ознакомил с наиболее выгодными местами высадки на побережье, начиная с Новороссийска и кончая Крымским полуостровом, (Обещал диверсионным отрядам полное содействие. Учитывая мнение моряков и замыслы оперативного управления штаба Черноморской группы войск, мы с — Чепаком разработали и представили генерал-майору Ермолаеву план нарушения работы коммуникаций врага перед фронтом Черноморской группы войск диверсионными средствами. Произошло это в канун боев за всем известную Малую землю.

Глава 23. "Пасаремос!"

Диверсанты на Северном Кавказе и в Крыму В конце января войска Южного фронта вышли на — восточные подступы к Шахтам, Новочеркасску и Ростову-на-Дону, а войска Северо-Кавказского фронта [Северо-Кавказский фронт был создан 24 января 1943 года на базе (Северной группы войск Закавказского фронта. 5 февраля ему были переданы также войска Черноморской группы войск Закавказского. фронта, оперативно подчинены Черноморский флот, а позднее и Азовская флотилия.], освободив Кропоткин и Тихорецк, на южные подступы к Ростову-на-Дону, к Ейску, освободили Майкоп, теснили врага северо-восточнее Краснодара, приближались к Кубани и Усть-Лабинской. Еще в начале операции Ставка Верховного Главнокомандования приказала войскам Черноморской — группы овладеть Новороссийском и освободить Таманский полуостров, чтобы не дать противнику уйти в Крым через Керченский пролив. С целью содействия главным силам Черноморской группы войск в захвате Новороссийска, считавшегося ключом ко всему Таманскому полуострову, в ночь на 4 февраля началась высадка десантов в районе Южной Озерейки и Станички — предместья Новороссийска. А 5 февраля командующий войсками Черноморской группы войск И. Е. Петров и член Военного совета С. К. Колонии утвердили план нарушения работы коммуникаций врага перед фронтом Черноморской группы войск. В соответствии с этим планом с 7 по 15 февраля следовало перебросить в тыл врага севернее Новороссийска два отряда диверсантов численностью по тридцать человек и четыре диверсионные группы по шесть человек для минирования предполагаемых путей отхода гитлеровцев и вывода из строя железной дороги, связывающей Новороссийск с Краснодаром. Три группы по двенадцать человек предстояло выбросить на Керченский полуостров. После вывода из строя железнодорожного узла Ростова-на-Дону основной магистралью, по которой шло снабжение фашистских войск в Краснодарском крае, стала железная дорога Джанкой — Владиславовка — Керчь. По этой-то магистрали и должны были наносить удары диверсанты, действуя вместе с крымскими партизанами. Радиосвязь с отрядами, выбрасываемыми на Таманский полуостров, должна была осуществляться средствами разведотдела штаба Черноморской группы войск, а с группами, выбрасываемыми в Крым, — средствами Крымского штаба партизанского движения. При

утверждении плана генерал-лейтенант Петров обратил наше внимание на особую важность разрушения керченских коммуникаций врага, указал объекты, подлежащие разрушению в первую очередь. Переброска отрядов и групп планировалась наземным, морским и воздушным путями. Мы немедленно приступили к подготовке отрядов и групп. Сильнее всего беспокоило десантирование диверсантов в Крым. После отхода наших войск с Керченского полуострова и падения Севастополя крымские партизаны, с которыми предстояло взаимодействовать, остались один на один с армией оккупантов, обладающих самой современной техникой. Противнику удалось блокировать партизан в лесистых горах, захватить многие из заблаговременно созданных продовольственных партизанских баз. Партизаны теряли силы и даже умирали от голода. Борьбу они продолжали и в этих страшных условиях, отвлекая на себя значительные силы гитлеровцев, однако казалось сомнительным, что они смогут оказать существенную поддержку нашим диверсионным группам. Я встретился с начальником Крымского штаба партизанского движения, секретарем Крымского обкома В. С. Булатовым, чтобы обговорить вопросы взаимодействия партизан и диверсантов, но ничего обнадеживающего Булатов не сказал.

— Партизанские отряды по-прежнему находятся в тяжелейшем положении, — то и дело поправляя очки, нервничая, сообщил Булатов. — С одной стороны море, с другой — степи с вражескими гарнизонами, а горы изрезаны дорогами, где курсируют фашистские патрули на танках и бронемашинах.

— Вы полагаете, морское десантирование наших групп вряд ли будет успешным? Партизаны помочь не смогут?

— Да. Думаю, не смогут. Лучше выбросить воздушные десанты. Может быть, одновременно появится возможность сбросить партизанам продовольствие?

— Разве его не сбрасывают?

— Очень мало.

— Странно. Судя по численности крымских партизан, им и нужно-то всего двадцать пять — тридцать тонн продовольствия в месяц! С вашим высоким положением, Владимир Семенович… Булатов быстро поправил очки:

— А вы знаете, каково просить самолеты? Мне всякий раз отвечают, что партизаны на то и партизаны, чтобы обеспечивать себя за счет врага. В лицо говорят, что не умеем "организовать партизанскую борьбу. Преодолевайте, говорят, трудности, а на аллаха не надейтесь! В том, как отвечали Булатову, я услышал знакомые мотивы, но все-таки не в состоянии был поверить, что ничего нельзя сделать для обеспечения крымских партизан

продовольствием.

— Давайте обратимся к члену Военного совета Закавказского фронта товарищу Кагановичу! — предложил я. Булатов обрадовался.

— Илья Григорьевич, не откладывайте дело в долгий ящик! Я сумел лопасть на прием к Кагановичу. Но как только речь зашла о крымских партизанах, он резко прервал меня, заявил, что милостыню не подает, обругал и выставил из кабинета. Тем все и кончилось.

— Буду еще раз писать Сталину! — услышав подробности этого визита, вздохнул Булатов. — Боюсь, первое письмо не доложили… Одно твердо обещал Булатов — организовать надежную радиосвязь с нашими группами. В первых числах февраля стали выходить из вражеского тыла, соединяться с наступающими войсками многие группы наших диверсантов. Вышла и группа майора Баскуньяно. Обветренный, охрипший, он с чисто испанским темпераментом отозвался о летчиках, выбросивших ею бойцов около вражеского аэродрома.

— Против нас сразу выслали роту! — напрягая голосовые связки, хрипел майор. — Окружили! Что можно сделать? Только одно: повести солдат на прорыв! Повел. Прорвались, но разведчица Позднякова и младший сержант Базилевич пропали. Может, убиты. Не знаю. Не могли установить, ушли. А потом семь человек обморозились, и один из них ночью отстал… Не имея, подобно Лоренте, возможность подобрать сброшенный в расположение врага груз взрывчатки и мин, Баскуньяно стал двигаться навстречу — наступающим соединениям Северной группы войск. По пути нападал на отдельные группы вражеских солдат и офицеров, в одном месте удалось-разобрать железнодорожный путь…

— Если бы нас десантировали в указанное место, разве бы мы потеряли столько людей?! Разве так воевали бы?! — возмущался майор. Еще трагичней оказалась судьба групп лейтенанта Антонио Коронадо и младшего лейтенанта С. М. Фесюка. Мы узнали об этом сразу же после освобождения станиц Шкуринской и Кисляковской. Группу Коронадо выбросили рядом со Шкуринской. Гитлеровцы тут же прочесали район. Окруженные в открытой степи, парашютисты укрылись в большом. стоге сена. В неравном бою часть из них погибла, а раненых, но еще живых, гитлеровцы в том стоге и сожгли. Группу Фесюка сбросили прямо на Кисляков-скую. Случайно уцелел только минер Алексей Сидорович Делий… Винить в происшедшем одних летчиков и офицеров парашютно-десантной службы не стоило. Тем более что десантирование некоторых групп они провели блестяще. Так,

группа лейтенанта Риоха, выброшенная западнее станицы Варениковой и на достаточном удалении от нее, сумела спокойно собраться, разыскала грузовые парашюты, благополучно выдвинулась в заданный район, минировала тамошние мосты и дороги, добыла ценные разведывательные данные, установила связь с местными партизанами из отряда Блинова, помогла им взрывчаткой и оружием, без потерь пересекла линию фронта и вывела к своим моряка-десантника В. А. Бовта и радиста с подбитого бомбардировщика К. С. Сергеева. Сброшенная в установленном месте группа лейтенанта Санчеса действовала также успешно и также не понесла потерь. Удалось установить, что удачное десантирование проводили пилоты, которые прежде служили в гражданском воздушном флоте, летали на сложных трассах, нередко вслепую из-за внезапных перемен погоды, или военные летчики из старослужащих, совершавшие ночные рейсы и в мирное время. Докладывая об этом командующему Черноморской группы войск Петрову, я просил дать указание назначать на десантирование только «ночников». Сообщил также, что тревожусь за переброску диверсантов наземным путем: по данным разведки у отступающего противника скопилось на Таманском полуострове большое количество войск, ими забиты все населенные пункты, движение по дорогам не прекращается, и при отсутствии надежных естественных укрытий это представляет для наших групп очень большую опасность. Петров обещал принять меры для подбора надежных экипажей самолетов, заметил, что войны без жертв не бывает, — но бессмысленные жертвы — преступны… Прошло седьмое, минуло восьмое, осталось позади девятое февраля. На море бушевал шторм, ветер гнул тополя и кипарисы, но не в силах был убыстрить медленное движение еле-еле ползущих, облепивших горы серых, сине-фиолетовых, иссиня-черных туч. Авиация бездействовала, флот работал, только на Малую Землю, где разгорались жестокие бои. В ночь на десятое, пользуясь непогодой, мы пробовали переправить через линию фронта две группы, но они были обнаружены еще на подходе к переднему краю противникам отошли. Неудачей закончилась и попытка переправить их через линию фронта на другом участке двенадцатого февраля: битые гитлеровцы проявляли предельную осторожность, оборона их была плотно насыщена пехотным частями. Наконец, 23 февраля, в День Красной Армии, удалось перебросить морем в тыл противника первую группу диверсантов. Затем, в течение двадцати дней, еще шесть групп. Среди них группы Хуана Лоренте, Хосе Виески и Кампильо. Действовали они на Таманском полуострове. Задание выполнили все. Без потерь —

группы Лоренте и Виески. А вот на долю Кампильо выпали тяжелые испытания, Группа Кампильо состояла из пятнадцати человек. На выполнение задачи ей отводилось десять суток. Через десять суток диверсантов должен был подобрать в условленном месте катер. Первая неудача подстерегала при высадке: группу обнаружила береговая охрана гитлеровцев. Отрываясь от преследователей, лейтенант Кампильо вынужден был скрыться в плавнях, уйти далеко от района, где предстояло нанести удар по врагу. Ценой больших усилий группа выполнила приказ, однако территория была забита войсками противника, берег и подступы к нему охранялись очень сильно, выйти к месту встречи с катером в условленное время минеры не могли, а катер, приближавшийся к месту встречи, был встречен огнем зенитной артиллерии и пулеметов фашистов. Лежа среди прибрежных камней, бойцы Кампильо видели, как моряки, маневрируя, какое-то время держались вблизи берега, но потом ушли в открытое море… Итак, одни. А продовольствия нет, и надеяться, что катер вернется, не имеет смысла. Тем более что гитлеровцы понимают: катер курсировал тут неспроста, вот-вот начнут прочесывать район. Надо уходить. Надо немедленно уходить! Кампильо связался по радио с Чепаком, запросил продукты и взрывчатку и двинулся к поселку Греко-майский: там действовал партизанский отряд Блинова, про который сообщил лейтенант Риоха. Если не выручит авиация, выручат партизаны! За время скитаний по степи и плавням, не имея иногда возможности развести на дневке огонь, чтобы не привлечь внимание оккупантов и предателей к поднявшемуся в укромном месте дыму, ночуя в непросохшей одежде на голой земле, а потом вновь совершая длительные переходы, люди устали. До района, где действовал Блинов, идти оставалось вроде бы и немного, около ста километров, но самый безопасный путь пролегал по гористой местности, по каменистым, порою крутым тропам, и группа двигалась медленно. Последнюю банку сгущенки решено было скормить единственному бойцу, которому предстоит после появления самолета найти и притащить сброшенный груз. Самолет прилетел только на четвертый день. К счастью; сброшенные группе мешки с продовольствием и взрывчаткой упали всего в двухстах — двухстах пятидесяти метров от густого кустарника, где залегли бойцы Кампильо. Отдохнувшие, подкрепившиеся люди повеселели. Но если у многих истрепалась обувь, а несколько человек потерли ноги — быстро не пойдешь! За ночь удавалось преодолеть всего по восемь-десять километров. Сброшенных продуктов хватило всего на два дня. Последние две ночи снова шли голодными. А вышли… на засаду карателей: незадолго до

этого отряд Блинова был обнаружен, разбит, его остатки ушли в горы.

Группа Кампильо не дрогнула, приняла неравный бой. Карателям не удалось окружить наших воинов, отрезать им путь к отходу. Но в жестокой схватке погибли радист отряда лейтенант Пичкаев, бесстрашный солдат, бывший секретарь испанского союза молодежи Хусто Родригес, умелый минер, человек величайшей отваги Баутиста… Кампильо и уцелевшие бойцы оторвались от погони. Питаясь водой и кореньями диких растений, добрались до линии фронта. Собрав остатки сил, ползком и перебежками, под огнем врага достигли наших траншей. Все, кроме Кампильо. До траншеи оставалось каких-нибудь двадцать-тридцать шагов, когда под ногой лейтенанта рванула противопехотная мина. Упавшего командира дотащили до своих, перевязали, к счастью, сразу появились санитары, фельдшер, и все пошло чередом: полковой медицинский пункт, медико-санитарный батальон, госпиталь. Узнав о ранении Кампильо, я приехал к нему.

— На этот раз и мне не повезло! — с горечью сказал лейтенант. — А как остальные, мой полковник? Вышли? Живы? Судьба товарищей по-прежнему беспокоила его больше, чем собственная. Навестил Кампильо и командующий Черноморской группой войск генерал-лейтенант И. Е. Петров. Пожелал героическому минеру полного выздоровления, вручил ему орден Красного Знамени, распорядился об усиленном питании лейтенанта и на прощанье сказал, что советские люди никогда не забудут подвигов испанских друзей. Внимание командующего к офицеру-испанцу взволновало всех курсантов нашей школы, находившихся на Кавказе. Мне остается рассказать еще об одном подвиге, о подвиге советских и испанских воинов, выполнявших в марте сорок третьего года особо важное задание командования Черноморской группы войск. Я писал уже, что главной магистралью противника, снабжающей немецко-фашистские войска в Краснодарском крае, оставалась в то время железная дорога Джанкой — Владиславовка — Керчь. Командование требовало от партизан и от наших отрядов держать ее под ударами. Вдобавок в начале марта понадобилось проверить сведения о прибытии в Крым, на один из секретных полигонов врага, новой техники. Для этого штаб Черноморской группы войск приказал создать из добровольцев небольшую, хорошо подготовленную группу минеров и разведчиков. Не было среди разведчиков и минеров человека, который не знал бы, каково приходится тем, кого забрасывают в Крым. А отбоя от добровольцев все-таки не было! Численный Состав группы

определили в одиннадцать человек. Кандидатов отбирали очень тщательно. Учитывали физические и моральные данные, опыт действий в тылу врага, качество специальной подготовки, свойства характера, отдавая предпочтение жизнерадостным, находчивым, уживчивым людям с быстрой реакцией. К 10 марта отбор закончили. Командиром группы назначили тридцатитрехлетнего майора Мигеля Бойсо, его заместителем — тридцатипятилетнего майора Фусиманьо. радистом — лейтенанта Вадима Андреевича Тарновского. Кроме них в группу вошли Егор Кузакин, Алексей Кубашев, Хуан Арментерос, Родригес Бара, Луис Хосе, Педро Пен

,чало, Хосе Пераль и Хуан Поисо. Для десантирования группы в Крым выделили экипаж самолета Героя Советского Союза Кошуба, В ночь на 14 марта 1943 года группа Бойсо — Фусиманьо вылетела в глубокий тыл врага, выбросилась на парашютах неподалеку от села Шубина. Несколько дней и ночей радисты раэведотдела Черноморской группы войск напряженно прослушивали эфир, надеясь различить в хаосе морзянки позывные Тарновского. Он вышел на связь под вечер пятого дня. Передал ценнейшие сведения о подходах к секретному полигону противника, сообщил об уничтожении трех эшелонов на линии Джанкой — Владиславовка и торопливо отстучал: группа обнаружена, прижата к морю, ведет неравный бой. На этом передача оборвалась. Позднее узнали: минеры и разведчики сражались с многократно превосходящим по численности врагом до последней гранаты, до последнего патрона, а кончились патроны — оставшиеся в живых пошли на гитлеровцев с ножами. Они погибли в рукопашной. Переданные Тарновским сведения позволили следующей группе минеров и разведчиков без потерь пробраться к секретному полигону фашистов, обнаружить сосредоточенные там новые танки и самоходные артиллерийские установки, получить данные о вражеской новинке — самолете "Фокке-Вульф 190А". Окружить и уничтожить бегущие к Ростову-на-Дону и Азову фашистские войска Северной группе войск не удалось. Не получили достаточно времени для диверсионной работы и выброшенные на пути отхода группы минеров: уже на третий-пятый день после десантирования они оказывались в полосе действия наступающих советских войск. Не смогли войска Северо-Кавказского фронта освободить весной сорок третьего года Новороссийск, очистить от фашистов Таманский, Керченский и Крымский полуостров. Не удалось поэтому выполнить в полном объеме и план нарушения работы вражеских коммуникаций перед фронтом Черноморской группы войск. Действуя в тылу врага, группы минеров и смешанные отряды

минеров и разведчиков понесли потери, а три группы погибли. Правда, в бою с разведчиками и минерами, а главным образом от взрывов мин под поездами враг понес потери, намного превысившие наши. Но гибель врагов не воскрешает Друзей.

Глава 24. Тверской бульвар, 18. В Украинском штабе партизанского движения

Утром 9 марта пригласил Колонии, ознакомил с постановлением ГКО от 7 марта 1943 года о расформировании Центрального штаба партизанского движения как выполнившего задачу. диверсанты и партизаны постоянно вели разведку противника. До сих пор радуюсь, что судьба свела с замечательным разведчиком полковником Михайловым, с командиром прославленного партизанского отряда Михаилом Трифоновым, носившим в подполье псевдоним Югов, с уполномоченным представительства УШПД в 5-й ударной армии капитаном Д. Б. Белых, молодым и дерзким, партизаном по призванию, ставшим после войны журналистом и ученым. Но мое пребывание на Южном фронте оказалось очень коротким, не более месяца, и я не хочу отвлекать внимание читателя от тех главных событий в партизанском движении, которые происходили весной сорок третьего года. Дело в том, что уже в середине апреля последовал категорический приказ по телефону немедленно вылететь в столицу, в УШПД, для работы в должности заместителя начальника штаба. На сборы мне дали только два часа. Через два часа я снова сидел в самолете, только теперь Ли-2 шел курсом на северо-восток… * * * Чем дольше длился полет, тем чаще я поглядывал в иллюминатор, пытаясь угадать приближение Подмосковья. Жирную черноту степей сменили прошитые белыми стежками заснеженные овраги, утыканные редкой щетиной перелесков рыжеватые поля, на них накатывались исчерна-зеленые волны боров, снег, хотя не сплошной и неяркий, лежал даже теперь на лугах и пашнях, а дороги, деревни и, поселки все теснее, словно от холода, жались друг к другу. Скоро, теперь уже скоро! Нетерпенье объяснялось просто. Предстояли весенне-летние сражения, и никто не сомневался, что гитлеровцы снова попытаются наступать, взять реванш за Сталинград, вернуть стратегическую инициативу. Мы либо нанесем упреждающий удар, либо вы-етоим в преднамеренной обороне и лишь потом, намотав врага, перейдем в контрнаступление. Примерно так думали Толбухин и члены Военного совета Южного фронта. Не было у них разногласий и в том, где именно попытается наступать противник. Вое сходились в мнении, что решающие события развернутся в центре советско-

германского фронта, весьма возможно — в районе так называемого Курского выступа, где немецко-фашистские войска занимают выгодные позиции. Разумеется, это были только догадки. Тем не менее все жили и работали в предчувствии надвигающихся грозных событий. Поэтому я и связывал вызов в Москву, назначение на должность заместителя начальника Украинского штаба партизанского движения с подготовкой к этим событиям и предполагал, что для партизан это будет подготовка прежде всего к ударам по железнодорожным коммуникациям врага. В самом деле, по территории Украины проходят многие коммуникации гитлеровцев, и от того, сумеет или не сумеет противник полностью их использовать, удастся ли нам сорвать стратегические, главным образом — железнодорожные перевозки вермахта, во многом будет зависеть если не исход, то ход боевых действий весной и летом сорок третьего года. А мы способны, мы можем сорвать перевозки врага! Я рассуждал примерно так: на территории Украины, еще оккупированной врагом, мы располагаем значительными силами. Украинский штаб партизанского движения имеет с ними устойчивую, надежную связь, а промышленность уже наладила выпуск замечательных инженерных мин, в том числе мин замедленного действия. Если удастся обеспечить к началу боевых действий этими минами и взрывчаткой украинских партизан, накопивших великолепный опыт действий в тылу врага, то под откос полетят сотни вражеских паровозов, тысячи вагонов, платформ и цистерн; не дойдут до линии фронта сотни фашистских танков и орудий, сотни тысяч снарядов; выйдут из строя, не повидав передовой, тысячи фашистских солдат, а захваченные гитлеровцами железнодорожные узлы окажутся блокированными. Последствия этого представить нетрудно!.. Украинский штаб партизанского движения размещался на Тверском бульваре, в одном из флигелей дома № 18, где работали тогда многие руководители Коммунистической партии и члены правительства Украины. Я приехал на Тверской бульвар прямо с аэродрома, не желая откладывать встречу с начальником штаба генерал-майором Тимофеем Амвросиевичем Строкачем. Мы были знакомы почти два года. Первый раз увиделись на совещании партизан и подпольщиков в ЦК КП(б)У в июле сорок первого. Потом, когда я работал в Центральном штабе партизанского движения, встречались очень часто. Начальник штаба УШПД Строкач Кабинет Строкача — на втором этаже правого чистенького, хорошо прибранного флигеля. Тимофей Амвросиевич выслушивает представление, крепко пожимает руку, поздравляет с прибытием, приглашает к себе заместителя по

кадрам Л. П. Дрожжина и заместителя по оперативным вопросам полковника В. Ф. Соколова. С Леонидом Петровичем и Василием Федоровичем мы знакомы, представлять нас друг другу не требуется. Дрожжин дает прочитать приказ, которым я назначаюсь заместителем начальника Украинского штаба партизанского движения по диверсиям, протягивает ручку:

— Расписывайтесь, Илья Григорьевич. Этот порядок пока не отменен. Обстановка непринужденная. Усаживаемся. Узнаю, что план боевых действий украинских партизан на весну и лето фактически разработан.

— Полковник Соколов с планом вас ознакомит, — говорит Строкач. — Но время горячее, на счету каждый день, если появятся замечания, прошу доложить завтра же. Он интересуется, как я собираюсь строить работу. Я полагаю нужным создать в штабе диверсионный отдел. Люди для работы в отделе есть. В будущем, вероятно, привлечем и других конструкторов и инструкторов минноподрывного дела. Нужно совершенствовать способы диверсий, обобщать и распространять боевой опыт, наладить тесный контакт с учеными и производством. Вопрос о создании нового отдела, получившего название «технический», и вопрос о зачислении в штат отдела прилетевших со мной Бориса Федоровича Косова, Сергея Васильевича Гриднева, Федора Ивановича Павлова и бывшей ростовской студентки, надежной секретарши отдела Нины Владимировны Малых решается тут же.

— Василий Федорович, покажите Илье Григорьевичу его кабинет, — обращается к Соколову генерал — Для отдела тоже комнату подберите. И скажите администраторам, чтобы ключи людям сделали. Предназначенный мне кабинет находился тут же, на втором этаже, через три двери от кабинета начальника штаба и рядом с кабинетом Соколова. Показывая помещение, Василий Федорович спросил:

— Новость слышали?.. Центральный штаб партизанского движения создается заново.

— Выходит, ликвидировали его преждевременно?

— Выходит, так.

— А что, Украинский штаб будет по-прежнему…

— Нет, — не дал договорить Соколов. — Мы теперь даже в оперативном отношении Центральному штабу не подчиняемся. Нами руководит только Центральный Комитет партии Украины и Ставка. Две новости сразу, и какие! Дома ожидала третья новость. В первые минуты, здороваясь с Анной и детьми, выкладывая из вещмешка сэкономленные продукты, умываясь и перебрасываясь обычными после долгой разлуки фразами, я ничего не почувствовал. Лишь за ужином показалось: Анна о чем-то

умалчивает. Пристально на нее посмотрел — сделала вид, будто не замечает взгляда. Значит, что-то серьезное. Подождал, пока уложит детей, спросил:

— Что? В глазах обычно решительной жены колебание. Накрыла мягкой ладонью мою руку:

— Ранен Гульон.

— Когда? Куда он ранен? — В живот. Пуля. При переходе линии фронта, — Они давно вышли?

— Еще в марте.

— А другие? Анна отошла к окну, уставилась в темноту нашего двора.

— Почему ты молчишь, Аня? Она резко обернулась. В глазах — невыплаканные, усилием воли сдержанные слезы:

— Приготовься… Все равно тебе скажут. И рассказала, что еще зимой погибли при выполнении заданий хорошо нам обоим знакомые Падильо, Лоренте и Хусто, а при переходе линии фронта Анхел Альберка, Хоакин Гомес и Бенито Устаррос. Каждое названное Анной имя падало на меня, как удар. Падильо — ночи Гранады, первые эшелоны франкистов. Лоренте — наступление под Уэской, первый взорванный вражеский грузовик. Хусто — первая фашистская бомбардировка Хаена, спасенная четырехлетняя девочка. Альберка — минные поля под Мадридом, "минированный валенок" на таганрогском льду. Гомес — Гранада, Уэска, Мадрид, Калинин. Устаррос — летчик-истребитель на «курносом» в небе Мадрида, Харьков, Ростов, Подмосковье… Я сидел, не поднимая головы. Мужественные, справедливые люди, опытные, выносливые, ничего не требующие для себя солдаты!

— Альберка и Устаррос посмертно представлены к награждению орденами Отечественной войны 1 степени, — услышал я голос Анны.

— А остальные?

— Не знаю. Первый после долгой разлуки вечер оказался для нас безрадостным. Он стал бы еще безрадостней, знай мы, что и Франсиско Гульон вскоре скончается от полученной раны. Но судьба пощадила, вперед заглянуть не дала. Заместитель начальника УШПД по диверсиям На следующий день я приступил к выполнению новых обязанностей. Начал с изучения объемного "Оперативного плана боевых действий партизан Украины на весенне-летний период 1943 года", врученного Соколовым. В различных приказах и планах руководства партизанским движением, в особенности на первых этапах партизанского движения, призывы к нанесению ударов по вражеским коммуникациям нередко терялись в призывах к разгрому вражеских штабов, гарнизонов, отдельных фашистских

подразделений, к поджогам складов, порче телефонной связи и так далее. Неопытные командиры партизанских отрядов и соединений распыляли силы, тратили их на выполнение второстепенных, а то и третьестепенных задач. Положение изменилось к лучшему после Приказа Наркома обороны от 5 сентября 1942 года, который ставил перед партизанами в качестве главной задачи закрытие путей подвоза противником к фронту резервов, техники, боеприпасов и горючего. "Оперативный план боевых действий партизан Украины на весенне-летний период 1943 года" требование сентябрьского приказа учитывал. Он предписывал крупнейшим партизанским соединениям Украины выйти на территорию ее западных и юго-западных областей и нанести удары по двадцати шести важнейшим железнодорожным узлам. Предполагалось забросить в отряды и соединения до трехсот человек командно-политического состава и не менее ста тридцати девяти тонн различных грузов. Транспортным самолетам 101-го авиационного полка В. С. Гризодубовой, а также самолетам 1-й и 62-й авиатранспортных дивизий предстояло совершить минимум двести пятьдесят вылетов во вражеский тыл. Направленность и размах плана впечатляли. Однако, как я понял, под словосочетанием "удары по железнодорожным узлам" подразумевались прямые атаки на эти узлы, их захват, разрушение стрелок, водокачек, семафоров, пакгаузов и станционных построек. Сознание тут же подало сигнал опасности. Особенно сильный после вчерашнего рассказа Анны о неоправданных потерях и ненужных жертвах. Сразу после провала "молниеносной войны" фашистское командование стало уделять охране железных дорог самое пристальное внимание. Уже 16 октября 1941 года Геринг издал директиву, требующую расстреливать или вешать каждого русского, приближающегося к железнодорожному полотну хотя бы на километр! Позже подобные директивы от палачей всех рангов посыпались как из рога изобилия. Охрана железных дорог усиливалась врагом по мере того, как увеличивалось число диверсий. В ряде мест партизанам даже приблизиться к железнодорожному полотну стало крайне трудно. А уж об охране крупных железнодорожных узлов враг позаботился особо! Тем более что это были крупные города, где гитлеровцы держали сильные гарнизоны, располагающие артиллерией, а в ряде случаев танками. Командование такого гарнизона могло в критический момент вызвать на помощь и авиацию. Атаковать крупный железнодорожный узел, располагая лишь стрелковым оружием, двумя-тремя минометами, редко парой пушек, не имея возможности рассчитывать на подкрепления, — значило идти на

огромный риск, нести очень тяжелые потери без надежды на полный успех. Все во мне восстало против этого! Пошел к Соколову. Услышав, что над планом следовало бы еще подумать и внести в него серьезные коррективы, Василий Федорович всплеснул руками:

— Илья Григорьевич, батенька, да мы уже два месяца только тем и занимаемся, что эти треклятые коррективы вносим! Взгляните на календарь, весна скоро кончится!

— Тем не менее поправки необходимы. Нельзя же сбрасывать собственный опыт. Я объяснил Соколову, почему, на мой взгляд, задача парализовать железные дороги противника на территории Украины не будет выполнена, если мы бросим отряды и соединения на захват железнодорожных узлов и их разрушение.

— Та-а-а-к! — протянул Соколов. — Что же вы предлагаете? Оставить эти узлы в покое?

— Да нет! Предлагаю ориентировать партизан на вывод из строя тех же самых железнодорожных узлов, только с помощью массовых крушений вражеских поездов, Василий Федорович. Тем более что на складах лежат десятки тысяч самых различных противопоездных мин и колесных замыкателей. Об этом я уже справился. Соколов задумался. Я обратил его внимание еще на одно немаловажное обстоятельство: цифры потерь украинских партизан в личном составе находятся в обратно пропорциональной зависимости к цифрам, показывающим количество совершенных на железных дорогах врага диверсий. Наибольшие потери партизаны понесли в сорок первом году, когда провели всего тридцать крушений поездов. В сорок втором году потери в людях сократились, а число диверсий возросло до двухсот двадцати. В феврале же и марте сорок третьего потери партизан вообще оказались мизерными, а под откос только за два месяца полетел уже сто двадцать один эшелон врага! Соколов вздохнул:

— Это, конечно, убеждает, Илья Григорьевич, да только тянуть с окончательным утверждением плана, чуть ли не заново его переписывать, нам нельзя. Нельзя!

— Но как же так, Василий Федорович?!

— А вы не горячитесь, вы послушайте. Сами же призываете считаться с реальностью. Так вот, наша с вами реальность такова, что каждый упущенный день неминуемо приведет к сокращению числа самолето-вылетов в тыл врага. А это значит, что штаб не забросит партизанам ни запланированного количества оружия, ни запланированного количества взрывчатки. Как тогда станете диверсии производить? Настал мой черед задуматься. Соколов успокоил:

— Для тревоги оснований нет. Во-первых, партизанские командиры народ ученый, за здорово живешь штурмовать железнодорожные узлы не кинутся. Вон Ковпак прошлой осенью как с Сарнами разделался? Не в лоб ударил, а мосты вокруг взорвал. Теперь и другие так действовать станут. Может, вышлют на дороги небольшие группы минеров, и конец! Сабуров, между прочим, за такую тактику в пример поставлен.

— Ну, это во-первых, а во-вторых?

— А во-вторых, план, конечно же, будет уточняться, — невозмутимо ответил Соколов. — Вот тогда нужные поправки и внесем. В рабочем порядке, как говорится. Поколебавшись, я сказал, что все же считаю необходимым доложить свои соображения Строкачу.

— Непременно доложите! — согласился Соколов. — Только на переделке плана не настаивайте! Времени у нас с вами нет! Тимофей Амвросиевич выслушал меня внимательно, но к предложению полностью отказаться от идеи захвата железнодорожных узлов, перейти к подрыву вражеских поездов отнесся осторожно. Прежде всего заметил, что некоторые специальные мины, скажем, ампульные (химические), противопоездные мины замедленного действия с вибрационными замыкателями партизанам совершенно незнакомы.

— Я и сам про вибрационные замыкатели впервые от вас слышу, — сказал Строкач, — А понятия о минах замедленного действия не имеют даже выпускники нашей спецшколы в Саратове! Что же про рядовых партизан говорить?

— Обучим их, товарищ генерал.

— Сотни-то людей? Для этого нужно инструкторов подготовить, товарищ полковник!

— Товарищ генерал, скоро в Москву прибудут с Кавказа инструкторы и выпускники бывшей Высшей школы особого назначения. Строкач все-таки колебался:

— А успеем вызвать людей из отрядов и соединений для учебы?

— Так давайте наладим обучение людей непосредственно в тылу врага! Пошлем инструкторов туда. Я сам могу вылететь!

— А если соединения уже уйдут в рейды?

— Учить и в рейдах можно, товарищ генерал! Строкач прошелся по кабинету:

— Сделаем так. Вы изложите свои соображения письменно, а я представлю их в ЦК КП(б)У.

— Но вы со мной согласны, товарищ генерал?

— Учитывая опыт Ковпака и Сабурова — согласен. Однако послушаем, что скажут сверху. К идее блокирования и вывода из

строя железнодорожных узлов противника с помощью мин в ЦК КП(б)У отнеслись одобрительно. Не требуя немедленной перекройки плана весенне-летних боевых действий и полного отказа от захвата железнодорожных узлов, рекомендовали вместе с тем в кратчайшие сроки разработать, размножить и направить партизанам Украины инструкции по применению новейших мин, забросить в отряды и соединения инструкторов по минноподрывному делу, предусмотреть доставку партизанам одновременно со взрывчатыми веществами мин новой конструкции.

— Вот видите, — сказал Соколов. — Так мало-помалу все и утрясется.

Глава 25. Рельсовая война

Двадцать третьего апреля, во второй половине дня, генерал Строкач приглашает полковника Соколова и меня в свой кабинет. Тимофей Амвросиевич выглядит озабоченным. Сообщает, что утром у него состоялся очень серьезный разговор с начальником Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко. В Центральном штабе с полным основанием считают, что дезорганизация железнодорожных перевозок противника еще не достигла того размаха, чтобы существенно влиять на обеспечение немецко-фашистских войск людскими резервами, техникой, боеприпасами и горючим. Диверсии проводятся не одновременно, а вразнобой, и враг ликвидирует их последствия без особых затруднений. По мнению Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, крушения вражеских поездов и подрыв вражеских мостов, если даже мы увеличим их количество вдвое или втрое, нужного эффекта все равно не дадут. Нужен хорошо спланированный, одновременный массовый удар по вражеским коммуникациям. Медлить с этим ударом в предвидении ожесточенных летних боев нельзя. Центральный штаб партизанского движения задумал операцию под кодовым названием "рельсовая война". В ходе операции все силы партизан будут брошены на подрыв рельсов. По предварительным подсчетам ЦШПД за месяц можно подорвать примерно триста тысяч штук рельсов. По замыслу ЦШПД это должно полностью парализовать все воинские перевозки противника на временно оккупиро-"н ванной советской территории. Украинским партизанам предстоит подорвать примерно 85 — 90 тысяч штук рельсов. Я огорошен. Одновременный удар необходим, но взрывать рельсы?! Чушь какая-то!

— Выходит, весь наш план насмарку? — расстраивается Соколов.

— Одновременный удар можно нанести и с помощью мин! — добавляю я.

— Дискутировать не будем, — говорит Строкач. — По словам Пантелеймона Кондратьевича, идея "рельсовой войны" в принципе одобрена товарищем Сталиным. Садитесь за планы и расчеты, товарищи. Я замечаю, что подрыв названного Строкачем количества рельсов потребует значительно большего количества взрывчатки, чем намечалось израсходовать при совершении диверсий.

— Взрывчатка будет, — отвечает Строкач.

— А самолеты? — беспокоится Соколов. — Дополнительные самолето-вылеты для переброски этой взрывчатки дадут?

— Пономаренко сказал, что самолеты нам обещают. — Словом, за дело! — говорит Строкач. — Принимайтесь за корректировку плана, Василий Федорович. А вы, Илья Григорьевич, немедленно уточните, сколько рельсов находится на временно оккупированной территории Украины, вообще в каком состоянии там железнодорожное хозяйство противника. Торопитесь. Время не ждет. * * * Не знаю, жил ли на свете человек, имевший возможность спокойно заниматься каким-нибудь делом, не раздумывая об отложенных или ожидающих очереди. Среди моих знакомых таких не встречалось. Да и самому приходилось держать в голове и делать несколько дел сразу. На следующий день после разговора со Строкачем я поехал в Генеральный штаб, в Центральное управление военных сообщений. Подготовленный нами запрос, о состоянии железнодорожного хозяйства на временно оккупированной территории Украины принял знакомый полковник.

— Что, на Украине тоже собираетесь рельсы рвать? — осведомился он. — Мало вам, товарищи, того, что немец сам полотно при отходе корежит?

— Не затяните, пожалуйста, со справкой.

— Э, что справка? Справку получите в срок… От этого, пусть коротенького разговора на душе тяжелый осадок. Действительно, взорванные рельсы нам же самим восстанавливать придется. И потом, как же быть с развернутой техническим отделом работой? Мы же нацелили людей на совершенствование специальной техники, способов диверсий, обобщаем и распространяем опыт лучших партизан-минеров! Отдел уже подготовил к печати брошюры с описанием конструкции некоторых мин замедленного действия и рекомендациями по их установке, подготовил директивы по организации в отрядах и соединениях диверсионных служб, обследует склады с минами, определяет пригодность электрохимических замыкателей к использованию в летний период, установил контакты с некоторыми институтами Академии наук СССР, с рядом специальных институтов и конструкторских бюро, которые занимаются изготовлением новых взрывчатых веществ, созданием новой минноподрывной техники! Неужели все это — зря? Иду со своими сомнениями к Строкачу.

— Продолжайте работать как работали! — выслушав меня, говорит Строкач.

— Упразднять мины и борьбу с помощью мин никто не собирается. Эту борьбу мы и в плане предусмотрим. Слова Строкача и решительный тон, каким они сказаны, воодушевляют.

В ожидании ответа на запрос в Главное управление военных сообщений вновь с головой ухожу в привычные дела. Очень помогает в те дни помощник уполномоченного ГКО по науке Степан Афанасьевич Балезин. Он делает все, чтобы просьбы и заявки технического отдела УШПД выполнялись в кратчайшие сроки, и уже настолько вник в тактику партизанской борьбы, в методы выполнения некоторых диверсионных задач, что даже уточняет наши заявки и сам вносит предложения по созданию и совершенствованию имеющейся техники. А в канун Первомая требуют первоочередного внимания прибывшие с Кавказа отряды расформированной ВОШОН. Командовавший отрядами капитан Чепак появился у меня в самом начале рабочего дня. Московское небо хмурилось, на газонах Тверского бульвара, на жухлой, грязной прошлогодней траве еще лежали кое-где тощие, ноздреватые лепешки серого снега, стволы и сучья лип после ночной мороси казались особенно черными, унылыми, а Чепак выглядел курортником: лицо загорелое, брови выгорели. Капитан доложил, что эшелоны с отрядами двигались медленно: пропускали встречные составы с войсками и техникой, несколько раз попадали под бомбежки. Я представил капитана Чепака генералу Строкачу и Дрожжину, Решили, что капитан возглавит школу особого назначения Украинского штаба партизанского движения, а личный состав отрядов бывшей ВОШОН частично вольется в новую школу, частично же будет направлен в партизанские отряды и соединения для обучения партизан обращению с новой техникой, для укрепления диверсионных служб. Решение ЦК КП Испании Предполагалось, что находившиеся в школе испанские товарищи тоже продолжат службу в формированиях Украинского штаба, хотя Строкач и посчитал необходимым согласовать это с Коминтерном.

— Поезжайте туда с Леонидом Петровичем, — приказал Строкач, — договоритесь. После майских праздников, когда погода расщедрилась, подарила Москве солнце и фисташковую зелень только-только лопнувших почек, мы с Леонидом Петровичем Дрожжиным, начальником отдела кадров штаба, поехали в Коминтерн. Принял нас товарищ Димитров. Он узнал меня, беседа пошла доверительная, дружеская. Мы рассказали об операциях диверсантов на Кавказе, о борьбе украинских партизан, а Димитров — о болгарских партизанах и подпольщиках, которые в тяжелейших условиях, теряя замечательных людей, ни на минуту не прекращают борьбу с фашизмом. Заговорили об испанских товарищах. Димитров сообщил, что несколько бывших испанских республиканских летчиков встретились в Москве со сражавшимся в Испании

прославленным летчиком А. С. Осипенко, командующим авиацией ПВО. Осипенко решил взять испанских пилотов к себе. И они оправдали его надежды, принимая участие в отражении налетов фашистской авиации.

— Центральный Комитет Коммунистической партии Испании обратил внимание на этот факт, — сказал Димитров, — и считает необходимым использовать испанских воинов-добровольцев либо по их прямой специальности, либо готовить к предстоящей борьбе в Испании. Я тоже думаю, что так будет правильней. Да, пожалуй, это было правильней. Но мысль о предстоящем расставании с воинами-испанцами, с этими беззаветно мужественными, бесконечно скромными людьми, казалась невыносимо горькой. Испанцы были первыми и самыми многочисленными иностранцами, сражавшимися в отрядах советских партизан, первыми иностранцами в Красной Армии. Мы переживали вместе и трагедии поражений, и радости побед. Где бы ни пролегал путь — под Хаеном или Таганрогом, под Уэской или Харьковом, под Кордовой или Калинином, — всюду мы шагали плечом к плечу, бесконечно веря соседу… Димитров заметил мое состояние.

— Вы продолжите борьбу по одну сторону фронта! — сказал он. — А силы на войне надо использовать с максимальной пользой! На этом и закончилась беседа. Вскоре всех испанских воинов-добровольцев зачислили в кадры Красной Армии. С ветеранами партизанской войны мы простились отдельно. Обнимались до хруста в плечах, понимая, что расстаемся надолго, если не навсегда. Лишь один из ветеранов, Рамилес, доказал в испанском ЦК, что стал опытным минером-подрывником, возвратился ко мне и вскоре улетел в тыл врага, в соединение Николая Никитовича Попудренко, стал его заместителем по диверсиям… Накануне Курской дуги Вскоре после встречи с Димитровым мне пришлось вылететь в командировку на Воронежский и Центральный фронты. Там готовились, измотав противника в оборонительном сражении на Курской дуге, перейти в решительное наступление. Партизанам же и гвардейским минерам обоих фронтов предстояло до начала активных боевых действий нанести чувствительные удары по, железным дорогам Белгород — Харьков и Белгород — Сумы, применить мины замедленного действия на основных шоссейных дорогах в тылу врага. Я провел беседы с работниками штабов инженерных войск Воронежского и Центрального фронтов, а также с офицерами батальонов гвардейских минеров, поделился опытом применения МЗД и секретами тактики небольших групп минеров, направляемых во вражеский тыл. Упоминаю об этом,

чтобы подчеркнуть: начиная с весны сорок третьего года, особенно в период подготовки к Курской битве, инженерные мины стали использоваться уже не только как оборонительные, но и как наступательное оружие. А в Москве ожидало новое спешное задание; ознакомить с новинками минноподрывной техники находившихся на излечении и вновь улетающих во вражеский тыл секретарей ряда обкомов, партизанских командиров и членов так называемых "организаторских групп", посылаемых УШПД главным образом в районы Правобережной Украины для создания новых подпольных групп и новых партизанских формирований. По-разному отнеслись к этим занятиям партизанские командиры. Герой Советского Союза В. М. Яремчук, имевший на счету двенадцать пущенных под откос поездов врага, посмеивался:

— Чи мы не знаемо, як крушения производить? Ще як знаемо! Пиймав того ворога на «удочку», тай и го-ди! Ловля поездов на «удочку», то есть подрыв их с помощью бечевы, привязанной к чеке взрывателя, из укрытия, находящегося в пятидесяти-ста метрах от железнодорожного полотна, была крайне опасным делом, стоила жизни многим партизанам. Однако Яремчук считал этот метод самым надежным, а в мины замедленного действия не верил. После занятий он резко изменил точку зрения. Улетая, забрал с собой столько МЗД, сколько позволил взять в самолет, и впоследствии успешно использовал их все до одной. Руководитель организаторской группы секретарь Каменец-Подольского обкома, депутат Верховного Совета СССР С. А. Олексенко, по специальности инженер, напротив, с самого начала отнесся к новым минам с огромным интересом, изучал их старательно и заставлял старательно изучать их своих товарищей. Сетовал только об одном: мин маловато, и неизвестно, как будут их доставлять за сотни километров в тыл врага. Тревоги Олексенко были понятны. Хорошо понял я и того коренастого, круглолицего, чубатого хлопца, который в один из теплых майских дней постучал в дверь моего кабинета:

— Разрешите, товарищ полковник! — и вытянулся на пороге. — Инструктор-минер спецшколы Воронько!

— Слушаю вас. Чем могу быть полезен?.. Садитесь. Хлопец снял пилотку, присел:

— Я с просьбой, товарищ полковник. От группы курсантов.

— Продолжайте. Заметно волнуясь, непроизвольно вкрапливая в русскую речь украинские слова и выражения, мой посетитель сказал, что их семеро: шесть парней и одна дивчина, все — диверсанты со стажем, один парень — радист, нельзя ли направить их во вражеский тыл, в отряд, где можно хорошо

поработать по военной специальности? Собеседник выглядел так молодо, что я невольно улыбнулся:

— А у вас и мирная специальность есть? Парень покраснел:

— А как же? Строителем до войны был, мосты строил. Ну а еще — в Литературном институте учился. Стихи пишу, товарищ полковник.

— Поэт, значит. Как же в диверсанты попал?

— Случай. В первый день войны у нас в районе сейф с мобилизационными документами вскрыть не могли. А тут я подвернулся: мостовик, со взрывчаткой знаком. Вскрыл сейф, да так и пошло. Направили учиться, потом в фашистский тыл посылали, потом сам людей обучал и перебрасывал… Мы с товарищами и мины делать умеем, товарищ полковник! Я раздумывал, как поступить. Воронько скомкал пилотку:

— Помогите, товарищ полковник! Война же не кончена, а мы не в свой тыл просимся!

— Хорошо. Подождите. Я позвонил Строкачу, попросил нас принять. Побеседовав с молодым человеком, Тимофей Амвросиевич отправил его в коридор и развел руками:

— Поэт, строитель, диверсант! Такому разве откажешь? Куда бы его группу определить, Илья Григорьевич?

— Инструкторы везде нужны, товарищ генерал.

— А пошлем-ка ребят к Сидору Артемьевичу! Этот Воронько в рейдах не только поезда подорвет, но еще и песни сложит, стихи напишет, а ковпаковцы стоят поэм, верно? Так решилась судьба Платона Никитича Воронько и судьба его боевых друзей. Генерал Строкач не ошибся. Молодежь сражалась во вражеском тылу отважно. Платон Воронько написал о партизанах стихи и поэмы, которые знает сегодня весь народ. В те дни в УШПД вообще приходило много добровольцев, просивших, даже требовавших отправить их в тыл врага. Удовлетворить все просьбы мы не могли" но все же весной сорок третьего штаб перебросил во вражеский тыл сто двадцать хорошо подготовленных минеров: шестьдесят семь полетели в качестве инструкторов, а пятьдесят три — в качестве командиров и штабных работников. Забрасывались тогда во вражеский тыл и радисты, и шифровальщики, и медицинский персонал. Рельсовая война — абсурд? В конце первой декады мая мы получили ответ на запрос в Центральное управление военных сообщений. Нас информировали, что на временно оккупированной территории Украины находится более четырех миллионов штук рельсов, недостатка в них гитлеровцы не испытывают, даже отправляют часть на переплавку. Острый недостаток противник испытывает в паровозах; годных для работы паровозов на всей оккупированной

территории СССР в настоящее менее пяти тысяч. Строкача эти цифры озадачили. Он, наконец, убедился в правоте нашего технического отдела: запланированные для подрыва украинским партизанам рельсы составляют всего два процента от их количества на оккупированной территории УССР, а израсходовать на эти два процента придется всю взрывчатку, которую мы сможем доставить в отряды и соединения. Да и неизвестно еще, удастся ли такое количество взрывчатки доставить: в мае мы уже не получили обещанного числа самолетов, а в июле следует ожидать сокращения рейсов: летние ночи коротки!

— Запросите Центральный штаб партизанского движения, даст ли он дополнительные самолеты! — приказал Строкач. — И подготовьте справку для ЦК КП(б)У. Надо поставить ЦК в известность о положении вещей. Справку для ЦК КП(б)У технический отдел подготовил к 23 мая. Из Центрального штаба партизанского движения ответили, что могут выделить нам в мае дополнительно один самолет.

Глава 26. Через линию фронта. Строкач отказывается от рельсовой войны!

Шифровки, поступавшие в Украинский штаб партизанского движения, становились день ото дня тревожнее. Против партизан готовились крупные карательные операции. В ряде мест гитлеровцам удалось оттеснить партизан от железных дорог, захватить сооруженные ими посадочные площадки для самолетов, а площадки расположенных далеко на запад партизанских соединений стали недостижимы из-за сокращения ночного времени и нехватки самолетов с дополнительными баками для горючего. Сохранился, по-прежнему принимал самолеты один-единственный партизанский аэродром. Находился он в Лельчицком районе Полесской области. Туда, к базе партизанского соединения А. Н. Сабурова, и потянулись для получения взрывчатых веществ, мин, оружия, боеприпасов и медикаментов партизаны Украины. Между тем из-за нелетной погоды и нехватки самолетов материальное обеспечение партизан затягивалось, выход партизанских соединений в рейды откладывался. Это крайне беспокоило Строкача. Поэтому уже при разработке плана подрыва 87 000 штук рельсов, «записанных» за партизанами Украины руководством ЦШПД, Тимофей Амвросиевич согласился с предложением Технического отдела осуществлять массовой подрыв рельсов только в сочетании с широким использованием мин замедленного действия. Тем более что к середине мая мы полностью разработали систему минирования, исключающую применение противником мало-мальски эффективных контрмер. Я упоминал о справке, подготовленной к 23 мая Техническим отделом по указанию Строкача для ЦК КП(б)У. В ней говорилось о возможностях украинских партизан по срыву стратегических перевозок противника и указывалось, что при недостатке взрывчатых веществ целесообразнее производить крушения вражеских поездов, выводить из строя поезда противника, а не подрывать рельсы. Технический отдел предлагал подрывать рельсы исключительно с целью маскировки поставленных мин, прежде всего — новейших мин замедленного действия. Утром 30 мая Тимофей Амвросиевич сообщил заместителям, что в ЦК КП(б)У рассмотрели эту справку, тщательно взвесили все «за» и «против» и согласились с нашей точкой зрения.

— Иными словами, принимать участие в так называемой "рельсовой войне" украинские партизаны не будут, — подвел итог

Строкач. — Начинаем совсем другую войну — "войну на рельсах". Станем, как и намеревались, уничтожать вражеские поезда с помощью МИН. Мне же приказал готовиться к вылету с ним в тыл врага. Строкач хотел лично довести изменения в плане боевых действий до каждого партизанского командира и комиссара, лично проверить боевую подготовку партизан, а заодно вручить людям награды. Мне предстояло проконтролировать подготовку минеров, проверить обеспеченность соединений минноподрывным имуществом и сохранность этого имущества.

— Решение принято крайне ответственное, его и выполнять надо со всей ответственностью! — сказал Тимофей Амвросиевич. Валентина Гризодубова… Строкач запаздывал. Догорал закат, наступало время вылета — генерала нет. Совсем стемнело, звезды проклюнулись, и только на западе, над черными зазубринами дальнего леса чуть брезжит в просветах туч белесовато-зеленый отсвет ушедшего дня — нет Строкача! Пришел дежурный офицер от командира авиационного полка В. С. Гризодубовой:

— Товарищ полковник, полет отменяется: к рассвету до партизан не дотянуть! Летящие с нами адъютант Строкача, офицеры связи, инструкторы минноподрывного дела обступили тесным кольцом, ждут моего решения.

— Будем ждать Тимофея Амвросиевича, — говорю. Офицер пожимает плечами, уходит. Раздумываю, не пойти ли за ним следом, но тут доносится шум идущей на большой скорости машины, шум приближается, нарастает до предела, стихает, слышен скрип тормозов. Резкий хлопок дверцы. Из темноты быстрым шагом появляется Строкач:

— Вы еще не в самолете?!

— Вылет отменяется, товарищ генерал. Поздно.

— Как это «отменяется»? Что значит — "поздно"?

— Где Гризодубова? Пойдемте к ней, Илья Григорьевич! Валентина Степановна Гризодубова, высоколобая, с широкими разлетистыми бровям, выслушала Стро-кача сочувственно.

— Нет, нет, лететь, конечно, можно, — сказала она. — Только придется изменить маршрут. Полетите через Липецк, товарищ генерал. Там ночь на сорок минут длиннее, а путь по вражеским тылам оттуда короче. Но Строкач запротестовал:

— Помилуйте, Валентина Степановна, дорогой товарищ полковник! Ведь до Липецка пять сотен километров, если не больше.

— Пять, — согласилась Гризодубова. — Ничего. Я же говорила: выиграете при полете в тылу врага.

— Но вылетать-то из Липецка придется уже завтра!

— Само собой.

— Нет, — отрезал Строкач. — Никаких «завтра». Погода может испортиться, еще что-нибудь случится, а на счету каждый день. Мы должны лететь сегодня. Немедленно! И Гризодубова уступила. Поколебалась, но уступила:

— Будь по-вашему. Через линию фронта Транспортный самолет с ревом и гулом набирал высоту. Сумерки отставали. Стали видны круглые заклепки на могучем сером крыле машины. Ну вот, свершилось, после долгого перерыва я снова направляюсь в тыл врага! Возбуждение, владевшее мною, было, наверное; иным, чем возбуждение молодого адъютанта Тимофея Амвросиевича и офицеров связи штаба. Их могли волновать необычность ситуации, чувство опасности, необходимость испытать и показать себя. Очень давно, под Вильянуево дель Кордовой, я ощущал нечто похожее. Теперь же мозг горячечно проверял, не допущена ли какая-нибудь, пусть мельчайшая ошибка при планировании предстоящей "войны на рельсах". Я думал, прикидывал, проверял в уме расчеты — ошибки не обнаруживал. Сомневаться же в замысле самой операции не приходилось. О возможности массированного удара по коммуникациям врага, о массовых крушениях вражеских поездов, уничтожении подвижного состава противника мы до сих пор могли только мечтать. Теперь массированный удар — реальность. Достаточное количество самых современных мин появилось, и получает их поднявшийся на борьбу с оккупантами народ! Катастрофы гитлеровцам не избежать! К линии фронта вышли на значительной высоте: дополнительный бак с бензином, установленный в фюзеляже машины, как бы кипел, выделяя пары бензина. А внизу, в окутавшем землю мраке, бушевала беззвучная световая морзянка: розоватые, алые, золотистые тире и точки. Если бы не знать, что это орудийные вспышки и разрывы снарядов!.. Внезапно слева от самолета загорелись и зависли «фонари» — осветительные ракеты противника. Почти одновременно вздыбились, пошли блуждать в ночи расширяющиеся столбы дрожащего света — лучи фашистских прожекторов. Приближались, нащупывали, нацеливались… Я надеялся, что проскочим. Позже и Строкач признался, что надеялся на это. Не проскочили. В фюзеляже сделалось светло, словно зажгли люстру в пятьсот свечей. Резко, отчетливо выделились из темноты металлические ребра самолетных конструкций, лица и фигуры тесно сидящих на бортовых скамьях людей. Кто зажмурился, кто прикрыл глаза рукавом. В иллюминаторах вспыхнули близкие разрывы зенитных снарядов. В минуту смертельной опасности нет ничего хуже пассивного выжидания. Но ничего, кроме такого выжидания, нам,

пассажирам, не оставалось. Надеяться мы могли только на летчиков, а не на самих себя! Командир корабля капитан Слепов резко бросил машину вниз. Скамейки рванулись из-под нас, пришлось вцепиться в металл, друг в друга. Удержались не все, кто-то упал, покатился к кабине пилота. А самолет ревел и мчался вниз, и в ушах ломило невыносимо. В фюзеляже снова стало темно, в иллюминаторах уже не сверкало, и самолет не падал, наоборот, рев его становился ровнее. Уже не требовалось напрягать силы, чтобы удержаться на скамье. Пронесло! Слепов перешел на горизонтальный полет, внизу опять мрак: жуткая морзянка исчезла, а это значит, что линия фронта далеко позади! Тронул за плечо Строкач, пригласил взглянуть в иллюминатор. Что это? Появляются дрожащие красные и желтые точки, соединяются в квадраты, в конверты, в буквы. Иные фигуры при нашем приближении Гаснут, другие перемещаются, на смену погасшим вспыхивают новые. Вот, значит, как выглядят с самолета партизанские костры-сигналы! Впрочем, весьма возможно, что иные костры зажжены фашистскими карателями, пытающимися заманить в ловушку неопытных летчиков. Ну-ну! С нашими этот эсэсовский номер не пройдет! После пережитого я, да, похоже, и все остальные пассажиры полностью доверяют капитану Слепову и его помощникам. К тому же бесконечные партизанские костры веселят: непрочен фашистский тыл, велик размах народной борьбы с захватчиками! Люди ожидают, сквозь шум моторов слышны шутки и смех. Смеха и шуток хватило ненадолго. Короткая июньская ночь кончилась, а мы все шли и шли над Полесьем. Строкач поглядывал на часы. По расчетам, давно пора долететь до Сабурова! Неужели заблудились! Тогда худо дело. В светлое время одинокий, беззащитный Ли-2 находка для вражеских истребителей! В I случае прямой опасности придется садиться, но куда? Стало совсем светло. Вот-вот и солнце покажется… Никто не переговаривался, не улыбался. Все напряженно всматривались в плывущую под самолетом местность. И условные посадочные знаки наконец нам открылись. Не помню, кто заметил их первым. Помню, однако, что вместе с облегчением ощутил усталость. Толчок, другой, самолет легонько трясет, покачи-вает, яркая трава в иллюминаторе перестает бежать к хвосту машины, останавливается. Слышится затихающий свист винтов. Мимо нас, пригибаясь, проходит второй пилот, отдергивает дверцу, пристраивает железную лесенку:

— Можно выходить, товарищ генерал! В проеме дверцы обдает светом, свежим запахом утренней земли, ласковым шумом листвы. Перед нами — обширная поляна. На краю поляны — березняк, изба с дымящейся трубой, с жердочкой огорожей и

привязанной к колышку, равнодушной к самолету козой. От березняка бегут партизаны. Кто в гимнастерке, кто в немецкой трофейной куртке, кто в ватнике. Крепкий русоволосый боец в куртке, в зеленых бриджах, кирзовых сапогах и шапке-кубанке лихо козыряет Строкачу:

— Командир роты Смирнов! Прислан для встречи и сопровождения! Слышна команда: "Самолет в укрытие! " Облепившие Ил-2 партизаны сноровисто страгивают тяжелую машину с места. Она неторопливо, но послушно ползет в противоположную от избы сторону, под сень раскидистых, могучих дубов. Примятую самолетом траву ворошат, поднимают, и вот уже нет ни самолета, ни аэродрома, остались только большая поляна, да изба какого-то лесовика, да коза… Нам со Строкачем подали коней, наши спутники разместились на подводах.

— Далеко база? — спросил Строкач обладателя кубанки.

— За полтора часа доедем, товарищ генерал! Дорога вела то лесом, то полем. Безмятежно шумели молодой листвой деревья, издалека, будто из простодушного детства, доносилось гаданье кукушки, среди медных стволов сосен текло синее серебро речки Уборти, колыхалась, брызгала в глаза радугами непрокосная сочная трава, торчал бурьян на полях, и редко-редко отыскивал взор среди бурьяна и репья тощую полоску жита. Въехали в сожженную деревню. По сторонам заросшей травой улицы только дворы да закопченные печные трубы. Чело уцелевшей печи — как разинутый в крике черный рот.

— Карателя, — скупо пояснил командир конво. Мало кто успел схорониться. Остановились у голубого от старости колодезного сруба. Пили по очереди из деревянной, окованной железом бадейки. Позвякивала мокрая ржавая цепь. Пришел мой черед. Запрокинул бадейку, пил, а когда опустил бадейку, увидел мальчика, стоявшего рядом. Мальчику лет десять. Он бос, одет в длинную обтрепанную рубаху. Смотрит на меня, выставив вспученный живот, держа в тоненькой руке хворостинку. На костистом лице, под спутанными, нестриженными волосами — голубые, ничего не забывшие глаза… Я почувствовал себя виноватым перед ним.

— Дяденька военный! — неожиданно сказал мальчик робким голосом. — Дайте звездочку, дяденька военный! Я торопливо нашел запасную звездочку для погон, протянул пареньку. Он схватил звездочку и вприпрыжку побежал прочь…

Глава 27. Встречи в Полесье. У Сабурова

Остановленные несколько раз партизанскими дозорами, мы приблизились к штабу Сабурова. Среди деревьев горбились накаты землянок, тянулись веревки с развешенным для просушки бельем, запахло дымом, слышались голоса людей. В прогалах стволов засветилась под ранним солнцем полянка с большим рубленым домом. На полянке перед домом народ. Издали узнаю Демьяна Сергеевича Коротченко, Алексея Федоровича Федорова, Сидора Артемьевича Ковпака, Степана Антоновича Олексенко. От группы встречающих отделяется осанистый человек в генеральской форме, идет навстречу. Видимо, Сабуров, с которым я прежде не встречался. Спешиваемся. Сабуров начинает доклад Тимофею Амвросиевичу. Выслушав доклад, Строкач обнимает Сабурова, а к нам уже подошли собравшиеся, и объятиям с рукопожатиями, кажется, не будет конца. Осматриваюсь. На командирах генеральская или офицерская форма с полевыми погонами, лица у них веселые, движения и голоса уверенные. Это не загнанные в леса и урочища, измотанные люди, это властные хозяева своей земли! Чтобы увидеть такое, стоило пережить любые огорчения и неудачи. У Сабурова ожидал завтрак. Столы стояли прямо на поляне. Строкач оглядел снедь и только руками развел:

— Вижу, не по карточкам живете! Откуда это?

— Реквизируем у врага, обмениваем в деревнях на соль и керосин, — ответил Сабуров. — Прошу, товарищи! За столом я нет-нет да и поглядывал на сидящего наискосок загорелого черноусого комиссара ковпаковского соединения Семена Васильевича Руднева. Среди знакомых человека с такой фамилией, с таким именем-отчеством не было, но я не мог отделаться от ощущения, что встречал Руднева раньше, и встречал не раз, только где и когда? Похоже, и Руднев ко мне присматривался, пытался вспомнить что-то. Я улучил момент, наклонился к комиссару:

— Семен Васильевич, извините, мы с вами виделись прежде? Руднев тронул ладонью усы:

— Понимаете, я в свое время учился у инструктора, носившего фамилию Григорьев… И сразу все стало на свои места! Ну, конечно же, Киев, тридцать третий год, партизанская школа! Я преподавал в ней, фамилия Григорьев — один из тогдашних моих псевдонимов!

— А какую фамилию вы десять лет назад носили? В Киеве? —

рассмеялся я, — У Григорьева не было слушателя Руднева!

— Илья Григорьевич, вы?! — Руднев даже с места встал. — То-то я смотрю, вроде вы, но говорят — Старинов, и в толк не возьму, ошибаюсь или опять конспирация?! Мы трясли друг другу руки.

— Что, оказывается, давние знакомые? — окликнул Строкач.

— Еще какие давние, Тимофей Амвросиевич! — Отозвался Руднев. Предаваться личным воспоминаниям среди малознакомых людей неловко.

— Будете в нашем соединении, тогда и поговорим, — предложил Руднев.

* * *

Скатерть убрали, курильщики зачиркали спичками, зажигалками, запахло табачным дымом. Сабуров уступил место в торце стола Демьяну Сергеевичу Коротченко. Тот постучал по столешнице костяшками пальцев:

— Начинаем совещание, товарищи! Сказав, что страна и народ живут в канун чрезвычайных событий на фронте, Коротченко разъяснил" (Стратегическую обстановку: немецко-фашистское командование готовит удар в районе Курского выступа, советским войскам предстоит измотать противника и перейти в решительное наступление. Ставка Верховного Главнокомандования, лично товарищ Сталин требуют от партизан активизации. Украинским партизанам предстоит нанести удар по. железным дорогам, находящимся в тылу группы фашистских армий «Юг». Пропускная способность дорог должна быть сведена к нулю. Это облегчит задачу регулярных войск Красной Армии.

— Учитывая требования момента, Центральный Комитет партии Украины и Украинский штаб партизанского движения пересмотрели летний план боевой деятельности, внесли в него изменения и уточнения — сказал Коротченко. — Подробней доложит о них начальник штаба генерал Строкач. Изменения, внесенные в план летних боевых действий, были весьма Серьезные. Соединение Ковпака освобождалось от задач по выводу из строя железнодорожных узлов Жмеринки, Казатина и Фастова, ему предписывалось выйти в Черновицкую область для действия на тамошних коммуникациях и организации борьбы в Прикарпатской Украине. Воздействовать на железнодорожные узлы Жмеринки, Казатина и Фастова, а кроме того на железнодорожные узлы Коростеня, Шепетовки и Киева должно было теперь соединение Сабурова, чей переход в Станиславскую область отменялся. Соединению С. Ф. Маликова предписывалось сосредоточить усилия на нарушение работы железнодорожных

узлов Бердичева и Житомира, соединению М. И. Наумова — совершить вместо рейда в Черновицкую область рейд на южные части Житомирской, Киевской и северной части Кировоградской областей, нарушая с тамошними партизанами работу железной дороги Фастов — Знаменка, а соединению Я. И. Мельника — Д. Т. Бурченко, которое раньше нацеливалось на железную дорогу Здолбутов — Полонное, приказывалось совершить рейд в Винницкую область, нанести удары по железным дорогам Жмеринского и Казатин-ского узлов. Задачи соединений А. Ф. Федорова, И. Ф. Федорова и В. А. Бегмы оставались прежними. Партизанам Алексея Федоровича Федорова нужно было нарушить работу железнодорожных узлов Ковеля, Луцка и Ровно, а партизанам Ивана Филипповича Федорова и Василия Андреевича Бегмы — работу узлов Ровно, Здолбунова и Сарн. Строкача слушали, иногда бросая на него и друг на друга быстрые взгляды. Ковпак, как всегда, щурился, косясь то на Вершигору, то на Руднева; Сабуров, сложив на груди руки, глядел в какую-то точку на столешнице; Мельник полуприкрыл глаза… Видимо, что-то осталось неясным, тем более что воспринималось на слух, а кое-что вызвало сопротивление. Сабуров, например, сразу обратил внимание Коротченко и Строкача на то, что ему придется разбить соединение на малочисленные отряды. Действовать эти отряды станут далеко друг от друга, снабжать их будет трудно, оказывать сопротивление противнику в прямом бою отряды не смогут. Мне показалось, что Тимофей Амвросиевич ждал подобного возражения.

— План является приказом! — твердо сказал он. — О том, как его лучше выполнить, будем говорить с командованием каждого соединения особо. Тогда во всем и разберемся, Николай Александрович. Есть вопросы, товарищи? Вопросы, конечно, были. На какое количество вооружения и взрывчатки можно еще рассчитывать? Определены ли точные сроки начала операций каждого соединения? Пришлют ли еще радистов?.. На одни вопросы Строкач ответил, на другие обещал ответить позже, побывав в соединениях. На этом совещание закрылось. Правда, партизанские командиры и комиссары разъехались не сразу, но я при неофициальных разговорах не присутствовал: пригласили на занятия с сабуровскими минерами. Среди новых учеников оказалось немало пожилых людей: оказывается, не только молодежь стремилась попасть в диверсанты! Но поскольку это были все-таки пожилые люди, к тому же крестьяне, вряд ли имевшие за плечами что-либо кроме ликбеза, я сократил теоретическую часть занятий и увеличил практическую. Я считал, что, подержав мину в руках, научившись устанавливать ее на тот

или иной срок замедления практически, а потом многократно повторив изученные приемы, люди сумеют действовать и без знания законов физики и химии. Иллюзий относительно того, как прочно усвоят материал новички, я не питал, но полностью полагался на сабуровских инструкторов; они доделают то, чего не успею я. Тем более что инструкторами-то были хорошо известные читателю С. П. Минеев и ставшая его женой Клава Минеева, та самая Клавочка со спичечной фабрики, которая рвалась в партизаны еще в сорок первом! Занятия закончили в полной темени, когда уже ничего нельзя было различить. У Ковпака Следующий день провели у ковпаковцев, расположившихся лагерем в трех-четырех километрах от сабуровского соединения. На торжественном построении первого батальона, или, как его обычно называли, Путивльского отряда, Строкач вручал ордена и медали "Партизану Отечественной войны" тремстам " ковпаковцам. Потом проходил смотр соединения. Позже Коротченко, Строкач, Ковпак, Руднев, Вершигора, командиры и комиссары ковпаковских отрядов начали совещание, а я проверял, как хранится в соединении миннoподрывная техника, как работают инструкторы, как усваивают их уроки десятки новых минеров. Провел и сам занятие с инструкторами, показал некоторые новинки подрывной техники. За ужином Ковпак спросил, доволен ли я минерами. Ответил, что доволен.

— Слышал, Тимофей Амвросиевич? — поднял палец Ковпак. — Ваш заместитель доволен, а вы нам ни мин, ни толу не даете.

— Как не даем? Дали же, Сидор Артемьевич!

— Мало.

— Распределяли справедливо.

— А кто казав, что не справедливо? — сощурился Ковпак. — Ни! Я казав, что мало! Лишь поздним вечером удалось нам с Рудневым остаться наедине. Сидели в ночном лесу на стволе поваленного дерева, вспоминали довоенный Киев, общих знакомых, говорили о том, как готовились когда-то к партизанской войне. Руднев рассказал, что воюет вместе с сыном, которого зовут Радием. Мальчик смелый, даже чересчур, может, потому, что не хочет и не смеет уронить авторитет отца. Голос Семена Васильевича звучал хрипловато; минувшей осенью вражеский осколок царапнул горло, задел голосовые связки. Я поинтересовался группой Воронько. Руднев сказал, что и сам Платон Воронько, и Варейкин, и Лира Никольская, и Саша Кузнецов, и остальные ребята группы пришлись ко двору, обучили минеров, подготовили более ста человек, а сейчас ушли на задание: не терпится пустить под откос вражеский эшелон.

— Меня тревожит, что в рейде не хватит мин и" взрывчатки, — признался Руднев. — Ведь окажемся вне досягаемости авиации.

— Только в том случае, если фронт на запад не двинется, Семен Васильевич. А он двинется! Меня окликнул Строкач:

— Илья Григорьевич, прошу ко мне! Есть дело.

— Да, да. иду. Мы с Рудневым пожелали друг другу спокойной ночи, расстались. Позже, укладываясь на ворохе пахучего сена в палатке из парашютного шелка, я неожиданно и с горечью подумал, что имен некоторых прежних знакомых, репрессированных в середине тридцатых годов, мы с Рудневым так и не произнесли. Эта мысль долго мешала уснуть, и слышно было, как тягуче шумит лес, как ходят часовые и шуршит кто-то близ самого полога, то ли мышь, то ли ночной жук. У Федорова Ранним утром Коротченко, Строкач, их адъютанты и офицеры связи поехали в соединение Алексея Федоровича Федорова: дорога предстояла неблизкая, километров семнадцать, они хотели попасть к Федорову до наступления жары. Я поехать вместе со всеми не мог: среди доставленной последним самолетом партии химических взрывателей были обнаружены неисправные, следовало разобраться, что случилось. Только в одиннадцатом часу удалось справиться с этим делом, и в красивое, широко раскинувшееся над Убортью село Боровое, в штаб партизанского соединения Алексея Федоровича Федорова, я попал лишь к часу дня. Накормив и позволив отдохнуть с дороги, Алексей Федорович предложил поехать в лес, на партизанский полигон. Я внутренне усмехнулся. Ближайшая железнодорожная линия проходила в тридцати пяти километрах от Борового, какой же тут «полигон»? Но я знал, что командир соединения любит разыгрывать людей, досадуя, если розыгрыш не удается, и подыграл ему:

— Конечно, на полигон. Прежде всего — на полигон! Шли недолго. На очередной лесной поляне открылась моим глазам… Немыслимо! Железнодорожная насыпь! Со шпалами. С рельсами. С балластом. Насыпь никуда не вела, она начиналась и оканчивалась на поляне, протяженность ее была невелика — метров двадцать пять — тридцать, но она существовала! А над поблескивающими рельсами, над черными от мазута шпалами копошились минеры-партизаны и виднелась высокая, тонкая, хорошо знакомая фигура моего бывшего начфина, теперь капитана, заместителя Федорова по диверсиям Алексея Семеновича Егорова! Я был ошеломлен. Ведь понадобилось добыть и доставить сюда песок, возить за десятки километров рельсы и шпалы и успеть в короткие сроки… Федоровский голос

за спиной прозвучал со знакомыми лукавыми интонациями:

— Конечно, не подмосковное кольцо, мы понимаем, но хоть что-то… И я вынужден был признаться:

— Опять ваша взяла, Алексей Федорович! Я подумал, что разыгрываете… Спасибо. Мелькнула мысль что полигон можно использовать для обучения минеров из других соединений.

— Не возражаю, — сказал Федоров. — Тем более что мы через двое суток уходим. Оставались на полигоне часа три. "Я расспросил Егорова о подробностях сооружения насыпи, убедился, что все без исключения минеры отлично усвоили тактико-технические данные новых мин, а потом своими глазами увидел, как работают ученики капитана. Работали они быстро, сноровисто, обнаружить установленные мины было нельзя. Особенно запомнился бывший московский студент Володя Павлов.

— Сколько человек подготовлено? — спросил я.

— Триста двенадцать, — спокойно, как о чем-то обыденном, ответил Егоров. Возвратясь в Боровое, я сразу заговорил со Строкачем о необходимости собрать на федоровском полигоне минеров из других соединений.

— Да, тут у них настоящая партизанская академия! — Согласился Тимофей Амвросиевич. — Поработали на славу, есть чему поучиться. Только — поздно. И сообщил, что поступили сведения о сосредоточении немецко-фашистским командованием значительных сил регулярных войск и карателей в районах Мозыря, Ельска, Овруча, Олевска и Петрикова.

— Численность вражеских частей близка к шестидесяти тысячам, — сказал Строкач. — Судя по всему, задумана крупная карательная операция против собравшихся здесь соединений. Нужно поскорее отправить их в рейды, Илья Григорьевич. Нельзя позволить противнику втянуть партизан в оборонительные бои. Сообщение в корне меняло дело. Оставалось лишь пожалеть, что уникальный полигон, созданный федо-ровцами в тылу врага, не использован на полную мощность. Через сутки соединения Федорова и Ковпака отправились в рейд. Провожать федоровцев высыпало все Боровое. Меня разволновало прощание с Рудневым.

— Не удалось поговорить, как хотел, — с сожалением сказал Семен Васильевич, — Столько передумал, столько наболело. Да что уж теперь? Видно, после войны поговорим. И протянул руки:

— Обнимемся, Илья Григорьевич! Мы обнялись. Спустя час ковпаковцы двинулись в дорогу. Больше я Руднева не встречал… У Бегмы Переночевав в покинутом ковпаковцами лагере, наша оперативная группа поехала в соединение ровенских партизан, которым командовал В. А. Бегма. Тридцать километров лесных

дорог одолели только к вечеру. Партизаны отужинали. По всему лагерю звучала музыка: там аккордеон, там скрипка, там гармоники.

— Не соединение, а филармония! — пошутил Строкач. Весело живете, Василий Андреевич!

— Не жалуемся, не жалуемся, — в тон ответил Бегма — Надо же людям культурно отдохнуть. Наступивший день был похож на предыдущие: вручение партизанам наград, совещание с командирами и комиссарами отрядов, входивших в соединение Бегмы, смотр миннoподрывного имущества, проверка работы инструкторов и подготовленных минеров. В район аэродрома Строкач решил возвращаться ночью. Усталые, ехали неторопливо. Вдруг захрустели в стороне ветки: кто-то уходил от дороги, ломясь сквозь чащобу. Молоденький офицер связи подъехал поближе, нервно кашлянул:

— В такой темени, товарищ генерал, знаете, даже плохонькая засада, две-три автоматные очереди…

— Ну, какая там засада! — мягко прервал Строкач. — Это мы зверя потревожили, вот и пошел трещать валежником. Какая может быть в партизанском краю засада. И ласково, успокаивающе похлопал по шее стригущую ушами лошадь. * * * Через несколько дней по приказу Строкача я покинул партизанский край, чтобы вернуться к московским делам и заботам. Дождаться выхода в рейд всех соединений и отрядов не довелось. Но улетел я успокоенный и полный надежд: люди получили около тридцати тонн тола, более пяти тысяч мин новой конструкции, достаточное количество запалов, взрывателей, замыкателей, бикфордова и детонирующего шнура, в каждом соединении имелись уже не десятки, а сотни хорошо подготовленных минеров. Можно было начинать!

Глава 28. Начало битвы на Курской дуге. Партизанские удары по врагу

Над Тверским бульваром, над Бренными и Гнездниковскими плавал густой дух цветущих лип. Сводки Совинформбюро говорили о боях местного значения, о поисках разведчиков и артиллерийских дуэлях. Чувствовалось: жестокие сражения не за горами… Собираясь по утрам в кабинете Строкача, старшие офицеры штаба с надеждой глядели на начальника связи подполковника Е. М. Косовского. Он отмалчивался. Отряды и соединения по-прежнему еще только выдвигались в назначенные для их действий районы. Первым доложил о выполнении приказа А. Ф. Федоров. Это произошло 29 июня. Четверо суток спустя Алексей Федорович радировал, что план диверсионной работы для каждого из пяти отрядов соединения разработан, и они направлены к местам будущих диверсий. Мы знали; на каждом участке железной дороги, оседланной тем или иным отрядом, минеры Федорова установят более 30 мин замедленного действия новейшей конструкции (МЗД-5) с разными сроками замедления. Все неизвлекаемые. Для охраны этих сложных мин будут поставлены другие, взрывающиеся при первом прикосновении щупа вражеского сапера. А для маскировки МЗД-5 партизаны станут подрывать отдельные эшелоны минами мгновенного действия. Сможет противник противопоставить что-либо такой системе? Удастся ему использовать дороги Ковельского железного узла? Ответ могло дать только время. Через двое суток, 5 июля, началась Курская битва. Вечернее сообщение Совинформбюро слушали в кабинете Строкача. Зашла речь о том, что, сумей бы мы обеспечить партизан минами и взрывчаткой хотя бы в мае, враг наверняка не успел бы осуществить все необходимые перевозки, вынужден был бы оттягивать сроки наступления, и это создало бы для гитлеровцев роковые трудности. Помнится, я даже пытался доказать, что парализовать все железные дороги в тылу врага можно было еще в сорок втором году. Даже привел сделанные наскоро расчеты, где указывал на громадные возможности мин.

— Ваша приверженность минам известна, Илья Григорьевич, — дружелюбно охладил Строкач. — Возможно, вы и правы. Но давайте будем реалистами. Сейчас нужно думать не о том, что могло случиться, а о том, чтобы все соединения и отряды, все подполье как можно скорее приступило к

уничтожению вражеских эшелонов. И приказал Соколову подготовить текст радиограмм в соединения, запаздывающие с выходом в районы действий, потребовать ускорить движение, чтобы в ближайшие дни начать диверсии на всех перечисленных в плане железных дорогах. Прошло еще два дня. В ночь на 8 июля А. Ф. Федоров сообщил о взрыве первой МЗД-5. Она сработала днем 7 июля на перегоне Повурск — Маневичи. Под откос пошел вражеский состав с танками и боеприпасами. Тогда же начали поступать радиограммы от Ковпака, Наумова, Малика, Мельника, И. Ф. Федорова и других командиров соединений о продолжении рейдов, о выходе в назначенные районы, об установлении связи с местными партизанами, о начале минирования. Как передать наше тогдашнее состояние? Грандиозное сражение в районе Курского выступа продолжалось. Ценой колоссальных потерь противнику удалось пусть медленно, но продвигаться вперед, и мы хорошо понимали, чего стоит задерживать врага. На Центральном и Воронежском фронтах самоотверженно сражались, погибали, истекали кровью от ран не сотни и тысячи, а сотни тысяч советских воинов. Они стояли насмерть. Помочь! Как можно скорее помочь им! И в глубоком тылу фашистских войск, сделавших ставку на Курскую битву, начинается небывалая в истории мировых войн партизанская операция по массовому выводу из строя крупнейших железнодорожных узлов. Если удастся осуществить ее, движение по железным дорогам на временно оккупированной территории Украины прекратится, противник лишится сотен паровозов, его сражающиеся армии не получат в нужном количестве ни людских пополнений, ни боевой техники, ни боеприпасов, ни продовольствия. И невольно завидуешь тем, кто сейчас за сотни километров от Москвы, от нас, в урочный час незримым выходит на магистрали, точными, привычными движениями вынимает грунт или балласт, сноровисто устанавливает грозные мины и скрывается так же незаметно, как появился. Завидуешь, потому что успех задуманной операции зависит сейчас в значительной степени от таких невидимок — рядовых минеров!.. В критические дни Курской битвы, когда в сводках Совинформбюро танковыми траками громыхали названия Грезное, Прохоровка, Ржавец и Маслова Пристань, ко мне в комнату зашел полковник Соколов:

— Есть новость. Разговаривал с товарищами из Центрального штаба партизанского движения. Они отдали приказ о начале "рельсовой войны". Новость была из ряда вон выходящая! Значит, Центральный штаб партизанского движения сумел запастись огромным количеством взрывчатки и доставить ее партизанам, которыми руководил! Я жадно расспрашивал Василия

Федоровича о подробностях. Но ему было известно лишь, что к рельсовой войне привлекаются партизаны Белоруссии, партизаны Ленинградской, Смоленской и частично Орловской области. Численность их — почти сто тысяч человек, предстоящая операция делится на три этапа. Каждый этап будет длиться от пятнадцати до тридцати суток. По словам тех, с кем беседовал Соколов, уже в первые пятнадцать суток должны быть разрушены практически все железнодорожные пути в тылу группы фашистских армий «Центр». Я поинтересовался, запланированы ли Центральным штабом подрывы вражеских эшелонов с помощью мин.

— Об этом речи не шло. Похоже, все брошено на подрыв рельсов. Хотят ошеломить немца и воодушевить народ!

— Пожелаем белорусским партизанам успеха, Василий Федорович!

— Пожелаем! Результаты летней 1943 года деятельности Украинских партизан События на фронте, достигнув критической точки, развивались стремительно. Брянский и Западный фронты 12 июля перешли в наступление, прорвали глубокоэшелонированную оборону противника и двинулись к Орлу. Гитлеровское командование вынуждено было бросить против наступающих войск Брянского и Западного фронтов часть своих войск, действующих против Центрального фронта. Немедленно перешел в наступление Центральный фронт. И тогда враг начал отвод к Белгороду даже те армии, что еще двое суток назад с бешенством рвались к Курску. Гитлеровская операция «Цитадель» потерпела полный крах! В те незабываемые дни ЦК КП(б)У принял постановление "О состоянии и дальнейшем развертывании партизанской борьбы на Украине". Постановление вновь и со всей категоричностью указало, что важнейшей задачей украинских партизан является срыв железнодорожных перевозок врага путем крушений его эшелонов с войсками, техникой, горюче-смазочными материалами, боеприпасами и продовольствием. Постановление передали по радио во все отряды и соединения, всем подпольщикам Украины, имевшим рации. А украинская земля уже в те дни буквально взрывалась под ногами захватчиков, под гусеницами их танков, под колесами их поездов! Начиная с десятого — одиннадцатого июля радиограммы об уничтоженных эшелонах и взорванных мостах радиостанция Украинского штаба партизанского движения стала получать ежедневно. В июле чаще всего они приходили от Алексея Федоровича Федорова. С 7 июля по 1 августа на минах замедленного действия, установленных федоровцами вокруг Ковеля, подорвались 65 вражеских эшелонов. Такое количество

соединение смогло в прошлом подорвать лишь за шестнадцать месяцев, почти за полтора года! Но и этим не кончилось. С 1 по 10 августа под откос полетели еще 58 фашистских эшелонов, рискнувших двинуться по линиям Ковельского железнодорожного узла! Удара такой силы враг не ожидал. Бессильный предотвратить взрывы на участках Ковель — Сарны и Ковель — Брест, он попытался продвигать составы по линии Брест — Пинск. Федоров, предваряя попытку гитлеровцев, направил на дорогу Брест — Пинск группу минеров. С помощью белорусских партизан, базировавшихся в зоне Днепре-Бугского канала, минеры Федорова заложили 40 МЗД-5. Взрывы этих мин заставили противника бросить на охрану дороги целую дивизию, сформированную из предателей Советской Родины. Отщепенцы вырыли по обе стороны железнодорожного полотна окопы, засели в них, установили круглосуточное патрулирование пути, но окопы и патрули не способны обезвредить мины замедленного действия, взрывы продолжались. Взбешенные гитлеровцы заподозрили своих пособников в содействии партизанам, дивизию расформировали, загнали предателей в концентрационные лагеря, прислали им на смену эсэсовский батальон. Но никакой батальон из-за своей малочисленности обеспечить постоянную и надежную охрану значительного участка пути не способен. Партизаны получили хорошую возможность установить новые мины, а Алексей Федорович Федоров — возможность доложить 14 августа нашему штабу о том, что "железные дороги Ковель — Сарны, Ковель — Брест, Кобрин — Пинск полностью парализованы". Значение действий соединения А. Ф. Федорова в июле — августе 1943 года для срыва вражеских перевозок и дальнейшего хода войны на коммуникациях врага было оценено сразу же. По поручению Т. Д. Строкача я написал Алексею Федоровичу: "Ваши июльские и августовские успехи открыли новую веху в деле воздействия на железнодорожные коммуникации врага. Ваше соединение первый раз за все время мировой истории нанесло такие мощные удары по сильно охраняемым коммуникациям врага. Достаточно привести хотя бы такие факты, что одним Вашим соединением в августе пущено под откос поездов больше, чем всеми партизанскими отрядами Украины в течение мая и июня месяцев. В разгроме врага и его изгнания с Левобережья Украины, безусловно, одним из крупных факторов является фактическое закрытие Вами таких важных магистралей, как Брест — Ровно, Брест — Пинск и Ковель — Сарны… В ближайшее время мы будем иметь возможность доказать, что в действительности Ваши успехи были больше, чем Вы доносили в своих докладах. Уже

теперь из показаний пленных ясно, что для переброски войск из Гамбурга в Харьков (противнику) приходилось пользоваться румынской дорогой, т. е. удлинять путь еще на тысячу километров". Учитывая опыт А. Ф. Федорова, начальник Украинского штаба партизанского движения потребовал, чтобы во всех крупных соединениях за отрядами закрепили определенные участки железных дорог для минирования минами замедленного действия. В частности А. Н. Сабурову было приказано закрепить за отрядами участки Сарны — Лунинец, Сарны — Коростень, Коростень — Житомир и Овруч — Коростень. Результат сказался быстро. Если в июле диверсионные группы соединений Сабурова и Маликова совершали лишь эпизодические диверсии на участках Сарны — Коростень — Новгород-Волынский, то в августе только на участке Сарны — Коростень они уничтожили сорок один эшелон врага. Важнейшая для противника дорога Ковель — Сарны — Коростень, находящаяся к тому же под непрерывным воздействием отрядов А. Ф. Федорова, также была выведена из строя. Затем настал черед магистралей, проходящих южнее. В июле и августе партизаны пустили там под откос двести вражеских эшелонов. Отличился, в частности, Платон Воронько, взорвавший мост через реку Гнездечна. В то время мы не знали, конечно, что уже 26 августа командующий войсками оперативного тылового района группы армий «Юг» докладывал в Берлин, что "постоянно растущее количество диверсий, совершаемых на железнодорожных магистралях, приводит к чрезвычайному положению всей транспортной обстановки и катастрофическому положению со снабжением войск". Но мы догадывались, что дело обстоит именно так. И настроение у работников штаба было приподнятое. Вечером 5 августа темное столичное небо расцвело радужным фейерверком. От залпов орудий вздрагивала земля и звенели стекла. Москва салютовала войскам, освободившим Орел и Белгород. Это был первый за войну салют. Второй прогремел-просиял 23 августа. Выйдя на центральную аллею Тверского бульвара, смешавшись с жителями окрестных домов, мы ощущали, как сотрясают землю орудийные залпы, смотрели, как рассыпаются над липами и зданиями алые, зеленые, фиолетовые, оранжевые огни, славя освободителей Харькова. Фейерверк расталкивал тени деревьев и строений, высветлял запрокинутые ввысь лица: детские, худенькие и восторженные, немолодые, со слезами радости и горя. Партизанским соединениям тогда не салютовали. Но мы считали, что салют гремит и в их честь.

Глава 29. Правда о легенде

В разгар боевых действий украинских партизан на коммуникациях противника, в последних числах августа сорок третьего года, Строкач сообщил, что принято решение о переезде в Харьков правительства Украины и передислокации туда Украинского штаба партизанского движения.

— Поскольку вы руководили минированием объектов в Харькове, вам первому и отправляться туда, — сказал мне Строкач. — Организуйте поиски мин противника в зданиях, где можно будет разместить правительственные учреждения, и заодно позаботьтесь о помещении для нас. Сформированная за считанные дни оперативная группа УШПД выехала в Харьков 3 сентября. Ехали на пяти грузовиках. В мое распоряжение Строкач выделил пикап. Первые следы ожесточенных сражений появились вблизи Орла. Орел пострадал сильно. Иные уголки города нельзя было узнать. Сделали короткую остановку, чтобы покормить людей, заправить горючим и залить воду в радиаторы. Я воспользовался случаем, принялся расспрашивать местных жителей о том, как жилось в Орле оккупантам. Люди говорили, что вскоре после захвата города фашистские офицеры, расположившиеся в гостинице «Коммуналь», взлетели на воздух от взрыва какой-то большой мины. Рассказывали, склады и гаражи оккупантов постоянно горели, эшелоны подрывались, патрули погибали от выстрелов неизвестных лиц, на стенах то и дело появлялись листовки, рассказывающие о положении на фронтах, призывавшие уничтожать захватчиков и предателей. По почерку диверсантов я узнал "орловских пожарников" — подпольщиков и партизан, подготовленных в здешней "школе пожарников" летом и осенью сорок первого года. За Орлом открылись поля сражений на Курской дуге. Мы проезжали их к вечеру. Всюду, насколько хватал глаз, залитые, как кровью, багровым светом заката, среди зигзагов траншей, воронок, провалившихся блиндажей — навсегда застывшие «тигры», "пантеры" и «фердинанды» вперемешку с родными нашими тридцатьчетверками… На следующий день прибыли в Харьков. Результаты взрывов радиомин Еще в Москве я думал о том, что ждет меня в городе. И чем ближе подъезжали, тем сильнее становилось волнение. Переживания, связанные с минированием Харькова и его окрестностей, все прежние, давно, казалось бы, забытые тревоги ожили, овладели всем существом… Силуэт города изменился: на фоне заката я не увидел многих фабричных

труб. Первые разрушенные постройки уже появились в предместье. Разрушенные дома, напрочь выгоревшие коробки зданий попадались и в городе. На улицах зияли воронки. Фонарные столбы и столбы трамвайных линий кое-где валялись на земле, опутанные оборванными проводами. Разбитые тротуары, витрины без стекол, растоптанные скверы, сломанные или обгоревшие деревья — все говорило, что бои Здесь шли совсем недавно. И все же многие здания стояли невредимыми. Это свидетельствовало о стремительном отходе врага, об отходе, на который он не рассчитывал. Наутро я поехал в Харьковский горком, чтобы представиться, сообщить об имеющемся задании и получить помощь партийных и советских органов. Однако по пути завернул на улицу Дзержинского. Хотелось своими глазами увидеть, что стало с особняком, числившимся под номером 17. Улица Дзержинского пострадала не сильно. Лишь на месте памятного по сорок первому году особняка зияла огромная продолговатая, наполненная водой яма. Вокруг ямы — бело-розовые выступы фундамента, нагромождения кирпичных глыб, сплющенная глыбами легковая машина, обугленные, расплющенные стволы умерших каштанов. В соседнем доме (на эмалированной жестяной табличке сохранился номер 15) я нашел свидетельниц случившегося в ночь на 14 ноября сорок первого года. Это были мать и дочь — Анна Григорьевна и Валентина Федосеевна Беренда. Они рассказали, что после Октябрьских праздников в доме 17 поселился фашистский генерал, вроде самый большой вражеский начальник. А неделю спустя Анна Григорьевна и Валентина Федосеевна проснулись от ужасного толчка и грома. За окном горело, стучало, словно с неба камни падали, из рухнувшего поставца раскатилась, разлетелась на куски и осколки посуда. Женщины выскочили во двор. Особняк словно сквозь землю провалился. Над тем местом, где он стоял, и над садом, в слабом свете начинавшегося пожара, висела туча пыли. Пахло гарью и кислым. На досках забора и на соседской крыше что-то темнело. Потом уже увидели: на соседскую крышу закинуло остатки рояля, а на забор клочья обмундирования… Взвыла сирена, примчались фашистские мотоциклисты, прикатили грузовики с солдатней, гитлеровцы оцепили бывший особняк, бросились тушить пожар. Потушить-то они потушили, но никого из своих, которые в особняке находились, видно, не нашли, хотя рылись в обломках дня два… Это были первые сведения о последствиях взрыва. установленной в доме № 17 радиомины. С улицы Дзержинского я добрался до горкома, обо всем там договорился и выехал в штаб Степного фронта: в ЦК КП(б)У мне поручили найти среди пленных кого-либо из

вражеских саперов, которые принимали участие в минировании города. Во фронтовом управлении СМЕРШа имелось немало интересных документов, захваченных при бегстве гитлеровцев из Харькова. Тут я заручился и обещанием помочь в поисках саперов среди пленных. Прошло три или четыре дня. Разместившись в двух домах, оперативная группа работала, обследуя здания, предназначенные для правительственных учреждений Украины, и другие объекты. Мин мы не обнаружили. Сначала это настораживало, а потом даже удивлять перестало: враг явно не предпринял усилий, чтобы ответить на удар, полученный от советских минеров в сорок первом году. Не до минирования было фашистским «сверхчеловекам», думали только о том, как шкуру спасти! На третий или на четвертый день разыскал посланный из горкома партии товарищ: звонили из штаба фронта, просили приехать, у них для меня сюрприз! Встреча с немецким «коллегой» "Сюрпризом" оказался немецкий капитан Карл Гейден, служивший в саперных частях, прибывший в Харьков с 68-й пехотной дивизией генерал-майора Георга фон Брауна и непосредственно занимавшийся разминированием дома № 17 по улице Дзержинского. В комнату, где я ожидал пленного, ввели долговязого, сухопарого человека в измятом кителе без погон и нарукавных нашивок, в растоптанных сапогах с широкими голенищами. Усталое лицо, рыжеватые, с проседью волосы, рыжеватая щетина на впалых щеках. Я предложил пленному сесть. Он опустился на указанный табурет, скользнул по мне взглядом и опустил глаза на сцепленные руки. Он не знал, конечно, с кем предстоит разговаривать, а может быть, ему уже безразлично было, с кем. Я разглядывал вражеского офицера, который два года назад стал волею судьбы моим соперником в искусстве минноподрывного дела и от которого два года назад в очень большой степени зависели не только моя репутация, но и мое будущее. Вид, что и говорить, унылый. А ведь два года назад Карл Гейден наверняка не опускал глаз перед русскими! Два года назад такие как он, входили в Харьков фертами, им сам черт был не брат! Победителем подъехал к Харькову и пятидесятичетырехлетний генерал-майор фон Браун, назначенный начальником гарнизона "второй столицы Украины". Наверное, счастлив был. Еще бы! Фортуна сначала ему долго не улыбалась: в первую мировую войну карьеры не сделал, до тысяча девятьсот тридцать четвертого года, до сорока семи лет, тянул служебную лямку в чине майора, и лишь с приходом к власти нацистов впереди что-то забрезжило: сначала сделали подполковником, а в 1939-м, за участие в интервенции в Испании, полковником. И вот теперь, 1 ноября, фюрер присвоил

ему звание генерал-лейтенанта, сделал хозяином советского города! Ко-лоссаль! Война вот-вот завершится полной победой, он, Георг фон Браун, останется жив-здоров и сможет, наконец, насладиться плодами триумфа! Надо полагать, в Харькове он останется надолго: в России дел хватит! Необходимо пояснить: не отличаясь полководческими талантами, Георг фон Браун обладал талантом, который ценился гитлеровской кликой особенно высоко: талантом палача. Никто из немецко-фашистских генералов, служивших в 6-й полевой армии, не исполнял так ревностно приказ командующего армией фон Рейтенау от 10 октября, как Браун. А в приказе Рейтенау говорилось: "Борьба против противника в прифронтовом тылу ведется еще недостаточно серьезно. Вероломных и жестоких партизан и дегенеративных женщин все еще продолжают брать в плен. С фанатиками и бродягами, одетыми в полувоенную форму или полностью в гражданском платье, возятся, как с порядочными солдатами… Если в тылу армии будут обнаружены партизаны, взявшиеся за оружие, против них будут применены жестокие меры. Они будут применяться также по отношению к той части мужского населения, которая могла бы предотвратить предполагавшиеся налеты или вовремя сообщить о них". Выполняя процитированный приказ, фон Браун сначала создал в 68-й пехотной дивизии специальное подразделение для "борьбы с партизанами", а потом и пехотные полки превратил в карательные. Захват Харькова генерал ознаменовал тем, что на балконах домов главных улиц повесил мужчин и женщин, заподозренных в принадлежности к Коммунистической партии. Днем 28 октября в Харькове подорвался на мине замедленного действия фашистский генерал-лейтенант артиллерии Вернекер. Мины взрывались и на дорогах, и на железнодорожных станциях, и на аэродромах, и в зданиях. Браун неистовствовал, но мины взрывались. Палач побоялся въехать в город, поселился в плохоньком домишке на окраине, где туалета не было, приходилось в непогодь бегать под охраной в дощатый щелястый нужник. Честь и самолюбие "их превосходительства" подвергались унижению и осмеянию, и фон Браун требовал без промедления найти хороший дом, разминировать, устроить там его резиденцию. Немецкие саперы из кожи лезли, разыскивая что-нибудь подходящее и безопасное. Увы! Куда бы они не сунулись, везде обнаруживались следы работы советских минеров: и в доме, где жил когда-то Г. И. Петровский, и в других «привлекательных» зданиях Вот только мин не видно было. И это пугало: сообщишь, что особняк разминирован, Браун в него въедет, а там, "русские Иваны" какую-нибудь пакость и учинят! Поначалу не обнаружили

гитлеровцы никаких мин и в доме № 17 на улице Дзержинского. Но хотя они знали, что в этом доме до самого последнего дня обороны Харькова жили члены украинского правительства и Политбюро ЦК КП(б)У, хотя понимали, что в короткие сроки после выезда правительства и Политбюро установить и надежно замаскировать мощную мину практически было не возможно, осваивать особняк побаивались. Повезло капитану Гейдену. Он разыскал предателя, который поведал, что в доме № 17 перед оставлением Харькова появлялись военные и что-то делали. Гейден приказал подчиненным методично обследовать дом, разыскать возможную мину. В конце концов саперы добрались до подвала, до котельной и до груды угля в углу. И… разглядели еле приметный загадочный проводок! Гейден был достаточно опытен и осторожен. Он понимал, что если в куче угля заложена мина, то взорваться она может и при ничтожном сотрясении пола, и при обрыве проводочка, и при малейшем его натяжении. Словом, одно неосторожнее движение, и конец… Для начала капитан приказал обследовать кучу угля миноискателем. Никакого результата. Тогда нашелся смельчак, предложивший выяснить, куда тянется проволочка. Гейден принял предложение. В помощь смельчаку он выделил еще двух солдат и того самого доносчика, который навел его на дом. Всех остальных солдат капитан из особняка удалил и выставил у ворот часовых. Фашистские саперы работали медленно. Видимо, их «смельчак» сообразил наконец, чем может кончиться начатая авантюра. Во всяком случае, в первый день гитлеровцы не докопались. Гейден, решив, что солдаты устали, приказал отложить работу до утра. С утра саперы снова полезли в котельную. И через три часа действительно добрались до мины! Ее извлекли к вечеру. Огромную, сложнейшую, с уймой различных дублирующих и подстраховывающих друг друга взрывателей и замыкателей! Торжествующий капитан немедленно поехал на окраину города, в домишко фон Брауна. Начальник харьковского гарнизона выслушал взволнованный рапорт сапера, с чувством поблагодарил за службу и распорядился готовиться к переезду. На следующий день фашистский палач проследовал в бронированном «хорьхе» на улицу Дзержинского. Кроме него, в особняке разместились под надежной охраной и старшие штабные офицеры 68-й пехотной дивизии. Видимо, все они считали, что теперь получили жилище, полностью отвечающее их положению в рейхе и боевым заслугам. Вечером 13 ноября капитан Гейден вновь прибыл с докладом к фон Брауну. На этот раз он доложил, что сработал электрохимический замыкатель "русской мины", за которой велось наблюдение. Браун, конечно,

знал, что в городе взрываются главным образом мины замедленного действия, наверняка не удивило, что в подвале особняка находилась мина замедленного действия, и он снова похвалил Гейдена. Обитатели улицы Дзержинского рассказывали, что по вечерам генерал Георг фон Браун обязательно прогуливался по саду. Потом возвращался в особняк, и вскоре окна на втором этаже, где он спал, гасли. Так происходило и вечером 13 ноября. Только проснуться фашистскому палачу было не суждено…

— Нас сбила с толку мина в куче угля, — признался капитан Гейден. — разве можно было предположить, что под ней. находится еще одна, куда более опасная?

— А то, что эта вторая, куда более опасная мина управлялась по радио, вы могли представить?

— Нет, господин полковник. Даже немецкая армия таких мин не имела!

— Вы что же, по-прежнему убеждены, что немецко-фашистская армия была во всех отношениях оснащенной советской? — усмехнулся я. Гейден мигнул, сообразил, что выразился крайне неудачно, глухо выговорил:

— Извините, господин полковник. Привычка… Я вспомнил о приказе № 98/41 от 8 ноября 1941 года по 516-му пехотному полку 68-й пехотной дивизии гитлеровцев и спросил, руководствуясь какой привычкой немецкое командование лгало и своим собственным солдатам, и населению Харькова.

— Неужели вы, капитан, и ваше начальство не знали, что легко снимаемые мины были не чем иным, как корпуса мин с балластом? Неужели не знали, что мины замедленного действия, как правило, остаются необнаруженными, а обнаруженные не могут быть обезврежены и подлежат уничтожению?

— Нет, конечно, мы очень скоро поняли, что находим не настоящие мины, а деревянные чурбаки и корпуса с сюрпризами, — нехотя признал капитан — Но версия о небрежном минировании считалась… как бы лучше выразиться… наиболее удобной…

— В чем это удобство выразилось для вас? — сыронизировал я. Гейден глянул исподлобья; — Для меня, господин полковник? Понижением в звании, отправкой на передовую и — вот! Он коснулся рукой поседевших раньше времени волос… Среди харьковчан долгое время ходила легенда о таинственном уничтожении фон Брауна то ли подпольщиками, то ли партизанам. Легенды из ничего не рождаются: партизаны и подпольщики действовали в городе с первого до последнего дня оккупации, и действовали героически. Украинский штаб

партизанского движения поддерживал с ними тесные контакты. Но правда есть правда. И сама заслуживает того, чтобы стать легендой. Легендой о советских ученых и минерах, создавших первые в истории радиомины. Из показаний Гейдена и других пленных, из захваченных вражеских документов, из писем и дневников фашистских солдат и офицеров вырисовывалась достаточно ясная картина действия наших мин в Харькове и Харьковской области. В городе и его окрестностях погибло много автомашин и несколько поездов, наскочивших на мины. Из 315 МЗД, установленных подразделениями 5-й и 27-й железнодорожных бригад, противник обнаружил лишь 37, обезвредил 14, а 23 вынужден был подорвать, смирившись с неизбежным в таких случаях разрушением пути. На третьем километре железной дороги Белгород — Волчанок мина замедленного действия взорвалась под эшелоном с войсками. Убитых и раненых вывозили автомобилями на станции Белгород, Микояновка и Казачья Лопань. На станции Прохоровка двухсоткилограммовый заряд с МЗД взорвался под стоявшим поездом. Снова жертвы. Вблизи станции Томаровка, на участке Готня — Белгород, очередная МЗД взорвалась под воинским поездом, проходившем по мосту двойной тягой. Мост рухнул, ˆорок два вагона и оба паровоза — за ним. Участок железной дороги вышел из строя на очень длительный срок. Перечислить все мины, взорвавшиеся на железных дорогах и мостах, не хватит страниц… Не смог враг использовать и шоссе Чугуев — Харьков, где были поставлены МЗД. Пришлось гитлеровцам строить параллельно шоссе грейдерную дорогу. Надежды гитлеровцев сразу после захвата города использовать харьковские аэродромы, имевшие самые совершенные по тем временам взлетно-посадочные полосы из бетона, увяли, не успев расцвести. Взрывы МЗД на стоянках самолетов, мощных осколочных МЗД на летном поле и в ангарах не позволили оккупантам пользоваться харьковскими аэродромами вплоть до поздней весны сорок второго года. Узнавая это, я с волнением и благодарностью вспоминал создателей замечательных радиомин — инженеров В. И. Бекаури и Миткевича, генерала Невского, военинженера Ястребова, воентехника Леонова, молодых харьковских лейтенантов, командиров железнодорожных бригад Кабанова, Павлова и Степанова, сержантов Лядова и Шедова, Лебедева и Сергеева, минеров Сахневича и Кузнецова — всех, кто готовил грозное минное оружие и смело, самоотверженно работал в Харькове тяжкой осенью сорок первого, превращая город в ловушку для заклятого врага. Их ратный труд не пропал даром.

Глава 30. Днепр

Разгромив на Курской дуге тридцать отборных фашистских дивизий, советские войска в сентябре рвались к Днепру и Молочной: врагу не давали возможности превратить Донбасс и Левобережную Украину в пустыню. Мы с нетерпением ожидали прибытия в Харьков Строкача: обстановка могла потребовать уточнений и даже изменений в оперативном плане усиления партизанского движения на Украине, и делать это без Тимофея Амвросиевича было бы затруднительно. Строкач прилетел десятого или одиннадцатого сен Я дважды перечитал текст. Он не укладывался в сознание. Центральный штаб работал всего девять месяцев, оккупанты все еще хозяйничают под Ленинградом, в Белоруссии, на большей части Украины… Колонии мягким движением взял постановление из моих рук:

— Не ломайте голову. Сверху виднее.

— Да, но как же наши отряды?!

— Пока будете выполнять задания фронта, а там решат. Решили быстро. Одиннадцатого числа из Москвы поступила радиограмма: "Ваша школа расформирована полностью. Предлагаем со всеми людьми перейти в распоряжение начальника Украинского штаба — тов. Строкача. Вам предлагается должность представителя УШПД[19] и члена Военного совета Южного фронта. Дела и должность принять от временно исполняющего обязанности представителя УШПД майора Перекальского, находящегося в Ростове. Для ознакомления с обстановкой и предстоящей Вашей работой в этом направлении в Ростов выедет представитель Украинского штаба. Ваше согласие телеграфируйте. Тимошенко, Соколов, Строкач. 11. 03. 43. № 800. Я телеграфировал в Москву о своем согласии с полученным предложением и через два дня вылетел к новому месту службы. С пребыванием на Южном фронте у меня связано немало добрых воспоминаний. Приятно было убедиться, что противник так и не рискнул приблизиться к Ростову через минные поля, что фашисты даже разминировать их не рискнули. Приятно было встретить моего бывшего помощника майора В. В. Артемьева, служившего в отдельной инженерной бригаде особого назначения, и познакомился с командиром этой бригады, горячим сторонником действий на коммуникациях врага полковнике И. П. Корявко. Остались в памяти встречи с командующим Южным фронтом генералом Ф. И. Толбухиным, вдумчивым, внимательным. С аэродрома поехали в штаб. Я доложил о работе, проделанной оперативной группой, сообщил,

что командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин ждет звонка Тимофея Амвросиевича. Строкач позвонил в Военный совет Воронежского фронта, сказал о своем прибытии в Харьков, выслушал командующего и, положив трубку, поднял на нас с Соколовым глаза:

— Завтра ознакомлюсь в штабе фронта с оперативной обстановкой, выслушаю пожелания членов Военного совета, и доработаем план. Времени в обрез. Надо успеть к четырнадцатому числу. Доработка плана помощи войскам Красной Армии при форсировании Десны, Днепра и Припяти началась на следующий же. день. Этот план предусматривал захват и удержание партизанами до подхода наших армий двух существующих севернее Киева переправ через Днепр, двух переправ через Десну, а также паромных и недавно построенных противником переправ через эти реки и через Припять. Намечалось и создание партизанами плацдармов на западных берегах Десны, Днепра и Припяти, нанесение партизанами ударов с северо-востока и запада в направлении Киева, чтобы способствовать освобождению столицы Украины. Главная роль отводилась партизанским соединениям и отрядам, находящимся в партизанской зоне между Десной и Днепром. Учитывались возможности и других соединений и отрядов, также державших под контролем многочисленные и достаточно обширные территории в тылу врага. В предстоящих операциях должны были участвовать соединения и отряды численностью в 17 000 человек. Предполагалось, что уже на первом этапе боевых действий они смогут выделить для захвата переправ примерно 12 000 хорошо вооруженных бойцов, а затем, получив вооружение и боеприпасы, в течение 10–15 суток доведут численность действующих на реках частей до 25 000 человек. Партизанам предполагалось выбросить 286 тонн оружия и боеприпасов, 20 орудий и 100 человек прислуги к ним. Для этого требовалось сделать с 17 по 30 сентября 125 самолето-вылетов Си-47., Предложенный УШПД план Военный совет Воронежского фронта утвердил 15 сентября. Уже 17 сентября передовые части советских войск с помощью партизан форсировали в нескольких местах Десну, а партизанские соединения и отряды, получившие приказ УШПД, двинулись или вышли в указанные им места боевых действий. Первые радиограммы с докладами о выполнении приказа начали поступать 19 сентября. Между тем Т. А. Строкачу утром 23 сентября предстояло убыть во главе оперативной группы из пятнадцати человек в расположение Военного совета Воронежского фронта, покинувшего Харьков и двигавшегося за войсками.

— Останетесь за меня. Приказ подписан, — сказал Строкач. — В случае чего, действуйте решительно. Но думаю, ничего непредвиденного не произойдет. Непредвиденное в таких случаях происходит непременно. Уже 24 сентября, когда соединение Наумова вело жестокий бой у Майданровки с крупными силами вражеской пехоты, поддержанной танками, поступили радиограммы от В. С. Ушакова, Г. Ф. Покровского и А. Н. Сабурова. Ушаков и Покровский докладывали, что вышли к указанным приказом вражеским переправам, Сабуров же донес непосредственно Военному совету Воронежского фронта, что не смог преодолеть железную дорогу Овруч — Мозырь и отступает в исходный район. Наумов, израсходовав боезапас и не получив поддержки со стороны мощной ударной группы Сабурова, также был вынужден отойти на запад от Киева. Таким образом, первоначальный большой успех не был развит, а помочь чем-либо Сабурову и Наумову мы из Харькова не могли. Но этим не кончилось. На помощь десантникам! В первых числах октября, работая в штабном кабинете, я услышал громкие голоса в приемной. Открылась дверь. Дежурный офицер едва успел произнести: "К вам командующий воздушно-десантными войсками генерал Затевахин", — как на пороге возник, отодвинул дежурного, решительно вошел в комнату и быстро направился ко мне очень высокий и очень бледный генерал-лейтенант. Появление в партизанском штабе командующего воздушно-десантными войсками само по себе было чрезвычайным событием, а крайне напряженный, взволнованный вид И. И. Затевахина без слов говорил: случилось из ряда вон выходящее. Я пригласил генерала садиться, дал знак дежурному выйти, но спросить ни о чем не успел. Первым заговорил Затевахин:

— Вы замещаете Строкача?

— Да, товарищ генерал.

— Выручайте! Надежда только на партизан! Затевахин сообщил, что 25 сентября началась выброска десантов в правобережные районы Черкасской области с целью создать ударную группу советских войск в тылу двух пехотных и одной танковой дивизии противника западнее так называемого Букринского плацдарма. Десантирование в ряде случаев производилось неудачно, многие десантники оказались в расположении немецко-фашистских войск, часть групп погибла, другие либо ведут тяжелые бои с гитлеровцами, либо рассеялись. Связь с ними утрачена.

— Есть в тех районах партизаны? — спросил Затевахин.

— Конечно, товарищ генерал.

— А связь с ними держите?

— Держим.

— Можно что-нибудь сделать для наших ребят? Найти и собрать рассеявшиеся группы, поддержать, связаться с ними?

— Все сделаем, что в наших силах, товарищ генерал! Говоря командующему воздушно-десантными войсками, что сделаем все возможное для выручки десантников, я первым делом подумал о партизанском отряде «Истребитель» и его командире Д. А. Коршикове. Отряд сформировало представительство УШПД при Военном совете 1-го Украинского (бывшего Воронежского) фронта как раз для выброса на западный берег Днепра. С 26 сентября отряд ожидал команды на вылет. Я попросил Затевахина немного подождать, вышел в приемную и осведомился у дежурного, где Коршиков. Оказалось, в штабе.

— Вызовите его! Дмитрий Александрович Коршиков, коренастый, спокойный, уверенный в себе, явился минут через пять. Узнав о создавшемся положении, осведомился, когда нужно вылететь.

— Места хорошо знаете? Найдете моих? — тревожился Затевахин.

— Не беспокойтесь, товарищ генерал, все будет в порядке, — твердо сказал Коршиков. Партизанский отряд «Истребитель» десантировали в нужный район той же ночью. И уже на следующий день Коршиков известил, что обнаружил и вывел из-под вражеского удара подразделение десантников старшего лейтенанта Ткачева. Впоследствии Коршиков нашел и присоединил к отряду еще несколько подразделений воздушно-десантных войск, с которыми успешно действовал в тылу врага до середины ноября. К оказанию помощи воздушным десантникам Украинский штаб партизанского движения немедленно подключил также отряды партизан, действующие в Каневском, Миргородском, Ржищевском и Смелян-ском районах Черкасской области. Выполняя приказ УШПД, партизанский отряд Г. К. Иващенко 9 октября объединился с обнаруженными ими группами десантников, отряд Д. Ф. Горячего поддержал огнем и спас большую группу десантников, окруженных на Мошнянских холмах, а отряд К. К. Со-лодченко собрал и включил в свой состав других парашютистов. К середине октября партизанские отряды, пополненные десантниками, сосредоточились по приказу УШПД в районе Тагачанского леса. Тут они наголову разбили посланных против них карателей, а позднее, в ноябре, были передвинуты ближе к Днепру, помогли войскам Красной Армии захватить важный плацдарм, облегчили их действия на Кировоградском направлении. Помогли партизаны и тем частям Красной Армии, которые после форсирования Днепра оказались отрезанными

противником от реки. Командиры этих частей поступили разумно: двинулись на соединение с партизанам. Подразделения двух полков 148-й стрелковой Черниговской дивизии, 8-й стрелковой дивизии и приданные им артдивизионы с помощью партизанского соединения Салая вышли в урочище Бовицы — Кливины, связались оттуда по партизанской рации с командованием 15-го стрелкового корпуса, а затем были выведены партизанами к Припяти, где и соединились с корпусом.

Глава 31. "Дайте взрывчатку!"

Хотя Сталин и его подручные и уничтожили в тридцатые годы хорошо подготовленные кадры специалистов по ведению боевых действий в тылу врага, хотя и игнорировали ленинские положения о партизанских действиях, наши партизанские отряды и соединения к лету 1943 года представляли грозную силу, наносили фашистским армиям ощутимые удары. Более того. При умном и тщательном планировании партизанских операций, при должном обеспечении партизан материальными средствами командование Красной Армии уже летом 43-го года могло отсечь вражеские войска от источников снабжения, поставить противника в катастрофическое положение. Ведь даже при огромных недостатках в обеспечении взрывчаткой и минами одни только украинские партизаны подорвали во второй половине 43-го года 3143 вражеских поезда, почти в два раза больше, чем за два минувших года войны! Увы, единого плана ведения партизанской борьбы не существовало, да и разрабатывать его никто не собирался, а минновзрывных средств партизанам доставляли очень мало. Партизаны же требовали взрывчатку постоянно! Особенно настойчив был А. Ф. Федоров. Его тогдашние радиограммы — настоящий крик души. Он прямо радировал, что нет сил смотреть, как безнаказанно идут к фронту фашистские поезда, и ежедневно требовал тола и мин замедленного действия. Тола и мин! В штабе хорошо понимали Федорова. Подорвать в августе 209 эшелонов, а в сентябре всего 28, и лишь потому, что не снабдили взрывчаткой — тут не то что каждый день, тут каждый час начнешь теребить вышестоящее начальство! А взрывчатки и мин мало сбрасывали и Ковпаку, и Бегме, и Грабчаку, и Мельнику, и Наумову… Строкач обращался в ЦК КП(б)У, в военные советы Украинских фронтов, мы связывались по его указанию с Москвой, с Генеральным штабом, с командованием Военно-Воздушных Сил, объясняли, просили, но положение стало выправляться лишь к концу октября. Зато едва нам начали выделять больше самолетов, число диверсий на железных дорогах в тыл к врага выросло: Федоров подорвал в октябре уже 75 эшелонов, а Бегма, Андреев, Кто и Скубко — 135! Однако мы считали, что этого мало, настаивали на увеличении числа самолето-вылетов, а это отнимало силы и время, прежде всего — время, которого и так-то было в обрез. Разумеется, партизаны сами делали все возможное, чтобы восполнить дефицит мин и взрывчатки: уменьшали вес заряда в минах,

применяли механические способы крушений, выплавляли взрывчатку из неразорвавшихся вражеских бомб и снарядов. Их изобретательность поражала! Но сильнее всех удивили партизаны А. М. Грабчака, сумевшие без потерь и совершенно неожиданно для врага подорвать железнодорожный мост через реку Уборть. Железнодорожная торпеда Произошло так. Несколько попыток партизан подобраться к мосту окончилось неудачей. Мост охраняли четыре дзота, пулеметчики, три полковых миномета и батарея зенитных орудий. Открытая местность и высокая железнодорожная насыпь, на которой располагалась охрана, позволяли фашистам вести круговой обстрел. Берега Уборти враг густо заминировал, минные поля обнес колючей проволокой в четыре ряда, а путь при въезде на мост с обеих сторон перекрыл металлическими воротами. Как говорится, мышь не проскочит. А партизаны проскочили! Разведка Грабчака установила, что дважды в неделю к мосту приезжает на дрезине местный фашистский комендант, проверяет, как несут службу подчиненные. Это и натолкнуло на мысль провести неординарную диверсию… Работа шла две недели. Из двух колесных вагонеточных скатов партизаны соорудили платформу дрезины, установили на ней мотор, нагрузили дрезину пятью неразорвавшимися авиабомбами и укрепили среди бомб длинную жердь, чей нижний конец соединили проволокой с чекой взрывателя в подрывном заряде. Коснувшись верхним концом мостового пролета, жердь неминуемо отклонилась бы, и натянувшаяся проволока вырвала бы чеку… Затем на авиабомбы усадили «коменданта» и «моториста» — набитые травой и ветками трофейные вражеские мундиры. К четырем часам 31 октября дрезину-торпеду установили на рельсы вблизи деревни Тепеницы, примерно в километре от моста, завели мотор и подтолкнули. Охрана моста не сделала по приближающейся дрезине-торпеде ни единого выстрела и не закрыла металлические ворота. Грянул мощнейший взрыв! Несколько раскосов и ветровых связей ближней мостовой фермы, нижние и верхние пояса других ферм были смяты или пробиты. Ошарашенные гитлеровцы открыли бешенный огонь лишь десять минут спустя после диверсии. Исключительно для очистки совести или от страха. А для того чтобы кое-как отремонтировать мост и с великими предосторожностями, медленно пропихнуть к нему очередной состав, им понадобилось целых четверо суток! Оскандалившиеся оккупанты сочинили легенду о некоей сверхсложной торпеде, доставленной на Уборть якобы "из самой Москвы" и управлявшейся "красными камикадзе" — советскими офицерами-смертниками, которые-де и погибли, ворвавшись с

«торпедой» на мост… В УШПД мимо изобретения Грабчака не прошли. Собрали небольшую конференцию по технике, обсудили возможность создания более портативных и надежных торпед для разрушения крупных искусственных сооружений. Группа энтузиастов во главе с капитаном М. М. Тихомировым вскоре разработали опытный образец, его испробовали, внесли улучшения и стали изготовлять торпеды на предприятиях Харькова. В конце ноября на вооружении партизан поступили первые десять таких устройств; (Современные портативные железнодорожные «торпеды», оснащенные реактивным двигателем, умещаются в рюкзаке и переносится одним человеком. Прим. ред. А. Э.) Коль скоро речь пошла о технике, надо обязательно сказать о наших поисках в области усовершенствования различных типов МЗД; некоторые взрыватели при понижении температуры капризничали, давали отклонения в сроках замедления, а зимой, в мо-" роз, могли отказать вообще. Мы добивались работы взрывателей — и работы надежной! — при любых погодных условиях. Крайне напряженной и сложной стала с октября и работа по сохранению и направлению в глубокий вражеский тыл наиболее боеспособных партизанских формирований. Сама обстановка обуславливала иногда ведение партизанами боевых действий в зоне тактического воздействия войск противника, нередко — совместно с частями Красной Армии, и при стремительном продвижении Красной Армии немалое число партизанских соединений оказывалось… в нашем тылу. Мы же стремились к тому, чтобы численность партизанских соединений в тылу врага не уменьшалась, а возрастала, чтобы закаленные в боях, обладающие прекрасным опытом партизанской борьбы отряды и соединения сохранялись для дальнейших действий. Поэтому, не ограничиваясь приказами по рациям, штаб направлял во многие соединения своих представителей, добивавшихся, чтобы эти соединения, выполнив задачу по оказанию помощи наступающей Красной Армии, немедленно уходили на запад, в глубокий тыл врага, вели разведку и боевые действия там, а не вблизи линии фронта. ЦК КП(б)У целиком и полностью поддерживал Украинский штаб партизанского движения в этом вопросе. В частности, всех опытных партизан, соединившихся с наступающими войсками, ЦК направлял либо снова в глубокий вражеский тыл, либо в школу УШПД для повышения их боевой квалификации. Однако, несмотря на принятые штабом меры, некоторые отряды и соединения так и не смогли выйти в тыл противника, очутились на освобожденной территории и были расформированы. Часть их личного состава направили в армию,

часть — на партийную, советскую или хозяйственную работу в освобожденных районах. Вершигора: "Желаю совершить рейд по Германии! " Закончился в октябре и знаменитый карпатский рейд соединения С. А. Ковпака. Самого Ковпака повидать не удалось, но в Харьков приехал П. П. Вершигора. Командуя группой отрядов, он вышел из рейда наиболее организованно. На беседу с ним Т. А. Стро-кач меня и пригласил. Четыре месяца назад, в июне, я видел Петра Петровича, слышал отзывы о нем Руднева, и у меня сложился вполне законченный образ Вершигоры — образ отчаянно смелого, хитрого, прямо-таки рожденного для приключений человека. Я и рассказов от него ожидал соответствующих. Однако, докладывая Стро-качу о рейде, Петр Петрович неожиданно предстал передо мной совсем в ином свете. Я увидел хладнокровного, расчетливого, прекрасно понимающего специфику партизанской борьбы военачальника. Напомню читателю, что рейд оказался тяжелым. Дойдя до Карпат, партизаны столкнулись с многократно превосходящими силами противника. Неравные бои пришлось вести, не имея опыта боев в горных условиях и удобного снаряжения. Соединение вынуждено было взорвать и бросить тяжелую технику, отрываться от врага, выходить в партизанский край отдельными отрядами и группами… Вершигора случившееся не драматизировал, но и правды не скрывал и свою точку зрения на причины неудач изложил откровенно. Вывод же сделал на первый взгляд неожиданный, но совершенно верный: партизанские рейды следует продолжать, не медля с ними, и совершать рейды не только по территории Советского Союза, но и за его пределами, вступая во взаимодействие с партизанами Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии и Югославии. Вершигора предложил даже при соответствующих условиях совершить рейд по самой фашистской Германии! Говорил Петр Петрович громко, живо, доводы приводил убедительные, и Строкач лишь изредка взглядывал на меня, но собеседнику не возражал. Я же слушал Вершигору с удовольствием. На следующий день Тимофей Амвросиевич и Вершигора ездили в Военный совет 2-го Украинского фронта; по словам Строкача, Вершигора и там настаивал на проведении глубоких рейдов. Вскоре стало известно, что Сидор Артемьевич Ковпак по возрасту и состоянию здоровья от командования соединением освобожден, уходит на советскую работу. Соединению, которым он командовал, присваивается наименование партизанского соединения имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака. Командиром соединения назначен П. П. Вершигора. Он готовится к новому рейду. * * * В конце ноября штаб передислоцировался в Киев.

Ехали машинами. Ночевали в сильно разоренном, полусожженном гитлеровцами Конотопе. Киев выглядел опустевшим, Крещатик и Прорезная лежали в развалинах, на них не осталось ни одного целого здания. Но город моей командирской молодости был наконец освобожден и начинал новую жизнь >

Глава 32. Снова в тылу врага. "Овручский коридор"

Высокое бледное декабрьское небо нехотя роняет редкий сухой снежок на черный радиатор «эмки», на бесконечные поля и болота, не оступившиеся в глубокий снег придорожные кусты и неподвижную синеву лесов вдоль окоема. В машине пятеро: представитель разведывательного отдела УШПД капитан Я. Т. Кравчук, командир соединения А. З. Одуха, шофер Володин, ординарец Валуйкин и я. Нас то и дело подбрасывает на мелких выбоинах, клонит то в одну, то в другую сторону: гравийное шоссе на Овруч порядком разъезжено, а мы то обгоняем попутные грузовики и обозы, то уступаем дорогу встречным машинам, норовящим проскочить по осевой… Форсировав Днепр, советские войска подошли к границе партизанского края, раскинувшегося до западных рубежей государства. Отряды и соединения партизан, находящиеся в северных районах Правобережной Украины, непрерывно взаимодействуют с Красной Армией. Уже 17 ноября Житомирское соединение под командованием А. С. Сабурова и войска 13-й армии освободили город и железнодорожный узел Овруч, прервав связь между центральной и южной группировками немецко-фашистских войск. Во вражеской линии фронта образовался разрыв шириной в восемьдесят и протяженностью около двухсот километров, прозванный "овручским коридором". Через него днем и ночью движутся на запад партизанские отряды, обозы с минновзрывными средствами, оружием и боеприпасами, а на восток — транспорты с ранеными, разведчики и связные. В ноябре враг попытался, сосредоточив значительные силы в районе Коростеня, нанести контрудар. Однако войска 60-й армии генерал-лейтенанта Черняховского, отряды партизан М. Г. Салая, А. Н. Сабурова, С. Ф. Маликова и отвлекавшие на себя значительные силы врага отряды под общим командованием М. И. Наусова сорвали вражеский замысел, хотя гитлеровцам и удалось на время захватить Житомир. Продолжая бои, 1-й Украинский фронт ведет подготовку к Житомирско-Бердичевской операции, чтобы разгромить 4-ю танковую армию врага и выйти на рубеж Любар — Винница — Липовая. Украинские партизаны, как всегда, должны оказать помощь войскам Красной Армии и непосредственным участием в операции, и мощными ударами по коммуникациям врага в его глубоком тылу. Поздним вечером 14

декабря Тимофей Амвросиевич Строкач приглашает в кабинет своих заместителей. На коротком совещании решено проверить подготовку партизанских соединений к новым рейдам по глубоким тылам противника, а заодно обследовать состояние дороги Овруч — Словечно — Собычин — Сновидовичи, убедиться, что она пригодна для прохождения наших тяжелых танков. Строкач глядит на меня:

— Не соскучились по партизанским краям, Илья Григорьевич?

— Сильно соскучился!

— Вот и отлично. Поедете с капитаном Кравчуком в Овруч, выполните эти задания штаба. Выезжать нужно немедля. Завтра с утра в путь! К утру мы с Кравчуком готовы. Я прихватываю в дорогу несколько улучшеных техническим отделом взрывателей, чтобы проверить их действие на морозе в боевых условиях. Овруч встретил деловитым многолюдьем, непрерывным движением транспорта по заснеженным улицам. Колеи побурели от навоза и тавота. В уцелевших домах " штабы, госпитали, склады, от дома к дому — провода телефонной связи, там полощется белый флаг с крестом, там горой навалены ящики, мешки, бочки, цистерны и притопывает возле добра часовой в тяжеленном тулупе. Рычат моторы, громыхают на выбоинах кузова грузовиков, цокают копыта закуржавленных лошадок, полозья саней скрипят… Разыскали штаб Сабурова. Командир соединения встретил без особой приветливости. В боях за Овруч его отряды понесли потери, но передышки не получили, были двинуты на север, под Ельск, и держали оборону по северной границе "овручского коридора". Задерживаться у Сабурова не имело смысла, простились с ним и А. З. Одухой, двинулись к южной границе "овручского коридора", в соединение С. Ф. Маликова. Маликова застали в штабе неподалеку от Гамарни, в лесу. Он казался похудевшим, лицо стало темным от "зимнего загара" — холодов и ветра.

— Указание готовиться к рейду мы получили и вое возможное для этого делаем, — доложил командир соединения. — Лошадей и волов собираем, повозки ремонтируем. Правда, дело идет не так быстро, как хотелось бы. Мы же сейчас вроде стрелковой части. Действуем вместе с 77-м стрелковым корпусом 60-й армии. Маликов нас не отпустил, оставил ночевать. За ужином много и подробно рассказывал о недавних боях, о мужестве людей, а под конец спохватился:

— Вы послушайте, послушайте, да и решите, чего доброго, что мы стрелками заделались! Нет. Спим и видим, как скорее вырваться немцу в тыл, на простор выйти. Партизанское место

там. Там! И попросил передать Строкачу просьбу освободить соединение от обязанности держать оборону на южной границе "овручского коридора", дать возможность скорее уйти в рейд. Уполещуков На следующий день поехали к Вершигоре. Ехать предстояло по партизанской магистрали, ведущей на Словечно и Пергу. Именно состояние этой магистрали и состояние мостов через Уборть беспокоило и Украинский штаб партизанского движения, и Военный совет 1 — го Украинского фронта. Край западнее Овруча, раскинувшийся на площади более тысячи квадратных километров, давно находился под контролем партизан. Органы Советской власти работу здесь не прекращали. Здесь даже школы работали всю войну. А колхозники минувшей весной провели сев, осенью убрали урожай, и оккупантам не досталось из него ни зернышка. Сейчас, в зимнюю непогодь, население вышло к партизанской магистрали, засыпало воронки, колдобины, ремонтировало мостики, устраивало из бревен объезды в узких местах дороги, чтобы могли разминуться встречные транспортные потоки, не возникло «пробок». Раза три Володин останавливал машину, мы с Кравчуком выходили и проверяли, как ведется засыпка ям, укладка и крепление бревен. Нужно сказать, что капитан Кравчук в мирное время был архитектором, строительство являлось для него знакомой областью, а за годы войны он вообще во многих вопросах поднаторел, стал и в прокладке дорог хорошо разбираться. Наблюдали мы за работой населения придирчиво, но промахов и недочетов не обнаружили. Чувствовалось, дело направляется опытной рукой. К Уборти подъехали вечером, обгоняя конные упряжки, волокущие к реке сосновые хлысты и бревна. По берегам Уборти, соединенным временным мостиком, ало-желтыми пятнами светились костры. Человек пятьдесят партизан и колхозников дружно забивали сваи под предназначавшийся для тяжелых танков мост. Картина была слишком необычной, чтобы не врезаться в память: как партизаны взрывают мосты, я видел неоднократно, но как они строят мосты в тылу противника — не наблюдал никогда и предполагать не мог, что увижу. Заметив остановившуюся «эмку» с красным флажком на радиаторе, работавшие стали подходить к дороге. Нас окружили, начались расспросы: откуда мы, что слышно о положении на фронтах, как жизнь на Большой земле. В тыл врага без свежих советских газет и журналов ни один человек не ездил, мы запаслись целой кипой номеров «Правды» и октябрьскими номерами «Крокодила». К газетам и журналам сразу потянулись десятки темных от холода, заскорузлых от тяжкой работы рук. Партизаны не советовали ехать ночью, да и в наши расчеты не входило переутомляться,

искать в темени поворот на Собычин.

— Деревню-то, Пергу-то, немец сжег, но можно у людей в лесу заночевать, — сказали нам. — Эй, Данилыч! Слышь? Подика! Приблизился немолодой, в потертом кожушке и овчинной шапке конусом колхозник, помигал красными от дыма веками:

— Проводить-то? Могу. Он привел в просторную землянку, где жил председатель колхоза и размещалось колхозное правление: у стен топчаны с пестрыми одеялами, в углу жестяная печка, на широком столе большая лампа из обрезанной снарядной гильзы, конторские счеты, вокруг стола лавки. Председатель, выслушав доклад Данилыча, подал нам руку. Был он невысок, сух, сед, бородат. Повесил счеты на стену, на гвоздик, кивнул жене, тоже не молодой, рыхлой и пригласил к столу. Шаркая валенками, председателева жена поставила возле лампы чугунок остывшей картошки в мундире, соль, крынку молока, нарезала черного хлеба. В землянку набивался народ. Пристраивались на лавках, топчанах, у порога. И как убрали со стола — пошли расспросы: далеко ли Красная Армия, когда она сюда, чего союзники так долго телились, да и нынче не больно торопятся, ай хотят на чужом горбу в рай въехать? Обида людей была понятна. Сами они не выжидали, когда будет сподручнее начать, а как пришел фашист, так и стали против. Сначала и винтовок всего несколько было, какие подобрать удалось. А потом пошло пошло! Отряд «Бати» [Речь идет об отряде Г. М. Линькова] поблизости объявился, Сидор Артемьевич Ковпак пришел, "Буйный"[Буйный — партизанский псевдоним А. М. Грабчака] страху на фрицев нагнал. Молодежь, окруженцы, мужики, какие покрепче, сразу к партизанам подались, обучились минному делу, стали вражьи эшелоны под откос пускать, а деды, хлопцы и бабенки побойчее — те свой, пергинский отряд организовали. Поначалу для обороны, а как переняли у партизан науку, начали и сами на «железку» захаживать, три фашистских состава на свой счет записали. Люди говорили об этом не кичась, просто чтоб показать, что даже не прошедшие армейской подготовки селяне и те могут воевать с врагом не без успеха, стало быть, английским и американским войскам сам бог велел! Мы с Кравчуком лучше пергинцев знали, каким в действительности был вклад полещуков в борьбу с оккупантами. Еще весной попал в руки наших разведчиков документ, свидетельствующий о беспокойстве врага за ту самую железную дорогу Олевск — Коростень, где действовали и пергинцы. Фашистское командование доносило по инстанции, что здешние партизаны хорошо вооружены, совершенно затерроризировали немецкую администрацию, уже в пяти-семи километрах от

железной дороги появляться опасно, а взрывы мин продолжаются. И это было написано до летних ударов! Теперь же оккупанты даже на версту от железной дороги не рисковали отходить, засели на станциях, как в крепостях, окружив каждую деревню земляными валами, десятками огневых точек, усилив оборону артиллерией и пропуская составы крайне редко… Колхозники жили в землянках. Вместо дверей — маты из прутьев и соломы, окна — махонькие прорубы, заделанные кусками стекла, бычьими пузырями, бутылками. Скот стоял в утепленных лапником и снегом жердевых загонах, рядом с загонами высились стога сена. Тянуло запахом навоза, сухой травы, животных. Возле каких-то щитов председатель остановился:

— А это стенды. Завтра с утра газеты вывесим, почитают люди. И провел рукой по доскам:

— Может, скоро уж и радио слушать будем, как до войны. Коли мост-то для своих строим… Особенно бабы радуются. У каждой ведь там либо муж, либо сынок. Чем скорей кончится, тем надежды больше, что возвернутся… Когда проснулись, в жестяной печке гудел огонь, опахивало теплом. Попив чаю, простились с председателем и его женой, с оказавшимся поблизости от землянки колхозником, вернулись к Уборти. Работа шла своим ходом, клали настил. А нас ожидал стройный, в длинной шинели офицер — заместитель Верши-горы по диверсиям инженер-майор Сергей Владимирович Кальницкий. Он был предупрежден радиограммой.

— Решил встретить на полдороге, чтобы время не тратили, — сказал Кальницкий, — Участок для испытаний подобрали между Олевским и Белокоровичами, отсюда поближе будет.

— А диверсионная группа?

— В Замысловичах ждут. Мы оставались у моста, пока партизаны не забили в настил последний гвоздь и не замаскировали сооружение. Убедившись, что теперь мост невозможно будет обнаружить даже с низко летящего самолета, я дал знак Володину: заводи! ** Дорога от Уборти до Юрлова, где предстояло свернуть на проселок, шла местами летних боев. По обочинам валялись помятые, разбитые или сгоревшие вражеские грузовики и легковые машины. На капотах и на бортах «круппов», "спелей" и «даймлер-бенцев» чернели еще не смытые дождями партизанские эпитафии: "Партизанская мина угробила сукина сына!", "Подарунок от диверсанта Ковпака поломав гитлеровцам бока! " и другие, невоспроизводимые, но хлесткие. Добравшись до Замысловичей, попали на ужин.

— Не опоздаем с хлебосольством вашим? — спросил я Кальницкого.

— Ничего, время не позднее, а лошадки сытые, домчат живо! Учебно-боевая, диверсия. Испытания новой МЗД Перед выездом я сам установил в минах замедленного действия улучшенные электромеханические взрыватели, предупредил минеров, которым предстояло работать на железной дороге, что эксперимент крайне важен, нужна осторожность. В путь двинулись на двух парных конях и кошевке. Кальницкий не ошибся: лошадки бежали дружно, и близко к двадцати двум часам доставили на опушку старого леса. До железной дороги оставалось всего ничего — километра полтора, противник сам обозначал ее, пуская осветительные и сигнальные ракеты. Далеко слева глухо, отрывисто простучал пулемет. Мы с Кальницким и двумя разведчиками остались на опушке, а партизаны, разбившись на две группы, двинулись в поле. Вскоре их маскхалаты слились со снегом и темнотой. Одна группа должна была отвлечь внимание врага, другая — установить мины замедленного действия. Прошло минут двадцать. Внезапно на железной дороге, прямо перед нами, ракеты стали взлетать одна за другой, раздался лай собак, тут же заглушенный пулеметным грохотом. Я взглянул на Кальницкого. Инженер-майор оставался спокоен. Да и партизаны врагу не отвечали. А ракеты взлетали уже и справа, и слева, и пулеметы гремели на километр в обе стороны. Неужели обнаружил наших? Я хотел заговорить с Кальницким, но пулеметы стали бить реже, иллюминация потускнела, а потом и вовсе наступила полная тишина. Прошло еще десять или двенадцать томительных, выматывающих душу минут. И вдруг там, откуда взлетели первые осветительные ракеты и вгрызались в ночь первые вражеские пулеметы, сверкнуло, будто дальняя зарница вздрогнула, и через секунду-другую ударил взрыв. Сработала, как мы знали, первая граната замедленного действия. И уж тут враг запаниковал! Ракета одна за другой, пулеметы взахлеб, наперегонки, осатенело. А на дороге еще два взрыва. И ракеты догоняют друг друга, пулеметы опять колотит непрерывная дрожь, они снова пытаются отыскать и не могут отыскать партизан.

— Так. Первая группа задание выполнила, — удовлетворенно констатирует Кальницкий. Подтверждая его слова, над железной дорогой вспыхивает еще одна зарница и слышен еще один взрыв, вызывающий новый прилив ракетного неистовства и пулеметной трескотни. А новая зарница — в другом месте… Взрывы гранат замедленного действия продолжались с разными интервалами еще минут тридцать-сорок. На каждый взрыв враг отвечал десятками ракет и ливнями пулеметного свинца. Возвратилась группа отвлечения. Ее командир, невысокий минер, доложил, что

задание выполнено, заброшены тринадцать гранат. Мы насчитали до этого только девять взрывов, но как раз грянул десятый. Но вот — стихло. Даже собак не слышно. Лишь изредка вспорет морозную тишину выпущенная фашистами для собственного успокоения пулеметная очередь. Вторая группа возвратилась ровно через час двадцать минут. Она установила обе МЗД, сделав все, что требовалось. Усаживаясь в кошевку, услышали взрыв одиннадцатой гранаты. Оставались еще две. Заниматься с ними гитлеровцам предстояло, пожалуй, еще долго. В Замысловичах нас отвели в просторную теплую землянку.

— Поспим, разбудят, — сказал Кальницкий. Разбудили затемно, принесли чаю, и едва забрезжило, мы снова поехали на давешнюю опушку. При дневном свете лес оказался не таким густым, плотным, как чудилось ночью, а до железной дороги с нашлепками бункеров и пулеметных гнезд и вовсе было рукой подать. Свистел утренний ветерок, колыхал в поле одинокие сухие стебли бурьяна, заносил партизанские следы.

— Глядите, — сказал Кальницкий. Я поднял бинокль, подкрутил окуляры. Мощные линзы придвинули высокую насыпь с запорошенным гарью снегом, лухлую нашлепку бункера и троих умывающихся снегом немецких солдат.

— Даже не догадываются, какой сюрприз им приготовлен! — усмехнулся Кальницкий. Окончательно рассвело. День настал пасмурный, унылый. Ладно еще снег с дождем не сыпал. Гул идущего поезда донесся со стороны Олевска. Повернули бинокли направо. Долго ждать не пришлось. Показалось восемь фашистских солдат с двумя ищейками и катящиеся за солдатами под уклон две железнодорожные платформы с балластом. В первую минуту я даже удивился: а если платформы возьмут разгон, что тогда? Но тут в поле зрения появился тянущийся за платформой канат, а там и бронепоезд показался, удерживающий платформу на канате. Вот оно что! Сначала, значит, пускают собак, чтобы вынюхивали тол, и если собаки идут спокойно, то пропускают платформы (они потяжелей, под солдатами мина могла не взорваться, а уж под платформой-то рванет наверняка!), и лишь в случае полной безопасности движется вперед бронепоезд… Солдаты и собаки остановились внезапно. Тут же и платформы замерли, удержанные бронепоездом. Донесся лай: ищейка обнаружила «мину», которой, разумеется, на этом месте не было: заменяли ее несколько неприметных для человеческого глаза крошек тола. Гитлеровцы засуетились, принялись устанавливать заряд взрывчатки. Расчет был прост: подорвать заряд, уничтожив коварную русскую мину. Заряд установлен, солдаты разбегаются, валятся в снег. Двадцать, тридцать, сорок

секунд — взрыв! Выбит кусок рельса. Солдаты бредут к насыпи, поднимаются на нее, продолжают путь. Еще три раза ищейка предупреждала об опасности, и еще три раза гитлеровцы подрывали рельсы и убеждались, что мин нет. Тогда вражеские саперы решили, видимо, что пройденный участок уже не опасен, сняли с привезенных ими платформ и положили на выбитые участки дороги так называемые "рельсовые мостики", и махнули машинисту бронепоезда: можно! Бронепоезд тяжело, уверенно прополз над нашими минами замедленного действия в сторону Коростеня, где шел напряженный бой… Первая не обнаруженная противником мина должна была стать на боевой взвод примерно в четырнадцать часов, а первый вражеский состав появился со стороны Коростеня в 11 часов 40 минут. Волочил платформы с подбитыми танками и орудиями. Через рельсовые мостики состав еле полз. За ним, через двадцать минут, проследовал к Олевску поезд с классными вагонами и теплушками. Наверное, везли раненых. За поездом с ранеными появилась вагонетка: гитлеровцы привезли куски рельсов, сняли "рельсовые мостики" и залатали поврежденные участки полотна. Следующие поезда, один за другим, бодро проследовали к Коростеню из Олевска около 13 часов. Потом так же уверенно, уже на хорошей скорости, проследовали еще три состава: два из Коростеня и один из Олевска. Противник осмелел. Урочный же час приблизился. Вот и четырнадцать часов. Первая мина «проснулась». Очередной вражеский состав, появившийся со стороны Коростеня, толкая перед собой две платформы с балластом, идет со скоростью не менее пятидесяти километров в час. Спешит засветло добраться до Сарн. И все вагоны в составе — классные, офицерские! Ну!!! Мощный взрыв разметал снег, гравий, песок, шпалы и рельсы. Обе платформы и паровоз, увлекая за собой вагоны, поползли и рухнули под откос. Скрежет рвущегося железа, треск дерева, пламя… Из неупавших еще вагонов стали выпрыгивать на нашу сторону гитлеровцы: с противоположной стороны близко к дороге подходил лес, оккупанты боялись обстрела.

— Все в порядке. Поехали, товарищ полковник? — спросил Кальницкий.

— Поехали, товарищ инженер-майор! Беспорядочную стрельбу возле места крушения мы слышали еще долго: оккупанты отчаянно воевали с пустым придорожным лесом. Пограничная застава… в тылу врага Часа через два, воротившись к Перге, мы свернули на юго-запад и поехали вдоль Уборти к Собычину, где размещался штаб П. П. Вершигоры. Кальницкий с нами не поехал, у него имелись дела под Юрловом и Белокоровичами, приходилось руководствоваться картой. На

шестом километре пути раздался негромкий хлопок, и машину повело влево. Володин затормозил, вышел на дорогу, почесал в затылке:

— Придется менять скат, товарищи! Пока он возился возле левого переднего колеса, вышли из леса два парнишки лет шестнадцати-семнадцати. Из-под облезлых шапок ушанок — длинные, давно не стриженные льняные волосы, жидкие ватнички стянуты немецкими ремнями с металлическими пряжками, с готическими надписями "Готт мит унс". Ребята подтвердили, что едем мы правильно, спросили, не Буйного ли ищем.

— А вы откуда его знаете?

— Мы-то?! И парнишки наперебой пустились рассказывать, как почти год назад, в марте, кто-то свалил недалеко от Олевска под откос два железнодорожных фашистских состава, а потом появился в их деревне партизанский отряд, а в нем командир и комиссар — пограничники, и среди бойцов много пограничников, а комиссар речь говорил, сказал, что это они два эшелона взорвали и что теперь все время будут рвать, а уйти — никуда не уйдут, а снова будет вроде погранзаставы. И еще сказал, чтобы люди от немцев не скрывали если те спрашивать станут, какой отряд здесь действует, кто в нем командир, сколько людей, как вооружены и куда ушли. Мол, советские партизаны детками и матками прикрываться не станут. И еще сказал, чтобы к ним на заставу по всем вопросам обращались, чтобы всех туда направляли, хотя бы полицейских переодетых: партизаны разберутся…

— И комиссар действительно сказал, где будет стоять застава? — не поверил я.

— А сказал! В Перге. Да там она и стояла. Володин сменил скат, мы попрощались с ребятами и двинулись дальше, но странный рассказ их не выходил из головы. Ехали медленно: Володин опасался повредить еще один скат. Дорога свернула в лес. Лапы елей под тяжестью снега опустились до наста, тонкие березки то тут, то там сгибало дугой. Миновали чащобу, когда до Собычина оставалось, по нашим подсчетам, не более семи километров. И вдруг…

— Остановите машину! — приказал я Володину. Мотор перешел на тихое урчание, мы распахнули дверцы. Так и есть: слух не подвел: со стороны Собычина доносились глухие разрывы снарядов и мин. Проехав еще три километра, снова остановились. На этот раз редкая артиллерийская стрельба и минометы слышались совершенно отчетливо, резко. А тут еще отрывистые пулеметные и автоматные очереди. И теперь определенно в самом Собычине, в расположении штаба Вершигоры. Мы не

знали, что и подумать. Неужели бой?

— Конные! — крикнул Валуйкин. Верно из сероватой мглы, затягивающей собы-чинскую дорогу, вытемнились, с каждой минутой обретая более четкие контуры, трое всадников. За ними — санная колонна. В бинокль я разглядел на шапках всадников кумачовые полосы. Свои! Вышли на дорогу. Конные оказались походным охранением обоза с ранеными из Ровенского соединения партизан, которое возглавляли И. Ф. Федоров и Л. Е. Кизя.

— Что за стрельба в Собычине? — спросил кавалеристов Кравчук.

— Это-то? — Старший из всадников оглянулся. — Так ковпаковцы к рейду ж готовятся, оружие проверяют. Он произнес эту фразу равнодушно, его, видимо, не удивляло, что партизаны проверяют тяжелое вооружение всего в двенадцати километрах от Олевска, где противник держит крупный гарнизон. А ведь всего месяц назад Ковпак нанес по скоплению вражеских эшелонов в Олевске мощнейший удар, уничтожил все застрявшие на станции составы. Диверсанты-ковпаковцы и после этого чуть ли не каждый день пускали под откос фашистские поезда! Казалось бы, враг должен ответить карательными мерами, бросить против партизан большие силы, оттеснить их от железной дороги, уничтожить партизанский лагерь в Собычине. Не тут-то было! Нынче не партизаны, а оккупанты чувствовали себя находящимися в окружении и держали вокруг Олевска оборону, не помышляя ни о чем ином. Как жаль, что два года назад было иначе.

Глава 33. В отрядах

В селе Собычин, у Петра Петровича Вершигоры, мы оставались до утра 5 января нового, 1944 года. Тут и праздник встречали. Соединение Вершигоры первым из партизанских соединений уходило в дальний рейд. Затем должны были двинуться М. И. Наумов, С. А. Олексенко, А. З. Одуха, С. Ф. Маликов, Н. И. Мельник, А. М. Грабчак, И. Ф. Федоров, В. М. Яремчук, В. П. Чепига и другие прославленные партизанские командиры. Им предстояло взять под контроль железнодорожные коммуникации Станиславской, Львовской, Тернопольской, Черновицкой, Волынской, Ровенской и Дрогобычской областей. Для противника эти коммуникации имели первостепенное значение: на Юго-западном направлении, в группе немецко-фашистской армии «Юг» и «А», находилось более половины пехотных дивизий, сражавшихся на советско-германском фронте. В Украинском штабе партизанского движения не сомневались, что наши отряды и соединения нанесут по железным дорогам противника на территории западных областей Украины удар, не уступающий по силе удару прошлого лета… Штаб Вершигоры дислоцировался в Собычине, а другие части были разбросаны по округе. И Верши-гора, и его помощники в последние дни декабря и первые дни января надолго покидали "главную квартиру", проверяя обеспеченность батальонов всем необходимым для предстоящего марша, их вооружение, состояние боевой техники, выучку бойцов и командиров. В освобожденных партизанами населенных пунктах Олевского, Ракитянского и других районах ковпаковцы провели огромную работу по мобилизации населения в Советскую Армию. По призыву ковпаковцев в Собычин повалили толпы призывников с котомками. Напряженно работала партизанская призывная комиссия, производилось медицинское обследование призывников, из них формировались отделения, взводы, роты и батальоны. Они проходили строевую и даже огневую подготовку, занимались с ними и по тактике. Подготовленную пятитысячную колонну пополнения направили в Овруч. Вся эта мобилизация и подготовка пополнения производилась ковпаковцами буквально под носом у оккупантов, скованных действиями партизан на вражеских коммуникациях, В Собычине встретился я с Платоном Воронько. Бывший командир диверсионной группы командовал пятым батальоном соединения. Служебный рост был налицо, подчиненные (это и невооруженным глазом мы видели!) уважали своего командира, да и сам

Воронько держался уверенно. Воронько полагал, что новая должность не помеха для диверсионного призвания. Мы разговорились о карпатском рейде. Воронько потерял в нем четырех людей. Одной из первых погибла задорная, золотокосая Лира Никольская. При минометном обстреле. Вспомнив товарищей, Платон отошел к оконцу, надолго замолчал… Провожали ковпаковцев в рейд ранним утром 5 января. Штабная колонна — кавалеристы головного дозора, боевое охранение, повозки со штабным имуществом, рота охраны, артиллеристы и минометчики — проходила мимо избы, где еще вчера размещался штаб. Над крыльцом уже не бился на зимнем ветру красный флаг. Местные жители стояли вдоль улицы, иные шагали обочь колонны. Партизаны весело перекликались с провожающими. Вершигора вскочил в седло, поскакал догонять своих. Вовремя успел уйти Вершигора, и не зря спешил. Каждый день-приносил новые известия об успехах партизан и Красной Армии. Вал наступления катился по пятам движущихся на запад партизанских соединений. Были освобождены Коростень и Олевск, настал черед городов и сел на Случи и Горыни. Из Киева, от Строкача, пришел приказ обследовать результаты действий партизанских отрядов на железной дороге Коростень — Сарны. Мы приступили к обследованию: объезжали дорогу, опрашивали местных жителей, железнодорожников. Приехав 10 января в Олевск, узнал уж и не помню от кого, что соединение Вершигоры три дня назад пыталось с ходу форсировать Случь, застать врасплох и истребить вражеский гарнизон города Столина, но потерпело неудачу, вынуждено было отойти и форсировать Случь севернее.

— Вы, кажется, хорошо знали комбата Воронько? — спросили меня, — В бою за Столин его ранило.

— В каком он госпитале?

— Кажется, отвезли в Собычин.

— Да какой же там госпиталь?! Минут через двадцать мы с Володиным и Валуйкиным уже катили в Собычин. По той самой дороге, которую еще не так давно прочно блокировали ковпаковцы. Платона Воронько разыскали в одной из собычинских изб. Военфельдшер расположившейся тут тыловой части делала ему перевязку. Открытая рана кровоточила. Губы у Воронько были бледные, глаза усталые-усталые.

— Вы? Здравствуйте, — сказал он. — Вот, не повезло… В самом начале…

— Лежите спокойно. Все будет хорошо… Выйдя с военфельдшером в сени, я шепотом спросил, выдержит ли Воронько перевозку.

— Рана нехорошая, еще бы миллиметр-другой, и конец, — сказала военфельдшер. — Но везти можно. А кто вы? Служебное удостоверение успокоило девушку. Я попросил еще несколько часов позаботиться о поэте-диверсанте, лично взорвавшем четыре эшелона, три вражеских танка, пять автомашин и одиннадцать мостов.

— Мне нужно связаться с железнодорожниками, товарищ военфельдшер, организовать немедленную эвакуацию Воронько в Киев.

— Все сделаю, товарищ полковник! Все! Она неотлучно просидела возле постели Платона до моего возвращения. Воронько со всеми предосторожностями перенесли в сани, доставили в Олевск и оттуда первым же составом повезли в Киев. Обидно было, что соединение Вершигоры лишилось такого замечательного диверсанта. Очень обидно! В соединении Грабчака Заканчивая обследование действий партизан на дороге Коростень — Сарны, я получил известие об окончательной ликвидации Центрального штаба партизанского движения и новый приказ Строкача: выехать под город Городницы, в соединение А. М. Грабчака, установить боевые качества соединения, изложить соображения о возможности его дальнейшего использования.

— Стой! Пропуск! — раздался громкий оклик. Повозочный остановил лошадь. Я откинул тяжелый ворот тулупа. Слева от саней — нетронутая, сверкающая белизна зимнего поля, справа — неподвижный, склонивший до сугробов отягченные снежными пластами зеленые лапы еловый лес. От елей отделились две фигуры в белых маскхалатах с автоматами. Из-под капюшонов маскхалатов виднелись козырьки зимних шапок. Такие шапки с козырьками, по рассказам, носили бойцы Грабчака. Я назвал пароль, услышав отзыв, сказал, что ищу штаб. Один из партизан сел боком на сани рядом с повозочным; — Вон за той елочкой сворачивай, и в лес! За "той елочкой" обнаружилась дорога не дорога, но довольно ровная просека, и этой просекой сани медленно поползли в глубь чащи… Провожатый доставил прямехонько к большой землянке командира соединения. В землянке находилось пять или шесть человек, все в военном, в меховых безрукавках, не разберешь, кто же из них Грабчак. Заметив, что я перевожу взгляд с одного командира на другого, один из военных, среднего роста, сухощавый, с глубокими складками возле губ, настороженный, представился:

— Майор Грабчак. С кем имею честь?.. Я назвал себя. Выражение настороженности исчезло с обветренного лица командира соединения:

— Проходите, проходите, товарищ полковник! Давно ждем. Из Киева сообщили, что едете.

… 17 января 1943 года два транспортных самолета полка Гризодубовой поднялись с подмосковного аэродрома и взяли курс на озеро Червоное в лесах Белоруссии. На борту самолета находились хорошо подготовленные для действий в тылу врага десантники, в основном бывшие пограничники. Командир группы, ее комиссар и начальник штаба тоже были пограничниками. Группа приземлилась на костры Ковпака на льду озера Червоного. С этого и начинается история партизанского соединения Андрея Михайловича Грабчака, известного в народе под именем Буйного: таким псевдонимом Андрей Михайлович подписывал листовки, которые разбрасывались и расклеивались в оккупированных городах и селах. Первое пополнение в группу поступило из при-озерского села Ляховичи: жители провели добровольную мобилизацию и привели к десантникам семнадцатилетних и восемнадцатилетних парнишек. Во главе «депутации» стоял древний ляховичский дед.

— Ты, командир, не гляди на наши лапти! — сказал дед Грабчаку. — Ты в глаза ребят гляди! Они, внуки мои, не подведут. Только дай им, чем фашиста бить! «Новобранцам» велели нарезать из парашютного шелка портянки, обернуть как следует ноги, и выдали автоматы:

— Пройдете обучение — примете присягу! Потом в отряд влилась группа диверсантов под командой старшего сержанта Вячеслава Антоновича Квитинского. Квитинский был артиллеристом, в начале войны попал в окружение, с такими же смельчаками, как сам, ушел в белорусские леса, участвовал в засадах на гитлеровцев, вступил в один из партизанских отрядов, а когда тот был разбит в бою, возглавил группу уцелевших бойцов и действовал самостоятельно. В начале марта отряд Грабчака появился под Олевском, пустил под откос два фашистских эшелона. В отместку гитлеровцы налетели на село Юрлове, подожгли его, убили несколько жителей, а остальных собрались угонять в Германию. Крестьяне сообщили о беде Грабчаку. Партизаны устроили засаду, часть карателей перебили, часть обратили в бегство, захваченное у врага оружие раздали освобожденным юрловчанам, посоветовали им создать собственный партизанский отряд. Крестьяне так и поступили. Юрловский отряд постепенно окреп, принимал участие в боях с гитлеровцами, совершили две диверсии. Эхо взрывов на железных дорогах и пулеметных партизанских очередей расходилось далеко в лесу, " Грабчаку тянулись и тянулись люди… К моменту нашего приезда соединение состояло из пяти отдельных отрядов,

организованных наподобие погранзастав, и кавалерийского эскадрона, державшего под седлом отбитых у гитлеровцев чистокровных скакунов. В отрядах и эскадроне служили и русские, и узбеки, и белорусы, и туркмены, и казахи, словом, оно оказалось многонациональным. На счету соединения было 106 пущенных под откос вражеских эшелонов, бронепоезд, немало автомашин противника с солдатней и грузами, подорванные мосты, в том числе уже упоминавшийся мост вблизи Олевска, уничтоженный с помощью торпеды. Я вспомнил пареньков, встреченных по дороге к Перге.

— Скажите, верно, будто вы советовали жителям Юрлова не скрывать ни численности вашего отряда, ни путей вашего отхода? — спросил я Грабчака и его комиссара Н. М. Подкорытова. Командир и комиссар переглянулись:

— Да, было такое… — весело ответил Подкорытов — Понимаете, важно было показать людям, что мы сюда пришли надолго и будем хозяевами. Мы ж себя даже не отрядом, а погранзаставой называли.

— Тоже не случайно, — вставил Грабчак-Народ по традиции привык пограничникам во всем помогать!

— Точно! — продолжил комиссар. — Эту традицию мы и хотели воскресить! А еще — хотели показать, что приковали врага к коммуникациям и не боимся его. Пусть идет по следу. Ему же хуже: в засаду попадет.

— И все же вы рисковали… " — Ничуть, товарищ полковник! — живо возразил Грабчак. — Охраняя дороги да поднимая паровозы, противник не может бросить против партизан крупные силы. А мелкие подразделения уничтожать не трудно. Мы ж не сидели и не ждали, когда догонят, мы кое-какие меры предпринимали: профессионалы все-таки!

— Значит?..

— Значит, били немца там, где не ждал. И на мины враг нарывался, и на засады напарывался, быстро отучился наши следы вынюхивать. Но у нас претензии к штабу есть, товарищ полковник!

— В чем?

— Мало даете тола и мин. Приходится очень много времени и сил тратить на добывание взрывчатки. Больше, чем на использование! А между прочим, чем больше мин мы ставим и подрываем эшелонов, тем меньше у фрицев возможностей для проведения карательных операций! Они тогда дни и ночи, как псы, у железных дорог сидят, подступы к ним охраняют да завалы из вагонов и платформ растаскивают. Зато чуть снизишь диверсионную активность — наглеют, даже прочесами

занимаются! Николай Михайлович Подкорытов поддержал командира:

— Без мин и взрывчатки — беда! Ведь их широко использовать можно! И, смеясь, рассказал, как применяли они минно-подрывную технику для устройства разного рода сюрпризов: то денежный ящик заминируют, то «посылку» пошлют, то, зная пристрастие оккупантов к куриному мясу, пожертвуют каким-нибудь курятником… Особенно отличался смелостью и умением применятьминнуютехникукомандиротряда "Красный фугас" В. А. Квитинский. В городе Городница располагался гарнизон немцев, который часто беспокоил партизан. Было решено уничтожить этот гарнизон не вступая с ним в бой. Нашли двух крестьян, которые согласились на площади напротив школы, превращенной в казармы, продавать кур. Один крестьянин испугался, а второй поехал. Он с подводой остановился напротив нужного здания. Солдаты, увидев товар, бросились к подводе. Крестьянин, сказав, что у него важный заказ, взял несколько клушек и поспешил скрыться. Немцы на-бросилиь на кур. К ноге одной из них была привязана чека взрывателя. Сработал 50 килограммовый заряд, от которого пострадало много солдат. Гарнизон решено было эвакуировать, но пути эвакуации партизаны также успели заминировать. Таким образом вывозить гарнизон пришлось самолетами. Рассказали и о подпольной работе в Олевске, где смело действовал партизан-пограничник Семей Андреевич Апарнев. Кроме соединения А. М. Грабчака, мы посетили в то время и соединения Каменец-Подольской области, которыми командовали С. А. Олексенко, А. З. Одуха и Ф. С. Кот. Это происходило уже в середине февраля. Действовали названные соединения в основном в тактической зоне обороны противника, оказывали непосредственную помощь частям наступающей Красной Армии, а до этого удачно проводили операции на железной дороге Шепетовка — Тарнополь, которая приобрела исключительно важное значение после того, как гитлеровцев вышибли из Киева. Разрушая небольшие мосты, широко применяя мины замедленного действия, партизаны с сентября сорок третьего года не позволяли гитлеровцам осуществлять по этой дороге сквозное движение, а при отступлении не дали оккупантам возможности сильно разрушить ее. После отступления противника на участке Шепетовка — Тарнополь остались неподорванными все рельсы, сохранился ряд мостов и станций. Оккупанты не сумели вывезти, бросили на станциях горы зерна, сахарной свеклы и других продуктов. Начиная с лета, партизаны нанесли противнику огромный урон, главным образом в паровозах, вагонах, платформах, боевой технике и выведенных

из строя во время перевозки солдатах и офицерах. Сами партизаны потерь при этом почти не понесли. Зато очень тяжело пришлось партизанским соединениям в открытых боях с врагом. Мне пришлось стать свидетелем одного такого боя — за Изяславль. Утром 16 февраля, когда мы подъезжали к Изяславлю, партизаны двенадцати отрядов численностью около двух тысяч трехсот человек, действуя совместно со стрелковым полком Красной Армии, ворвались после артподготовки в город и вели бой на улицах. Противник дрался ожесточенно. Узнал от раненых, где ближайший командный пункт. Добрался до окраины города, до полуразрушенной хаты, среди командиров сразу узнал Степана Антоновича Олексенко. Замечательный это был человек, скромный, мужественный командир и опытный партийный вожак, возглавлявший подпольный Каменец-Подольский обком партии, обком, который нигде и никогда не конспирировался, а стоял во главе вооруженной партизанской борьбы и вынуждал конспирироваться оккупантов и их прислужников. Не виделись мы месяцев восемь. Олексенко, как мне-показа-лось, осунулся, загорел.

— Сидайте, сидайте, будь ласка! — пожал руку Степан Антонович. — Почекайте одну хвилину. Это ж ни диверсии. Ни! Разобрался с чем-то на карте, отправил связного к Одухе. поднял глаза:

— Як армия працуемо! Вот тильки без пушек и танков! Часа через три противник был выбит из города, но из отрядов донесли о больших потерях, и Олексенко помрачнел. Тем более что дальнейшее продвижение стрелкового полка и партизан противник задержал.

— Почнет контратаковати! — беспокоился Степан Антонович, — Непременно почнет! А у нас же одни автоматы да винтовки с пулеметами! Он отдал приказ окапываться, беречь боеприпасы, по возможности минировать подступы к передней линии обороны. Противник действительно предпринял несколько контратак. Они были отбиты, но с новыми тяжелыми потерями среди партизан. Гибель людей Олексенко переживал мучительно. Особенно потрясла его смерть четырнадцатилетнего Вали Котика, пионера из села Хмелевка Шепетовского района Каменец-Подольской области. Валя Котик выполнял задания подпольщиков и партизан с сорок первого года, при выполнении заданий был дважды ранен, и Степан Антонович втайне от мальчика приказал беречь его, но Валя принял участие в бою.

— Як сына ридного жаль! Як сына! — восклицал Олексенко. — Такой хлопец, а загинув, колы и война закинчуется! Э-эх! Возвратившись через два дня в Киев, я доложил Т. А.

Строкачу, что все проинспектированные отряды боеспособны, рекомендовал не использовать их в открытом бою, а довооружить, снабдить в достаточном количестве взрывчаткой и минами замедленного действия и как можно скорее направить в глубокий вражеский тыл. Рекомендации были приняты. Тогда же штаб отклонил ходатайство командиров некоторых партизанских соединений о передаче их в состав Красной Армии и преобразовании в стрелковые дивизии: война во вражеском тылу продолжалась. А самым приятным было, что начальник УШПД, и ранее высоко ценивший деятельность А. М. Грабчака, представил его к званию Героя Советского Союза. Представление было поддержано ЦК КП(б)У, и звание Героя Советского Союза А.М.Грабчаку вскоре присвоили

. Глава 34. Весна 1944 года

Вскоре после нашего возвращения в Киев Строкач приказал создать группы для обследования действий партизан на освобожденной территории Украины, прежде всего — на железных дорогах в тылу врага.

— Обследование по горячим следам необходимо для правильного выбора средств и способов дальнейшей партизанской борьбы, — сказал Тимофей Амвросиевич.

— В нашем штабе сомнений на счет этих средств и способов, кажется, нет, товарищ генерал!

— В нашем — нет. Но у других товарищей могут появиться. Отстаивать же свою точку зрения надо с фактами в руках. Тем более что предстоит оказывать помощь зарубежным партизанам: граница близко! Руководить обследованием Строкач приказал мне. Работа предстояла огромная. Мы смогли завершить ее в относительно короткие сроки лишь благодаря помощи воссозданных на освобожденной территории партийных и советских органов. Группы технического отдела УШПД осмотрели в общей сложности 15 800 километров железнодорожных участков. Опрашивали оказавшихся в оккупации путевых обходчиков, стрелочников, машинистов поездов, кочегаров, жителей расположенных вблизи магистралей населенных пунктов, изучали захваченные у врага документы. Наибольший интерес представляли журналы немецких восстановительных поездов. В этих журналах скрупулезно записывалось время совершения диверсии, время вызова восстановительного поезда, время его выхода на линию и прибытия к месту диверсии, время окончания восстановительных работ и начала движения поездов, данные о характере повреждений пути и подвижного состава, а также сведения о раненых и убитых во время диверсии немецких солдат и офицеров. Свидетельства очевидцев и данные документов противника показывают высокую эффективность действий партизан на коммуникациях. Несмотря на сильную и все возрастающую охрану, диверсионные группы продолжали пускать под откос поезда и подрывали автомашины с живой силой и боевой техникой врага. Уже зимой 1941/42 года небольшая молодежная группа К. С. Заслонова и А.Е.Андреева пустила под откос 6 вражеских поездов и вывела из строя 170 паровозов, умело применив угольные мины, созданные еще до войны. Удары партизан по коммуникациям оккупантов нарастали и летом 1943 года достигли своего апогея. Действиями на

коммуникациях оккупантов советские партизаны нанесли им урон, в десять раз превышающий тот, который нанесла нашим путям сообщений фашистская авиация, сбросив свыше 100 тысяч авиационных бомб. Изучив доклады групп обследования, Строкач сказал:

— Теперь есть неопровержимые факты, подтверждающие правильность позиций штаба в вопросах войны на вражеских коммуникациях. Это очень хорошо. Очень! В боевых операциях на коммуникациях оккупантов отличились тысячи советских патриотов. Многих наградили орденами и медалями, а лучших удостоили звания Героя Советского Союза: А. Азончика, В. Бондаренко, В. Квитинский, ф. Кухарева, В. Клокова, А. Исаченко, Э. Лавриновича, Г. Линькова, Ф. Малышева, В. Парханевича, Г. Токуева, Д. Резуто, В. Павлова, М. Петрова, В. Яремчука и других. Удлинялись дни, дули теплые южные ветры, окутывались зеленым дымом листвы леса, чернели отваленные плугом пласты чернозема, армия сбрасывала шинели — наступала весна. Войска 2-го Украинского фронта 8 апреля перешли границу с Румынией, часть войск 1-го Украинского фронта вышла на границу с Румынией и Чехословакией, а другая часть войск 1-го Украинского фронта и войска левого крыла 1-го Белорусского фронта вплотную приблизились к границе с Польшей. В мире веяло новой весной — весной грядущей Победы.